

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ РОССІИ
[3.]
(1828 — 1856).

Е. ЛИХАЧЕВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1895.

2292

ОТЪ АВТОРА.

Этою, третьею, книгою заканчиваются матеріалы для исторіи женскаго дореформеннаго образованія, сосредоточивавшагося почти исключительно въ институтахъ.

Каковы бы ни были, признанные всѣми, недостатки этого образованія, оно, тѣмъ не менѣе, имѣло свое значеніе въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; институты въ извѣстной степени исполнили предназначенную имъ Императрицею Екатериною миссію: они содѣйствовали смягченію нравовъ русскаго общества и внесли нѣкоторую культуру въ русскую жизнь; они же доставили женскимъ училищамъ новаго типа контингентъ учительницъ, и этимъ облегчили осуществленіе реформы женскаго образованія.

Съ учрежденіемъ въ 1856 году открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній, начинается новая эпоха: образованіе, до тѣхъ поръ доступное лишь небольшому числу дѣвушекъ и притомъ, преимущественно, дворянскаго сословія, дѣлается доступнымъ для большинства, оно становится всесословнымъ и постепенно распространяется по всей Россіи.

Подъ вліяніемъ духа времени измѣняются и взгляды русскаго

общества на пригодность закрытой системы женскаго воспитанія; институты подвергаются преобразованіямъ, сближающимъ ихъ съ жизнью и, продержавшаяся у насъ почти сто лѣтъ, строго замкнутая система утрачиваетъ свое преобладающее значеніе.

Е. Лихачева.

Февраль, 1895 г.

I.

Поступленіе женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны. — Учрежденіе IV отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи. — Завѣщаніе Императрицы Маріи. — Учрежденіе Маріинскаго знака отличія. — Измѣненіе порядка управленія женскими учебными заведеніями. — Увеличеніе числа ихъ. — Положеніе 1827 года. — Одесскій институтъ. — Пожертвованіе Курта. — Сиротскіе институты. — Институты: кіевскій, тамбовскій, керченскій, астраханскій, владимірскій, казанскій, нижегородскій, саратовскій. — Пожертвованія Брехова и Кушникова. — Женскія учебныя заведенія въ западномъ краѣ. — Генеральная Визитаторка высшихъ учебныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ. — Образцовыя пансіоны. — Институты: закавказскій, восточной Сибири, донской. — Первое женское учебное заведеніе въ Сибири. — Дѣвичьи училища: одесское, кіевское, оренбургское. — Тобольская школа. — Институты: могилевскій, орловскій. — Проектъ костромскаго „Романовскаго“ института. — Пожертвованіе ярославскаго дворянства. — Частныя преобразованія по отдѣльнымъ заведеніямъ. — Дома Трудолюбія. — Повышеніе должности начальницъ. — Комитетъ 1844 года. — Цѣль, поставленная государемъ женскому воспитанію. — Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. — Раздѣленіе заведеній на разряды. — Образцовыя кухни. — Введеніе гимнастики. — Учрежденіе главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. — Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями. — Измѣненіе правилъ приѣма, публичныхъ испытаній и наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. — Учрежденіе должности почетныхъ попечительницъ. — Общій уставъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. — Обзорѣніе учреждений съ 1828 по 1853 гг. — Число заведеній и учащихся. — Средства. — Пожертвованія. — Маріинскій институтъ.

Когда женскія учебныя заведенія, состоявшія подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, послѣ ея смерти въ 1826 году, были приняты подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны, то устройствомъ институтовъ, патріотическаго и полтавскаго, занялся самъ императоръ Николай. Онъ собственноручно сдѣлалъ поправки и замѣчанія на проектъ По-

ложенія и штата 7-го апрѣля 1827 года для перваго изъ этихъ институтовъ ¹⁾).

Два дня спустя послѣ кончины Императрицы Маріи, состоявшія и подъ ея покровительствомъ заведенія были приняты подъ „непосредственное и особое“ покровительство государя и императрицы.

Въ указѣ 26 октября 1828 года сказано: „желая, чтобы всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, бывшія подъ управленіемъ въ Божѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Ея мудрыми попеченіями доведенныя до столь высокой степени благосостоянія, продолжали и по кончинѣ Ея, руководствуясь тѣми же правилами и пользуясь тѣми же преимуществами и выгодами, дѣйствовать, какъ доселѣ, на пользу государства и человѣчества, Мы признали за благо, для теченія дѣлъ, къ симъ учрежденіямъ относящихся, установить слѣдующій порядокъ: 1) Императорскій Воспитательный Домъ, со всѣми принадлежащими оному заведеніямъ, Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, Училища ордена св. Екатерины, Павловская больница въ Москвѣ и вообще всѣ учрежденія, въ вѣдѣніи Любезнѣйшей Родительницы Нашей состоявшія, принимаются подъ непосредственное и особое Наше покровительство. 2) Составъ и порядокъ управленія сихъ учреждений, а равно и порядокъ сношеній ихъ между собою, остаются прежнія, безъ всякаго измѣненія. 3) Начальства каждаго изъ сихъ учреждений представляютъ Намъ всѣ дѣла, кои по установленнымъ правиламъ должны были поступить на разсмотрѣніе въ Божѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей. 4) Для доклада по симъ дѣламъ и для объявленія нашихъ по онымъ повелѣній назначается при насъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ Статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учреждений Императрицы Маріи. Мы предоставляемъ себѣ дать сему управленію окончательное образованіе, когда Намъ будетъ вполнѣ извѣстна воля въ Божѣ почивающей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, изъявленная въ оставленномъ Ею духовномъ завѣщаніи“ ²⁾).

Вмѣстѣ съ этимъ указомъ назначался въ тотъ же день статсъ-

¹⁾ Краткій историческій очеркъ образованія Патріотическаго Института. Составилъ Н. Макѣевъ. 1877. Печатано по опредѣленію Совѣта Патріотическаго института.

²⁾ Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. По порученію Начальства составилъ Н. Селезневъ. Спб. MDCCCLXXVIII, стр. 6.

секретаремъ для доклада по дѣламъ учреждений Императрицы Маріи, состоявшій въ теченіе 28 лѣтъ „у письменныхъ дѣлъ“ въ Ея канцеляріи, тайный совѣтникъ Вилламовъ. Ему, какъ близко знакомому съ исторіею учреждений покойной императрицы, не разъ при ней осматривавшему ихъ и знавшему, въ какомъ духѣ императрица желала ихъ вести, было поручено принять въ свое вѣдѣніе бывшую ея канцелярію и составить проектъ устройства новой, которую государь наименовалъ „IV отдѣленіемъ Нашей Собственной Канцеляріи“.

Въ числѣ различныхъ учреждений Императрицы Маріи, было 11 женскихъ учебныхъ заведеній, кромѣ спеціальныхъ, открытыхъ ею при Воспитательныхъ Домахъ.

Духовнымъ завѣщаніемъ, вскрытымъ 4-го декабря 1828 года, Императрица Марія сдѣлала распоряженіе какъ о капиталахъ, которые она назначала разнымъ заведеніямъ, такъ и относительно порядка управленія ими. Она просила Императрицу Александру Ѳеодоровну взять въ свое завѣдываніе Воспитательное Общество, училища св. Екатерины, военно-сиротское дѣвичье, харьковскій институтъ и училища для солдатскихъ дочерей. „Я увѣрена, — сказано въ завѣщаніи, — что Императрица будетъ проникнута по отношенію къ этимъ заведеніямъ искреннею любовью и сердечнымъ вниманіемъ, столь для нихъ необходимыми. Въ особенности прошу попеченія объ основанномъ Мною Институтѣ гувернантокъ, который обѣщаетъ принести большую пользу Россіи“ ¹⁾. Говоря о лицахъ, служившихъ этимъ заведеніямъ, императрица повторяетъ въ своемъ завѣщаніи то, что она часто говорила имъ при жизни: „всѣ мы должны быть воодушевляемы одною мыслью — сохранить въ точности и неизмѣнно всѣ правила, начертанныя для сбереженія всѣхъ привилегій, дарованныхъ заведеніямъ, соединяя всѣ старанія къ тому, чтобы сберечь дѣтскій возрастъ, развивая въ немъ на сколько возможно материнскія чувства, стараться умѣть придти на помощь вдовамъ и сиротамъ, облегчить страждущихъ и что только тогда мы исполняемъ дѣла милосердія, въ которыхъ Божественный Спаситель даровалъ намъ собою примѣръ“.

Воля покойной императрицы была исполнена. Двумя указами 6-го декабря 1828 года, переименованныя въ завѣщаніи женскія учебныя заведенія, согласно желанію Императрицы Маріи, должны были состоять подъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны и управляться на основаніи указа 26-го октября.

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 25.

Другой указъ 6-го декабря касался института повивальнаго искусства съ Родильнымъ госпиталемъ и Маріинскаго института. „Предоставленныя блаженныя памяти Любезнѣйшею Родительницею Нашею Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ пользу Государства, учрежденные и содержимые Ея Императорскаго Величества иждивеніемъ, — сказано въ указѣ объ этихъ заведеніяхъ, — съ составленными для ихъ содержанія капиталами, повелѣваемъ почитать Государственными учрежденіями и, согласно съ желаніемъ, въ духовномъ завѣщаніи Ея Императорскаго Величества выраженнымъ, состоять имъ подъ покровительствомъ Любезнѣйшей Нашей невѣстки Великой княгини Елены Павловны“¹⁾.

Кромѣ этихъ указовъ, въ томъ же году государь увѣковѣчилъ память Императрицы Маріи учрежденіемъ знака отличія безпорочной службы для лицъ женскаго пола. Именнымъ указомъ 14-го ноября²⁾ 1828 года былъ утвержденъ статутъ Маріинскаго знака отличія. „Среди попеченій о благѣ Державы, — сказано въ указѣ, — отъ Бога Намъ врученной, отличая знаками Нашего благоволенія всѣ роды заслугъ и достоинствъ, могущихъ споспѣшествовать ея пользѣ или славѣ, Мы всегда обращали вниманіе Наше и на скромные, но столь важные въ порядкѣ общественномъ подвиги христіанской любви къ бѣднымъ и страждущимъ. Въ числѣ тѣхъ, кои, одушевляясь сею любовію, посвящаютъ всѣ свои силы, способности и все время жизни облегченію участи злополучныхъ или нравственному образованію сиротствующаго юношества, лица женскаго пола донынѣ, на семъ многотрудномъ поприщѣ, не были одобряемы никакимъ торжественнымъ изъявленіемъ общаго уваженія. Довольствуясь вѣрнѣйшею изъ наградъ, благословеніемъ Неба и свидѣтельствомъ совѣсти, онѣ, безъ сомнѣнія, не ищутъ оныхъ; но Мы желаемъ, для Себя и для Отечества, ознаменовать особымъ установленіемъ признательность Нашу къ ихъ полезной дѣятельности; желаемъ въ то же время и для вѣщаго доказательства сей признательности, чтобы знаки оной соединялись съ священной памятію въ Бозѣ почившей Любезнѣйшей Родительницы Нашей, Коей дѣла и учрежденія пребудутъ на вѣки совершеннѣйшимъ образцомъ мудрой благотворительности. Для сего, по примѣру, установленнаго Нами въ 22 день августа 1827 года, знака отличія безпорочной службы военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, Мы постановляемъ и

¹⁾ Тамъ же, стр. 30.

²⁾ День рожденія Императрицы Маріи.

учреждаемъ, для лицъ женскаго пола, новый орденскій знакъ, съ наименованіемъ Маріинскаго знака отличія безпорочной службы“ ¹⁾).

Маріинскій знакъ учреждался для лицъ женскаго пола, служащихъ преимущественно въ учрежденіяхъ, бывшихъ подъ „главнымъ начальствомъ“ Императрицы Маріи; но его могли получать и тѣ, кто служилъ въ другихъ благотворительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи государя или членовъ императорскаго дома. На полученіе знака первой степени имѣли право начальницы, инспектрисы, классныя дамы, учительницы (въ томъ числѣ музыки и рукодѣлій), смотрительницы, надзирательницы, настоятельницы разныхъ заведеній, прослужившія не менѣе двадцати-пяти лѣтъ; вторая степень знака давалась за службу отъ 15 до 25 лѣтъ.

При Императрицѣ Маріи, состоявшіе подъ ея покровительствомъ женскіе институты, управлялись мѣстными Совѣтами, которые представляли императрицѣ донесенія о всѣхъ нуждахъ ввѣренныхъ имъ заведеній и сама императрица разрѣшала дѣла. Этотъ порядокъ измѣнился тотчасъ же послѣ ея смерти: донесенія Совѣтовъ должны были поступать не прямо къ императрицѣ, а во вновь образованную по учрежденіямъ Императрицы Маріи канцелярію и докладываться государю статсъ-секретаремъ Вилламовымъ. Такой же порядокъ былъ установленъ и для состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны заведеній, канцелярія которыхъ находилась въ вѣдѣніи особаго статсъ-секретаря, Лонгинова; черезъ него и должны были доходить до императрицы касающіяся этихъ заведеній дѣла. Въ 1831 году, особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, было установлено, чтобы по всѣмъ дѣламъ, касающимся нравственной и учебной части заведеній, доклады представлялись предварительно императрицѣ, а потомъ уже государю, а по части хозяйственной наоборотъ ²⁾).

Относительно денежныхъ средствъ заведеній Императрицы Маріи, Высочайшимъ указомъ 27 октября 1829 года, было повелѣно прекратить отпускъ изъ государственнаго казначейства суммъ, выдававшихся при ней нѣкоторымъ изъ нихъ, а эти суммы должны были получаться изъ общихъ доходовъ Воспитательныхъ домовъ.

Съ первыхъ же лѣтъ поступленія женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство государя и императрицы, число ихъ

¹⁾ Историч. очеркъ росс. орденовъ. Статутъ Мар. зн. отл. безп. службы.

²⁾ Пятидесятилѣтіе, 48.

стало быстро увеличиваться и со смерти Императрицы Маріи по смерти императора Николая (1828—1855) было открыто и положено начало болѣе нежели 24 заведеніямъ, преимущественно въ губернскихъ городахъ.

Цѣль, съ которою они учреждались, была та же, которую поставила женскому общественному воспитанію и образованію Императрица Марія. Согласно § 5 Положенія, даннаго въ 1827 году императоромъ Николаемъ патріотическому институту, она должна была заключаться въ томъ, чтобы образовывать изъ воспитанницъ „добрыхъ женъ, попечительныхъ матерей, примѣрныхъ наставницъ для дѣтей, хозяекъ, способныхъ трудами своими и пріобрѣтенными искусствами доставлять самимъ себѣ и ихъ семействамъ средства къ существованію“ ¹⁾. Та же цѣль указана и въ Положеніи, данномъ государемъ полтавскому институту въ томъ же году, 17 сентября ²⁾.

Оба Положенія сходны почти во всѣхъ своихъ частяхъ. Число воспитанницъ въ каждомъ опредѣлялось 120-ю; но въ патріотическій институтъ могли поступать лишь дочери заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Комитета 18 августа 1814 года ³⁾, а пенсіонерками вообще изъ военныхъ дворянъ; въ полтавскій—принимались въ число пенсіонерокъ на суммы приказовъ общественнаго призрѣнія черниговской, полтавской и кіевской губерній и дочери „христіанскаго купечества 1 и 2 гильдій на томъ основаніи, что капиталы приказовъ составились и при пособіи отъ городовъ“. Но изъ 60 пенсіонерокъ, предоставленныхъ приказамъ, только 10 могли быть изъ купеческихъ дочерей; остальные 50 должны были быть изъ дворянокъ ⁴⁾.

Пріемный возрастъ воспитанницъ опредѣленъ 10—12 годами, чтобы „по выпускѣ на возрастъ отъ 16 до 18 лѣтъ могли уже быть полезными семействамъ, въ кои обращаются, или занимать должности въ частныхъ домахъ и другихъ заведеніяхъ“ ⁵⁾.

Возрастъ пенсіонерокъ не опредѣленъ, но родители обязывались не брать дочерей изъ института до истеченія трехъ лѣтъ

¹⁾ Проектъ Положенія и штата 7 апр. 1827 г. съ поправками и замѣчаніями собственной руки Его Имп. Вел. Гос. Имп. Николая Павловича (Краткій очеркъ).

²⁾ Учрежденія институтовъ. XXXVIII (Арх. IV отд.).

³⁾ Комитетъ для вспоможенія раненымъ воинамъ въ память Кульмской побѣды учрежденъ императоромъ Александромъ I.

⁴⁾ Выс. утв. правила избранія Приказами воспитанницъ въ институтъ 23 авг. 1827 г. (Арх. IV отд. Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова).

⁵⁾ Полож. полт. и. 17 сент. 1827.

со времени отдачи. Срокъ пребыванія въ обоихъ институтахъ полагался шестилѣтній, съ раздѣленіемъ его на два класса. Предметы воспитанія, указанныя Положеніемъ 7 апрѣля 1827 года, слѣдующіе: а) нравственность, основанная на законѣ Божіемъ, б) необходимыя науки, в) полезныя рукодѣлія и г) понятія о домашнемъ хозяйствѣ и порядкѣ.

Императоръ Николай обезпечилъ и матеріальныя средства обоихъ институтовъ. Доходы патріотическаго должны были состояться изъ 80.000 р., ежегодно отпускаемыхъ Комитетомъ 18 августа, изъ платы отъ 45 частныхъ пенсіонерокъ, изъ 10.000 р., ежегодно поступавшихъ по указу 1812 г. въ кассу патріотическаго Общества изъ Кабинета, и изъ процентовъ съ 800.000 рублей, „жалуемыхъ Ею Величествомъ, за вычетомъ, сколько потребуется, на постройку дома для института“ ¹⁾. Остальная сумма составляла его неприкосновенный капиталъ. Штатъ полтавскаго института былъ опредѣленъ въ 52.500 р., изъ которыхъ 42.000 р. должны были поступать отъ трехъ приказовъ общественнаго призрѣнія, причемъ плата съ пенсіонерокъ приказовъ, также и пенсіонерокъ государя и императрицы, назначена по 700 рублей въ годъ за каждую; частныя же пенсіонерки должны платить по 800 р. (вмѣсто 1000 р., платимыхъ до 1827 года). Изъ этихъ 800 р., на содержаніе пенсіонерокъ должны расходоваться лишь 600 р., а 200 р. отчисляться въ полтавскій приказъ на проценты, для образованія капитала, который можно было употребить не иначе, какъ по назначенію императрицы ²⁾. Кромѣ того, на постройку собственнаго дома для института, ему было дано 200.000 р. изъ государственнаго казначейства.

28 іюля 1829 года былъ открытъ одесскій институтъ, въ которомъ, по составленному княземъ Воронцовымъ уставу, должны были воспитываться дочери дворянъ, оберъ-офицеровъ и высшаго купечества. Главное начальство ввѣрялось новороссійскому генералъ-губернатору, а непосредственное — Совѣту подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника. Въ Совѣтъ должны были входить: херсонскій предводитель дворянства, одесскій городской голова, три члена по избранію генералъ-губернатора и инспекторъ

¹⁾ Эти 800.000 р., также какъ и 500.000 р., данные тогда же петербургскому Дому Трудолюбія, были получены отъ продажи брилліантовъ, принадлежавшихъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и составившихъ капиталъ въ 1.315.555 р. (Сборникъ свѣдѣній о капиталахъ. Т. I, 205).

²⁾ Выс. утв. 23 авг. 1827 г. докладъ кн. Кочубея (Дѣла бывшей канц. ст.-секр. Лонгинова).

института. Допускались и почетные члены Совѣта съ утвержденія императрицы. Надзоръ за воспитаніемъ и образованіемъ дѣвицъ возлагался на начальницу, а наблюденіе за порядкомъ какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части, поручался инспектору ¹⁾).

Плата съ воспитанницъ, число которыхъ не было ограничено и которыя принимались въ возрастѣ отъ 8-ми до 14-ти лѣтъ, была назначена въ 1.000 р. ежегодно, и 250 р. единовременно, при поступленіи. Имъ не разрѣшалось отлучаться изъ института во время пребыванія въ немъ. Но уставъ разрѣшалъ давать въ институтѣ балы „для доставленія дѣвицамъ пріятнаго, непринужденнаго обращенія въ обществѣ, стройнаго вида, благородной и и пристойной осанки“ ²⁾).

Курсъ ученія полагался шестилѣтній, раздѣленный на 3 класса, но болѣе обширный чѣмъ въ патріотическомъ и полтавскомъ институтахъ.

Кромѣ платы съ пенсіонерокъ, средства одесскаго института должны были пополняться суммами, ежегодно отпускаемыми: изъ процентовъ съ капитала бессарабской области 6.000 р. ³⁾), изъ подати, собираемой съ татаръ таврической губерніи 4.000 р., изъ доходовъ городовъ: Таганрога 3.000 р., Кишинева, Измаила и Одессы по 2.000 р., также изъ херсонскаго приказа общественнаго призрѣнія 6.000 р. За это городамъ предоставлялось право помѣщать въ институтъ столько пенсіонерокъ, сколько они вносятъ тысячъ рублей, а городъ Одесса, въ вознагражденіе за издержанныя имъ на постройку институтскаго дома суммы, могъ имѣть своихъ пять пенсіонерокъ ⁴⁾).

Въ 1835 году полковникъ Куртъ завѣщалъ институту свое движимое и недвижимое имущество, оцѣненное въ завѣщаніи въ 150.000 рублей ⁵⁾).

¹⁾ Краткій историч. очеркъ пятидесятилѣтія Одесскаго Инст. благ. дѣвицъ. Одесса. 1879.

²⁾ Журналы гл. Совѣта 1845 г. Выписка изъ Уставовъ женскихъ институтовъ.

³⁾ П. Собр. 3586. Выс. указъ 1830 г. новор. и бессар. ген.-губернатору.

⁴⁾ Въ 1853 году, по случаю прилива въ Одессу для полученія образованія, молодыхъ людей изъ западныхъ губерній, послѣдовало запрещеніе принимать въ одесскія учебныя заведенія уроженцевъ этихъ губерній. На представленіе министра народнаго просвѣщенія о томъ, что „по особому вниманію, котораго заслуживаетъ женскій полъ въ видахъ искорененія полонизма“, желательно чтобы дочери польскихъ дворянъ, и въ особенности, богатыхъ и извѣстныхъ, получали образованіе въ одесскомъ институтѣ, подготовляясь къ поступленію туда въ одесскихъ частныхъ пансіонахъ, государь не согласился потому, что это послужило бы предлогомъ родителямъ жить въ Одессѣ, какъ въ заграничномъ мѣстѣ (Журналы глав. Совѣта. 1853 г. Отчетъ Т. С. Норова).

⁵⁾ На доходы съ имѣнія должны были, согласно завѣщанію Курта, воспитываться

Въ 1830 году государь велѣлъ учредить, на средства московскаго Воспитательнаго дома, Домъ призрѣнія сиротъ или временной пріютъ дѣтей обоого пола отъ одного года до десяти лѣтъ, оставшихся сиротами послѣ умершихъ отъ холеры родителей. Въ Петербургѣ такія сироты помѣщались въ существовавшій ранѣе Сиротскій домъ, преобразованный также въ Домъ призрѣнія, на подобіе московскаго.

По данному въ 1831 году московскому Дому Положенію, онъ былъ названъ Александринскимъ Сиротскимъ институтомъ и предназначенъ для воспитанія 300 дѣтей обоого пола, всякаго возраста, даже грудныхъ, и всякаго званія: дворянъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, по военной, статской и придворной службѣ, медиковъ, лекарей, художниковъ и священниковъ (§ 2). Кромѣ сиротъ, лишившихся родителей во время холеры, дозволялось принимать и вообще сиротъ не старше 13-ти лѣтъ.

Цѣль воспитанія дѣвочекъ полагалась въ образованіи изъ нихъ полезныхъ членовъ общества, способныхъ снискивать пропитаніе собственными трудами. Онѣ предназначались къ поступленію въ классныя дамы и воспитательницы въ частныхъ домахъ; менѣе способныя къ наукамъ, при переходѣ въ третій классъ, освобождались отъ уроковъ и посвящали себя занятіямъ рукодѣліемъ и музыкою ¹⁾. Въ 1834 году дѣвочки были переведены въ учрежденныя, по Высочайшему повелѣнію, при обоихъ Воспитательныхъ домахъ, убѣжища „для пятидесяти осиротѣвшихъ оберъ-офицерскихъ, военной и гражданской службы, дочерей, или такихъ, родители которыхъ по бѣдности не въ состояніи дать имъ воспитаніе и которыя, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ быть приняты въ другія женскія учебныя заведенія“.

По принятіи въ убѣжище, воспитанницы, имѣвшія семь лѣтъ отъ роду, размѣщались въ французскіе классы и, по окончаніи курса наукъ, могли возвращаться къ родителямъ или переходить въ классы кандидатокъ для приготовленія въ наставницы или классныя дамы; а неспособныя къ наукамъ могли поступать въ музыкальный классъ. Посвятившія себя профессіи наставницы или классной дамы были обязаны прослужить не менѣе шести лѣтъ.

не менѣе шести дѣвицъ „дочерей заслуженныхъ дворянъ и чиновниковъ херсонской губерніи и преимущественно одесскаго уѣзда“; имъ назначено выдавать при выпускахъ награды по 2.000 р. каждой, а получающей шифръ — 3.000 р. (Сб. свѣд. о капит. Т. I, стр. 385).

¹⁾ Положеніе Александринскаго Сир. И. 6 декабря 1831 г. (Учрежденія Моск. Восп. Дома 1827—1858. I. Арх., IV отд.).

При выпускѣ каждой воспитанницѣ „разряда оберъ-офицерскихъ сиротъ“ положено было выдавать по 300 р. ¹⁾.

Указомъ 25 іюня 1837 г. императоръ Николай велѣлъ принимать въ учебные классы при Воспитательныхъ домахъ, опредѣливъ комплектъ ученицъ этихъ классовъ пятьюстами въ каждомъ, не питомицъ, какъ было до сихъ поръ, а дочерей оберъ-офицерскихъ, военной и гражданской службы чиновниковъ до IX класса включительно и преимущественно круглыхъ сиротъ ²⁾. Классы эти, названные Сиротскими институтами, были расширены въ 1843 году, когда комплектъ воспитанницъ петербургскаго института былъ увеличенъ до 800, а московскаго до 700. Въ виду трудности воспитывать такое большое количество дѣтей, въ 1851 году были учреждены особые отдѣленія для малолѣтнихъ, до десятилѣтняго возраста. Институты эти должны были состоять въ вѣдѣніи опекунскихъ Совѣтовъ и подъ начальствомъ почетныхъ опекуновъ, назначаемыхъ государемъ.

Въ 1833 году возникла мысль объ учрежденіи института въ Кіевѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ Левашевъ, представилъ государю, что присмотрѣвшись къ образу жизни мѣстнаго населенія, особенно высшихъ его слоевъ, и тщательно наблюдая за образомъ мыслей жителей юго-западнаго края, онъ пришелъ къ заключенію, что „ни въ училищахъ этого края, ни въ семействахъ, никто не стремится къ пріобрѣтенію полезныхъ для общества знаній, никто не заботится о нравственномъ себя усовершенствованіи; одно только упражненіе ума пріятными искусствами, — писалъ графъ Левашевъ, — составляетъ цѣль образованія; отъ сего гражданскія добродѣтели и государственныя обязанности остаются въ небреженіи или затмѣваются превратными понятіями“ ³⁾. Для борьбы съ такимъ направленіемъ графъ Левашевъ считалъ необходимымъ поощрять жителей края къ воспитанію дѣтей въ общественныхъ заведеніяхъ и „примѣрному въ нихъ обращенію“.

Еще болѣе необходимымъ чѣмъ воспитаніе юношей, графъ Левашевъ считалъ „нравственно и сообразно пользѣ общественной умственное образованіе будущихъ матерей семействъ“, мотивируя

¹⁾ Правила для принятія воспитанницъ Восп. домовъ, осиротѣвшихъ об.-офиц. дочерей. 3 марта 1834 г. (Учр. М. В. Д. 1827—1858).

²⁾ Пятидесятилѣтіе С.-Пет. Никол. Сир. Инст. 1837—1887. Историческій очеркъ. Составилъ инспекторъ классовъ В. Тимофѣевъ. С.-Пет. 1887.

³⁾ Исторія Кіевского института бл. дѣв. 1838—1888. Составилъ членъ Совѣта, инспекторъ классовъ М. Н. Захарченко. Кіевъ. 1889.

это тѣмъ, что „владычество ихъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производить“.

Такого же мнѣнія о необходимости русскому правительству взять въ свои руки женское воспитаніе и образованіе въ юго-западныхъ губерніяхъ, былъ и попечитель кіевскаго учебнаго округа, фонъ-Брадке, который, во время своей ревизіи училищъ въ подольской и волынской губерніяхъ, вынесъ убѣжденіе, что женщины въ западныхъ губерніяхъ питаютъ фанатизмъ молодежи и что онѣ имѣютъ большую надъ нею власть ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Левашевъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на скорѣйшее открытіе въ Кіевѣ дѣвичьяго института для кіевской, волынской и подольской губерній. 14 ноября 1833 года состоялось Высочайшее повелѣніе изслѣдовать способы устройства и содержанія института.

Графъ Левашевъ указалъ, что средства на его содержаніе могутъ быть получены отъ трехъ приказовъ общественнаго призрѣнія юго-западныхъ губерній, если имъ будетъ разрѣшено вносить кіевскому институту ежегодно по 14.000 рублей, которые до сихъ поръ они выдавали полтавскому, и кромѣ того, отъ платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ. На устройство же и первое обзаведеніе графъ Левашевъ „возлагалъ всѣ надежды на Царскую милость“.

Въ началѣ 1834 года было Высочайше повелѣно московскому опекунскому Совѣту выдать изъ доходовъ Воспитательнаго Дома 500.000 р. асс. на устройство кіевскаго института, которому повелѣно отпускать и ежегодныя суммы, выдававшіяся до тѣхъ поръ приказами юго-западныхъ губерній институту полтавскому ²⁾.

При составленіи устава и штата кіевскаго института, графъ Левашевъ руководствовался, присланными по его просьбѣ княземъ Репнинымъ, уставомъ и штатомъ полтавскаго. Цѣль учрежденія кіевскаго института заключалась, согласно утвержденному государемъ въ 1834 году уставу, въ томъ, чтобы „доставить безденежное воспитаніе дѣтямъ дворянъ бѣднаго состоянія губерній Кіевской, Волынской и Подольской и дать возможность за умѣренную плату получить такое же образованіе дочерямъ достаточныхъ родителей сихъ губерній“ ³⁾. Совѣтъ института долженъ былъ состоять изъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генераль-губер-

¹⁾ Автобіографическія Записки сенатора Е. О. фонъ-Брадке, (Р. Арх. 1875. кн. 3. 273).

²⁾ Взамѣнъ этого полтавскому институту были даны 200.000 р. изъ московскаго Восп. Дома; на проценты должны были воспитываться въ институтѣ 24 пенсіонерки моск. Опекунск. Совѣта.

³⁾ Исторія К. и., стр. 10.

натора, который, въ качествѣ предсѣдателя, былъ непосредственнымъ начальникомъ института во всѣхъ частяхъ его управленія; членами Совѣта назначались: попечитель кievскаго учебнаго округа, кievскій гражданскій губернаторъ, членъ по хозяйственной части, избираемый, какъ сказано въ уставѣ, изъ лицъ значительныхъ, кievскій губернский предводитель дворянства и три депутата отъ дворянъ юго-западныхъ губерній. Всѣ они должны были утверждаться императрицею, подъ покровительствомъ которой состоялъ институтъ.

Учебная часть поручалась попечителю учебнаго округа, подъ руководствомъ котораго долженъ былъ завѣдывать ею инспекторъ классовъ. Передъ началомъ каждаго учебнаго года инспектору вмѣнялось въ обязанность „требовать отъ учителей конспектовъ статей, предположенныхъ къ прохожденію въ классахъ“. По вопросамъ, касающимся нравственной стороны учебнаго дѣла, инспекторъ долженъ былъ сноситься съ начальницею, которой ввѣрялась воспитательная часть и внутреннее управленіе институтомъ. Начальница же, посѣщая классы, должна была „блюсти, чтобы въ преподаваемыя науки не вкралось что-либо противное чистой нравственности“. Начальница, также какъ и инспекторъ, избирались Совѣтомъ и утверждались императрицею. При институтѣ полагались пепиньерки, по двѣ на классъ, а всѣхъ классовъ было три, и въ каждомъ изъ нихъ воспитанницы должны были оставаться по два года.

Комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ приказамъ трехъ губерній кievскаго округа предоставлялось право содержать за свои взносы 60 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, а другія 60, изъ какой бы то ни было губерніи, могли быть своекоштными пенсіонерками съ платой по 800 рублей ассигнаціями въ годъ.

На этихъ основаніяхъ былъ, въ 1838 году, открытъ институтъ; съ переходомъ его въ 1843 году въ собственный домъ, комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 140, а въ 1852 году — до 170.

Первою начальницею кievскаго института была племянница Державина, П. М. Нилова, о которой онъ сказалъ:

„Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ“ ¹⁾,

и которая была одною изъ женщинъ-писательницъ тамбовскаго кружка Державина.

¹⁾ Исторія Кievскаго инст.

Въ 1834 году дворянство тамбовской губерніи „въ ознаменованіе пламенной благодарности къ государю императору за всѣ его милости и щедроты и дабы увѣковѣчить оную въ памяти потомства“, постановило учредить въ Тамбовѣ институтъ для воспитанія 12-ти дѣвицъ, дочерей бѣдныхъ дворянъ тамбовской губерніи и съ этой цѣлью собрать 222000 рублей ассигнаціями ¹⁾).

Утвержденнымъ въ 1843 году Положеніемъ, въ Совѣтъ института, подѣ председательствомъ губернскаго предводителя дворянства, должны были входить три члена отъ дворянства и три отъ правительства. Институтъ долженъ былъ состоять подѣ главнымъ попечительствомъ гражданскаго губернатора. Онъ былъ открытъ 6 августа 1843 года на 87 воспитанницъ „дочерей дворянъ и высшаго купечества“. Изъ нихъ 27 должны были воспитываться на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, 12 на суммы дворянства, 8 были пенсіонерками государя и императрицы, а 40 мѣстъ было оставлено для своекоштныхъ пенсіонерокъ.

На учрежденіе и содержаніе института дворянство собрало сначала до 106000 рублей; но когда, въ скоромъ времени, этихъ средствъ оказалось мало, и государь на докладѣ объ этомъ написалъ: „справедливо было бы чтобы дворянство само изыскало способы покрыть необходимые расходы“, дворянство установило новый сборъ изъ доходовъ помѣщиковъ по 1¹/₂ копѣйки съ души втеченіи 3-хъ лѣтъ. Въ вознагражденіе за это было удовлетворено его ходатайство бесплатно помѣщать въ институтъ еще 12 своихъ пенсіонерокъ. Въ 1850 году, для усиленія средствъ института, Совѣту было разрѣшено продавать игральныя карты.

Въ 1835 году Высочайше утверждено Положеніе керченскаго института для воспитанія дѣвицъ ²⁾). Инициатива учрежденія института принадлежала Керчь-Еникальскому градоначальнику, князю З. С. Херхеулидзеу, который, въ виду недостатка женскихъ учебныхъ заведеній въ Крыму, особенно для лицъ небогатыхъ, задался мыслью объ учрежденіи института въ Керчи. Заручившись согласіемъ учителей керченскаго уѣзднаго училища преподавать въ будущемъ институтѣ за самую умѣренную плату, князь Херхеулидзеу, ходатайствуя передъ государемъ о разрѣшеніи открыть институтъ, представилъ одновременно проэктъ его Положенія и штата ³⁾).

¹⁾ Сборникъ свѣд. о кап. Т. I, стр. 439.

²⁾ П. Собр. 8227.

³⁾ Историч. записка о Керченскомъ Кушниковскомъ дѣвичьемъ институтѣ съ основанія его въ 1836 году до 1885 г. Составилъ законоучитель института священникъ Дмитрій Говоровъ. Керчь. 1886.

Согласно Положенію 1835 года, институтъ предназначался для „воспитанія и образованія дѣвицъ дворянскаго происхожденія, оберъ-офицерскихъ и купеческихъ“. Воспитанницы принимались или полными пенсіонерками, съ платою по 400 р. асс. въ годъ съ иногородныхъ и по 300 р. съ керченскихъ, полупенсіонерками, не получавшими отъ института одежды и жившими у родителей, но обѣдавшими въ институтѣ, по 150 р. въ годъ ¹⁾, или вольноприходящими по 50 р. въ годъ. Полныхъ пенсіонеровъ полагалось 30; комплектъ полупенсіонеровъ и вольноприходящихъ не былъ опредѣленъ въ Положеніи. Кромѣ платы съ воспитанницъ, средства къ содержанію института должны были пополняться суммою 8000 рублей (асс.) въ годъ, отпускаемой городомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы $\frac{2}{3}$ всего дохода института, т. е. остатковъ отъ городской суммы и отъ платы съ воспитанницъ, были обращаемы въ доходъ города, а $\frac{1}{3}$ поступала бы въ распоряженіе Совѣта для составленія экономическаго капитала института.

Управленіе имъ возлагалось Положеніемъ на новороссійскаго и бессарабскаго генераль губернатора, которому ввѣрялось главное начальство; ближайшимъ начальникомъ назначался Керчь-Еникальскій градоначальникъ, подъ предсѣдательствомъ котораго находился Совѣтъ, въ составѣ: опредѣляемой генераль-губернаторомъ директриссы, штатнаго смотрителя керченскаго уѣзднаго училища, городского головы, члена отъ дворянства, члена отъ купечества. Послѣдніе два члена избирались изъ своей среды на три года и должны были исполнять обязанности казначея и эконома. Въ Совѣтѣ могли присутствовать по особымъ приглашеніямъ инспекторъ и учителя. По учебной части институтъ зависѣлъ отъ начальства того учебнаго округа, въ составъ котораго входили всѣ учебныя заведенія таврической губерніи. Учебный курсъ полагался трехлѣтній, причемъ воспитанницы должны были оставаться годъ въ первомъ классѣ и два во второмъ.

Институтъ былъ открытъ 8 марта 1836 года. Въ слѣдующемъ году его посѣтилъ императоръ Николай и на представленной ему градоначальникомъ докладной запискѣ о необходимости построить собственный домъ для института въ видахъ увеличенія комплекта воспитанницъ, написалъ: „на ваше усмотрѣніе. Институтъ я видѣлъ, хорошенькое заведеніе, но смѣсь вольноприходя-

¹⁾ При поступленіи въ институтъ полная пенсіонерка должна была принести съ собою: серебряную ложку, простой ножъ и вилку, 6 салфетокъ и чайную ложку; тоже самое и полупенсіонерка за исключеніемъ чайной ложки. Эти вещи должны были оставаться въ институтѣ и по выходѣ изъ него воспитанницъ.

щихъ съ пенсіонерками не безвредна для нравственности, а лучше было бы сдѣлать для того два разряда заведенія“. Вслѣдствіе этого былъ составленъ новый проектъ, въ которомъ предполагалось, съ постройкой собственнаго зданія института, увеличить комплектъ пенсіонерокъ до 60-ти, а для приходящихъ устроить особое заведеніе, которое состояло бы въ общемъ управленіи съ институтомъ, но отдѣльно отъ пенсіонерокъ. Благодаря ходатайству графа Воронцова, Совѣту было разрѣшено занять нужную сумму на постройку дома для института, съ уплатою процентовъ втеченіи 37 лѣтъ изъ доходовъ города и съ пособіемъ изъ государственнаго казначейства по 2205 р. въ годъ.

Въ 1845 году институту былъ пожертвованъ капиталъ въ 300000 р. (асс.) завѣщанный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кушниковымъ на устройство института въ Феодосіи, гдѣ имъ уже было куплено мѣсто для зданія предполагавшагося института и составлены правила его устройства. Съ передачею, по ходатайству наслѣдниковъ Кушникова, этого капитала керченскому институту, было разрѣшено переименовать его въ Керченско-Кушниковскій, а выборъ 16-ти пенсіонерокъ имени жертвователя предоставить старшему изъ наслѣдниковъ на основаніи правилъ, составленныхъ Кушниковымъ для института въ Феодосіи ¹⁾).

Въ томъ же году, когда былъ открытъ керченскій институтъ, было утверждено Положеніе другого института — астраханскаго. Мысль о немъ возникла у астраханскаго военнаго губернатора, который, въ 1835 году, представилъ императрицѣ о томъ, что послѣ утонувшаго въ 1824 году въ Волгѣ астраханскаго купца Колпакова, осталось духовное завѣщаніе, которымъ онъ отдавалъ все свое состояніе, до 90000 р. (асс.), въ полное распоряженіе Императрицы Маріи, на ея богоугодныя заведенія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, былъ утвержденъ представленный губернаторомъ проектъ Положенія астраханскаго института, которому Императрица Александра Федоровна велѣла отдать капиталъ Колпакова съ тѣмъ, чтобы въ институтѣ воспитывались 10 бѣдныхъ пенсіонерокъ его имени.

Въ этомъ Положеніи почти буквально повторены основанія, на которыхъ учреждался керченскій институтъ съ тою разницею, что въ астраханскій не допускались приходящія воспитанницы; полупенсіонерки могли поступать съ платою по 250 рублей. Ближайшее начальство надъ институтомъ ввѣрялось директору астра-

¹⁾ На отличіе этихъ пенсіонерокъ отъ другихъ особою одеждою государь не далъ согласія. (Сб. свѣд. о кап. Т. I, 452).

ханской гимназіи, подъ предсѣдательствомъ котораго долженъ былъ состоять Совѣтъ изъ купцовъ. Курсъ ученія назначался четырехлѣтній, раздѣленный на три класса, по одному году въ двухъ низшихъ, и два года въ высшемъ. Для поощренія учителей, Положеніе устанавливало выдачу отъ Совѣта похвальныхъ аттестатовъ тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ особенное усердіе въ занятіяхъ съ воспитанницами (§ 20). Городу предписывалось отпускать институту по 8310 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы отчеты въ институтскихъ суммахъ представлялись Думѣ, которой, также какъ и въ керченскомъ институтѣ, должны были отдаваться $\frac{2}{3}$ всѣхъ остатковъ отъ институтскихъ суммъ.

На этихъ основаніяхъ астраханскій институтъ былъ открытъ 28 ноября 1837 года.

Новымъ уставомъ, даннымъ ему въ 1848 году, отмѣненъ приѣмъ полупенсіонерокъ, а комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 60 (изъ нихъ 40 своекоштныхъ). Денежные остатки отъ институтскихъ суммъ должны были обращаться въ пользу института, а не отдаваться Думѣ. Составъ Совѣта измѣненъ: предсѣдательство въ немъ возлагалось на астраханскаго военнаго губернатора; „непосредственно послѣ него“ должна была присутствовать начальница; завѣдываніе учебною частью поручалось прежнему предсѣдателю Совѣта — директору астраханской гимназіи, а хозяйственною — члену отъ дворянства; отъ купечества долженъ былъ присутствовать городской голова ¹⁾.

При проѣздѣ государя въ 1836 году черезъ Владиміръ, онъ обратилъ вниманіе на то, что городъ не только не улучшается, но приходитъ все въ худшее состояніе, и затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе бывшему товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, собрать и представить подробныя свѣдѣнія о причинахъ упадка города и средствахъ къ его улучшенію.

Графъ Строгановъ, въ своемъ донесеніи указалъ, какъ на одну изъ причинъ, то, что дворяне не живутъ въ Владимірѣ ибо тамъ нѣтъ ни одного женскаго учебнаго заведенія и они принуждены

¹⁾ Начальница института, въ письмѣ къ статсъ-секретарю Гофману (отъ 28 февраля 1845 г.), жаловалась на то, что ея мнѣнія объ образованіи и улучшеніи института „никакъ не могутъ гармонировать съ понятіями купцовъ“. Она просила назначить предсѣдателемъ Совѣта военнаго губернатора, а въ случаяхъ его отсутствія, поручить ей замѣнять предсѣдателя. Ея же предложеніе о томъ, чтобы воспитанницы на капиталъ Колпакова принимались не изъ купеческихъ дѣтей „которыя — писала начальница — получая несообразное съ званіемъ образованіе и возвратясь въ дома, не приносятъ пользы ни себѣ, ни обществу, ни чести Институту“, а изъ дворянскихъ, — не было принято главнымъ Совѣтомъ.

воспитывать своих дочерей въ Москвѣ. Послѣдствіемъ этого было объявленіе Высочайшей воли, чтобы было составлено Положеніе объ учрежденіи въ Владимірѣ института благородныхъ дѣвицъ ¹⁾.

По первоначальному проэкту Положенія, разсмотрѣнному въ комитетѣ министровъ, содержаніе института возлагалось на казну; но государь на это не согласился и статсъ-секретарь Лонгиновъ, которому, по Высочайшему повелѣнію, было передано Положеніе, предложилъ предоставить мѣстному начальству войти въ соглашеніе съ дворянствомъ губерніи объ обезпеченіи средствъ будущаго института. При этомъ Лонгиновъ, ссылаясь на примѣръ полтавскаго института, поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы средства владимірскаго были обезпечены неприкосновеннымъ капиталомъ, а не ежегодными взносами и раскладкою на ревизскія души, а также, чтобы купечество было привлечено къ „участию въ приличномъ воспитаніи дѣтей женскаго пола“, чтобы комплектъ воспитанницъ былъ не менѣе 80 или даже 100, и чтобы вообще институтъ по внутреннему устройству могъ замѣнять столичные заведенія.

По передачѣ этого проекта, по Высочайшему повелѣнію, владимірскому губернатору, послѣдній донесъ, что дворянство согласилось содержать институтъ и избрало изъ своей среды комиссію для обсужденія дѣла. Но, повидимому, дворянство не сочувствовало мысли объ учрежденіи на его счетъ института, и попечитель гимназіи, состоявшій членомъ комиссіи, составилъ проектъ устройства во Владимірѣ не института, а „пансіона благородныхъ дѣвицъ“, съ содержаніемъ по 3000 р. въ годъ изъ дворянскихъ суммъ и съ платою дворянствомъ же за помѣщеніе пансіона.

Дѣло тянулось до 1845 года, когда государь, на представленномъ ему проектѣ Лонгинова, написалъ: „Мѣшать купеческихъ дочерей съ дворянскими не нахожу удобнымъ; поэтому и предлагать купечеству участвовать въ семъ дѣлѣ не должно“ ²⁾.

Тогда дворянство постановило собрать сумму на институтъ, назначивъ отдѣлять съ этой цѣлью по 4 копѣйки съ души втеченіе 12 лѣтъ. По составленному дворянскою комиссіею проекту, институтъ учреждался на 13—26 бесплатныхъ и 13—26 съ умѣренною платою воспитанницъ, которыхъ положено помѣщать изъ cadaго уѣзда губерніи отъ двухъ до четырехъ, и, кромѣ того, предполагалось принимать большое число своекоштныхъ пенсіонерокъ съ платою по 150 р. сер. въ годъ; надзоръ за

¹⁾ Дѣла главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. (Арх. IV отд.).

²⁾ Журналъ гл. Сов. 28 іюня 1845.

всѣми частями института долженъ былъ принадлежать дворянству.

Но только что учрежденный тогда главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, которому, по Высочайшему повелѣнію, былъ представленъ этотъ проэктъ, отказался его разсматривать до тѣхъ поръ, пока не будетъ собрана вся нужная для устройства института сумма. Между тѣмъ сборъ шелъ медленно; въ 1853 году онъ составлялъ всего 89.832 рубля. Дворянство оправдывалось тѣмъ, что количество дворянскихъ имѣній, отходящихъ въ казну, постоянно увеличивается. Губернскій предводитель представилъ министру внутреннихъ дѣлъ пространную записку, въ которой говорилъ, что съ переходомъ большого числа имѣній въ казну, денежные сборы на общественныя предпріятія разлагаются все на меньшее количество поземельной собственности, что эти сборы становятся для помѣщиковъ все болѣе и болѣе обременительными и что это отразится на сборѣ для института. Поэтому онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы дворянскія имѣнія, отходящія въ казну, никогда, съ цѣлью „прямой пользы Государству“, не были бы изъяты отъ сбора ¹⁾. Это ходатайство было отклонено на томъ основаніи, что нельзя взыскивать съ крестьянъ пожертвованій, сдѣланныхъ помѣщиками изъ собственныхъ доходовъ, и въ циркулярномъ предписаніи 1846 года, губернскимъ предводителямъ дворянства предложено обозначать въ договорахъ объ увольненіи помѣщиками крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы—принимаютъ ли на себя крестьяне уплату сборовъ на разные общественные предметы, назначенные по Высочайше утвержденнымъ постановленіямъ дворянства, съ помѣщичьихъ доходовъ ²⁾.

По смѣтѣ 1846 года нужная для устройства владимірскаго института сумма была опредѣлена въ 400.000 р.; но такъ какъ она не была собрана дворянствомъ, нѣсколько разъ представлявшимъ въ главный Совѣтъ планы институтскаго зданія и проэкты штата, то эти проэкты и планы не были разсмотрѣны и въ 1851 году было подтверждено комитетомъ министровъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы никакое общественное или частное благотворительное заведеніе не было открываемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ обеспечено необходимыми средствами „не разсчитывая на случайные и невѣрные доходы“.

¹⁾ Записка о переходѣ двор. имѣній въ казну Губ. Предв. двор. Богданова. 1845 г. (Дѣла гл. Сов.).

²⁾ Журн. гл. Сов. 1847,

Въ 1838 году былъ утвержденъ уставъ казанскаго Родіоновскаго института и Совѣтъ, избранный еще при жизни Императрицы Маріи, представилъ планы и смѣту на постройку зданія для института, которая и была произведена на капиталъ въ 300.000 р., образовавшійся изъ доходовъ съ имѣній Родіоновой и продажи ея дома. По окончаніи постройки зданія, институтъ былъ открытъ въ 1841 году.

Доходы его, кромѣ суммы, получавшейся съ имѣній Родіоновой (6.081 р.), состояли: изъ 5 000 р. ежегодно отпускаемыхъ семью приказами общественнаго призрѣнія съ правомъ помѣщать 15 своихъ пенсіонерокъ и отъ платы съ своекоштныхъ, въ числѣ которыхъ могли быть и дочери купцовъ 1 и 2 гильдіи, также духовенства ¹⁾.

Въ число штатныхъ, т.-е. на капиталъ Родіоновой, воспитанницъ, которыхъ полагалось 21, въ институтъ могли поступать дочери „родовыхъ и потомственныхъ дворянъ казанской губерніи, служащихъ и служившихъ въ ней и ихъ сироты, дочери чиновниковъ въ службѣ находившихся и поступившихъ въ нее изъ казанской губерніи, за ранами или болѣзнями уволенныхъ и жившихъ въ ней. Въ случаѣ еслибы изъ этой категоріи воспитанницъ не образовалось опредѣленнаго уставомъ комплекта, дозволялось принимать дочерей и личныхъ дворянъ.

Управленіе институтомъ возлагалось на мѣстный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ казанскаго губернатора, въ составѣ: попечителя учебнаго округа, которому поручалось наблюденіе за учебною частью, губернскаго предводителя дворянства, члена, управляющаго хозяйственною частью и принадлежавшимъ институту имѣніемъ, и начальницы. Курсъ ученія опредѣленъ шестилѣтній, съ раздѣленіемъ его на три класса.

Около этого же времени состоялись постановленія дворянствъ: нижегородскаго и саратовскаго о сборѣ на устройство институтовъ въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ.

Постановленіе нижегородскаго дворянства состоялось въ 1839 году, когда, по случаю бракосочетанія наслѣдника Александра Ни-

¹⁾ По правиламъ избранія пенсіонерокъ приказами, онѣ могли избираться изъ дочерей чиновниковъ, получающихъ не болѣе тысячи рублей асс. въ годъ жалованья и не имѣющихъ недвижимаго имѣнія. (Уставъ Общ. Призр. т. XIII изд, 1842 г.). По ходатайству казанскаго губернатора это правило отмѣнено въ 1853 году на томъ основаніи, что „такое жалованье тогда получали лишь канцелярскіе служители, мало заботящіеся о высшемъ образованіи своихъ дочерей“. При приѣмѣ въ казанскій институтъ личныхъ дворянокъ было положено руководствоваться не окладомъ получаемого ихъ родителями жалованья, а семейнымъ положеніемъ и средствами родителей къ воспитанію дѣтей.

колаевича, оно положило сдѣлать сборъ на преобразование бывшаго въ Нижнемъ Новгородѣ мужскаго пансіона въ институтъ. Сборъ былъ установленъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ, въ размѣрѣ семи копѣекъ (сер.) съ души, въ теченіе восьми лѣтъ ¹⁾. Онъ начался только въ 1842 году, когда на ту же цѣль было сдѣлано пожертвованіе нижегородскимъ помѣщикомъ М. Бреховымъ, который завѣщалъ свое имѣніе въ нижегородской и симбирской губерніяхъ на устройство и содержаніе въ Нижнемъ Новгородѣ института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, „дочерей самыхъ недостаточныхъ дворянъ нижегородской и симбирской губерній на правилахъ, изложенныхъ въ уставѣ казанскаго института. Въ завѣщаніи оговорено, что въ случаѣ еслибы институтъ почему либо не былъ учрежденъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, то оставляемое ему имѣніе должно перейти къ институту казанскому. Имѣніе Брехова состояло изъ 566 душъ. Его завѣщаніе побудило нижегородское дворянство скорѣе открыть институтъ въ Нижнемъ Новгородѣ, установивъ въ его пользу сборъ изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ. Этотъ сборъ былъ утвержденъ подъ условіемъ, чтобы онъ „былъ уплачиваемъ порядкомъ, установленнымъ для сбора денегъ, жертвуемыхъ на пансіоны при гимназіяхъ“ ²⁾.

Въ 1852 году сборъ дворянства, вмѣстѣ съ полученными отъ имѣнія Брехова доходами, составлялъ сумму до 250.000 р. сер. ³⁾, и хотя эта сумма была недостаточна для содержанія института и для постройки собственнаго его зданія, но институтъ былъ открытъ въ составѣ двухъ низшихъ классовъ. По первоначальному проѣкту дворянства онъ назначался для воспитанія дочерей недостаточныхъ дворянъ и чиновниковъ съ цѣлью „доставленія имъ полезныхъ свѣдѣній какъ для общественнаго, такъ и для домашняго быта“ ⁴⁾. Изъ 36 штатныхъ воспитанницъ, 20 должны были содержаться бесплатно на средства дворянства, а 16 были пенсіонерками Брехова. Въ 1854 году дворянство ходатайствовало о разрѣшеніи замѣщать предоставленныя ему вакансіи дочерьми потомственныхъ дворянъ, убитыхъ или раненыхъ на войнѣ, а остальные — дочерьми дворянъ, занесенныхъ въ родословную книгу нижегородской губерніи (а не и симбирской, какъ завѣщалъ Бреховъ), но не иначе, какъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ всѣмъ дворянствомъ въ собраніяхъ, при-

¹⁾ Дѣла Гл. Сов. ж. уч. зав. 1844.

²⁾ Сб. свѣд. о кап. Т. I. 434.

³⁾ Протоколъ губ. двор. собр. 1852.

⁴⁾ Дѣла гл. Сов. 1844.

чемъ отдавать предпочтеніе дѣтямъ тѣхъ дворянъ, которые участвовали въ сборѣ на институтъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускать дворянскихъ дѣтей изъ другихъ губерній, также и личныхъ дворянъ.

Это ходатайство было уважено, но съ тѣмъ, чтобы кандидтки избирались не въ собраніяхъ, а по свидѣтельствамъ губернскихъ предводителей дворянства и чтобы въ случаѣ незамѣщенія всѣхъ вакансій такими кандидтками, какихъ желаетъ нижегородское дворянство, допускались своекоштными пенсіонерами дѣвицы изъ сосѣднихъ губерній, гдѣ нѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній ¹⁾.

Совѣтъ нижегородскаго института долженъ былъ состоять подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, изъ губернскаго предводителя дворянства, директора училищъ и одного члена по выбору дворянства для завѣдыванія хозяйственною частью.

Постановленіемъ 16 декабря 1839 же года саратовское дворянство положило собрать капиталъ со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, по 7^{1/2} коп. сер. съ души въ теченіи 10 лѣтъ, на устройство въ Саратовѣ института благородныхъ дѣвицъ. Къ 1853 году собранный дворянствомъ капиталъ простирался до 396.000 р. серебромъ (слишкомъ милліонъ ассигнаціями) ²⁾. Институтъ былъ принятъ подъ покровительство императрицы и, согласно ходатайству дворянства, подъ непосредственное завѣдываніе великой княгини Маріи Николаевны; дворянству было объявлено Высочайшее благоволеніе и разрѣшено назвать институтъ Саратовскимъ-Маріинскимъ. Онъ былъ открытъ въ 1854 году на 30 бесплатныхъ воспитанницъ изъ бѣдныхъ дворянокъ.

Кромѣ институтовъ, учрежденныхъ на средства дворянства и городовъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ правительство открыло три института въ западныхъ губерніяхъ и одинъ въ Тифлисѣ.

Еще при преобразованіи полтавскаго института въ 1827 году, императоръ Николай объяснилъ цѣль его основанія обрусѣніемъ страны, „чтобы она не отставала въ образованіи отъ прочихъ областей“ ³⁾.

Послѣ польскаго возстанія 1831 года правительство обратило особенное вниманіе на воспитаніе женщинъ въ западныхъ гу-

¹⁾ Журн. гл. Сов. 1855.

²⁾ Журналы опекунскаго Совѣта учр. Имп. Маріи по С.-Пет. Присутствію. (Арх. IV отд.) Докладная записка Собст. Его Имп. Вел. канцеляріи учр. Имп. М. по разсмотрѣнію смѣтныхъ росписаній отдѣльныхъ учр. вѣд. и его заведеній на 1882 годъ.

³⁾ Отчетъ ст. секр. Лонгинова по полт. инст. 1845 (Арх. IV отд.).

берніяхъ и съ цѣлью „распространить просвѣщеніе и русское образованіе на дворянъ этихъ губерній“ учредило цѣлый рядъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1825 года существовалъ близъ Могилева, въ мѣстечкѣ Пропойка, частный женскій пансіонъ, открытый бывшею воспитанницею Смольнаго монастыря, Савичъ, которая сама въ немъ преподавала. Это былъ первый и единственный въ то время въ краѣ пансіонъ, въ которомъ ученіе преподавалось на русскомъ языкѣ. Еще ранѣе 1831 года Савичъ получала изъ государственнаго казначейства по 2.000 р. въ годъ въ видѣ пособія, увеличеннаго въ 1832 году до 4.440 рублей и тогда же, по ходатайству министра народнаго просвѣщенія „во вниманіе къ пользѣ, приносимой воспитаніемъ благородныхъ дѣвицъ Бѣлорусскихъ губерній“, пансіонъ былъ переведенъ на казенную дачу Пиппенбергъ ¹⁾. Когда, въ 1838 году, могилевское дворянство согласилось построить на свои средства домъ для пансіона, состоялось Высочайшее повелѣніе преобразовать его въ институтъ „по образцу прочихъ“. Будущему институту подарена дача, въ которой пансіонъ помѣщался, и кромѣ отпускавшагося уже денежнаго пособія, выданы изъ казны на постройку собственнаго зданія 17.142 р., изъ которыхъ большую часть могилевское дворянство обязалось возвратить казнѣ черезъ пять лѣтъ. Въ 1840 году былъ Высочайше утвержденъ уставъ и штатъ могилевскаго института, но открытіе его замедлилось ибо, изъ представленныхъ въ разное время на утвержденіе, девяти плановъ институтскаго зданія, ни одинъ не былъ утвержденъ, хотя могилевское дворянство въ 1843 году согласилось сдѣлать новый дополнительный сборъ на эту постройку. Въ 1854 году уже была назначена начальница института, но къ этому времени выяснилось, что установленный дворянствомъ сборъ не покроетъ нужной для постройки институтскаго дома суммы. Поэтому открытіе его было отложено на неопредѣленное время, а до учрежденія института, рѣшено, назначенное ему изъ государственнаго казначейства пособіе, выдавать Пиппенбергскому пансіону, въ которомъ уже преподавался институтскій курсъ наукъ.

Между тѣмъ, графъ Уваровъ, которому еще въ 1834 году государь поручилъ обсудить мѣры къ утвержденію воспитанія женщинъ въ западныхъ губерніяхъ въ духѣ правительства, представилъ проектъ центральнаго женскаго института для бѣлорусскаго учебнаго округа, въ Вильнѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, на

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1844.

которыхъ былъ учрежденъ кіевскій институтъ. Въ 1837 году были готовы проекты устава и штата виленскаго института; но государь написалъ на проектѣ: „нахожу удобнѣе помѣстить заведеніе сіе въ Бѣлостокѣ, гдѣ дворецъ могу на сіе отдать. Какъ начальницѣ, такъ и всѣмъ класснымъ дамамъ быть непременно русскими ¹⁾, иначе цѣль не достигнется, и дабы въ числѣ дѣтей были русскія же, предоставить изъ ста, двадцать мѣстъ дочерямъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, въ сихъ губерніяхъ служащихъ. На прочее все согласенъ“ ²⁾.

Высочайше утвержденнымъ 6 ноября 1837 года уставомъ, бѣлостокскій институтъ, принятый тогда же подъ покровительство императрицы, учреждался на 100 воспитанницъ, не только дочерей бѣдныхъ, но вообще дворянъ, въ видахъ привлеченія въ него дочерей достаточныхъ родителей „дабы распространить вообще между дворянствомъ западныхъ губерній начала русской образованности“ ³⁾. Въ числѣ 30 казенныхъ воспитанницъ первыя шесть вакансій назначались дочерямъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и имъ же предоставлялись 14 изъ 70-ти вакансій своекоштныхъ пенсіонерокъ съ платою по 150 рублей въ годъ. Штатными пенсіонерками могли быть исключительно, а своекоштными преимущественно, дочери дворянъ западныхъ губерній.

Управленіе институтомъ ввѣрялось Совѣту, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ виленскаго военнаго губернатора, гродненскаго, минскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора, входили: попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа, губернский предводитель дворянства, два депутата отъ дворянства бѣлостокской области, виленской, гродненской и минской губерній и члены по учебной и хозяйственной части. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ засѣданіяхъ Совѣта должны были обсуждаться вопросы, касающіеся внутренняго устройства заведенія, содержанія и одежды воспитанницъ, переводовъ ихъ въ высшіе классы, выпускровъ и наградъ, приглашалась начальница съ правомъ голоса.

Курсъ ученія назначался шестилѣтній, раздѣленный на три класса, по два года въ каждомъ. Программа была та же, что въ кіевскомъ институтѣ. Въ первоначальномъ проектѣ графа Ува-

¹⁾ По проекту гр. Уварова полагалось, чтобы начальница была русская, а ея помощница — уроженка западнаго края; изъ 2-хъ классныхъ дамъ, которыя должны были назначаться изъ бывшихъ воспитанницъ столичныхъ институтовъ, одна предполагалась римско-католическаго вѣроисповѣданія, „дабы и въ религіозномъ отношеніи отклонить всякій поводъ къ недовѣрчивости“ (Уст. Вил. И. §§ 9 и 10).

²⁾ Учр. институтовъ. XXXIII.

³⁾ Дѣла гл. Сов. 1854.

рова для виленскаго, предполагалось еще практическое обученіе воспитанницъ домашнему хозяйству, для чего къ институту должны были быть присоединены фольварки изъ ближайшихъ конфискованныхъ имѣній; но императрица нашла это неудобнымъ и безполезнымъ ¹⁾. Она выразила желаніе, чтобы въ бѣлостокскомъ институтѣ „при преподаваніи естественной исторіи, и въ особенности ботаники и зоологіи, при статьяхъ о кормовыхъ растеніяхъ и домашнемъ скотѣ и птицѣ, воспитанницамъ давали нѣкоторое понятіе о садоводствѣ и семейномъ хозяйствѣ, замѣняя этими полезными свѣдѣніями излишнія подробности, въ которыя преподаватели обыкновенно входятъ нацѣтъ системъ, классификаціи и т. п.“

Для преподаванія научныхъ предметовъ, уставъ предписывалъ приглашать самыхъ лучшихъ учителей „и въ особенности отличнаго преподавателя французскаго языка“, а для обученія музыкѣ, пѣнію, танцамъ и рукодѣлію, вызвать учителей изъ Петербурга. Въ отношеніи религіознаго образованія воспитанницъ, уставъ предписывалъ начальницѣ и русскимъ класснымъ дамамъ „необходимость поступать касательно католической вѣры съ большою осторожностью и отнюдь не обнаруживать противодѣйствія религіознымъ чувствамъ воспитанницъ“ (§ 11).

Средства для содержанія института назначались: отъ приказовъ общественнаго призрѣнія: минскаго, гродненскаго, кіевскаго и подольскаго, всего 10.115 рублей серебромъ; отъ платы съ пенсіонерокъ, изъ доходовъ бывшаго дворцоваго бѣлостокскаго имѣнія. Кромѣ того, изъ государственнаго казначейства должны были выдаваться институту 3.000 рублей, отпускавшіеся до 1837 года, еще по повелѣнію императора Павла, монахинямъ-Визиткамъ въ Вильнѣ. Всего на содержаніе института было назначено 24.000 рублей серебромъ въ годъ.

Третій институтъ, въ Варшавѣ, былъ преобразованъ изъ частнаго заведенія для образованія гувернантокъ, взятаго въ 1827 году въ казну. Десять лѣтъ спустя, намѣстникъ царства польскаго „для поощренія достаточныхъ родителей къ воспитанію дочерей своихъ“ переименовалъ это заведеніе въ казенный институтъ для воспитанія дѣвицъ, принятый подъ покровительство императрицы и названный Александринскимъ. Средства института составлялись тогда изъ платы за четырехъ пенсіонерокъ государя по 7.200 злотыхъ въ годъ, отъ десяти частныхъ пенсіонерокъ по 1.500

¹⁾ Учрежд. инстит. XXXIII. Сообщение ст. секр. Вилламова гр. Уварову 3 марта 1837.

злотыхъ за каждую—всего 15.000 злотыхъ. Изъ казны выдавалось ежегодно по 132.600 злотыхъ. Казенныхъ воспитанницъ было 30, экономическихъ — 6 и 66 приходящихъ, воспитывавшихся даромъ, но съ обязательствомъ прослужить правительству одинъ годъ въ званіи учительницы ¹⁾. Всѣ же остальные воспитанницы, кромѣ частныхъ пенсіонерокъ, были обязаны прослужить два года въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ или частныхъ домахъ, за вознагражденіе.

По смерти, въ 1837 году, учредительницы заведенія для образованія гувернантокъ, Вильчинской, намѣстникъ поручилъ надзоръ за институтомъ „генеральной Визитаторкѣ высшихъ учебныхъ заведеній женскаго пола въ царствѣ“, полковницѣ Матильдѣ Абрамовичъ ²⁾. Управление было возложено на временную администрацію, состоявшую изъ предсѣдателя Совѣта—главнаго директора правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія той же комиссіи, члена совѣта народнаго просвѣщенія и генеральныхъ визитаторовъ учебныхъ заведеній. Учебная часть была подчинена Совѣту народнаго просвѣщенія царства; для веденія хозяйства приглашена экономка, обязанная во всемъ сообразоваться съ распоряженіями генеральной визитаторки. Наблюденіе за образомъ преподаванія наукъ было возложено на инспектора, который былъ обязанъ представлять рапортъ Совѣту народнаго просвѣщенія черезъ генеральную визитаторку. Къ ней же должны были относиться начальница, надзирательницы и помощницы во всемъ, касавшемся воспитанія и представлять ей подробные рапорты о воспитанницахъ.

Главный надзоръ за всѣми частями института былъ сохраненъ за генеральной визитаторкой до 1840 года, когда институту былъ данъ уставъ, въ которомъ о ней не упомянуто. По новому уставу цѣль института опредѣлялась доставленіемъ „приличнаго воспитанія на казенномъ иждивеніи дочерямъ недостаточныхъ чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, служащихъ въ царствѣ польскомъ“, а также „приготовленіемъ изъ нихъ нѣкотораго числа по педагогическимъ правиламъ для исполненія обязанностей наставницъ дѣтей“, и вообще „доставить возможность частнымъ лицамъ воспитать дочерей своихъ за умѣренную плату“ ³⁾. Управ-

¹⁾ Учрежденіе инст-въ. XXXIII.

²⁾ Приведенныя объ институтѣ свѣдѣнія взяты изъ рапорта генеральной Визитаторки, представленнаго, вмѣстѣ съ другими документами, намѣстникомъ, княземъ Варшавскимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ (Арх. IV отд.).

³⁾ Уставъ Александринскаго въ Варшавѣ института воспитанія дѣвицъ. 1840. 15 іюня.

леніе институтомъ ввѣрялось Совѣту, состоявшему подъ предсѣдательствомъ главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ царства, изъ членовъ: попечителя варшавскаго учебнаго округа, гражданскаго губернатора губерніи, гдѣ будетъ находиться институтъ, и двухъ, особо назначенныхъ, членовъ — одного по учебной, другого — по хозяйственной части. Внутренній надзоръ поручался начальницѣ, относительно обязанностей которой, уставъ сохранялъ характеръ устава Бецкаго. Комплектъ воспитанницъ былъ определенъ въ 200; изъ нихъ 100 штатныхъ и 100 пенсіонерокъ съ платою по 1.200 злотыхъ или по 180 рублей (сер.) въ годъ съ каждой. Въ этомъ числѣ было 12 стипендіатокъ на пожертвованный городомъ въ 1840 году капиталъ ¹⁾. Воспитанницамъ не разрѣшалось отлучаться изъ института, за исключеніемъ особыхъ случаевъ болѣзни или смерти родныхъ. Курсъ ученія оставленъ шестилѣтній; но программа его расширена. При присужденіи наградъ воспитанницамъ (3 шифра, 3 золотыхъ медали и книгъ), уставъ предписывалъ предпочитать успѣхи въ поведеніи успѣхамъ въ ученіи.

Въ 1843 году институтъ переведенъ въ подаренное ему зданіе въ Новой Александріи близъ Варшавы, а десять лѣтъ спустя, число казенныхъ воспитанницъ уменьшено со 100 до 50-ти; число же своекоштныхъ увеличено до 150-ти.

Впредь до открытія предполагавшихся къ учрежденію въ Вильнѣ и Ковно институтовъ, на которые дворянствомъ губерній уже собирались суммы, правительство, въ видахъ устройства женскаго воспитанія въ краѣ соотвѣтственно своимъ цѣлямъ, обратило вниманіе и на частное воспитаніе. Въ 1837 году Высочайше повелѣно было устроить въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ, Гродно, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Винницѣ, Житомирѣ, Ровно и Каменецъ-Подольскѣ образцовые пансіоны съ цѣлью „восполнить недостатокъ учебныхъ заведеній для образованія дѣвицъ въ западномъ краѣ“. Каждому изъ нихъ было назначено пособіе по 1.500 рублей (сер.) въ годъ отъ казны, т.-е. изъ процентовъ на капиталъ, прежде принадлежавшій женскимъ римско-католическимъ монастырямъ. Содержательницами такихъ пансіоновъ назначались русскія и преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ.

Въ 1840 году всѣ монастырскія училища въ западномъ краѣ были закрыты по Высочайшему повелѣнію, и, отпускавшаяся на нихъ изъ фундушеваго капитала сумма, обращена на устройство свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній. При этомъ министер-

¹⁾ Журналы опек. Совѣтовъ по учрежд. Имп. Маріи. 1879 (Арх. IV отд.).

ству народнаго просвѣщенія вмѣнено въ обязанность представлять правительству объ открытіи, въ случаѣ надобности, учебныхъ заведеній въ родѣ образцовыхъ пансіоновъ, преимущественно для средняго и низшаго классовъ общества, и въ другихъ, помимо указанныхъ въ 1837 году, мѣстахъ. Кромѣ того, Высочайше разрѣшено отдавать подъ помѣщеніе пансіоновъ зданія заштатныхъ римско-католическихъ монастырей, если эти зданія не понадобятся военному вѣдомству.

Но устройство частныхъ образцовыхъ пансіоновъ, даже и съ русскими содержательницами, не вполне достигало цѣли и не представлялось прочнымъ, ибо, какъ объяснено въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова ¹⁾, содержательницы смотрѣли на пансіоны какъ на частную собственность, и существованіе этихъ пансіоновъ зависѣло отъ личныхъ обстоятельствъ частнаго лица. Поэтому, въ 1843 году, Высочайше повелѣно преобразовать находившійся въ Вильнѣ частный образцовый пансіонъ для дѣвицъ средняго состоянія въ казенный, для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, подчинивъ его непосредственному завѣдыванію учебнаго начальства. Главное управленіе пансіономъ ввѣрено, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ, отношеніи, директору виленскаго дворянскаго института подъ наблюденіемъ попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа, а внутренняя часть — начальницѣ и класснымъ дамамъ. Въ пансіонѣ полагалось 70 воспитанницъ; изъ нихъ 50 полныхъ, а 25 полупенсіонерокъ съ платою съ первыхъ отъ 70-ти до 80-ти рублей въ годъ, со вторыхъ по 40 рублей. За обученіе музыкѣ была назначена особая плата отъ 30-ти до 50-ти рублей въ годъ. При вступленіи въ пансіонъ, воспитанницы (отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ) должны были принести съ собою столовый приборъ, серебрянныя ложки, одну столовую, одну чайную, простой ножикъ и вилку и 6 салфетокъ.

Курсъ ученія опредѣленъ въ 4 года. Въ пансіонѣ должны были преподавать: законъ Божій православнаго и римско-католическаго, а если нужно, то и евангелическаго исповѣданій, языки русскій, французскій, нѣмецкій и польскій (на этомъ языкѣ долженъ былъ преподаваться законъ Божій римско-католическаго исповѣданія и польскій языкъ), всеобщая исторія и географія на французскомъ языкѣ; остальные предметы: ариѳметика, русская исторія и географія — по-русски. Кромѣ того преподавались: чистописаніе, рисованіе, танцы, рукодѣлія. По окончаніи полнаго курса, разрѣшалось выдавать воспитанницамъ свидѣтельства на право

¹⁾ 1844 г. (Арх. М. Н. Пр.).

обучать въ частныхъ домахъ, безъ особаго испытанія, чтенію и письму на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и ариметикѣ ¹⁾).

Этотъ пансіонъ долженъ былъ существовать лишь временно, до открытія виленскаго института, на который, къ 1855 году, дворянство виленской, ковенской, гродненской и минской губерній собрало уже сумму, превышавшую 150.000 р. сер., предназначенныхъ для перестройки зданія бывшаго въ Вильнѣ миссіонерскаго монастыря, отданнаго будущему женскому центральному институту.

Закавказскій институтъ въ Тифлисѣ былъ учрежденъ въ 1840 году по Высочайшей волѣ на 60 воспитанницъ, дочерей высшаго дворянства края, которымъ было предоставлено 40 бесплатныхъ вакансій, а остальные 20 могли замѣщаться своекоштными пенсіонерками съ платою по 150 рублей въ годъ. На содержаніе института было назначено 24.500 р, въ годъ изъ государственнаго казначейства и изъ суммъ, находившихся въ вѣдѣніи главноуправляющаго Грузіею, въ томъ числѣ и суммы, выдававшейся до тѣхъ поръ казенному дѣвичьему пансіону въ Тифлисѣ ¹⁾. Главное начальство надъ институтомъ ввѣрялось главноуправляющему Грузіею и черезъ него должны были представляться доклады императрицѣ, подъ покровительство которой институтъ былъ поставленъ.

Годъ спустя, на другой окраинѣ Россіи, въ Сибири, положено начало женскому институту. Это былъ „дѣвичій институтъ восточной Сибири“.

До 1838 года въ Сибири не было ни одного, ни учебнаго, ни воспитательнаго, женскаго заведенія. Въ этомъ году, по мысли и на средства вдовы купца 1-й гильдіи, Елизаветы Михайловны Медвѣдниковой, былъ открытъ, уже послѣ ея смерти, Сиропитательный домъ для воспитанія и образованія сиротъ женскаго пола. Составленнымъ еще въ 1828 году духовнымъ завѣщаніемъ, Медвѣдникова назначала 70.000 рублей (асс.) на устройство въ Иркутскѣ учебно-воспитательнаго заведенія для сиротъ вообще. Но иркутскій гражданскій губернаторъ, Цейдлеръ, убѣдилъ наследниковъ Медвѣдниковой устроить его исключительно для призрѣнія дѣвочекъ, и заведеніе было открыто въ 1838 году ³⁾.

¹⁾ Положеніе о Виленскомъ казенномъ образцовомъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ (Арх. М. Н. Пр.).

²⁾ Записка главноупр. Грузіею, представленная государю 30 дек. 1839 г. (Учр. инст. XXXIII).

³⁾ Иркутскій Сиропитательный домъ Елиз. Медвѣдниковой и учрежденный при немъ банкъ. 1838—1858. Иркутскъ. 1888. Изд. Совѣта Сиропит. дома.

При этомъ наслѣдники (сыновья) Медвѣдниковой отдѣлили 50.000 р. изъ завѣщаннаго ею капитала, на учрежденіе банка Сиропитательнаго дома съ тѣмъ, чтобы на доходы съ этой суммы и на частныя пожертвованія содержать воспитанницъ. Оба эти учрежденія были приняты подъ покровительство императрицы, и тогда же начата постройка зданія для Дома на 20.000 р. капитала Медвѣдниковой и на пожертвованныя ею наслѣдниками суммы. Хотя первоначально въ новое заведеніе поступали дочери мѣщанъ и цеховыхъ, но скоро стали поступать и дочери дворянъ и чиновниковъ, и даже богатыхъ родителей, своекоштными пенсіонерками. Это было первое женское учебное заведеніе въ Сибири.

Въ 1841 году генераль-губернаторъ восточной Сибири, Рупертъ, задумалъ устроить институтъ, въ которомъ дворянскія и купеческія дочери могли бы получать среднее образованіе. Онъ обратился съ приглашеніемъ о пожертвованіяхъ къ золотопромышленникамъ и къ учредителямъ банка Сиропитательнаго дома; собравъ такимъ путемъ 30.000 рублей, Рупертъ сейчас же приступилъ къ постройкѣ зданія для института, который былъ открытъ въ 1845 году.

По утвержденному еще раньше уставу и штату, институтъ предназначался для воспитанія и образованія дочерей гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ или служившихъ въ восточной Сибири, также дочерей инородцевъ и купцовъ 1 и 2 гильдій. Казенныхъ воспитанницъ назначалось 40, а пенсіонерокъ 30. Въ 1855 году было разрѣшено принимать своекоштными пенсіонерками дочерей лицъ всѣхъ свободныхъ состояній. Курсъ ученія полагался шестилѣтній съ раздѣленіемъ на 3 класса. Средства института составлялись изъ процентовъ съ отчисленнаго ему банкомъ Сиропитательнаго дома небольшого капитала, назначенной отъ казны суммы въ 14.300 рублей, которые должны были отпускаться Кяхтинскою таможеню, за что ей было дано право помѣщать своихъ пенсіонерокъ, и отъ платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ по 250 рублей въ годъ съ каждой.

Въ это же время возникло предположеніе учредить такой же институтъ и въ западной Сибири. По Высочайше утвержденному, въ 1843 году, Положенію объ общественномъ сибирскомъ банкѣ въ Томскѣ, изъ процентовъ съ капитала, принадлежащаго учредителю банка, А. Попову, также съ вкладовъ частныхъ лицъ, было опредѣлено отдѣлять ежегодно по 2.000 рублей на 20 стипендій въ иркутскомъ институтѣ „преимущественно сиротъ гражданскихъ и горныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ томской губерніи“. Остальныя прибыли банка должны были при-

числаться къ его капиталу до тѣхъ поръ, пока доходовъ отъ его оборотовъ будетъ достаточно для устройства института въ Томскѣ и содержанія въ немъ 40 воспитанницъ. Пока шла переписка объ учрежденіи института, дѣла банка ухудшились, и въ 1854 году томскій губернаторъ сообщилъ, что главный источникъ доходовъ банка, при выдачахъ ссудъ подъ залогъ золота, пресѣкъся съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ суммы изъ государственнаго коммерческаго банка въ алтайское горное управленіе, и что учрежденіе института сдѣлалось невозможнымъ ¹⁾.

Въ 1845 году дворянство войска донского, по приглашенію наказнаго атамана Власова, ходатайствовало объ учрежденіи въ Новочеркасскѣ института для воспитанія дочерей мѣстныхъ дворянъ, и съ этой цѣлью установило сборъ по 5 копѣекъ съ десятины земли, имѣющей поступить въ надѣлъ донскимъ помѣщикамъ ²⁾. Представляя объ этомъ ходатайствѣ военному министру, Власовъ говорилъ, что въ землѣ войска донского совсѣмъ нѣтъ способовъ доставить дочерямъ мѣстныхъ дворянъ средняго и недостаточнаго состоянія даже самыхъ необходимыхъ познаній. На проектъ устава будущаго института, государь написалъ: „Главная цѣль для заведенія на Дону—образовать для края какъ бы разсадникъ благоразумно просвѣщенныхъ женъ, хозяекъ и въ особенности матерей, которыя, будучи первыми наставницами дѣтей, поселили бы въ ихъ юныхъ сердцахъ чувства христіанскаго смиренія и благоговѣнія къ волѣ Господней, искреннюю приверженность къ православной церкви и неограниченную преданность къ Престолу, приучали бы дѣвицъ къ хозяйству, рукодѣлію и порядку согласно съ бытомъ и обычаемъ казаковъ“ ³⁾. Въ этихъ видахъ государь нашелъ ненужнымъ обучать воспитанницъ французскому языку, музыкѣ и танцамъ, какъ предметамъ обязательнымъ, а также ненужнымъ и „рѣшительно вреднымъ“ допущеніе въ институтъ полупенсіонерокъ, которыя, „не находясь постоянно подъ наблюденіемъ наставницъ, не могутъ получить основательнаго образованія, въ особенности въ нравственномъ отношеніи“.

По Высочайшему повелѣнію институтъ долженъ былъ состоять подъ покровительствомъ цесаревны, почему и названъ Маріинскимъ, и въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. По проекту послѣдняго, комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ 36 должны были содержаться на средства войско-

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1854 г.

²⁾ Войсковое Положеніе, данное императоромъ Николаемъ 1 янв. 1836 г.

³⁾ Журн. гл. Сов. 1850.

выхъ суммъ, а 84 могли поступать своекоштными пенсіонерками, въ числѣ которыхъ, въ случаѣ свободныхъ вакансій, могли быть и дочери служащихъ въ войскѣ чиновниковъ ¹⁾. Совѣтъ института, подѣ предсѣдательствомъ наказного атамана войска донскаго, долженъ былъ состоять изъ начальницы, депутата войскового дворянства, директора новочеркасской гимназіи (членъ по учебной части) и особаго, по избранію атамана, члена для управленія хозяйственной частью. Курсъ ученія полагался шестилѣтній, раздѣленный на 3 класса, кромѣ класса приготовительнаго.

Средства института должны были состояться: изъ пошлинъ съ отводимыхъ въ потомственное владѣніе донскимъ дворянамъ земель, по 1¹/₂ копѣйки сер. въ годъ съ десятины, что составило 23.400 рублей, изъ процентовъ съ жертвуемой дворянствомъ суммы, по 2 копѣйки съ каждой десятины земли въ теченіе десяти лѣтъ, процентовъ съ 4.285 рублей, завѣщанныхъ институту умершимъ атаманомъ Власовымъ и платы съ своекоштныхъ пенсіонерокъ, по 150 рублей въ годъ съ каждой. На постройку институтскаго зданія и первоначальное обзаведеніе, дворянство ходатайствовало объ отпускѣ изъ войскового строительнаго капитала 100.000 рублей, которые обязывалось возвратить въ теченіе десяти лѣтъ изъ одного земельного сбора. На этихъ основаніяхъ институтъ былъ открытъ въ 1852 году.

Въ этотъ же періодъ времени, 1828—1855, преобразованы и вновь учреждены еще двѣ училища на средства городовъ и частныхъ обществъ. Изъ нихъ, одесское двѣичье училище существовало еще съ 1817 года на городской счетъ и было подчинено приказу общественнаго призрѣнія по хозяйственной, а Ришельевскому лицею по учебной части. Оно предназначалось для двѣицъ недостаточнаго состоянія всѣхъ классовъ общества. Число ученицъ, которыя всѣ были приходящими, ежегодно бывало не менѣе 120. По случаю посѣщенія училища Императрицею Александрою Федоровною, графъ Воронцовъ представилъ о необходимости подчинить его Совѣту одесскаго института, и тогда училище поступило подѣ покровительство императрицы, ему былъ данъ уставъ, которымъ расширялась первоначальная его программа и удлинялся курсъ ученія. Посѣщеніе училища оставлено попрежнему бесплатнымъ ²⁾, а содержаніе его оплачивалось городомъ, отпускавшимъ ему и ранѣе, по 10.000 рублей въ годъ ³⁾.

Другое училище „для бѣдныхъ двѣицъ, круглыхъ сиротъ всѣхъ

¹⁾ Уставъ и штатъ Мар. Донск. инст. благ. двѣицъ. С.-Пет. 1852.

²⁾ При поступленіи каждая ученица вносила 10 рублей асс.

³⁾ Учр. институтовъ. ХХІХ. Одесскій инст. 1824—1862.

сословія“ было основано въ 1834 году въ Кіевѣ, Обществомъ вспоможенія бѣднымъ, предсѣдательницею котораго была графиня Левашева. По данному ему въ 1840 году уставу, которымъ оно было передано въ завѣдываніе Совѣта кіевскаго института и поступило подъ покровительство императрицы, цѣль его опредѣлялась „призрѣніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ всѣхъ свободныхъ состояній, доставленіемъ имъ содержанія и нѣкотораго образованія до того возраста, когда онѣ сами будутъ въ состояніи добывать себѣ пропитаніе честно и благородно“¹⁾. По окончаніи курса, воспитанницы могли поступать надзирательницами за домашнимъ хозяйствомъ въ частныхъ домахъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Съ этой цѣлью въ программу училища входило и ознакомленіе воспитанницъ съ хозяйствомъ во всѣхъ его частяхъ, также „понятія о хожденіи за дѣтьми“. Уставомъ допускались и своекоштные пенсіонерки съ платою по 100 рублей (асс.) въ годъ, но ихъ не было, и это приписали тому, что такая программа, съ элементарнымъ курсомъ, не отвѣчаетъ потребностямъ общества. Дѣйствительно, когда главная надзирательница училища, французенка, стала преподавать французскій и нѣмецкій языки, явились пенсіонерки изъ дочерей военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и это дало училищу средства покрывать всѣ свои расходы. Но на докладъ государю о постройкѣ собственнаго училищнаго зданія, онъ написалъ: „Прекрасное заведеніе, но курсъ наукъ вовсе не сходитъ съ предназначенія и происхожденія воспитанницъ; необходимо вовсе измѣнить, гораздо упростивъ противъ Александринскаго здѣсь“. Тогда было прекращено въ училищѣ преподаваніе иностранныхъ языковъ; но въ 1854 году оно было преобразовано въ заведеніе для 80 воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ кіевской, подольской и волынской губерній. Изъ 80 воспитанницъ, 50 могли быть лишь своекоштными пенсіонерками изъ дочерей и личныхъ дворянъ, потомственныхъ почетныхъ и личныхъ гражданъ, купцовъ 1 и 2 гильдій. Цѣль училища заключалась въ приготовленіи домашнихъ учительницъ для края, и, поэтому, въ программу ученія были включены иностранные языки.

Оренбургское дѣвичье училище, существовавшее съ 1832 года въ видѣ особаго отдѣленія Неплюевскаго кадетскаго корпуса, для дочерей низшихъ воинскихъ чиновъ и бѣдныхъ родителей всякаго званія, которыя могли быть лишь приходящими, было преобра-

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1852.

зовано въ 1848 году въ училище для дочерей штабъ- и оберъ-офицеровъ войскъ, расположенныхъ на оренбургской линіи и тамошняго казачьяго войска, а также гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ въ краѣ, священниковъ и купцовъ 1-й гильдіи. Оно предназначалось для „утвержденія и распространенія образованія женщинъ въ краѣ“. Сначала предполагалось преобразовать его прямо въ институтъ, но, по настоянію генералъ-губернатора Перовскаго, указывавшаго, между прочимъ, и на то, что закрытое заведеніе не отвѣчаетъ мѣстнымъ потребностямъ, это преобразование было отложено и совершилось лишь въ 1855 году, причемъ училище названо оренбургскимъ институтомъ для воспитанія дѣвицъ. Изъ 75 комплектныхъ воспитанницъ, 40 должны были содержаться на суммы уральскаго войска, $\frac{1}{10}$ доходовъ Неплюевского корпуса, процентовъ съ принадлежавшаго училищу капитала въ 15.000 рублей и отъ сбора съ тептарей. 35 могли быть лишь своекоштными пенсіонерками за плату по 130 рублей въ годъ съ каждой. Институтъ учреждался съ цѣлью „доставить образованіе дѣтямъ служащаго класса людей въ степныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ ¹⁾).

Въ 1837 году, по случаю посѣщенія наслѣдникомъ Тобольска, тамошнее городское общество рѣшило учредить школу для образованія дѣвицъ всѣхъ сословій. На это была собрана сумма, достигшая къ 1851 году 20.289 рублей; изъ нихъ 2.000 съ небольшимъ были даны тобольскою и омскою Думами, до 8.000 р. — купечествомъ и 300 р. поступили отъ мѣщанства. Школа была открыта въ 1854 году для приходящихъ ученицъ. Первое ея отдѣленіе предназначалось для 100 дочерей мѣщанъ и другихъ низшихъ сословій, а второе для 40 дочерей духовенства и купцовъ. Тобольскій гражданскій губернаторъ былъ почетнымъ попечителемъ школы и ему было предоставлено право ввѣрить ближайшій надъ нею надзоръ одной изъ почетныхъ въ городѣ дамъ; почетнымъ блюстителемъ назначался городской Голова, инспекторъ гимназіи завѣдывалъ учебною частью, учителя гимназіи и уѣзднаго училища преподавали даромъ. Управленіе школою во всѣхъ отношеніяхъ было поручено директору училищъ тобольской губерніи ²⁾).

Кромѣ этихъ училищъ для приходящихъ, въ 1848 году, по мысли принца Ольденбургскаго, былъ учрежденъ женскій пансіонъ при гатчинскомъ Сиротскомъ институтѣ для 35 ученицъ, дочерей

¹⁾ Журн. Опеку. Сов. 1861.

²⁾ Журн. гл. Сов. 1852.

чиновниковъ института и гатчинскаго дворцоваго правленія. За право посѣщенія уроковъ взималась плата отъ трехъ до пяти рублей въ мѣсяцъ.

Изъ предположенныхъ къ открытію, но къ 1855 году еще не открытыхъ, институтовъ, могилевскій былъ задуманъ еще въ 1837 году по мысли тамошняго гражданскаго губернатора, который, находя, что одного, существовавшего тогда въ Могилевѣ, пиппенбергскаго пансіона, мало для воспитанія женскаго населенія сообразно цѣлямъ правительства, предложилъ преобразовать этотъ пансіонъ въ институтъ, на 100 воспитанницъ. Это предложеніе было тогда же принято министромъ народнаго просвѣщенія, который исходатайствовалъ у императрицы, чтобы она приняла будущій институтъ подъ свое покровительство; послѣ этого и дворянство изъявило согласіе на сборъ въ пользу института. Была составлена уже смѣта и штаты, но преобразование пиппенбергскаго пансіона въ институтъ замедлилось.

Въ Орлѣ также былъ задуманъ, еще въ 1848 году, институтъ, по волѣ государя на доходы съ завѣщанныхъ „на общую пользу“ графинею Орловою-Чесменскою ея имѣній въ орловской, московской и ярославской губерніяхъ, составлявшихъ въ общей сложности 1425 душъ. Но такъ какъ доходовъ съ этихъ имѣній было показано тогда лишь 7.500 рублей (сер.) въ годъ, а на содержаніе 100 воспитанницъ (въ томъ числѣ 5 пенсіонерокъ) требовалось 20.500 рублей въ годъ, то государь велѣлъ, въ случаѣ еслибы у четвертаго отдѣленія Собственной Его канцеляріи, неостало средствъ для пополненія недостающей суммы, обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ: нельзя ли эту сумму получать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія? ¹⁾ По отзыву министра внутреннихъ дѣлъ, отъ приказовъ нельзя было ожидать ни постояннаго, ни единовременнаго пособія, ибо сумма отпускаемыхъ ими на разные институты пособій превышаетъ 63.000 рублей въ годъ, и они уже просятъ освободить ихъ отъ уплаты этой суммы. Тогда было предложено орловскому дворянству собрать капиталъ въ 220.000 рублей, изъ которыхъ 70.000 предполагалось употребить на постройку институтскаго зданія, а 150.000 рублей обратить въ неприкосновенный капиталъ института.

Постановленіе дворянства собрать нужную сумму изъ доходовъ съ своихъ имѣній, по пяти копѣекъ въ годъ съ каждой окладной души, состоялось лишь въ 1850 году; при этомъ дворянство

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1848 г.

поставило условіемъ, чтобы институтъ былъ учрежденъ исключительно для дочерей дворянъ орловской губерніи. Сборъ начался въ 1852 году.

Одновременно съ Высочайшимъ повелѣніемъ объ учрежденіи орловскаго института, въ 1848 году состоялось постановленіе костромскаго дворянства объ учрежденіи „Романовскаго“ института въ Костромѣ на суммы, собранныя дворянствомъ „изъ доходовъ помѣщиковъ, а не съ крестьянъ“, считая по семи копѣекъ съ души въ годъ, въ теченіе десяти лѣтъ. Изъ этого сбора, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ, двѣ копѣйки изъ семи должны были отдѣляться на преобразование существовавшаго съ 1838 года въ г. Нерехтѣ дѣвичьяго училища, подѣ условіемъ, чтобы въ него черезъ каждые пять лѣтъ поступали 15 дочерей самыхъ бѣдныхъ дворянъ бесплатно, а по открытіи института, четыре лучшія ученицы училища переводились бы въ институтъ на бесплатное же содержаніе.

Въ 1851 году предполагавшійся костромской институтъ былъ принятъ подѣ покровительство императрицы. Онъ былъ рассчитанъ на 50 воспитанницъ, изъ которыхъ 20—дочерей недостаточныхъ дворянъ, содержались бесплатно, и 30 пенсіонерокъ съ платою по 200 рублей въ годъ.

Въ 1851 же году и ярославское дворянство, по случаю двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая, постановило пожертвовать единовременно сумму, собравъ съ помѣщиковъ по 20 копѣекъ съ окладной души, для составленія капитала, на проценты котораго должны были воспитываться пенсіонеры въ Демидовскомъ лицѣѣ, а пенсіонерки въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ, съ платою по 240 рублей въ годъ за каждую.

Кромѣ того, въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ предполагались еще институты въ Витебскѣ и Смоленскѣ¹⁾; но крымская война и послѣдовавшія за нею крупныя перемѣны въ русской жизни, произвели коренное измѣненіе во взглядахъ русскаго общества, между прочимъ, и на воспитаніе и образованіе женщинъ.

По отношенію къ существовавшимъ при жизни Императрицы Маріи женскимъ учебнымъ заведеніямъ, за періодъ времени отъ ея смерти по смерть императора Николая, были сдѣланы нѣко-

¹⁾ Дворянство смоленской губерніи еще въ 1849 году предоставило почетному попечителю смоленской губернской гимназіи открыть подписку для добровольныхъ пожертвованій на устройство дѣвичьяго института въ Смоленскѣ. Но тогда было собрано всего 325 р. 50 к. Въ 1852 году дворянство предназначило для будущаго института купленный имъ для благороднаго пансіона при гимназіи домъ и просило попечителя продолжать сборъ на институтъ. (Арх. мин. нар. просв. 1853 г.).

торья отдѣльныя распоряженія. Дѣвичье училище военносиротскаго дома переименовано въ Павловскій институтъ, въ память императора Павла; бывшее при немъ отдѣленіе солдатскихъ дочерей въ 1850 году присоединено къ Александринскому сиротскому дому; въ Павловскомъ институтѣ должны были воспитываться дочери военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ до чина полковника или капитана 2-го ранга, а пенсіонерками могли быть дочери и гражданскихъ чиновниковъ; комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 240, изъ которыхъ 140 полагалось своекоштныхъ ¹⁾. Петербургскій, московскій и симбирскій Дома Трудолюбія переименованы въ Елизаветинскія училища въ память императрицы Елизаветы Алексѣевны. По ходатайству петербургской Думы, отпускавшей, по Высочайшему повелѣнію 1827 года, по 7.142 рубля серебромъ (25.000 р. асс.) въ годъ на содержаніе петербургскаго Дома, было, въ 1850 году, разрѣшено ей помѣщать шесть своихъ пенсіонерокъ не только изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, но и изъ штабъ-офицерскихъ, также медиковъ, учителей и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ.

Хотя всѣ Дома Трудолюбія были предназначены для воспитанія дѣвицъ свободнаго состоянія, но пенсіонерками могли поступать и дочери бѣдныхъ дворянъ и классныхъ чиновниковъ. Имъ, кромѣ элементарнаго образованія, преподавались добавочные предметы: иностранные языки, географія и исторія, а въ московскомъ Домѣ — музыка и танцы, за особую плату. По окончаніи курса, пенсіонеркамъ выдавались аттестаты на званіе домашней наставницы безъ особаго экзамена ²⁾. Вслѣдствіе ходатайства Совѣта московскаго Дома Трудолюбія въ 1833 году, о повышеніи курса и для штатныхъ воспитанницъ, на томъ основаніи, что пенсіонерки легко, тотчасъ же по окончаніи курса, помѣщаются на мѣста, а штатныя, образованіе которыхъ ограничивается элементарными предметами, трудно пристраиваются, курсъ былъ уравненъ для всѣхъ одинаково. Число пенсіонерокъ во всѣхъ Домахъ было велико. Въ 1843 году въ московскомъ, вмѣсто положенныхъ уставомъ 1829 года пятидесяти комплектныхъ воспитанницъ, ихъ было 127, причемъ отъ пенсіонерокъ, платившихъ по 450 рублей въ годъ, было получено 36.800 руб.; вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ году, попечительный Совѣтъ Дома ходатайствовалъ о разрѣшеніи принимать пенсіонерокъ только такихъ членовъ благотворительнаго Общества, которые внесли въ

¹⁾ На докладѣ этого проекта, государь написалъ: „согласенъ лишь бы не повлекло въ новые расходы, которыхъ мнѣ нечѣмъ покрыть“. (Журн. гл. Сов. 1849 г.).

²⁾ Уставъ симб. Д. Труд. § 50.

его кассу единовременно 2.000 рублей серебромъ ¹⁾ и плата съ пенсіонерокъ была увеличена до 525 рублей въ годъ.

Въ 1836 году императоръ Николай посѣтилъ симбирскій Домъ Трудолюбія и, уѣзжая, сказалъ о немъ губернатору: „ничего лучше онаго я не нашелъ“ ²⁾.

Въ рязанскомъ Домѣ, состоявшемъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, до 1846 года получали элементарное образованіе дѣти обоюбого пола. Бывшій тогда рязанскимъ губернаторомъ, Прокоповичъ-Антонскій, представилъ докладъ, въ которомъ говорилъ, что въ Рязани до 237 мальчиковъ воспитываются въ разныхъ заведеніяхъ на благотворительныя суммы, а для дѣвочекъ существуетъ лишь одинъ Домъ Трудолюбія, гдѣ ихъ воспитывается всего 20; поэтому онъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы въ Домъ принимались только однѣ дѣвочки, на что императрица дала свое согласіе.

Мѣщанское училище при Воспитательномъ Обществѣ названо Александровскимъ, по примѣру московскаго. Бывшее при немъ военное отдѣленіе упразднено, а пріемъ въ Александровское ограниченъ дочерьми штабъ и оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, также священниковъ, „съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ сословій“ ³⁾. Нѣкоторымъ изъ заведеній были даны уставы и штаты, опредѣлены новые источники средствъ ⁴⁾.

Относительно внутренняго управленія институтовъ, была, въ числѣ другихъ мѣръ, принята одна, общая для всѣхъ, а именно повышена должность начальницъ и директриссъ. Увидѣвъ, что на докладѣ Совѣта харьковскаго института подписи членовъ стояли выше подписи начальницы, государь велѣлъ, чтобы вездѣ, гдѣ, по уставу, начальница присутствуетъ въ засѣданіяхъ Совѣта, она подписывалась выше всѣхъ членовъ, въ какихъ бы чинахъ они

¹⁾ До тѣхъ поръ право на помѣщеніе своихъ пенсіонерокъ имѣли члены Общества, внесшіе въ его классу 3000 р. асс. единовременно или вносившіе ежегодно не менѣе 300 р. асс.

²⁾ Записки Ивана Степановича Жиркевича (Р. Стар. 1890 г. іюль).

³⁾ Всепод. докладъ Сов. Восп. Общ. благ. дѣл. 1842 г. Въ этомъ докладѣ Совѣтъ представилъ, что въ 1842 году въ мѣщанскомъ училищѣ было только 3 мѣщанки комплектныхъ и 7 пенсіонерокъ и что изъ 160 прошеній о допущеніи къ баллотировкѣ, отъ лицъ мѣщанскаго сословія было лишь 21; большинство же воспитанницъ мѣщанскаго училища въ 1842 году составляли дочери военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и личныхъ дворянъ (Учр. Восп. Общ. 1828—1841).

⁴⁾ С.-Пет. Дому Трудолюбія было пожаловано 500.000 р. асс. изъ капитала отъ продажи принадлежавшихъ императрицѣ Елиз. Алек. брилліантовыхъ вещей и, кромѣ того, Высоч. указомъ 1827 г. повелѣно С.-пет. городской Думѣ выдавать ему по 25.000 р. асс. (7.142 р. сер.) ежегодно, съ предоставленіемъ Думѣ права помѣщать въ Домъ Трудолюбія шесть своихъ пенсіонерокъ.

ни состояли ¹⁾. А въ 1838 году было дано Высочайшее повелѣніе, которымъ всѣмъ начальницамъ и директриссамъ женскихъ учебныхъ заведеній предписывалось быть непремѣнными членами Совѣтовъ съ правомъ присутствовать во всѣхъ ихъ засѣданіяхъ.

Вообще, за это время были производимы частныя преобразованія по управленію и другимъ частямъ отдѣльныхъ институтовъ, но, кромѣ приведенной выше, общихъ для всѣхъ заведеній, мѣръ, не принималось. Между тѣмъ, при быстромъ увеличеніи числа женскихъ учебныхъ заведеній и при условіяхъ ихъ возникновенія въ разныхъ мѣстахъ имперіи, естественно не могло быть единообразія ни въ управленіи и программахъ, ни въ уставахъ, которые составлялись примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ края, гдѣ учреждались заведенія. Въ 1842 году государь поручилъ статсъ-секретарю Гофману постепенно ознакомиться съ губернскими женскими учебными заведеніями вѣдомства, „вникнуть во всѣ подробности ихъ устройства и можетъ быть предложить нѣкоторыя къ улучшенію ихъ мѣры“ ²⁾. Въ слѣдующемъ же году, послѣ осмотра варшавскаго, кіевскаго, бѣлостокскаго, харьковскаго и московскихъ институтовъ, Гофманъ представилъ государю отчетъ объ этихъ институтахъ „преимущественно со стороны нравственнаго воспитанія и духовнаго образованія дѣвицъ“. Послѣдствіемъ этого было порученіе, данное въ 1844 году особому комитету подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ составѣ: министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Лонгинова, почетнаго опекуна Ланского и статсъ-секретаря по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи, принаровить учебную часть въ женскихъ заведеніяхъ къ главной цѣли женскаго воспитанія, „образованію добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ, дабы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, ума и сердца, воспитанницы могли приготовляться къ будущему важному ихъ назначенію“ ³⁾. При этомъ государемъ было выражено желаніе, чтобы комитетъ разсмотрѣлъ уставы всѣхъ женскихъ заведеній.

Упомянувъ здѣсь въ первый разъ имя принца Петра Геор-

¹⁾ Сообщая объ этомъ начальницѣ харьк. инст., Вилламовъ указалъ ей какъ на „разительнѣйшій примѣръ“ строгаго исполненія этого правила, на Совѣтъ С.-пет. Екатерининскаго училища, въ которомъ начальницею вдова надворнаго совѣтника, а въ числѣ членовъ состоятъ: Д. Т. Сов. и Предсѣдатель Госуд. Совѣта князь Кочубей, оберъ-камергеръ гр. Головкинъ, адмиралъ Шишковъ и другіе второклассные чины „но всѣ они,—писалъ Вилламовъ,—подписываются ниже начальницы, уступая ей, яко Дамѣ, мѣсто выше себя“ (Письмо 1831 г. Арх. IV отд.).

²⁾ Пятидесятилѣтіе IV отд. С. Е. И. В. Канц., стр. 64.

³⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 65.

гіевича Ольденбургскаго, мы должны на немъ остановиться, ибо въ его лицѣ женскія учебныя заведенія пріобрѣли преемника Императрицы Маріи по неутомимой дѣятельности на пользу женскаго образованія въ Россіи, во главѣ котораго принцъ впослѣдствіи былъ поставленъ, по неусыпнымъ заботамъ о нуждахъ женскихъ учебныхъ заведеній, по гуманному и доброму отношенію къ воспитанницамъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ родился въ Россіи. Отецъ его, еще до пріѣзда въ Россію, получилъ образованіе за границею, сначала подъ руководствомъ извѣстнаго тогда педагога и ученаго Крузе а потомъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ ¹⁾. Мать принца, великая княгиня Екатерина Павловна, получила необыкновенное въ концѣ прошлаго вѣка для женщины образованіе. Ей преподавали не только иностранные языки, въ томъ числѣ латинскій и итальянскій, но и науки, даже такія, какъ наука права и политики, которую читалъ ей ученый Шторхъ. Когда отецъ принца Петра Георгіевича былъ назначенъ тверскимъ, ярославскимъ и новгородскимъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ путей сообщенія, вся семья его переселилась въ Тверь. Здѣсь родители принца продолжали заниматься литературными и художественными предметами и ихъ маленькій дворъ сдѣлался средоточіемъ умственныхъ и литературныхъ интересовъ. Великая княгиня вела переписку съ Карамзинымъ, который, какъ и многіе другіе замѣчательные люди того времени, пріѣзжалъ въ Тверь и читалъ великой княгинѣ свою „Исторію государства російскаго“.

Первые годы своего дѣтства принцъ Петръ Георгіевичъ провелъ въ Штутгартѣ, гдѣ великая княгиня Екатерина Павловна, овдовѣвъ, вторично вышла замужъ за наслѣднаго принца виртембергскаго, на слѣдующій же, послѣ женитьбы, годъ сдѣлавшагося королемъ. Хотя во время пребыванія въ Штутгартѣ принцъ Петръ былъ еще очень малъ, но въ душу его могли запасть видѣнныя имъ въ то время бѣдствія, вызванныя сначала войною, а потомъ необычайною, вслѣдствіе всеобщаго, въ 1816 году, въ Европѣ неурожая, дороговизною всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Онъ могъ быть свидѣтелемъ заботъ его матери-королевы объ облегченіи нуждъ населенія, для чего Екатерина Павловна организовала въ Штутгартѣ благотворительное общество, въ дѣлахъ котораго сама принимала дѣятельное участіе. Общество широко распространило свои дѣйствія; оно устраивало народныя кухни для бѣдныхъ,

¹⁾ Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Ко дню 50-лѣтія Имп. училища правовѣдѣнія составилъ А. Папковъ. С.-Пет. 1885.

учреждало школы для дѣтей, которыми особенно интересовалась королева, ежедневно ихъ посѣщавшая. По минованіи бѣдствія, въ 1817 году, Екатерина Павловна занялась устройствомъ на собственные средства въ Штутгартѣ женскаго института по образцу нашихъ; институтъ, названный Екатерининскимъ, былъ открытъ въ 1818 году.

Всѣ эти впечатлѣнія, несмотря на ранній возрастъ принца, могли оставить слѣдъ въ его душѣ тѣмъ болѣе, что Екатерина Павловна, при воспитаніи сыновей, руководствовалась правиломъ „сдѣлать изъ нихъ людей и не щадить въ нихъ принцевъ“ — слова, которыя королева нерѣдко говорила воспитателямъ ихъ.

Лишившись матери когда ему пошелъ восьмой годъ, принцъ Петръ, вмѣстѣ съ братомъ, былъ перевезенъ въ Ольденбургъ къ дѣду, также образованному и гуманному человѣку, подъ руководствомъ котораго и получилъ воспитаніе и образованіе. Онъ занимался и русскимъ языкомъ, на которомъ писалъ сочиненія, и русскою исторіею. Кромѣ обычныхъ предметовъ средняго образованія, принцъ, въ послѣдствіи, началъ заниматься и юридическими науками по обширной программѣ германскихъ университетовъ.

Для характеристики нравственного направленія мыслей принца, авторъ его біографіи приводитъ фактъ, что, потерявъ въ 1829 году своего старшаго брата, принцъ, которому въ то время было 17 лѣтъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тѣло покойнаго было предано землѣ безъ пышности, а сбереженная при этомъ сумма въ 11.000 талеровъ была распредѣлена частью на пособіе институту глухонѣмыхъ въ Вильдесгаузенѣ, а частью на образованіе капитала для выдачи пенсій учителямъ города Ольденбурга, лишившимся, по болѣзни или старости, возможности продолжать трудиться.

По пріѣздѣ въ Россію, куда принцъ былъ вызванъ императоромъ Николаемъ въ 1830 году, онъ былъ зачисленъ въ преображенскій полкъ, которымъ временно и командовалъ. И здѣсь принцъ проявилъ свою гуманность распоряженіями по полку, а также обративъ вниманіе на малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, для которыхъ устроилъ школу. Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ продолжалъ свое образованіе, слушая лекціи у академика Арсеньева по русскому праву и въ то же время читалъ Пушкина. Назначенный въ 1834 году присутствовать въ Сенатѣ, принцъ скоро пришелъ къ мысли о необходимости учредить высшее учебное заведеніе для спеціальной подготовки молодыхъ людей къ юридическимъ занятіямъ и осуществилъ эту мысль пожертвовавъ болѣе милліона рублей изъ собственныхъ средствъ на пріобрѣтеніе дома и первое обзаведеніе учрежденнаго имъ училища правовѣдѣнія. Въ 1835 г.,

принцъ былъ назначенъ членомъ Совѣта военноучебныхъ заведеній и временно исправлялъ должность главнаго ихъ начальника. Здѣсь, впервые, онъ могъ проявить свои способности на педагогическомъ поприщѣ.

Четыре года спустя началась его дѣятельность по женскому образованію: въ 1839 году онъ былъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ въ петербургскомъ Совѣтѣ, также членомъ Совѣта Воспитательнаго Общества и училища св. Екатерины, гдѣ, въ теченіе 13 лѣтъ, управлялъ хозяйственною частью; въ это время, въ 1844 году, состоялось его назначеніе предсѣдателемъ комитета по пересмотру уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній, а въ слѣдующемъ, предсѣдателемъ вновь учрежденнаго главнаго Совѣта этихъ заведеній. Наконецъ, въ 1860 году, послѣ смерти Императрицы Александры Ѳеодоровны, принцъ былъ назначенъ главноуправляющимъ четвертымъ отдѣленіемъ Собственной Ея Величества канцеляріи, причемъ ему было ввѣрено управленіе всѣми учрежденіями Императрицы Маріи. Эту обязанность онъ исполнялъ, въ буквальный смыслъ слова, до конца своей жизни, послѣдовавшаго въ 1881 году.

Приступая къ возложенному на него порученію, комитетъ 1844 года подвергъ обсужденію самый вопросъ о возможности согласовать женское воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ съ поставленною ему государемъ цѣлью. Эту цѣль—образованіе хорошихъ женъ и полезныхъ матерей семействъ—комитетъ призналъ „общею для всякаго воспитанія дѣвицъ и домашняго и общественнаго“, но пути къ ней ведущіе, по мнѣнію комитета, „должны быть различны, смотря по мѣсту, которое дѣвица готовится занять въ обществѣ“¹⁾. Относительно осуществленія ея на практикѣ, комитетъ высказалъ убѣжденіе, что „нѣтъ возможности положить такія границы, которыя позволяли бы соразмѣрять образованіе каждой воспитанницы съ будущимъ ея назначеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно не можетъ быть твердо и положительно опредѣлено, завися преимущественно отъ замужества и положенія мужа ея“.

Не отрицая нѣкоторыхъ неудобствъ, представляемыхъ общественнымъ воспитаніемъ для женскаго пола, „назначеннаго самою природою для семейной жизни, для которой семейное воспитаніе есть лучшее приготовленіе“, комитетъ, тѣмъ не менѣе, пришелъ къ заключенію, что въ Россіи общественное воспитаніе необходимо, вслѣдствіе обширнаго пространства, занимаемаго имперіею, что дѣлаетъ еще болѣе ощутительною недостаточность средствъ къ домаш-

¹⁾ Засѣданіе ком. 6 іюля 1844 г. (Дѣла гл. Сов.).

нему воспитанію дѣтей, особенно „при скудости жалованья многихъ служащихъ лицъ, необразованности, безпечности и бѣдности многихъ родителей“. Поэтому, считая рѣшеннымъ, что „нѣтъ и не можетъ быть мѣрила, которымъ можно было бы безошибочно руководствоваться въ дѣлѣ женскаго воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ“, комитетъ помирился на томъ, что „отцы семействъ, которые не имѣютъ средствъ исполнить лежащую на нихъ священную обязанность, обращаясь къ благодѣянію Правительства, этимъ объявляютъ себя несостоятельными и не имѣютъ права требовать такого-то или иного воспитанія, а должны съ благодарностью принимать то, которое имъ даютъ“.

Задача, по мнѣнію комитета, была бы легче, еслибы заведенія раздѣлялись на платныя и даровыя, ибо это „давало бы болѣе возможности опредѣлить будущее назначеніе дѣвицы“. Но допустить такое дѣленіе въ содѣржимыхъ правительствомъ заведеніяхъ, „куда принимаются лишь дочери недостаточныхъ родителей, за особыя заслуги, и гдѣ пенсіонерки составляютъ меньшинство“, комитетъ не счелъ возможнымъ. Съ другой стороны, если образованіе выше состоянія, по мнѣнію комитета, вредно, то иногда это бываетъ и полезно, ибо служить источникомъ благосостоянія воспитанницъ, „доставляя имъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы вѣрный способъ къ существованію или обращая на нихъ, какъ на благовоспитанныхъ дѣвицъ, вниманіе умѣющихъ цѣнить сіи достоинства мужей“.

Рядомъ съ этимъ, комитетъ призналъ нужнымъ руководствоваться и общею цѣлью—смягченія, путемъ женскаго образованія и воспитанія, нравовъ въ семьяхъ и въ то же время оказать послѣднимъ помощь, такъ какъ уже обнаружилось, что при пріемахъ въ институты дѣтей, многія изъ нихъ поступаютъ подготовленными своими матерями, получившими образованіе въ этихъ заведеніяхъ.

Для согласованія умственного образованія воспитанницъ съ ихъ состояніемъ и будущимъ назначеніемъ, комитетъ постановилъ опредѣлить прежде всего программы разныхъ заведеній и затѣмъ перейти къ выработкѣ правилъ нравственнаго и физическаго воспитанія въ нихъ.

На докладной запискѣ по этому журналу комитета, государь написалъ: „все справедливо; оно трудно, но есть труднѣе задачи, и тѣ разрѣшены. Заняться прилѣжно и мнѣ потомъ представить“¹⁾.

Комитетъ окончилъ свои занятія въ шесть мѣсяцевъ и 20-го

¹⁾ Засѣданіе комитета 24 іюля 1844 г.

января 1845 года представилъ на Высочайшее утверждение проектъ раздѣленія всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній на четыре разряда, сообразно съ званіемъ и происхожденіемъ воспитанницъ. Для каждаго разряда была составлена особая программа учебного курса „соотвѣтственно особому назначенію воспитывающихся въ томъ или другомъ заведеніи дѣвицъ“. Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, „какъ высшее въ своемъ родѣ заведеніе“, по своей программѣ, болѣе обширной, „но не выходя однако за предѣлы потребности познаній женскаго пола“, было выдѣлено комитетомъ въ особое, первое, отдѣленіе заведеній перваго разряда. При этомъ предполагалось, что воспитанницы Общества принадлежатъ къ высшему дворянству и что ихъ родители могутъ по своему состоянію лучше обезпечить будущность своихъ дочерей.

Второе отдѣленіе перваго разряда, съ нѣскольکو сокращенною, противъ Общества, программой, но приуроченною къ тому, чтобы воспитанницы получали приличное дворянству образованіе, состояло изъ двухъ училищъ ордена св. Екатерины и институтовъ: патріотическаго, харьковскаго, одесскаго, казанскаго, кіевскаго, бѣлостокскаго, закавказскаго, могилевскаго (еще тогда не открытаго), полтавскаго, Александринскаго въ Тамбовѣ и Александринскаго въ Пулавахъ (бывшаго варшавскаго).

Ко второму разряду, программа котораго была значительно сокращена противъ заведеній перваго, для того, чтобы оставалось больше времени для занятій искусствами и рукодѣліемъ, были причислены: 1-е отдѣленіе Павловскаго института, оба Александровскія училища, петербургскій, московскій и симбирскій Дома Трудолюбія, астраханскій институтъ и дѣвичій восточной Сибири.

Въ заведеніяхъ третьяго разряда было положено преподавать лишь „необходимые для бѣдныхъ дѣтей“ предметы, а всѣ занятія должны были сосредоточиваться преимущественно на рукодѣліяхъ, какъ главномъ средствѣ будущаго назначенія воспитанницъ. Въ этотъ разрядъ входили: Александринскій сиротскій домъ, солдатское отдѣленіе Павловскаго института, два училища солдатскихъ дочерей полковъ лейбъ-гвардіи, одесское городское училище, кіевское для бѣдныхъ дѣвицъ графини Левашевой, николаевское и севастопольское училища для дочерей нижнихъ чиновъ черноморскаго флота, оренбургское дѣвичье училище, иркутскій сиропитательный домъ, школы патріотическаго Общества, школы челоуѣколюбиваго Общества въ Петербургѣ и Москвѣ, кронштадтскій сиротскій домъ и отдѣленіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ при демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся.

Четвертый разрядъ составляли спеціальныя заведенія: сиротскіе институты Воспитательнаго дома въ Петербургѣ и Москвѣ, Александринскій сиротскій институтъ и повивальныя училища—петербургское и московское.

Кромѣ принаровленія программъ ученія къ указанной государемъ цѣли женскаго воспитанія, комитетъ подѣ председательствомъ принца обратилъ вниманіе и на нравственное и физическое воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ съ тѣмъ, чтобы и эти стороны были согласованы съ главной его цѣлью.

Убѣдившись, при разсмотрѣніи уставовъ различныхъ заведеній, въ томъ, что вездѣ приведены одни и тѣ же правила нравственности, что во всѣхъ уставахъ предписывались начальствующимъ „насаждать въ юныхъ сердцахъ вѣренныя попеченію ихъ воспитанницъ христіанское благочестіе, кротость, повиновеніе, любовь къ ученію, трудамъ и порядку“, также вездѣ введены однѣ и тѣ же мѣры поощреній и исправленій, комитетъ нашелъ ихъ достаточными; онъ призналъ лишь нужнымъ усилить въ нѣкоторыхъ изъ заведеній занятія воспитанницъ домашнимъ хозяйствомъ и вообще установилъ правиломъ „удалять всякій ложный блескъ, который можетъ дать воспитанницамъ неправильныя понятія объ ихъ будущемъ назначеніи“. Для пріученія и усовершенствованія воспитанницъ въ домашнемъ хозяйствѣ, комитетъ нашелъ полезнымъ устройство, по мѣрѣ возможности, въ институтахъ образцовыхъ кухонь, гдѣ воспитанницы сами приготавливали бы кушанье подѣ руководствомъ опытной хозяйки, а для болѣе успѣшнаго исполненія этой задачи, начальницамъ было вмѣнено въ обязанность включать въ свои срочныя донесенія императрицѣ отчеты и о занятіяхъ воспитанницъ домашнимъ хозяйствомъ.

✓ Для улучшенія физическаго воспитанія въ институтахъ, комитетъ предложилъ ввести занятія воспитанницъ гимнастикою, и съ цѣлью приготовленія, особенно для губернскихъ институтовъ, учительницъ гимнастики, устроить въ обоихъ сиротскихъ институтахъ особыя классы изъ наиболѣе способныхъ къ этому питомицъ Воспитательнаго дома; изъ ихъ же среды, нѣкоторыя должны были приготавливаться въ учительницы танцевъ, преимущественно для губернскихъ институтовъ. Вопросъ о гимнастикѣ былъ переданъ на обсужденіе медицинскаго Совѣта, который долженъ былъ высказаться о томъ, пригодны ли упражненія гимнастикою для женскихъ учебныхъ заведеній?

Въ ряду предположенныхъ для улучшенія физическаго воспитанія въ женскихъ заведеніяхъ мѣръ, комитетъ намѣтилъ устройство для воспитанницъ лѣтомъ купалень, а зимою, по указанію

врача, душъ или комнатныхъ ваннъ. На этомъ пунктѣ заключенія главнаго Совѣта государь написалъ: „Эта статья Мнѣ кажется лишней и прихотливой“ ¹⁾.

Комитетъ измѣнилъ и пріемный возрастъ воспитанницъ; въ предназначенныя исключительно для сиротъ заведенія, онѣ могли поступать отъ 8 до 13 лѣтъ, а круглыя сироты и моложе; въ институты съ шестилѣтнимъ курсомъ должны были приниматься дѣти не моложе десяти и не старше двѣнадцати лѣтъ. Это было мотивировано тѣмъ, чтобы изъ этихъ институтовъ воспитанницы выходили съ „оконченнымъ полнымъ образованіемъ“ не ранѣе 16-ти и не позже 18-ти лѣтъ. На пенсіонерокъ эти правила не распространялись.

При поступленіи въ заведенія перваго разряда, отъ воспитанницы требовалось знаніе важнѣйшихъ молитвъ и заповѣдей, умѣнье читать и писать по-русски и знакомство съ нумераціею или счисленіемъ; въ удостовѣреніе этихъ знаній должны были представляться свидѣтельства, подписанныя приходскими священниками, директорами гимназій или уѣздными учителями.

Эти мѣры комитета были утверждены государемъ, выразившемъ лишь волю, чтобы правила относительно пріемнаго возраста и вступительныхъ познаній не были распространяемы на заведенія, учрежденные для сиротъ.

Еще до окончанія занятій комитета 1844 года, государь поручилъ статсъ-секретарю Гофману составить проектъ Положенія Совѣта „о женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ за годъ передъ тѣмъ былъ утвержденъ Совѣтъ о военноучебныхъ заведеніяхъ“. Эти основанія, примѣненныя къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, имѣли бы послѣдствіемъ упраздненіе ихъ мѣстныхъ Совѣтовъ и замѣну ихъ однимъ, высшимъ. Получивъ такое порученіе, Гофманъ счелъ долгомъ представить государю, что измѣненіе существовавшего до тѣхъ поръ порядка управленія женскими учебными заведеніями повело бы къ тому, что они „не стояли бы болѣе такъ близко къ непосредственному Монаршему вниманію и покровительству, которыя производятъ самое благотворное вліяніе на нравственное ихъ достоинство, главную основу цвѣтущаго ихъ благоустройства, не лишая ихъ благоволенія, которымъ отъ Монарха удостоены, и того уваженія, которымъ пользуются въ обществѣ“ ²⁾. Въ пространной запискѣ, статсъ-секретарь Гофманъ изложилъ

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 161.

²⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 80.

свой проектъ, въ которомъ предлагалъ сохранить при женскихъ заведеніяхъ ихъ мѣстные Совѣты; но для вопросовъ, общихъ всѣмъ заведеніямъ, учредить высшій Совѣтъ, какъ высшее совѣщательное собраніе „съ цѣлью утверждать духъ и порядокъ воспитанія дѣвицъ на общихъ началахъ и руководствовать общимъ ихъ направленіемъ“. Этому Совѣту, по плану Гофмана, были бы подчинены всѣ женскія учебныя заведенія какъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, такъ и состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы.

Въ такомъ духѣ былъ составленъ проектъ учрежденія главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и поднесенъ на утвержденіе государя при запискѣ Гофмана. Но государь вновь подтвердилъ ему, чтобы всѣ женскія учебныя заведенія были непосредственно подчинены главному Совѣту и чтобы съ его учрежденіемъ были упразднены всѣ мѣстные Совѣты какъ при столичныхъ, такъ и при губернскихъ институтахъ.

На новомъ представленіи Гофмана, о томъ, между прочимъ, что съ упраздненіемъ мѣстныхъ Совѣтовъ всѣ ихъ обязанности перейдутъ къ начальницамъ, которыя, независимо отъ увеличенія круга ихъ занятій, что отвлечетъ ихъ отъ главныхъ ихъ обязанностей, не будутъ въ состояніи исполнять новыя уже потому, что хозяйственное управленіе и переписка съ высшими властями требуютъ знанія законовъ и порядка производства дѣлъ, государь положилъ резолюцію: „приступить къ начертанію проекта Положенія о Совѣтѣ женскихъ учебныхъ заведеній на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ Положеніе о Совѣтѣ Военно-учебныхъ заведеній“. Въ составленномъ затѣмъ, Гофманомъ, проектѣ, было однако сохранено мѣстное управленіе при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но Совѣты предполагалось ограничить тремя лицами: начальницею заведенія и двумя членами, одного по учебной, другого по хозяйственной части ¹⁾).

По желанію государя, въ губернскихъ институтахъ Совѣты должны были состоять подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника края или губерніи „для того, чтобы заведеніе всегда пользовалось его покровительствомъ“. Членами Совѣта по учебной части предполагалось назначать попечителей учебныхъ окру-

¹⁾ Для Александровскихъ училищъ въ Петербургѣ и Москвѣ предлагался одинъ Совѣтъ—въ Петербургѣ при Воспитательномъ Обществѣ, въ Москвѣ—при училищѣ ордена св. Екатерины, но начальницы обоихъ училищъ имѣли право голоса въ Совѣтѣ, каждая по дѣламъ своего заведенія. При Павловскомъ институтѣ, также при патріотическомъ, которому былъ подчиненъ Домъ Трудолюбія, проектомъ предполагалось учредить Совѣты, которыхъ прежде не было.

говъ или директоровъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, государь разрѣшилъ оставить попрежнему членами Совѣтовъ губернскихъ институтовъ губернскихъ предводителей дворянства „какъ бы посредниками между институтомъ и дворянствомъ, отъ котораго заведенія бѣльшей частью получаютъ пособія“ ¹⁾. Эти правила не были распространены на институты: закавказскій, восточной Сибири, астраханскій и Александрійскій въ Пулавахъ. Подвѣдомственные опекунскимъ совѣтамъ заведенія въ Петербургѣ и Москвѣ, оставлены, согласно предложенію Гофмана, въ управленіи почетныхъ опекуновъ, но съ тѣмъ, чтобы по учебной и воспитательной части, они зависѣли отъ главнаго Совѣта, въ составъ котораго управляющіе или почетные опекуны входили бы членами. Остальныя женскія учебныя заведенія были, по учебной и воспитательной части, подчинены главному совѣту, на разсмотрѣніе котораго должны были вноситься всѣ дѣла, касающіяся какихъ-либо важныхъ въ нихъ перемѣнъ.

Утверждая этотъ докладъ Гофмана, государь замѣнилъ слова: „заведенія состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ“ словами: „подъ Личнымъ высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества“ ²⁾. Кромѣ того, на представленныя статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ возраженія противъ включеннаго въ проектъ Гофмана, предложенія поручать инспектриссамъ ревизовать женскія учебныя заведенія, а для осмотра ихъ посылать особыхъ инспекторовъ, какъ это постановлено для военно-учебныхъ заведеній, государь написалъ: „Подробное наставленіе инспекторамъ для ревизованія институтовъ должно будетъ еще составить; здѣсь упомянуть однѣ главныя черты“; а относительно ревизій заведеній инспектриссами, государь приписалъ на докладѣ: „Мысль эта Жены Моей и ежели найдутся на это способныя лица, будетъ весьма полезно“.

Въ концѣ 1844 года этотъ проектъ Положенія былъ утвержденъ въ видѣ опыта на два года, и въ началѣ 1845-го состоялся указъ императрицы о назначеніи членовъ Совѣтовъ во всѣ женскія учебныя заведенія, причемъ, согласно выраженной государемъ волѣ, министръ народнаго просвѣщенія всегда долженъ былъ состоять членомъ главнаго Совѣта и, какъ это было раньше уста-

¹⁾ До тѣхъ поръ въ нѣкоторыхъ изъ губернскихъ институтовъ, въ Совѣтѣ участвовали два члена *для совѣщанія* по выбору дворянства черезъ каждые три года и два кандидата къ нимъ.

²⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 86.

новлено обычаемъ, онъ долженъ былъ завѣдывать учебною частью въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ. Въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества и Екатерининскаго (петербургскаго) училища, членомъ по хозяйственной части былъ назначенъ исполнявшій эту обязанность и ранѣе, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

20 января 1845 года главный Совѣтъ открылъ свои засѣданія въ составѣ: принца, какъ предсѣдателя, министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, П. Тучкова, Н. Лонгинова, графа Віельгорскаго (почетнаго опекуна, управлявшаго петербургскимъ Воспитательнымъ домомъ), А. Гофмана, С. Ланского и Я. Ростовцева, а въ концѣ слѣдующаго года, было окончательно утверждено, съ небольшими измѣненіями, предложенными главнымъ Совѣтомъ, Положеніе объ управленіи женскими учебными заведеніями.

По Положенію, всѣ эти заведенія были поставлены подъ личное Высочайшее покровительство императрицы. Изъ нихъ 9 въ С.-Петербургѣ, 6 въ Москвѣ и 17 въ губерніяхъ (въ томъ числѣ два еще не открытыхъ института, могилевскій и саратовскій) принадлежали къ учрежденіямъ Императрицы Маріи, а два въ Петербургѣ, одно въ Москвѣ и три въ губерніяхъ, состояли подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Главному Совѣту была присвоена власть совѣщательная, наблюдательная и распорядительная (§ 12). Всѣ дѣла по заведеніямъ первой категоріи, поступающія отъ мѣстныхъ Совѣтовъ, а второй — отъ статсъ-секретаря по управленію ими, въ IV отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, должны были вноситься ею въ главный Совѣтъ, который представлялъ, черезъ статсъ-секретаря по учрежденіямъ Императрицы Маріи, доклады государю и императрицѣ „по всѣмъ частямъ воспитанія и хозяйства, гдѣ замѣчено будетъ отступленіе отъ установленнаго по заведеніямъ порядка и отъ существующихъ законоположеній“.

Въ Москвѣ полагалось отдѣленіе главнаго Совѣта для ближайшаго управленія московскими заведеніями. Всѣмъ членамъ главнаго Совѣта было предоставлено право посѣщать заведенія по особымъ инструкціямъ отъ главнаго Совѣта, съ обязанностью представлять ему свои донесенія по воспитанію нравственному, умственному и физическому, а также по управленію и хозяйству. Отчеты инспектора, назначаемаго изъ членовъ Совѣта по Высочайшему повелѣнію, должны были представляться государю и императрицѣ черезъ главный Совѣтъ, съ заключеніемъ послѣдняго.

Предсѣдатель и члены мѣстныхъ Совѣтовъ (три въ столичныхъ

заведеніяхъ, а въ губернскихъ, кромѣ нихъ, еще военный или гражданскій губернаторъ и губернский предводитель дворянства), утверждались императрицею. Мѣстные Совѣты имѣли право представлять всеподданнѣйшіе доклады государю и императрицѣ по дѣламъ, которыя не подлежали ни рѣшенію мѣстнаго, ни представленію въ главный Совѣтъ ¹⁾. Къ концу каждаго года они были обязаны представлять главному Совѣту свои отчеты по данной формѣ.

Какъ предсѣдатель и члены главнаго Совѣта, такъ и предсѣдатель и члены мѣстныхъ, были обязаны присутствовать при экзаменахъ воспитанницъ.

Ближайшій надзоръ за всѣми женскими заведеніями государь возложилъ на принца Петра Георгіевича, сказавъ ему при этомъ, что принцъ въ этомъ дѣлѣ замѣняетъ его самого ²⁾.

Дѣятельность главнаго Совѣта съ самаго начала была чрезвычайно разнообразна. Озабочиваясь точнымъ исполненіемъ трудной задачи, на которую государь постоянно самъ обращалъ вниманіе, требуя, чтобы всѣ части женскаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ были вполнѣ согласованы съ указанною ему цѣлью, главный Совѣтъ прежде всего составилъ правила пріема въ разныя заведенія, которыя и были тогда же приведены въ дѣйствіе по нѣкоторымъ институтамъ. Но при выпускѣ 1851 года изъ Общества, съ благородной половины, оказалось, что одна изъ выпущенныхъ воспитанницъ, дочь совершенно бѣдныхъ родителей, по полному отсутствію какихъ-либо знаній, не могла быть помѣщена на мѣсто и не имѣла права остаться пепиньеркою. По докладѣ объ этомъ государю, онъ велѣлъ статсъ-секретарю составить новыя правила пріема, выразивъ при этомъ непремѣнную свою волю, чтобы воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было „какъ можно больше приноровлено къ будущему назначенію воспитанницъ согласно съ званіемъ, состояніемъ и образованіемъ родителей“ ³⁾. Государь высказалъ статсъ-секретарю свое мнѣніе о неудобствѣ принимать въ институты дочерей такихъ родителей, которые „не имѣютъ способовъ устроить ихъ сообразно съ полученнымъ ими воспитаніемъ, отъ чего дѣвицы сіи не только лишаются возможности пользоваться приличнымъ содержаніемъ, но по несоотвѣтственности семейнаго и общественнаго положенія ихъ со степенью предоставленнаго имъ образо-

¹⁾ Къ такимъ дѣламъ относились: опредѣленіе, увольненіе и награды служащимъ обоюбого пола, пріемъ, увольненіе, выпускъ, награды воспитанницамъ.

²⁾ Жизнь и труды, стр. 92.

³⁾ Журналы гл. Сов. 1851 г.

ванія, в послѣдствіи почти всегда теряютъ плоды послѣдняго, при недостаткѣ средствъ къ сохраненію и дальнѣйшему развитію своихъ познаній“. Кромѣ того, онѣ, по замѣчанію государя, „заграждаютъ путь кандидаткамъ, которыя могли бы примѣнить высшее образованіе къ условіямъ общественной ихъ жизни по выпускѣ изъ заведенія“ ¹⁾.

Примѣняясь къ волѣ государя, статсъ-секретарь представилъ на Высочайшее разсмотрѣніе проектъ правилъ, по которымъ было признано неудобнымъ помѣщать въ институты дочерей такихъ дворянъ, которые: 1) или вовсе не служили, или служили короткое время, а посему лично не приобрѣли права на оказываемую имъ милость; 2) не имѣютъ состоянія и слѣдовательно не могутъ содержать приличнымъ образомъ своихъ дѣтей по окончаніи ими высшаго курса наукъ; 3) лишенныхъ способностей дѣтей, которыя, по выпускѣ изъ заведенія, не могутъ поступить ни наставницами, ни оставаться пепиньеркой. Подобные случаи, впрочемъ, по словамъ Гофмана, были рѣдки.

Статсъ-секретарь Лонгиновъ представилъ государю, что если въ Общество будутъ принимать только дочерей высшихъ чиновъ и титулованныхъ лицъ, записанныхъ въ пятую книгу, и не принимать дочерей дворянъ, записанныхъ въ шестую, то сто вакансій не будутъ заняты, ибо высшіе чины и титулованныя лица даютъ воспитаніе дочерямъ на собственные средства; назначенныя же для дворянъ шестой книги и для штабъ-офицерскихъ дѣтей, Екатерининскія училища, имѣютъ слишкомъ мало вакансій. Поэтому онъ предлагалъ увеличить комплектъ воспитанницъ Екатерининскихъ училищъ съ тѣмъ, чтобы туда помѣщались дочери родителей чиномъ отъ полковника до майора и отъ коллежскаго совѣтника до коллежскаго ассессора, къ какому бы дворянству они ни принадлежали, а своекоштными пенсіонерками — и высшихъ чиновъ. „Дарованіе способствъ воспитанія дочерей на счетъ казны“ по предложенію Лонгинова — должно было быть наградой за службу родителей, „безъ всякаго отношенія къ ихъ происхожденію“.

На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „Полагаю, что первое мѣсто должны имѣть дочери кавалерственныхъ дамъ ордена св. Екатерины, затѣмъ дочери всѣхъ служащихъ отъ майорскаго чина и надворнаго совѣтника и выше, а пенсіонерками какъ полагается“. На предложеніе сравнять оба Александровскія училища такъ, чтобы въ нихъ воспитывались дочери слу-

¹⁾ Журн. гл. Сов. 1851 г.

жащихъ до чина подполковника и коллежскаго совѣтника, также протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, государь сдѣлалъ замѣтку: „да, но военныхъ не ниже штабсъ-капитана, а гражданскихъ—титулярнаго совѣтника“. На замѣчаніе, сдѣланное императрицею относительно Александровскихъ училищъ, что, въ такомъ случаѣ, оберъ-офицеры будутъ лишены возможности воспитывать дѣтей на счетъ казны, а между тѣмъ число дочерей родителей низшихъ чиновъ всегда бываетъ больше числа высшихъ—государь вновь написалъ: „пріемъ во всѣ заведенія, содержимыя казною, долженъ быть наградою за службу, почему думаю, что при предполагаемой мною мѣрѣ остаться полезнѣе; для лицъ нижнихъ чиновъ есть Елизаветинскія училища, а здѣсь Маріинское“.

Въ сиротскіе институты должны были поступать сироты оберъ-офицерскаго званія. Противъ этого пункта доклада государь отмѣтилъ: „разумѣется, прежде всего круглыя сироты, но потомъ и лишившіяся матерей, ибо на службѣ военной некогда дѣтьми заниматься, а иногда и дѣвать ихъ некуда“.

Въ губернскіе институты, какъ основанные на суммы дворянства, слѣдовало, по мнѣнію статсъ-секретаря, принимать дочерей лишь мѣстныхъ дворянъ, а пенсіонерками „по правиламъ Екатерининскихъ училищъ, съ которыми губернскіе институты перваго разряда состоятъ на одинаковой степени“. Губернскимъ институтамъ полагалось сохранить ихъ мѣстное назначеніе, определенное для cadaго изъ нихъ особыми уставами. Государь къ этому прибавилъ: „по губерніямъ свои заведенія, куда пріемъ предоставленъ быть долженъ по предложеніямъ предводителей дворянства“.

Въ Обществѣ, гдѣ ко времени составленія новыхъ правилъ пріема, уже были окончены всѣ распоряженія и прекращенъ пріемъ прошеній, было отмѣнено постановленіе, чтобы прошенія родителей, желающихъ отдать своихъ дочерей на благородную половину, представлялись черезъ губернскихъ предводителей дворянства. Это было сдѣлано вслѣдствіе положенной государемъ на проектъ статсъ-секретаря резолюціи: „устранить затрудненія, происходящія отъ сношеній съ губернскими предводителями дворянства“. Главный Совѣтъ, которому, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ проектъ статсъ-секретаря, мотивировалъ разрѣшеніе самимъ родителямъ непосредственно представлять прошенія о пріемѣ дочерей въ Общество тѣмъ, что передача ихъ черезъ предводителей дворянства была установлена въ то время, когда „оказывалось еще нужнымъ особое вліяніе со стороны самого

Правительства къ побужденію родителей привозить дочерей изъ губерній для образованія въ С.-Петербургѣ¹⁾.

Въ то же время было отмѣнено въ Обществѣ дѣленіе при пріемахъ вакансій между дочерьми военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а въ Александровское училище постановлено принимать только оберъ-офицерскихъ дѣтей отъ 10¹/₂ до 12¹/₂ лѣтъ. Въ числѣ мотивовъ такой перемѣны пріемнаго возраста было, между прочимъ, приведено, что дѣти, поступающія моложе 10¹/₂ лѣтъ, въ ученіи должны напрягать всѣ свои силы для того, чтобы идти въ уровень съ болѣе взрослыми воспитанницами, что онѣ рѣдко бывають въ состояніи сами шить для себя платье и бѣлье, что возрастъ ихъ при выпускѣ даетъ родителямъ поводъ просить объ оставленіи дочерей въ заведеніи еще на три года.

Кромѣ того, по представленію начальницы Общества въ 1853 году, что съ учрежденіемъ институтовъ и въ губерніяхъ, нѣтъ болѣе затрудненій помѣщать въ Общество на штатныя вакансіи двухъ родныхъ сестеръ, а между тѣмъ „было бы отрадно для воспитанницъ, а для родителей утѣшительнѣе и удобнѣе“, еслибы ихъ дѣти находились въ одномъ и томъ же заведеніи, было отмѣнено прежнее правило, по которому это не дозволялось.

Новыми, утвержденными государемъ въ 1851 году, правилами пріема въ разныя женскія учебныя заведенія было постановлено: въ Воспитательное Общество, на штатныя вакансіи, принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, а пенсіонерками дочерей потомственныхъ дворянъ, хотя бы они и не имѣли этихъ чиновъ, но были записаны въ пятую или шестую часть родословной книги. Въ штатныя воспитанницы училищъ ордена св. Екатерины должны были приниматься дочери кавалерственныхъ дамъ ордена и лицъ, чины которыхъ не ниже майора и надворнаго совѣтника, а пенсіонерками—дочери вообще потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ третью, пятую и шестую части родословной книги. Въ Александровскія училища, на штатныя вакансіи — дочери лицъ, чиномъ отъ подполковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, также священниковъ и евангелическихъ пасторовъ; пенсіонерками могли быть и дочери дворянъ, внесенныхъ въ третью часть родословной книги, не выше чиновъ подполковника и коллежскаго совѣтника. Въ Елизаветинскія училища, на штатныя вакансіи — дочери оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, а пенсіонерками — и штабъ-

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 146.

офицеровъ, также медиковъ, учителей и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ, священниковъ, евангелическихъ пасторовъ и купцовъ. Въ сиротскіе институты—сироты штабъ- и оберъ-офицеровъ военной и гражданской службы, преимущественно круглыя сироты. Въ Павловскомъ и патріотическомъ институтахъ, спеціально назначенныхъ для дочерей лицъ военнаго званія, правила пріема остались безъ измѣненій.

Желаніе государя упростить бытъ воспитанницъ институтовъ выразилось въ Высочайшемъ повелѣніи разсмотрѣть въ главномъ Совѣтѣ вопросъ: нужны ли публичныя испытанія при выпускахъ и нельзя ли ограничиться одними частными? Въ докладѣ статсъ-секретаря по этому вопросу было указано, что публичныя испытанія имѣютъ особенное назначеніе: они поддерживаютъ соревнованіе какъ учителей, такъ и учащихся, способствуютъ распространенію въ обществѣ довѣрія къ заведеніямъ, послѣдствіемъ чего является желаніе родителей помѣщать своихъ дочерей своекоштными пенсіонерками, плата съ которыхъ составляетъ, въ бѣльшей части заведеній, главный источникъ дохода. Главный Совѣтъ высказался за сохраненіе публичныхъ испытаній, но полагалъ на будущее время приглашать на нихъ только высшее духовенство, родителей или близкихъ родственниковъ воспитанницъ, членовъ мѣстныхъ Совѣтовъ и мѣстное начальство въ губерніяхъ, а въ столичныхъ заведеніяхъ еще и членовъ главнаго Совѣта.

Рядомъ съ этимъ послѣдовало измѣненіе и въ выдачѣ наградъ воспитанницамъ при выпускахъ. Согласно выработаннымъ учебнымъ комитетомъ правиламъ, главный Совѣтъ постановилъ давать шифры, золотыя и серебряныя медали лишь въ заведеніяхъ 1-го разряда, а въ заведеніяхъ 2-го только серебряныя медали и похвальные листы. Въ институтахъ астраханскомъ и восточной Сибири сохранены шифры и золотыя медали съ цѣлью „привлекая дѣвицъ, распространять женское образованіе въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ“.

Для лучшаго наблюденія за нравственнымъ воспитаніемъ и вообще за воспитаніемъ въ институтахъ, была, въ 1846 году, учреждена должность почетныхъ попечительницъ, назначаемихъ императрицею, которой онѣ должны были представлять доклады о состояніи заведеній. Четыре года спустя, рескриптами на имя цесаревны Маріи Александровны и великой княгини Маріи Николаевны, императрица, оставляя за собою высшее управленіе женскими учебными заведеніями, но, какъ сказано въ рескриптѣ, не будучи въ состояніи посѣщать ихъ такъ часто, какъ бы этого

желала, просила цесаревну и великую княгиню взять на себя наблюдение за физическимъ, нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ въ институтахъ съ тѣмъ, чтобы онѣ доводили до ея свѣдѣнія всѣ свои замѣчанія.

Кромѣ попечительницъ, постоянно наблюдавшихъ за губернскими институтами, производились, еще съ 1828 года, періодическіе осмотры ихъ статсъ-секретаремъ, а со времени учрежденія главнаго Совѣта, его членами, также и непринадлежащими къ его составу лицами по особому, каждый разъ, порученію.

Въ 1853 году, послѣ осмотра статсъ-секретаремъ нѣкоторыхъ институтовъ, онъ представилъ государю докладъ, въ которомъ, находя, что условія воспитанія недостаточно точно изложены въ отдѣльныхъ уставахъ разныхъ заведеній, а въ уставахъ, изданныхъ до 1844 года, „не соблюдена постепенность относительно устройства каждаго изъ трехъ разрядовъ заведеній“, предложилъ составить одинъ, общій для всѣхъ женскихъ заведеній, уставъ, на началахъ выраженныхъ государемъ „объ устройствѣ въ институтахъ по всѣмъ частямъ одного общаго порядка на единообразныхъ началахъ“. Тогда, всѣ уставы разныхъ заведеній были сличены и провѣрены, и составленъ проектъ новаго устава, рассмотрѣнный главнымъ Совѣтомъ и утвержденный, 30 августа 1855 года, уже императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Изъ составленнаго, ко дню двадцатипятилѣтія принятія Императрицею Александрою Ѳедоровною подъ свое покровительство учреждений Императрицы Маріи, „Обозрѣнія“ этихъ учреждений съ 1828 по 1853 годъ¹⁾, видно, что въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ, число женскихъ учебныхъ заведеній возросло съ 14-ти до 38-ти (сюда вошли 7 предположенныхъ, но еще не открытыхъ институтовъ). Изъ открытыхъ къ 1853 году, было 2 въ Петербургѣ, 1 въ Москвѣ, 14 въ губерніяхъ. Къ учрежденіямъ Императрицы Маріи были, послѣ смерти статсъ-секретаря Лонгинова въ 1853 году, присоединены и находившіеся въ его вѣдѣніи институты: патріотическій, тамбовскій и полтавскій, три Елизаветинскихъ училища, Дома Трудолюбія въ Рязани и Пензѣ, школы патріотическаго Общества въ Петербургѣ, школы для бѣдныхъ въ Москвѣ тамошняго благотворительнаго Общества 1837 года. Такимъ образомъ, включая сюда и сиротскіе Дома, въ вѣдѣніи главнаго Совѣта находилось до 46-ти женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Въ этомъ числѣ было 39 закрытыхъ и

¹⁾ На представленномъ императору Николаю проектѣ этого „Обозрѣнія“, онъ написалъ: „читалъ съ большимъ любопытствомъ“. (Дѣла гл. Сов. 1854 г.).

7 открытых; 1-го разряда 14 заведеній, 2-го—11, 3-го—13, специальных 8.

Изъ общаго числа учащихся, 6.860, большинство (6.298) воспитывались въ закрытыхъ заведеніяхъ, причемъ на казенномъ содержаніи было 3.626, а пенсіонерокъ 3.234. Болѣе двухъ третей всего числа учащихся, а именно 4.755, воспитывались въ столичныхъ заведеніяхъ; въ заведеніяхъ 1-го разряда—2.511, 2-го—1.376, 3-го—279, въ специальныхъ 1.694 ¹⁾).

Несмотря на постоянно выражаемую императоромъ Николаемъ волю, чтобы при помѣщеніи воспитанницъ въ разныя заведенія строго сообразовались съ званіемъ ихъ родителей, къ концу его царствованія купеческія дочери первой и второй гильдій были постепенно допущены, хотя и своекоштными пенсіонерками, даже въ институты перваго разряда ²⁾).

Въ эти 25 лѣтъ почти всѣмъ заведеніямъ были даны постоянные штаты, причемъ „важнѣйшимъ источникомъ“ пособія для содержанія институтовъ было повелѣно считать плату съ пенсіонерокъ ³⁾).

Сумма на содержаніе отдѣльныхъ заведеній, по сравненію съ тою, какая отпускалась въ годъ смерти Императрицы Маріи, увеличена почти въ два раза ⁴⁾); въ 1853 году на всѣ, и вновь

¹⁾ Отчетъ о женскихъ уч. зав. за 1853 годъ. (Дѣла гл. Сов. 1854 г.).

²⁾ Уставъ ж. уч. зав. вѣд. Имп. Маріи. 1855 г. 1-е Приложение къ § 82. Купеческихъ дочерей не было въ 11 заведеніяхъ: Восп. Общ., двухъ училищахъ орд. св. Екатерины, двухъ Александровскихъ, и въ институтахъ: бѣлостокскомъ, закавказскомъ, донскомъ, патріотическомъ, Павловскомъ и Александринскомъ.

³⁾ Журналъ гл. Сов. 20 янв. 1845. Эта плата постоянно, съ 1828 года, повышавшаяся, въ годъ смерти императора Николая была опредѣлена: въ 350 р. ежегодно для Воспит. Общества, 300 р.—петерб. Екатѣр. уч., 286 р. и единовременно при вступленіи 70 р.—одесскаго инст.; 250 р. восточной Сибири (и кромѣ того пенсіонерка должна была имѣть свой столовый приборъ, полдюжины постельнаго бѣлья и 3 салфетки), полтавскаго и патріотическаго институтовъ, 245 р. харьковскаго, 240 р. моск. Екат. училища, 200 р. кіевскаго инст. (требовалось свое бѣлье, даже рубашки, и столовый приборъ), Павловскаго, казанскаго, тамбовскаго пет. Александровскаго и Елизавет. училищъ; тоже для пенсіонерокъ донскаго инст., родители которыхъ не принадлежали къ войсковому дворянству; кромѣ того онѣ должны были вносить при поступленіи 50 р.; 180 р.—Александринскаго инст. въ Новой Александріи и керченскаго; въ послѣднемъ еще 60 р. единовременно; 170 р.—моск. Александр. училища и нижегор. института; 150 р. для институтовъ: бѣлостокскаго (и единовременно 21 р. 79 к.), закавказскаго (и единовременно 50 р.), донскаго (и единовременно 50 р.), саратовскаго и моск. Елизавет. училища; 130 р. — оренб. дѣвичьяго (и единовременно 30 р.), 35 р. и единовременно 30 р. для училищъ солдатскихъ дочерей (Уст. ж. уч. зав. вѣд. учр. Имп. Маріи. 1855. Приложение 1).

⁴⁾ Въ 1828 г. на нихъ расходовалось 364.135 р. (сер), въ 1853—718.515 р.

открытыя, женскія учебныя заведенія, отпускалось 1.089.561 р. ¹⁾. Съ прекращеніемъ въ 1829 году отпуска изъ государственнаго казначейства суммъ, выдававшихся до тѣхъ поръ нѣкоторымъ заведеніямъ, имъ были отчислены изъ прибылей сохранныхъ казенъ обоихъ Воспитательныхъ домовъ постоянные неприкосновенные капиталы, которые, вмѣстѣ съ отчислявшимися съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію 1847 года, изъ экономическихъ суммъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній (отъ 50 до 75⁰/₀) суммами, къ 1854 году составили въ общей сложности капиталъ въ 8.360.657 р. Для покрытія сверхштатныхъ расходовъ по заведеніямъ, въ дополненіе къ ихъ, отдѣльныхъ по каждому, доходамъ, было въ 1848 году Высочайше повелѣно составить общій запасный капиталъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ отчисленіемъ въ него пятой части прибылей обѣихъ сохранныхъ казенъ. Къ 1853 г. этотъ капиталъ простирался до 3.508.271 р. ²⁾ Кромѣ того былъ составленъ общій же, для всѣхъ заведеній вѣдомства, пенсіонный капиталъ для выдачи пенсій служащимъ и ихъ семействамъ.

Пожертвованій женскимъ учебнымъ заведеніямъ, при императорѣ Николаѣ, было довольно много. Наиболѣе крупныя (свыше 10.000 р.) поступили: отъ купца Губина, въ 1827 году, 260.000 р. асс. (изъ нихъ 100.000 р. на содержаніе десяти пенсіонерокъ въ московскомъ Домѣ Трудолюбія и 50.000 р. на выдачу имъ изъ процентовъ приданаго); отъ П. Демидова въ 1829 году 50.000 р. асс., (въ пользу состоящихъ подъ покровительствомъ императрицы заведеній); 85.800 р., внесенныхъ душеприкащикомъ А. Баташевой въ неприкосновенный капиталъ петербургскаго Дома Трудолюбія; (на проценты должны были воспитываться восемь пенсіонерокъ ея имени) ³⁾; 60.000 р. асс. (въ 1830 г.) отъ князя Оболенскаго (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ); 311.789 р. (въ 1831 году) отъ душеприкащиковъ надворнаго совѣтника Калинина ⁴⁾; имѣніе, завѣ-

¹⁾ Обзорѣніе. Прилож. III. Въ эту сумму не включены расходы по содержанію институтовъ при Воспитательныхъ домахъ.

²⁾ Въ 1854 году состоялось распоряженіе, чтобы изъ этого же капитала выдавались суммы, до тѣхъ поръ выдававшіяся изъ кабинета (на денежныя награды при выпускахъ и за поднесенныя членамъ царской фамиліи рукодѣлія воспитанницъ), также 27.000 р., которые императрица ежегодно, до 1854 года, жертвовала разнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ (Дѣла г. Сов. 1854 г.).

³⁾ Арх. патріотич. инст. № 58, Елиз. уч.

⁴⁾ Изъ этой суммы 171.340 р. были даны, по распоряженію императрицы, петербургскому Дому Трудолюбія въ неприкосновенный капиталъ, а на проценты должны были въ немъ воспитываться девять пенсіонерокъ благороднаго званія (Арх. натр. инст. № 86. Елиз. уч.).

щанное въ 1835 году полковникомъ Куртомъ одесскому институту, оцѣненное имъ въ 150.000 р. асс.; (на проценты должны были содержаться пенсіонерки его имени); 12.000 р. асс. пожертвованы въ 1837 году княгинею Е. Р. Вяземскою въ неприкосновенный капиталъ московскаго Дома Трудолюбія (на проценты должна была содержаться одна пенсіонерка и ей, при выпускѣ, выдаваться награда); 300.000 р. асс. (въ 1838 г.) отъ отставного маіора Колокольцева (въ пользу восьми богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, также на пособія при выпускахъ воспитанницамъ Павловскаго и Маріинскаго институтовъ и петербургскаго Александровскаго училища); 40.000 р. асс. (въ 1838 г.) отъ госпожи фонъ-Мертенсъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскомъ Екатерининскомъ училищѣ); пустопорожнее мѣсто въ Петербургѣ, завѣщанное вдовою подполковника Логиновою патриотическому институту и петербургскому Елизаветинскому училищу; 43.200 р. (сер.), ассигнованные въ 1840 году, въ воспоминаніе о Высочайшемъ пребываніи въ Варшавѣ, бывшею муниципальною управою на содержаніе въ Александринскомъ институтѣ восьми пенсіонерокъ по коллегіальному ея опредѣленію, изъ семействъ, принадлежащихъ къ постоянному населенію Варшавы; 20.000 р. (асс.) пожертвованы въ 1841 году двѣичьему институту восточной Сибири (на содержаніе изъ процентовъ одной пенсіонерки и выдачи ей при выпускѣ награды); имѣніе въ 566 душъ, завѣщанное въ 1842 году помѣщикомъ Бреховымъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ нижегородскомъ институтѣ); 30.000 руб. асс. (въ 1843 г.) отъ барона Штиглица (на заведенія, состоящія подъ покровительствомъ императрицы)¹⁾; 28.600 р. серебромъ отъ ярославскаго дворянства (на содержаніе пенсіонерокъ въ московскихъ, Екатерининскомъ и Елизаветинскомъ, училищахъ); 16.500 р. завѣщанные въ 1844 году титулярнымъ совѣтникомъ Левинскимъ (на содержаніе пенсіонерокъ въ казанскомъ институтѣ); 300.000 р. (асс.) завѣщанные въ 1845 году дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кушниковымъ на учрежденіе института въ Θεодосіи и переданные наследниками керченскому; 100.000 р., пожертвованные въ 1845 г. почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ на постройку зданія института восточной Сибири; 12.000 р., внесенныхъ въ 1849 году

¹⁾ Изъ этой суммы 15.000 р. были, по Высочайшему повелѣнію, отданы училищамъ солдатскихъ дочерей, доходы которыхъ, съ упраздненіемъ въ 1839 году училищнаго комитета, члены котораго жертвовали на содержаніе училищъ изъ собственныхъ средствъ, сократились, а другія 15.000 р.—Павловскому институту (Учр. Павл. инст. 1807—1855. XVIII).

одною изъ учредительницъ московскаго Дома Трудолюбія, княгиней Трубецкою (на содержаніе въ немъ пенсіонерокъ ея имени); 90.000 р. (сер.) отъ графа Шереметева въ 1852 году, (на содержаніе 20 пенсіонерокъ изъ числа бывшихъ воспитанницъ закрытой въ этомъ году аннинской школы въ Москвѣ); 11.500 р. сер. отъ купеческой вдовы Ушаковой (на содержаніе въ московскомъ Елизаветинскомъ училищѣ пенсіонерокъ изъ дочерей купцовъ рода Ушаковыхъ „вслѣдствіе упадка записанныхъ въ мѣщанство“); 11.000 р. 97 к. (сер.), завѣщанные въ 1854 году княгиней Радзивилль (на содержаніе въ кievскомъ институтѣ двухъ пенсіонерокъ, сиротъ латинскаго исповѣданія) и 5.000 р. (на содержаніе двухъ сиротъ латинскаго исповѣданія въ училищѣ графини Левашевой); 19.000 р. (сер.), завѣщанные въ 1853 году барономъ Пирхомъ (на содержаніе четырехъ благородныхъ пенсіонерокъ его имени).

Въ общей сложности, сумма крупныхъ пожертвованій, поступившихъ отъ частныхъ учрежденій и лицъ въ царствованіе императора Николая, простиралась приблизительно до 1.731.589 рублей ассигнаціями и 224.800 рублей серебромъ, не включая сюда имѣнія въ 566 душъ ¹⁾. Кромѣ того было довольно много пожертвованій болѣе мелкими суммами на содержаніе пенсіонерокъ въ разныхъ заведеніяхъ.

Если къ этому присоединить суммы, пожертвованныя дворянствомъ разныхъ губерній на устройство и содержаніе институтовъ, также городами и обществами, то итогъ пожертвованій на женское общественное образованіе, въ періодъ времени отъ 1827-го по 1855 годъ, получится весьма внушительный.

Совершенно отдѣльно отъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, стояли институты: Маріинскій и повивальный въ Петербургѣ, ввѣренныя великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. До 1834 года все въ нихъ оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставила покойная императрица ²⁾. Въ этомъ году Маріинскому институту было дано новое Положеніе, которымъ первоначальная цѣль его учрежденія — приготовленіе изъ воспитанницъ „честныхъ и добродѣтельныхъ супруговъ, хорошихъ и разумныхъ экономокъ, старательныхъ нянь, гувернантокъ и, въ случаѣ необходимости, довѣренныхъ лицъ, вѣрныхъ и преданныхъ“ ³⁾ была измѣнена. По Положенію

¹⁾ Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ взяты изъ архивовъ: IV отд. и патріотич. института, также изъ Сборника свѣдѣній о капиталахъ вѣд. учр. Имп. Маріи Т. I.

²⁾ Архивъ управленія заведеніями состоящими подъ покровительствомъ государыни великой княгини Елены Павловны.

³⁾ Уставъ 1811 г., § 2.

1834 года воспитанницы должны были получать „такого рода религіозно-моральное образованіе, сверхъ обученія въ разныхъ рукодѣліяхъ, которое доставляло бы имъ возможность быть воспитательницами или пріобрѣтать безбѣдное содержаніе“. Вообще, согласно § 1 Положенія, воспитаніе ихъ должно быть направлено къ той цѣли, чтобы онѣ современемъ могли „свято исполнять обязанности образованныхъ супруговъ и матерей семействъ“.

Комплектъ воспитанницъ былъ увеличенъ до 120-ти; но число штатныхъ оставлено прежнее (40); число же пенсіонерокъ увеличено до 80-ти, вмѣсто 10-ти, бывшихъ при Императрицѣ Маріи ¹⁾. Курсъ ученія полагался шестилѣтній, съ раздѣленіемъ на 4 класса, въ каждомъ изъ которыхъ воспитанницы оставались по 1½ году. Для тѣхъ изъ штатныхъ воспитанницъ, которыя, пробывъ три года, останутся въ одномъ и томъ же классѣ, учреждалось особое, *рабочее* отдѣленіе, куда должны были поступать „всѣ безъ изъятія дѣти низкаго происхожденія“ (§ 17), а пенсіонерки лишь съ согласія родителей.

Средства института получались изъ процентовъ съ завѣщаннаго ему Императрицею Маріею капитала въ 804.469 р. 60 к. ассигнаціями (229.848 р. 45³/₄ к. серебромъ) и отъ платы съ частныхъ пенсіонерокъ, которыя, по Положенію 1834 года, должны были вносить по 500 рублей ассигнаціями въ годъ, а съ 1841-го — по 180 рублей серебромъ. Кромѣ того, Маріинскому институту, также какъ и повивальному, давались, съ разрѣшенія государя, въ разное время значительныя суммы изъ остатковъ отъ процентовъ съ капитала, оставленнаго Императрицею Маріею для выдачи пенсій вдовамъ офицеровъ ²⁾. По докладу великой княгини Елены Павловны, въ 1834 году, о недостаточности институтскихъ средствъ, государь согласился на ея просьбу о выдачѣ изъ сохранныхъ казенъ заимообразно, на 37 лѣтъ, 360.000 рублей для устройства института и на постройку новаго дома ³⁾, и, кромѣ того, велѣлъ отпустить 120.000 рублей изъ остатковъ отъ суммы, назначенной на довершеніе зданія Собора всѣхъ учебныхъ заведеній. Когда, въ 1836 году, отпущенной на постройку институт-

¹⁾ Въ 1848 году число воспитанницъ увеличено до 180-ти.

²⁾ Въ 1833 и 1834 годахъ изъ этого источника было выдано 146.135 р. 60 к. (Докладъ вел. кн. 1 сент. 1834 г. Арх. упр. зав.).

³⁾ По просьбѣ великой княгини, всѣ распоряженія по постройкѣ дома дѣлались министромъ финансовъ графомъ Канкринымъ „по любви его ко всѣмъ архитектурнымъ произведеніямъ, а равно по отличающимъ его по сей части знаніямъ“. (Докладъ вел. княгини 1 сент. 1834 г.).

скаго дома, суммы, оказалось мало, государь, указомъ опекунскому Совѣту, повелѣлъ зачислить изъ прибылей сохранныхъ казенъ 150.000 рублей въ счетъ 360.000-ти, а остальную сумму выдать великой княгинѣ ¹⁾. По ея же просьбѣ было разрѣшено помѣщать въ Маріинскій институтъ 20 пенсіонерокъ капитула российскихъ орденовъ, изъ дочерей кавалеровъ, но съ тѣмъ, чтобы „родители были чиномъ не выше оберъ-офицеровъ или девятаго класса“ ²⁾.

Въ 1853 году неприкосновенный капиталъ Маріинскаго института простирался до 318.902 рублей 5¹/₂ копѣекъ серебромъ.

¹⁾ Выс. указъ 1 апр. 1836 г.

²⁾ Сообщеніе ст. секр. Вилламова, Т. С. Татаринову 21 апр. 1835 г.

II.

Отношеніе Императрицы Александры Ѳеодоровны къ воспитанницамъ.—Пере-
мѣна сношеній ея съ институтами.—Улучшеніе положенія должностныхъ лицъ
женскаго пола.—Прекращеніе переписки императрицы съ начальницами.—
Донесенія начальницъ.—Собственноручныя резолюціи государя на докладахъ
статсъ-секретарей.—Осмотры заведеній.—Отчеты Волярлярскаго, Лонгинова,
Порова.—Предполагаемыя мѣры.—Образцовыя кухни.—Характеристика инсти-
тутокъ.—Подчиненіе умственного воспитанія нравственному.—Мѣры поощре-
нія и наказанія.—Власть начальницъ.—Столкновенія ихъ съ генераль-губер-
наторомъ и членами Совѣтовъ.—Мѣры главнаго Совѣта.—Инструкціи началь-
ницамъ и класснымъ дамамъ.—Быть воспитанницъ.—Балы.—Свидѣтельства
бывшихъ воспитанницъ.—Занятія хозяйствомъ.—Пища.—Повелѣніе государя
относительно пищи воспитанницъ.—Измѣненіе распредѣленія дня въ женскихъ
учебныхъ заведеніяхъ.—Принцъ П. Г. Ольденбургскій.

Въ первые годы своего управленія женскими учебными за-
веденіями, Императрица Александра Ѳеодоровна довольно часто
посѣщала ихъ, но всѣ распоряженія по нимъ дѣлались не не-
посредственно ею самою, а черезъ канцелярію. Эта перемѣна въ
сношеніяхъ императрицы съ институтами отразилась и на суще-
ствѣ дѣла.

Вотъ въ какой формѣ былъ переданъ Совѣту патріотическаго
Общества отказъ въ его просьбѣ о наградахъ нѣкоторымъ учи-
телямъ патріотическаго института: „Государыня Императрица —
писалъ статсъ-секретарь Лонгиновъ предсѣдательницѣ Совѣта —
за нужное поставляетъ внушить Совѣту Патріотическаго Обще-
ства, что училище онаго въ началѣ учреждено въ видѣ частнаго
заведенія, зависящаго отъ Общества, равномѣрно частнаго... Для
сего не нужны другія доказательства, какъ то, что оба не со-
стоятъ въ распоряженіи правительства, въ слѣдствіе чего Ея Ве-
личество неприличнымъ почитаетъ обременять правительство испра-
шиваніемъ наградъ учителямъ. А какъ изъ неоднократныхъ при-

мѣровъ явствуетъ, что и самое безкорыстіе въ подобныхъ случаяхъ есть въ послѣдствіе притязаніе на возмездіе другаго рода или упрекъ нисколько не соотвѣтствующій ни сущности постановленій, ни достоинству Патріотическаго Сословія, снискавшаго трудами и пожертвованіями своими всеобщее уваженіе, то Ея Величество признаетъ лучше увеличить учителямъ жалованье“... ¹⁾).

Въ ноябрѣ 1828 года поступили подѣ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны и заведенія Императрицы Маріи. Эти заведенія, въ особенности Смольный и Екатерининскій, Императрица Александра Ѳеодоровна не только часто навѣщала, но и присутствовала на ихъ экзаменахъ, сама, какъ это дѣлала Императрица Марія, назначала кого на нихъ слѣдуетъ пригласить, передъ экзаменомъ пріѣзжала слушать пѣніе и видѣть танцы воспитанницъ съ тѣмъ, чтобы рѣшить что должно быть исполнено при публикѣ. Передъ первымъ при ней публичномъ экзаменомъ въ Смольномъ, въ 1830 году, императрица просмотрѣла вмѣстѣ съ Жуковскимъ, сочиненные инспекторомъ прощальные стихи, которые воспитанницы должны были произнести на выпускномъ актѣ; она выразила желаніе, чтобы въ нихъ было упомянуто о покойной императрицѣ, согласилась на то, чтобы слова: „о, монастырь“, какъ вызывающія „мрачное, а не пріятное и не поэтическое“ представленіе, были замѣнены другими, и указала, что выраженіе: „сама добродѣтель передаетъ свой вѣнецъ Императрицѣ“ слишкомъ сильно и имѣетъ смыслъ „будто Императрица добродѣтельнѣе самой добродѣтели“ ²⁾).

Въ свои пріѣзды въ институты, императрица очень ласково относилась къ воспитанницамъ, но всѣ ея распоряженія и по заведеніямъ Императрицы Маріи сразу стали не непосредственными, а передавались черезъ статсъ-секретаря Вилламова. По ходатайству инспектриссъ, должностнымъ лицамъ женскаго пола, имѣвшимъ право на полученіе Маріинскаго знака отличія, было положено и денежное вознагражденіе, выдававшееся при Императрицѣ Маріи тѣмъ, кто получалъ при ней оранжевый бантъ „за труды“; класснымъ дамамъ была назначена прибавка жалованья черезъ каждые пять лѣтъ, а по выслугѣ 25-ти лѣтъ — удвоенная пенсія въ размѣрѣ до тысячи рублей (асс.) въ годъ ³⁾).

Первое время императрица переписывалась съ начальницами нѣкоторыхъ институтовъ. Въ одномъ изъ очень немногихъ, со-

¹⁾ Арх. патр. инст. 1826 г., № 52.

²⁾ Учрежд. Восп. Общ. бл. дѣв. 1820—1841. XIII.

³⁾ Учр. по Восп. Общ. 1830 г.

хранившихся ея писемъ ¹⁾), написанномъ въ отвѣтъ на сообщенное графинею Адлербергъ намѣреніе высѣчь, въ присутствіи всего класса, одну изъ маленькихъ воспитанницъ, императрица совѣтовала начальницѣ замѣнить это наказаніе выговоромъ передъ классомъ. Но съ 1833 года императрица перестала сама писать начальницамъ, и на ихъ письма отвѣчалъ Вилламовъ, а въ слѣдующемъ году, графиня Адлербергъ, извѣщая Вилламова, что императрица, по нездоровью, не желаетъ заниматься бумагами, обращалась уже прямо къ нему.

Можетъ быть поэтому, рѣдкія за это время письма начальницъ, безсодержательны и наполнены общими фразами, что все обстоитъ благополучно или передачею просьбъ служащихъ въ заведеніи лицъ. Тѣмъ не менѣе онѣ продолжали посылать императрицѣ свои срочныя донесенія (Annotationshefte), тонъ которыхъ, однако, былъ уже не прежній; въ нихъ попадаетъ выраженіе „*einige Faule*“, жалобы на дурное поведеніе и незнаніе воспитанницами уроковъ; о подробностяхъ внутренней жизни заведенія, объ ученіи, въ этихъ донесеніяхъ говорилось мало; но на внѣшнее воспитаніе обращалось, повидимому, большое вниманіе. „*D'une petite fille sans éducation—писала начальница Смольнаго объ одной изъ воспитанницъ—elle est devenue une jeune personne qui a du comme il faut*“. Послѣ происшедшаго во дворцѣ выпускного экзамена воспитанницъ Смольнаго, императрица благодарила начальницу какъ за успѣхи „во всѣхъ отрасляхъ наукъ“, такъ и за „*cette noble tenue, appanage exclusif des personnes bien élevées*“ ²⁾).

Гимнастическія упражненія воспитанницъ, введенныя въ институтахъ при Императрицѣ Маріи, послѣ ея смерти были отмѣнены по представленію начальницы Общества, которая признавала гимнастику не нужною, дорогою стоящею и отнимающею много времени у воспитанницъ.

Но если скоро послѣ смерти Императрицы Маріи прекратились прямыя сношенія начальницъ съ императрицею, то самъ государь занимался дѣлами институтовъ и дѣлалъ собственноручныя резолюціи на докладахъ статсъ-секретарей. По особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ производились осмотры столичныхъ и губернскихъ заведеній статсъ-секретарями, которые обо всемъ доносили государю и императрицѣ.

Съ назначеніемъ въ 1842 году Гофмана статсъ-секретаремъ по

¹⁾ Письма Имп. Ал. Фед. были взяты въ Эрмитажъ тотчасъ же послѣ ея смерти, по приказанію государя Александра II.

²⁾ Учр. по Восп. Общ. 1845 г.

учрежденіямъ Императрицы Маріи, онъ каждый годъ, а иногда и по нѣсколько разъ въ году, осматривалъ губернскіе институты, обращая, какъ это дѣлалъ и статсъ-секретарь Вилламовъ, преимущественное вниманіе на нравственное воспитаніе и религіозное образованіе воспитанницъ. Такіе же осмотры по заведеніямъ, находившимся подъ непосредственнымъ управленіемъ императрицы, производилъ статсъ-секретарь Лонгиновъ, а по всѣмъ заведеніямъ вообще — принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Кромѣ того, по Высочайшимъ повелѣніемъ, назначались разныя лица для осмотра того или другаго института. Эти лица представляли свои отчеты государю, который и на нихъ дѣлалъ собственноручныя замѣчанія. Почти всѣ замѣчанія государя указываютъ на его желаніе упростить бытъ воспитанницъ, особенно губернскихъ институтовъ, принаровить образованіе ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, пріучить къ хозяйству.

Въ 1844 году, чиновнику особыхъ порученій при IV отдѣленіи, Вонлярлярскому, было поручено осмотрѣть институты: кавказскій, харьковскій и полтавскій. Въ своемъ отчетѣ о первомъ изъ нихъ, Вонлярлярскій предложилъ ограничить пріемъ въ институтъ однѣми дворянками „родители которыхъ — писалъ онъ — дорожатъ образованіемъ, а не однимъ прокормленіемъ“ своихъ дѣтей, а также принимать ихъ моложе 11—12-ти лѣтъ, что по его мнѣнію „неудобно и даже опасно“, въ виду знойнаго климата Грузіи и потому, что тамъ, согласно обычаю, дѣвушки выходятъ нерѣдко замужъ десяти лѣтъ ¹⁾. Онъ сообщалъ, что начальница устроила въ институтѣ „образцовый очагъ“, на которомъ воспитанницы, подъ ея руководствомъ, упражняются поочереді въ притотвленіи кушанья.

На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „прекрасно и хорошо бы вездѣ завести“. Съ тѣхъ поръ образцовыя кухни были постепенно устроены почти во всѣхъ заведеніяхъ.

О матеріальномъ положеніи губернскихъ институтовъ, осматривавшій ихъ въ 1845 году статсъ-секретарь Лонгиновъ, вынесъ заключеніе, что эта сторона институтовъ вообще крайне скудна, что при этомъ условіи у нихъ не можетъ быть самостоятельности „соотвѣтствующей полезнымъ и благодѣтельнымъ предначертаніямъ правительства“. Обращаясь къ только что тогда учрежденному главному Совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, Лонгиновъ выражалъ надежду, что Совѣтъ не допуститъ институты до упадка и поддержитъ „на степени соразмѣрно тому вліянію, которое они

¹⁾ Отчетъ Вонлярлярскаго по зак. инст. 21 марта 1844 г. (Арх. IV отд.).

имѣють на общее просвѣщеніе... Не надо щадить пожертвованій—писалъ онъ въ своемъ отчетѣ—впрочемъ несравненно меньшихъ нежели щедро даруемыя мужскимъ заведеніямъ вѣдомства Военнаго и министерства народнаго просвѣщенія, если всѣ убѣждены, что дѣвичьи учебныя заведенія приносятъ истинную, несомнѣнную пользу“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лонгиновъ предлагалъ главному Совѣту вмѣнить губернскимъ предводителямъ дворянства, состоявшимъ членами институтскихъ Совѣтовъ, въ обязанность сообщать дворянству въ каждомъ собраніи о состояніи института, „чтобы отвратить невыгодное впечатлѣніе о холодности дворянства къ заведенію, дѣлающему честь ихъ странѣ и принесшему пользу ихъ дѣтямъ“.

„По части нравственной“ постоянно сообщались свѣдѣнія какъ въ отчетахъ осматривавшихъ заведенія лицъ, такъ и въ ежегодно представлявшихся мѣстными Совѣтами главному; но эти свѣдѣнія ограничивались общими, стереотипными фразами: „ежедневная молитва утромъ и вечеромъ, за обѣдомъ и ужиномъ — говорится въ отчетѣ Вонлярлярскаго—посѣщеніе церкви, добрый примѣръ начальницы и классныхъ дамъ, безотлучное пребываніе въ институтѣ во время учебнаго курса и постоянное наблюденіе за поступками, словами и всѣми дѣйствіями воспитанницъ, чтеніе правоучительныхъ книгъ, особенно въ старшихъ классахъ, посѣщеніе больныхъ воспитанницъ и дѣла человеколюбія въ раздаваніи милостыни бѣднымъ подъ надзоромъ дежурной дамы—вотъ мѣры, принимавшіяся для укрѣпленія нравственности въ воспитанницахъ“. Въ доказательство успѣшности тѣхъ же почти мѣръ, о которыхъ говорилъ Вонлярлярскій, Совѣтъ казанскаго института приводилъ то, что „такой заботливый надзоръ имѣлъ столь счастливое вліяніе на поведеніе воспитанницъ, что 62 изъ нихъ получили отличные баллы, 40 — хорошіе и только 6 — посредственные“¹⁾.

Въ своемъ отчетѣ о полтавскомъ институтѣ, статсъ-секретарь Лонгиновъ говорилъ: „въ свѣтѣ воспитанницы всегда встрѣчаемы были похвалами²⁾. Не было примѣра, чтобы хоть одна соврати-

¹⁾ Отчетъ Совѣта каз. Род. инст. 1844 г.

²⁾ Но воспитывавшіяся въ патріотическомъ институтѣ сестры Гоголя, окончившія курсъ въ 1839 году и привезенныя имъ въ Москву, произвели неблагоприятное впечатлѣніе на его друзей. „Какія деревяшки сестры Гоголя!“ говоритъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ. С. Т. Аксаковъ рассказываетъ, что онѣ „въ новыхъ длинныхъ платьяхъ совершенно не умѣли себя держать, путались въ нихъ, безпрестанно спотыкались и падали, отъ чего приходили въ такую конфузю, что ни на одинъ вопросъ ни слова не отвѣчали. Жаль было смотрѣть на бѣднаго Гоголя!“ прибавляетъ онъ. (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Н. Погодина. С.-Пет. Ч. пятая 1892 г.).

лась съ пути непорочности, добродѣтели и благовоспитанности. Всѣ, кому суждено было стать на чреду матерей, сдѣлались такими въ полномъ смыслѣ, охранивъ все достоинство своего призванія“. Дѣлая общую характеристику институтскаго воспитанія, онъ прибавляетъ: „особаго рода свѣжесть въ лицѣ воспитанницъ, благопристойность и приличіе, можно сказать, изысканны и распространяются даже на дѣтскія игры“.

Умственное воспитаніе въ институтахъ было подчинено нравственному. Это предписывалось и уставами нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ Положеніи о Маріинскомъ институтѣ 1834 года сказано: „предпочтительное вниманіе должно быть обращено на образованіе нравственное и религіозное, такъ какъ знаніе безъ нравственности бесполезно. Для этого, кромѣ непрерывнаго надзора классныхъ дамъ, должно внушать воспитанницамъ искреннее почтеніе Бога. Въ праздники и воскресенья онѣ, въ сопровожденіи классныхъ дамъ, должны посѣщать церковь, гдѣ въ особенную обязанность вмѣняется имъ набожность и спокойствіе души“ (§ 19 Приб. къ Пол.). Чтобы дать родителямъ возможность дѣйствовать на дѣтей увѣщаніями или поощреніями, предписывалось (§ 22) сообщать имъ каждые три мѣсяца записки, содержащія въ себѣ свѣдѣнія „о повиновеніи, скромности, любви къ истинѣ, порядку и чистотѣ, о благонравіи и успѣхахъ, оказанныхъ воспитанницами“ ¹⁾. При изданіи въ 1846 году инструкціи объ общихъ обязанностяхъ институтскаго управленія, начальствующимъ лицамъ предписано „пещись объ устраненіи въ преподаваніи наукъ такихъ предметовъ, которые не сообразны съ будущимъ назначеніемъ воспитанницъ и служатъ болѣе къ удовлетворенію одного тщеславія“. Въ правилахъ о наградахъ воспитанницамъ при переходѣ изъ класса въ классъ, непремѣннымъ условіемъ было поставлено принимать во вниманіе баллы по поведенію и если у воспитанницы „въ трехлѣтнемъ результатѣ менѣе одиннадцати балловъ по поведенію, ей награды ни въ какомъ случаѣ не назначать“ ²⁾.

Начальница Общества, говоря въ своемъ донесеніи 1841 года императрицѣ, о сочиненіяхъ воспитанницъ, писала, что это „de très jolies petites compositions ou elles ont énoncé de bons sentiments“ или „les compositions sont correctes, le style est bon, mais surtout les bons sentiments“ ³⁾ Желая смягчить дурной отзывъ инспектриссы объ одной изъ воспитанницъ, начальница пи-

¹⁾ Арх. упр. зав., сост. подъ покр. Гос. Вел. княгини Елены Павловны.

²⁾ Журналы гл. Сов. 1853 г.

³⁾ Учр. по В. Общ. 1820—1841 г.

сала императрицѣ, что во время урока закона Божія она замѣтила „une vive émotion“ на лицѣ этой воспитанницы.

Какъ мѣру нравственную, главный Совѣтъ призналъ и соединеніе въ одномъ классѣ лучшихъ воспитанницъ съ слабыми, хотя бы такое соединеніе и мѣшало правильному ходу ученія. „Главное и существенное преимущество общественнаго воспитанія — сказано въ постановленіи главнаго Совѣта по поводу предложенія Совѣта харьковскаго института о параллеляхъ — возбуждать и поддерживать соревнованіе дѣтей... Надо всѣми возможными способами содѣйствовать возрожденію и постоянному укрѣпленію духа соревнованія между учащимися... Поэтому не надо отдѣлять посредственныхъ отъ лучшихъ... Такая мѣра, полезная для умственнаго образованія всѣхъ учащихся, имѣетъ благотворное вліяніе и въ нравственномъ отношеніи, сравнивая ихъ во всѣхъ условіяхъ воспитанія, черезъ что однѣ лишены повода къ кичливости и высокомѣрію, а другія къ зависти и чувству собственнаго униженія“.

Въ видахъ нравственнаго воздѣйствія на окончившихъ уже курсъ воспитанницъ, главный Совѣтъ постановилъ не платить жалованья пепиньеркамъ „дабы не предоставить произволу юныхъ дѣвицъ, притомъ еще недостаточнаго состоянія, денежные расходы и заботы по туалету, могущіе отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій и усовершенствованія себя въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣліяхъ для поступленія современемъ въ классныя дамы и домашнія наставницы“¹⁾.

Мѣрами поощренія служили разнаго цвѣта шнурки и банты, которые воспитанницы надѣвали на голову. Въ Маріинскомъ институтѣ назначались награды по числу полученныхъ воспитанницею въ теченіе трехъ лѣтъ кокардъ разной величины.

Въ 1853 году учебный комитетъ предложилъ оставить шнурки и банты тамъ, гдѣ они введены, но вновь ихъ не вводить „какъ отличія, вредныя въ нравственномъ отношеніи... Нѣкоторые — говорилъ комитетъ — увлекаясь мыслью о своемъ отличіи, не избѣгнуть опасности питать въ себѣ чувство тщеславія при видѣ полученнаго ими знака превосходства передъ сверстницами, отъ каковаго чувства надлежитъ оберегать юное сердце дѣвицы“²⁾.

Мѣры наказанія или исправленія, кромѣ замѣчаній и выговоровъ, употреблялись: лишеніе шнурковъ, недозволеніе причесать волоса такъ, какъ всѣ воспитанницы причесаны, замѣна обыкно-

¹⁾ Журналы гл. Сов. 1845 г.

²⁾ Тамъ же, 1853 г.

веннаго платья старымъ, уже брошеннымъ, снятіе передника, лишеніе права дежурить по хозяйству, постановка за отдѣльный „черный“ столъ во время общаго обѣда или ужина. Въ керченскомъ институтѣ было „всегда употреблявшееся“, по словамъ председателя Совѣта ¹⁾, наказаніе: обернутую въ мокрую простыню воспитанницу въ такомъ видѣ приводили въ классъ во время урока. Въ Маріинскомъ институтѣ Положеніемъ 1834 года допускались и тѣлесныя наказанія, но только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и для воспитанницъ не старше двѣнадцати лѣтъ. Эти наказанія употреблялись до начала пятидесятихъ годовъ и въ другихъ институтахъ, даже въ Смольномъ.

Начальницамъ была предоставлена безграничная власть, особенно во всемъ, что касалось воспитанія въ заведеніяхъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 1839 года по полтавскому институту, начальницѣ „одной, какъ особѣ избранной Ея Величествомъ, ввѣрялось преимущественно материнское попеченіе о дѣтяхъ, и полное образованіе ихъ въ правилахъ христіанской добродѣтели и доброй нравственности“ ²⁾. О чрезвычайныхъ случаяхъ въ заведеніи, она должна была доводить до Высочайшаго свѣдѣнія и испрашивать разрѣшенія. Послѣ осмотра нѣсколькихъ институтовъ, Вонлярлярскій предложилъ еще усилить власть начальницъ, передавъ распорядительную часть по хозяйству мѣстному начальству губерніи, и ослабить власть Совѣтовъ, оставивъ имъ лишь почетъ ³⁾. При изданіи Высочайше утвержденнаго въ 1847 году Положенія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и инструкціи начальницамъ, главный Совѣтъ считалъ повелѣніе 1839 года отмѣненнымъ, но императрица выразила волю, чтобы начальницы „по предоставленному имъ прежде праву, продолжали входить непосредственно къ ней съ донесеніями, какъ срочными, такъ и особыми, во всѣхъ случаяхъ, когда ими признано будетъ необходимымъ для блага и пользы управляемыхъ ими заведеній“ ⁴⁾. Поэтому, при столкновеніяхъ, довольно частыхъ въ губернскихъ институтахъ, между начальницею и другими должностными лицами, даже и генераль-губернаторами, дѣло кончалось, въ большинствѣ случаевъ, въ пользу начальницъ.

Въ 1850-мъ году черниговскій, полтавскій и харьковскій генераль-губернаторъ, Кокошкинъ, бывшій въ то же время и

¹⁾ Дѣла г. Сов. 1850 г.

²⁾ Выс. повел. 22 ноября 1839 г. (Журналы гл. Совѣта).

³⁾ 12 окт. 1845. (Арх. IV отд. Опись дѣламъ, невошедшимъ въ сдаточныя экспедиц. описи. Лит. Б.)

⁴⁾ Журналы Ком. для пересмотра уставовъ ж. уч. зав. 1846 г.

членомъ Совѣтовъ харьковскаго и полтавскаго институтовъ, донесъ главному Совѣту, что онъ сдѣлалъ запросъ Совѣту полтавскаго института по поводу присланнаго ему въ Харьковъ протокола, въ который было занесено объ увольненіи „по извѣстнымъ госпожѣ начальницѣ причинамъ“, одной изъ казенныхъ воспитанницъ, немедленно отправленной къ родителямъ „съ человѣкомъ не имѣвшимъ довѣренности отъ нихъ“. Статсъ-секретарь Лонгиновъ оправдывалъ передъ главнымъ Совѣтомъ начальницу, говоря, что „кто знаетъ начальницу, никогда не позволить себѣ думать, чтобы она была способна оказать несправедливое и, еще менѣе, незаслуженное гоненіе на молодую дѣвицу, ибо она (начальница) заслужила имя матери чужихъ дѣтей ей ввѣренныхъ“; что воспитанница о которой идетъ рѣчь, по объясненію начальницы, „строптивая, буйная, можно сказать бѣшенная, гонялась за подругами съ ножомъ“, и что именно для избѣжанія позора изгнанія, начальница не рѣшилась войти съ представленіемъ въ Совѣтъ, гдѣ „по принятой формѣ, сдѣлалось бы гласнымъ такое поведеніе и звѣрскій характеръ воспитанницы“.

Совѣтъ института отвѣчалъ генераль-губернатору, что онъ и не считалъ нужнымъ знать причины, которыя заставили начальницу уволить воспитанницу и что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ руководствуется чувствомъ глубокаго уваженія и неограниченнаго довѣрія къ начальницѣ, какъ къ особѣ, избранной по Высочайшему довѣрію Ея Императорскаго Величества, а равно и изъ сознанія прямыхъ своихъ по званію члена Совѣта обязанностей, опредѣленныхъ указанною имъ Высочайшею волею Государыни Императрицы, объявленной въ отношеніи статсъ-секретаря Лонгинова 1839 года, 22-го ноября... Ея Императорскому Величеству—писалъ Совѣтъ—благоугодно было повелѣть объявить Совѣту свою волю: ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать двухъ различныхъ предметовъ: воспитанія благородныхъ дѣвицъ и управленія Институтомъ. Первый — неотъемлемая принадлежность дарованная собственно Начальницѣ по личному Ея избранію удостоенной Высочайшаго довѣрія, несущей тяжкія обязанности матери болѣе полусотни ввѣренныхъ ей чужихъ благородныхъ дѣтей и не менѣе трудную отвѣтственность за нравственное ихъ образованіе... Увольненіе воспитанницы касается до воспитанія; поэтому достаточно если Начальницѣ были извѣстны причины почему оно необходимо“. Совѣтъ прибавлялъ, что къ такимъ мѣрамъ начальница прибѣгаетъ рѣдко „единственно въ видахъ охраненія нравственности дѣтей и съ крайне душевнымъ

для нея прискорбіємъ“. Желая оправдать поступокъ начальницы, полтавскій Совѣтъ находилъ правильнымъ, что она ему не объявила причину увольненія воспитанницы, „тѣмъ болѣе, что родители неохотно въ подобныхъ случаяхъ, уступаютъ убѣжденіямъ въ необходимости подать прошеніе“.

Сообщая это главному Совѣту, генералъ-губернаторъ высказывалъ свое мнѣніе, что такія дѣла „надо подчинить нѣкоторымъ формамъ, какія признаны въ уставѣ харьковскаго института, ибо можетъ случиться, что неограниченное довѣріе поведетъ къ произволу, несогласному съ правилами кротости, материнской попечительности и милосердія“. Онъ ссылался и на то, что подобные поступки возбуждаютъ въ родителяхъ недовѣріе къ институту. „Трудно допустить — писалъ онъ — чтобы дѣвица втеченіе Институтскаго курса, при бдительномъ надзорѣ и вниманіи наставницъ, пріобрѣла столь дурныя наклонности, что удаленіе ея изъ Института, въ видахъ нравственнаго воспитанія дѣвицъ, вдругъ оказалось бы столь нетерпящимъ отлагательства, что Совѣтъ, безъ сношенія съ кѣмъ бы слѣдовало, нашелъ вынужденнымъ немедленно отправить ее изъ Института съ первою представившеюся оказією“.

По докладѣ дѣла императрицѣ, она одобрила увольненіе воспитанницы и поѣтому главный Совѣтъ принялъ лишь къ свѣдѣнію предложеніе генералъ-губернатора ¹⁾.

Три года спустя членъ Совѣта харьковскаго института, губернскій предводитель дворянства, обратился къ главному Совѣту съ жалобой на то, что засѣданія Совѣта не назначаются впродолженіи полугода, что опредѣленія по протоколамъ составляются безъ засѣданій и исполняются прежде чѣмъ подписаны членами, что онъ подалъ въ Совѣтъ особое мнѣніе, которое принято лишь къ свѣдѣнію, а не представлено главному Совѣту; въ этомъ мнѣніи губернскій предводитель дворянства указывалъ на то, что при покупкѣ матеріаловъ для экипировки воспитанницъ, безъ подряда, все было предоставлено начальницѣ. Въ протоколѣ институтскаго Совѣта сказано, что прочтено особое мнѣніе предводителя дворянства, „но такъ какъ протоколъ подписанъ предсѣдателемъ, начальницею и членами, и какъ уже сдѣланы закупки, то рѣшено принять мнѣніе къ свѣдѣнію ²⁾“.

Впрочемъ, такіе порядки допускались самими генералъ-губернаторами, которые, при обширности другихъ, лежавшихъ на нихъ, болѣе важныхъ, обязанностей, не могли удѣлять институтскимъ дѣ-

¹⁾ Дѣла гл. Совѣта. 1850 г.

²⁾ Дѣла гл. Совѣта. 1853 г.

ламъ много времени. Когда членъ по хозяйственной части харьковскаго института, въ 1854 году, жаловался главному Совѣту на то, что для подписи членовъ представляются протоколы, „по которымъ не было никакого сужденія въ Совѣтѣ“, то генераль-губернаторъ просилъ главный Совѣтъ оставить этотъ порядокъ, „освященный употребленіемъ и единственный, при которомъ онъ, генераль-губернаторъ, считаетъ возможнымъ исполнять обязанности по Совѣту института, не отвлекая ни себя, ни членовъ, отъ другихъ обязанностей по званіямъ, ими носимымъ, и, въ особенности, при настоящихъ обстоятельствахъ края, требующихъ важныхъ и неотложныхъ распоряженій административныхъ, по Высочайшему повелѣнію предложенныхъ“ ¹⁾. Главный Совѣтъ высказался за то, что дѣла, касающіяся хозяйственной части, должны разсматриваться въ присутствіи члена по хозяйственной части, а тѣ, которыя разрѣшаются на основаніи уставовъ и Положеній, могутъ предлагаться прямо къ подписи членовъ Совѣта.

Хотя, прося главный Совѣтъ объ оставленіи прежняго порядка веденія институтскихъ дѣлъ, генераль-губернаторъ Кокошкинъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, чтобы „не отвлекать по неважнымъ дѣламъ членовъ Совѣта отъ ихъ обширныхъ занятій“, но онъ не допустилъ до разсмотрѣнія Совѣта и записку, представленную губернскимъ предводителемъ дворянства о „ходящихъ въ городѣ слухахъ, будто бы начальница харьковскаго института велитъ сѣчь даже взрослыхъ воспитанницъ рукою служанокъ“ и что когда у нея бываютъ гости, она велитъ будить дѣвицъ для того, чтобы онѣ при гостяхъ танцовали ²⁾.

Съ учрежденіемъ главнаго Совѣта подъ предсѣдательствомъ принца Ольденбургскаго, было обращено вниманіе на всѣ стороны, какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни женскихъ учебныхъ заведеній. Одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ для достиженія поставленной государемъ цѣли женскаго воспитанія и введенія въ этомъ отношеніи однообразія, было составленіе общихъ инструкцій всѣмъ начальницамъ, класснымъ дамамъ и членамъ мѣстныхъ Совѣтовъ. Инструкціи были утверждены императрицею въ 1847 году. Изложенныя въ нихъ правила воспитанія начертаны въ гуманномъ духѣ правилъ Бецкаго, но образованію ума придано должное значеніе; въ нихъ вошли многія изъ правилъ Императрицы Маріи, но нѣкоторыя изъ послѣднихъ инструкціею 1847 года отмѣнялись. Такъ были отмѣнены введен-

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1854 г.

²⁾ Дѣла гл. Сов. 1855 г.

ные Императрицею Маріею разговоры инспектриссъ и классныхъ дамъ съ воспитанницами, имѣвшіе цѣлью „преподать воспитанницамъ нужныя свѣдѣнія объ ихъ семействахъ и нечувствительнымъ образомъ приготовить къ жребію, ожидающему ихъ послѣ выпуска“. Разговоры классныхъ дамъ, по новой инструкціи, должны были служить „необходимымъ дополненіемъ преподаваемыхъ воспитанницамъ уроковъ и наставленій“, направлены къ развитію умственныхъ способностей воспитанницъ, что признано инструкціею однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія. „Дѣти неразвитыя, сказано въ одной изъ инструкцій ¹⁾, а потому тупыя и вялыя, благонравны только съ виду; безпомощныя въ минуту испытанія, они лишены той важной опоры, какую доставляетъ живость хорошо направленаго соображенія... Безъ образованія ума невозможно истинно достойное человѣка образованіе и прочихъ духовныхъ способностей... Воспитанницы должны быть проникнуты убѣжденіемъ какъ тяжело не имѣть необходимыхъ знаній, а, напротивъ, какъ отрадно бываетъ, когда кругъ нашего зрѣнія съ каждымъ днемъ болѣе расширяется... Въ общественномъ женскомъ заведеніи, гдѣ дѣвицы остаются постоянно нѣсколько лѣтъ, необходимость развитія и направленія ихъ умственныхъ способностей тѣмъ ощутительнѣе, что дѣвицамъ представляется къ размышленію мало побужденій по недостатку внѣшнихъ впечатлѣній и практическихъ уроковъ домашняго быта, что здѣсь должно замѣняться по возможности живостію представленій и отчетливостью сознанія“.

Согласно инструкціи 1847 года, классныя дамы должны были развивать въ воспитанницахъ самостоятельность, понятливость, пытливость, разсудительность, основательность сужденій; онѣ должны были вкоренять въ дѣтяхъ нравственную идею справедливости, здравый смыслъ, но *не подавлять и воображенія, а направлять его ко всему истинному, высокому и прекрасному*, не внушая, однако, презрѣнія къ обыкновенному и полезному, не теряя изъ виду будущее назначеніе воспитанницъ, пріучая ихъ не гнушаться и самой скромной бѣдной доли (§§ 58 и 59).

Эти правила находились въ противорѣчій съ инструкціею Императрицы Маріи начальницѣ Общества, которою предписывалось отдалять отъ дѣтей все, что могло бы имъ внушить стремленіе къ „beau idéal, такъ часто вредящему bien réel“ ²⁾.

¹⁾ Относящіяся къ обязанностямъ классныхъ дамъ правила физическаго и нравственнаго воспитанія дѣвицъ.

²⁾ Instruction pour Madame la Supérieure de la Communauté des demoiselles nobles. 11-го янв. 1802 г. (Лядовъ. Истор. оч. 100 л. жизни Имп. Восп. Общ. бл. дѣв. Приложение).

Инструкціею 1847 года класснымъ дамамъ вмѣнялось въ обязанность „укрѣплять воспитанницъ, по мѣрѣ развитія ихъ умственныхъ способностей, въ сознаніи, что онѣ назначены для дѣятельности на поприщѣ домашняго быта“, внушать имъ „всю святость брака, основаннаго на взаимномъ уваженіи супруговъ, высокое значеніе материнской любви, свойственную женскому полу обязанность пещись о хозяйственной сторонѣ жизни, наконецъ проистекающую изъ сознанія собственнаго достоинства готовность быть полезною безъ различія въ супружествѣ или дѣвчествѣ, но преимущественно въ кругу семьи, при подлежащей скромности и самоотверженіи“ (§ 91).

Побужденіемъ къ дальнѣйшему образованію и усовершенствованію, должно было служить „сознаніе значенія женщины какъ воспитательницы и убѣжденіе, что воспитаніе собственныхъ или чужихъ дѣтей невозможно и грѣшно безъ основательнаго приготовленія къ оному наукою и опытомъ. Въ этомъ-то побужденіи и живомъ сочувствіи къ тихимъ радостямъ семейной жизни, равно къ общечеловѣческимъ интересамъ образованія и общественной пользы, долженъ заключаться для дѣвицъ вѣрнѣйшій залогъ благополучія и надежнѣйшій оплотъ противъ слабостей и прельщеній“ (§ 94).

Сущность обязанностей какъ начальницъ, такъ и классныхъ дамъ объяснена въ инструкціяхъ такъ, что онѣ должны замѣнять воспитанницамъ „попеченія образованной, любящей матери о возможномъ ихъ усовершенствованіи во всѣхъ отношеніяхъ“, должны быть помощницами родителямъ, не препятствуя вліянію ихъ на дочерей, „исключая только горестныхъ случаевъ, гдѣ это представилось бы необходимымъ для пользы самаго воспитанія“ (§ 102).

Мѣрами наказанія полагались: замѣчанія, выговоры, угрозы, лишенія („но не предметовъ существенной необходимости въ пищѣ, движеніи или ученіи“), принужденіе и пристыженіе. При наказаніяхъ предписывалось соображаться съ „развитіемъ душевныхъ способностей дѣвицъ, природными ихъ наклонностями и обстоятельствами, при которыхъ былъ совершенъ проступокъ“. Въ видахъ устраненія наущничества, инструкція признавала безвреднымъ существовавшее во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе передачи одною воспитанницею другой „видимыхъ знаковъ“ за разговоръ не на томъ языкѣ, на какомъ было опредѣлено говорить въ тотъ день. Было обращено вниманіе и на то, чтобы классныя дамы заботились обо всѣхъ воспитанницахъ, и въ особенности о болѣе слабыхъ, а не сосредото-

чивали бы своихъ ласкъ и похвалъ тѣмъ, „кои отмѣчаются только природными талантами, или внѣшними достоинствами“.

Поощренія должны были „пробуждать въ дѣвицѣ съ малолѣтства голосъ собственной ея совѣсти и сознанія“. Присужденіе, притомъ изрѣдка, внѣшнихъ знаковъ отличія могло, по словамъ инструкціи, „безъ особеннаго вреда возбуждать похвальное соревнованіе“ въ воспитанницахъ; „но—сказано въ § 140—полезнѣе не прибѣгать къ сей мѣрѣ, въ особенности если она сколько-нибудь состоитъ въ связи съ свойственнымъ дѣвицамъ пристрастіемъ къ украшеніямъ въ уборахъ и платьѣ“. Въ заключеніе, инструкція указываетъ класснымъ дамамъ дѣйствовать во всемъ, касающемся воспитанія, нравственнаго и физическаго, ввѣренныхъ имъ дѣтей, по соглашенію съ инспекторомъ классовъ, преподавателями и врачами, а также заботиться о собственномъ усовершенствованіи „безъ коего онѣ не могутъ быть истинно полезными ввѣреннымъ имъ дѣтямъ“.

Вмѣстѣ съ правилами нравственнаго воспитанія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, были составлены по указаніямъ медицинскихъ инспекторовъ, лейбъ-медика Арендта и доктора Эвеніуса, правила и физическаго воспитанія дѣвицъ. Въ нихъ, съ подробностями, напоминающими изложенныя въ уставѣ Бецкаго, разсмотрѣны всѣ стороны физической жизни воспитанницъ, определено время для сна, движенія, ученія, причемъ указывалось на необходимость обращать вниманіе на темпераментъ каждой отдѣльной воспитанницы и рекомендовалось „не требовать отъ нихъ принужденнаго хожденія по парамъ“, не принуждать ихъ къ занятіямъ или играмъ, поддерживать между ними веселость „какъ важное условіе для сохраненія здоровья“, позволять имъ разговаривать другъ съ другомъ во время обѣда, „какъ средство для поддержанія аппетита“, не заставлять ихъ долго стоять, отвѣчая уроки, вообще разрѣшать имъ время отъ времени принимать во время уроковъ непринужденное положеніе „съ соблюденіемъ только надлежащаго приличія“ (§ 24).

Эти правила вошли въ уставъ 1855 года, при разсмотрѣніи котораго въ главномъ Совѣтѣ большое участіе принималъ членъ его, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, по настоянію котораго, всѣ правила нравственнаго, умственнаго и физическаго воспитанія были соединены въ одну главу. „Это отниметъ—писалъ онъ въ своей замѣткѣ на уставъ—шаткѣй произволъ въ нравственномъ воспитаніи cadaго новаго лица, поступающаго начальницею въ заведеніе... Эта глава есть самая важная изъ всего устава... Попробуйте—прибавлялъ

онъ въ заключеніе—право будетъ хорошо и сами вы останетесь довольны. Это будетъ Монументъ!“¹⁾).

Въ числѣ увеселеній и общихъ игръ, инструкція указывала и на декламированіе отдѣльныхъ драматическихъ сценъ. Но еще ранѣе, чѣмъ это было разрѣшено, въ институтахъ давались театральныя представленія, отмѣненныя Императрицею Маріею. Въ 1843 году была даже напечатана книжка, составленная учителемъ французскаго языка Риффе и озаглавленная: *Théâtre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoy ou Recueil des pièces arrangées ou composées dans différentes circonstances pour les classes inférieures de cet Etablissement.*

Во всѣхъ институтахъ по праздникамъ устраивались балы, музыкальные и танцевальные вечера. Хотя главный Совѣтъ вообще стремился устранять „ложный блескъ“ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но старыя традиціи держались прочно и переходили даже къ сравнительно молодымъ институтамъ. Совѣтъ бѣлостокскаго института просилъ въ 1849 году разрѣшенія отправить въ Варшаву или „другіе города имперіи“ учителя танцевъ для того, чтобы присмотрѣться тамъ къ болѣе употребительнымъ въ настоящее время въ собраніяхъ танцамъ, составить приличный воспитанницамъ балетъ и обучить ихъ характернымъ танцамъ... Тогда можно надѣяться—писалъ Совѣтъ,—что родители при выпускахъ увидятъ въ своихъ дѣтяхъ не менѣе успѣховъ въ танцахъ, нужныхъ для наружнаго образованія дѣвицъ, какъ и въ познаніяхъ, служащихъ къ нравственному и умственному ихъ воспитанію. Но главный Совѣтъ съ этимъ не согласился, найдя не нужнымъ приготовленіе особаго балета изъ воспитанницъ для выпуска, и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „на публичномъ экзаменѣ родители должны видѣть не особенное какое либо представленіе, но успѣхъ воспитанницъ въ тѣхъ предметахъ, коимъ ихъ обучали“²⁾).

Однако характернымъ танцамъ продолжали обучать не только въ столичныхъ, но и въ губернскихъ институтахъ. Осматривавшій въ 1853 г. одесскій институтъ, А. С. Норовъ, съ восторгомъ описалъ въ своемъ отчетѣ аллегорическій танецъ, исполненный воспитанницами на Рождествѣ. „Хороводъ дѣвицъ,—говоритъ онъ,—танцуя съ гирляндами цвѣтовъ, свернувшись внезапно въ группу, образовалъ изъ этихъ цвѣточныхъ гирляндъ вензелевое имя государыни императрицы, передъ которымъ всѣ другія воспитанницы мигомъ явились на колѣняхъ съ радостнымъ, живымъ выраженіемъ

¹⁾ Дѣла гл. Сов. Замѣтка ген.-ад. Ростовцева 18-го марта 1855 г.

²⁾ Журн. гл. Сов. 1849.

на всѣхъ лицахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздался стройный гимнъ „Боже, Царя храни“.

Повидимому, на даваемые въ институтахъ балы дозволялось приглашать и постороннихъ лицъ, даже молодыхъ людей, что строго запрещалось Императрицею Маріею. Въ 1854 году кievскій и подольскій генераль-губернаторъ Бибииковъ обратился къ статсъ-секретарю Гофману съ вопросомъ: угодно ли императрицѣ, чтобы на балы въ бѣлостокскомъ институтѣ начальница приглашала до двадцати офицеровъ преображенскаго полка для танцевъ? Гофманъ отвѣтилъ уклончиво: „на балахъ въ залахъ института, — писалъ онъ, — могутъ быть лишь состоящіе при заведеніи лица, а на танцы въ комнатахъ начальницы, куда приглашаются лишь нѣкоторыя изъ воспитанницъ, она можетъ приглашать кого хочетъ на свою отвѣтственность“. Къ этому Гофманъ прибавилъ, что императрица вообще желаетъ, чтобы подобныя увеселенія происходили порѣже и не препятствовали бы успѣшному прохожденію учебнаго курса. Тогда военный гродненскій губернаторъ, баронъ фонъ-дербъ-Ховенъ, объяснилъ Гофману, что осенью прибылъ на квартиру въ Бѣлостокъ гвардейскій кирасирскій полкъ. „Всѣ словія, — писалъ Ховенъ, — старались принять ихъ радушно“ давали имъ обѣды и между прочимъ, дворянство бѣлостокскаго уѣзда дало оффиціальныя обѣды преображенскому полку, гдѣ былъ и онъ самъ. Въ этотъ день, который былъ днемъ вступленія на престолъ государя, былъ назначенъ и балъ въ бѣлостокскомъ институтѣ. „Занимая мѣсто председателя Совѣта Института, — говорилъ Ховенъ, — и соревнуя отличному процвѣтанію его при усиленныхъ заботахъ превосходной Начальницы“, онъ, „узнавъ, что дѣвицы разучили характеристическій танецъ въ костюмахъ и желая представить прекрасное состояніе Бѣлостокскаго заведенія Гвардейскимъ Начальствующимъ лицамъ“, отправился съ Генераль-Лейтенантомъ Моллеромъ и командиромъ полка, графомъ Барановымъ, къ Начальницѣ, и оттуда въ танцевальную залу „съ единственною цѣлью показать представителямъ Гвардіи, что мѣстное заведеніе, при попечительствѣ Начальства, нисколько не отстаетъ въ образованіи и вообще содержаніи отъ образцовыхъ столичныхъ; а такъ какъ при генералахъ была ихъ свита изъ офицеровъ ихъ штабовъ, то генераль Моллеръ и графъ Барановъ успокоили начальницу, что эти образованные молодые люди изъ первыхъ фамилій, будучи въ Институтѣ, слишкомъ хорошо понимаютъ уставъ женскихъ учебныхъ заведеній и за ихъ скромность ручаться вполне можно. Поэтому, налюбовавшись на прекрасно исполненные танцы съ рѣдкимъ искусствомъ и граціей“, Ховенъ

и генералы съ ихъ свитой сдѣлали нѣсколько туровъ вальса „для доставленія удовольствія маленькимъ дѣтямъ и поощренія тѣхъ, которыя имѣли кокарды“... „Не воображаю,—прибавлялъ Ховенъ — чтобы дѣло могло быть представлено преступленіемъ и чтобы генераль-губернаторъ края рѣшился тревожить ничтожнымъ дѣломъ Священную Особу Ея Величества, о возстановленіи здоровья которой мы, вѣрноподданные, нынѣ возносимъ молитвы къ Всевышнему“. Въ заключеніе Ховенъ говорилъ, что генераль-губернаторъ, не требовалъ у него объясненія „недоброжелательнаго“ къ нему и къ начальницѣ, теперь же, получивъ отвѣтъ статсъ-секретаря, прислалъ ему „предписаніе съ замѣчаніемъ“.

На это Гофманъ отвѣчалъ Ховену, что генераль-губернаторъ не доносилъ императрицѣ, а что, онъ Гофманъ, въ приглашеніи офицеровъ на балъ видитъ лишь желаніе военнаго губернатора, барона Ховена, „показать имъ цвѣтущее состояніе заведенія, состоящаго подъ Вашимъ начальствомъ, о благосостояніи коего Вы постоянно прилагаете попеченіе“¹⁾.

Въ своемъ отчетѣ объ одесскомъ институтѣ, А. С. Норовъ рассказывалъ, что наканунѣ новаго года „по принятому обыкновенію, перешедшему изъ Греціи“, за нѣсколько минутъ до двѣнадцати часовъ ночи, воспитанницы берутъ перья и должны написать краткую молитву, окончить которую слѣдуетъ съ послѣднимъ ударомъ часовъ. Затѣмъ воспитанницы зашиваютъ эту молитву въ присланныя имъ императрицею ладонки, которыя рассылаютъ родителямъ и близкимъ. Норовъ прибавлялъ, что полученную имъ ладонку онъ всегда будетъ хранить „вмѣстѣ съ памятью объ усладительныхъ минутахъ, которыя провелъ въ семъ дѣтскомъ вертоградѣ“.

Несмотря на обнаруженную въ инструкціяхъ начальницамъ и класснымъ дамамъ заботливость главнаго Совѣта о томъ, чтобы воспитаніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было направлено ко благу воспитанницъ, и тутъ повторилось то, что было почти сто лѣтъ назадъ при изданіи устава Бецкаго и даже при Императрицѣ Маріи, которая сама слѣдила за исполненіемъ своихъ инструкцій. За весьма небольшими исключеніями, начальницы и классныя дамы не были подготовлены къ предстоявшей имъ трудной роли. Между тѣмъ отъ нихъ почти всецѣло зависѣло благосостояніе цѣлаго маленькаго, оторваннаго отъ всего остальнаго міра, мірка.

Письменные и устные свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ того времени, говорятъ о такихъ фактахъ институтской жизни,

¹⁾ Дѣла гл. Совѣта 1854—1855.

которые должны были не только причинять много горя воспитанницамъ во время ихъ пребыванія въ заведеніи, но и навсегда оставить въ нихъ горькое воспоминаніе о проведенныхъ тамъ годахъ и даже отразиться на характерѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Случившійся въ началѣ пятидесятихъ годовъ, стало быть уже послѣ изданія гуманныхъ инструкцій главнаго Совѣта, маленький эпизодъ, можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что какъ ни хороши были предписанныя ими правила воспитанія, они могли оставаться мертвою буквою на бумагѣ, если среди начальствующихъ лицъ были люди злые, произволу которыхъ были предоставлены воспитанницы. Лѣтомъ, въ Смольномъ, какъ и во всѣхъ институтахъ, воспитанницъ съ утра вводили въ садъ, гдѣ большую часть времени онѣ проводили за шитьемъ пелеринокъ, передниковъ, рукавчиковъ и пр. Эти занятія прерывались обѣдомъ и ужиномъ въ столовой и рекреаціей послѣ обѣда, когда воспитанницы могли бѣгать и играть въ разныя игры. Малѣйшее нарушеніе такого порядка не дозволялось и воспитанницъ ни по какимъ причинамъ не выпускали изъ сада. Ужъ одного этого было достаточно, чтобы у нихъ являлось страстное желаніе, подъ какимъ нибудь предлогомъ, хоть на минуту, уйти изъ сада, побыть на волѣ въ дортуарѣ или классной комнатѣ. Для этого, такъ же какъ и для многихъ случаевъ, въ институтскомъ кодексѣ уже давно было придумано, передаваемое отъ выпуска къ выпуску, традиціонное средство, заключавшееся въ томъ, чтобы вызвать кровотеченіе изъ носа посредствомъ особой жесткой травы, которою набивали носъ.

Это средство часто удавалось; но на немъ попалась одна изъ воспитанницъ бѣлаго, т.-е. старшаго класса. Однажды, во время говѣнія, какъ разъ въ тотъ день, когда воспитанницы исповѣдывались и послѣ исповѣди засѣли за обычное занятіе въ саду, эта воспитанница, К., набила себѣ носъ травою и, держа у лица носовой платокъ, попросила у классной дамы позволенія выйти изъ сада. Не успѣла она проговорить обычной фразы: „*permettez moi de sortir*“, какъ классная дама, вообще отличавшаяся злымъ отношеніемъ къ воспитанницамъ, отдернула носовой платокъ отъ лица К. и закричала на нее: „вы заслуживаете быть высѣченной, я васъ не пущу изъ сада“... Бѣдной К. было приказано оставаться весь остальной день съ торчащими изъ носу кусками травы, а на другое утро, въ 8 часовъ, она должна была явиться къ классной дамѣ, въ ея комнату. Когда на другой день К. явилась къ классной дамѣ, та, запереувъ за нею дверь своей комнаты, достала заранѣе приготовленные розги и несмотря на то,

что въ то же утро К. должна была, вмѣстѣ со всѣмъ классомъ, идти къ причастію, классная дама собственноручно, съ глазу на глазъ, съ яростью высѣкла ее.

Не говоря уже о другихъ сторонахъ такого поступка, онъ показываетъ, какъ воспитательница мало придавала значенія религіозному чувству воспитанницы, а между тѣмъ религіозное воспитаніе должно было всегда стоять въ институтахъ на первомъ планѣ.

Аппелировать на классныхъ дамъ инспектриссѣ, а тѣмъ болѣе начальницѣ, которая всегда представлялась воспитанницамъ недостижимымъ существомъ, имъ и въ мысль не приходило, ибо, совсѣмъ не зная людей и ихъ характеровъ, не имѣя понятія объ институтской іерархіи, не сознавая за собою никакихъ правъ на протестъ противъ дѣйствій отдѣльнаго начальствующаго надъ ними лица, онѣ чувствовали лишь, что надъ ними всюду и со всѣхъ сторонъ стоитъ грозное, солидарное между собою начальство, готовое карать ихъ каждую минуту и отъ котораго имъ скрыться нѣкуда.

„Съ начальствомъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшая воспитанница одного изъ провинціальныхъ институтовъ ¹⁾,—у насъ всегда былъ какъ бы вооруженный миръ... натянутость, неискренность, затаенная вражда въ отношеніяхъ между воспитанницами и классными дамами“. Съ первыхъ же дней поступленія въ институтъ, въ сердце ребенка закрадывалось чувство вѣчнаго страха, порождаемое „сухимъ, холоднымъ, оффиціальнымъ тономъ начальства... Нравственная и умственная муштровка личности со стороны и товарищества, отсутствіе всякаго тепла, согревающего душу элемента, нравственная безпомощность“—все это производило подавляющее дѣйствіе. „Поцѣловать классную даму,—говоритъ авторъ „Очерковъ“,—было бы такимъ же нарушеніемъ дисциплины, какъ солдату потрепать по плечу офицера“...

Такія же впечатлѣнія вынесъ изъ института и другой авторъ записокъ, бывшая воспитанница московскаго Екатерининскаго училища ²⁾. „Живой, нѣжный ребенокъ,—говоритъ она,—лѣзущій ко всѣмъ съ ласками, представляетъ собою что-то невоспитанное, что съ него стараются скорѣе стереть и привести все въ одну общую форму... Вѣчный страхъ отъ одного тона и фізіономіи нѣкоторыхъ классныхъ дамъ, ихъ олимпійская недоступ-

¹⁾ А. Бѣльская. Очерки институтской жизни („Заря“ 1870 г., авг.).

²⁾ Н. Воспоминанія институтской жизни („Р. Вѣстникъ“ 1861 г., т. 35, сент.).

ность, нежеланіе сблизиться съ воспитанницами, убивалъ въ зародышѣ желаніе пошалить... чуть шорохъ или смѣхъ въ классѣ, классная дама, не возвышая голоса, наказываетъ... Насъ доносили тишиною“, —прибавляетъ авторъ.

„Чинность, безгласіе, наружная добропорядочность и повиновеніе во что бы то ни стало“ —все это, при полномъ разобщеніи воспитанницъ съ внѣшнимъ міромъ, создавало имъ такую обстановку, при которой ихъ личность мало-по-малу стиралась, а передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе институтскіе нравы, формы быта, нелѣпыя понятія, очень скоро и неизбѣжно втягивали въ общій строй даже самыхъ живыхъ и хорошихъ дѣтей. „Солгать, обмануть, намъ ровно ничего не стоило“ —говоритъ авторъ „Воспоминаній“. Ничто не будило заснувшаго сознанія дѣвочки. Вся обстановка содѣйствовала этому: въ дортуарахъ желтыя стѣны, на которыхъ не висѣло даже зеркала; воспитанницамъ не позволяли повѣсить „ни образка, ни портрета матери“, нельзя было поставить горшка съ цвѣтами, за которыми воспитанницы сами ухаживали бы. Автоматическая выправка, мертвящая, форменная обстановка, угнетали впечатлительныхъ дѣвочекъ; онѣ очень скоро послѣ своего вступленія „отвыкали рѣзвиться“, становились апатичными и равнодушными ко всему.

Въ старшихъ классахъ, гдѣ учителя читали иногда произведенія русскихъ писателей, чтеніе даже Гоголя не оставляло никакого впечатлѣнія. „Отрывка изъ Гоголя, — говоритъ авторъ „Воспоминаній“, —котораго тогда читалъ учитель въ классѣ, мы не поняли. А онъ читалъ описаніе деревни Плюшкина (къ красотамъ природы вообще у институтокъ полное равнодушіе, —прибавляетъ авторъ) и визитъ Чичикова къ Собакевичу“. О равнодушіи институтокъ къ красотамъ природы говоритъ и г-жа Дол—ева въ своемъ разсказѣ о пребываніи въ Смольномъ, относящемся къ тому же времени (до середины 50-хъ годовъ), какъ и оба, приведенные выше ¹⁾).

Противъ системы институтскаго воспитанія, „отрѣшенной отъ всякой жизненности“, высказалась и извѣстная писательница Кохановская, вышедшая изъ харьковскаго института въ 1840 году съ первымъ шифромъ. „Шорохъ женскаго шелковаго платья, —разсказываетъ она, —просто наводилъ на меня трепеть; я уничтожалась; я не могла еще свергнуть съ себя ига тѣхъ сильно принятыхъ впечатлѣній, когда этотъ великолѣпный шорохъ торжественно слышался намъ на королевскихъ, большихъ и малыхъ,

¹⁾ М. Дол—ева. Институтки („Эпоха“, 1864 г., октябрь).

выходахъ нашей институтской начальницы, и, вмѣстѣ съ ея голосомъ и жестомъ властительной руки, онъ замораживалъ намъ дѣтскую горячую кровь и мы блѣднѣли, тупѣли до идіотства“¹⁾).

Въ письмѣ къ своей пріятельницѣ она говоритъ: „Вы помните, какой бѣдной, загнанной дѣвочкой росла я въ институтѣ. Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку, уединенную въ самое себя. Какъ не ожесточили мнѣ моего дѣтскаго, бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ — это чудо Его. Но во мнѣ убили свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ, беззаботнымъ лепетомъ ясную, дѣтскую душу... Что можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робѣющею, недовѣрчивою къ самой себѣ“.

Разсказывая о маленькихъ кружкахъ, на которые дѣлились воспитанницы, Кохановская говоритъ, что въ ея кружкѣ было все, что характеромъ или „живымъ, молоденькимъ умомъ“ выходило изъ общаго институтскаго уровня. Этотъ кружокъ классная дама „съ насмѣшливой досадою называла *des beaux esprits*“²⁾).

Всѣ эти описанія институтской жизни въ разныхъ заведеніяхъ, сходятся даже въ мелочахъ. Авторы писали ихъ много лѣтъ спустя послѣ своего выхода изъ института, писали не съ какими-либо цѣлями отомщенія за вынесенныя въ дѣтствѣ отъ классныхъ дамъ обиды, а, напротивъ, прощая ихъ, „какъ прощаютъ люди, когда сами поживутъ на свѣтѣ“. Онѣ понимали, что и классныя дамы „вѣдь не по доброй волѣ, а изъ нужды“ несли свои тяжелыя обязанности. „Двадцать лѣтъ тому назадъ, — говоритъ авторъ „Воспоминаній“, — и не знали, что такое воспитаніе“. Стало быть, единство сужденій всѣхъ трехъ авторовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, должно быть объяснено тѣмъ, что причина описанныхъ ими явленій институтской жизни, лежала въ корнѣ ненормальныхъ условій воспитанія въ строго закрытомъ заведеніи.

Къ числу этихъ ненормальныхъ условій, М. Дол—ева относитъ и то, что институтки получали все свое содержаніе „въ такомъ видѣ, будто бы онѣ жили какъ какія-нибудь сказочныя героини... столъ съ предложеніемъ садиться и кушать являлся передъ ними четыре раза въ день, приготовленіе кушаньевъ совершалось безъ вѣдома, безъ участія, безъ надзора институтки, которой

¹⁾ *Давняя встрѣча*. Повѣсти Кохановской. Москва, 1863 г., т. II.

²⁾ Н. С. Соханская (Кохановская) и ея автобіографическое письмо къ петербургской пріятельницѣ отъ 3 ноября 1851 г. (Р. Арх. 1885 г., № 4).

все давалось какъ бы по мановенію волшебницы... Живя вдали отъ общества, — говоритъ авторъ, — отъ семейства, незнакомая съ бѣдностью, съ тяжкимъ трудомъ, какимъ, можетъ быть, достаютъ себѣ хлѣбъ ея родители, институтка принимала то, что ей такъ легко достается, съ величайшимъ легкомысліемъ, какъ нѣчто должное, и не думала считать казенное содержаніе за особое себѣ благодѣяніе“.

Лишенная своей воли, такъ какъ институтка не могла распорядиться собою ни на одну минуту, ибо за все, что она сдѣлала бы не по приказанію и не по заведенной программѣ, она подверглась бы наказанію, — ничему не радуясь, ничего не ожидая, — не мудрено, что у институтокъ создавался свой особый внутренній міръ. Самые нелѣпые рассказы передавались отъ выпуска къ выпуску съ незапамятныхъ временъ; въ ихъ числѣ были рассказы о привидѣніяхъ, о дьяволѣ, съ которымъ институтки заключали договоръ, подписанный кровью изъ порѣзанной руки; онѣ „ради Бога“ глотали иголку, завернутую въ бумагу и обвязанную ниткой, задумывали всевозможныя шалости, чтобы какъ-нибудь нарушить томившую ихъ скуку отъ однообразной жизни: по нѣсколькимъ дней на пари ничего не ѣли и не спали или, наоборотъ, на пари сѣдали неимоверное количество булокъ, пирожковъ или другихъ лакомствъ, которыя имъ привозили родители; на пари же обязывались не произносить ни слова въ теченіе иногда цѣлой недѣли, дразнили классныхъ дамъ, которымъ не прощали неумѣнья привязать ихъ къ себѣ, обожали учителей и т. п. Все это дѣлалось преимущественно воспитанницами старшихъ классовъ. Онѣ радовались какъ празднику, когда имъ приходилось дежурить въ образцовой кухнѣ.

Объ этихъ занятіяхъ велись особыя вѣдомости, которыя за подписью начальницы каждую недѣлю представлялись императрицѣ. Воспитанницы должны были записывать въ особыя книжки, какъ онѣ готовятъ кушанье, сколько употребляютъ на нихъ припасовъ и пр. Но въ сущности, эти занятія были пустою формальностью и пріучиться къ хозяйству такимъ путемъ было невозможно. Правда, воспитанницы должны были сами заказать съ вечера обѣдъ, но приходили готовить его тогда, когда провізія уже была закуплена и все было приготовлено кухаркой. „Готовому срубленному мясу, — рассказываетъ А. Бѣльская, — институтки придавали форму котлетъ или приготовленное для пирога тѣсто загибали сами; но откуда взялось тѣсто или какое мясо было передъ ними, имъ не показывали; сколько времени пироги будутъ стоять въ печи и въ какой именно — этого онѣ также не знали. За то

воспитанницы, дежурившія въ кухнѣ, въ теченіе цѣлой недѣли не ходили въ классъ; а въ кухнѣ ѣли обѣдъ, который былъ лучше обыкновеннаго, дававшася въ общей столовой, и, кромѣ того, имѣли право въ слѣдующее, за дежурной недѣлей, воскресенье, заказать себѣ на казенныя деньги кухаркѣ обѣдъ, цѣною въ 1 рубль“ ¹⁾).

О пищѣ, какую давали въ институтахъ, всѣ, писавшія о нихъ, единогласно отзываються какъ объ „отвратительной“. До 1850 года въ столичныхъ институтахъ отпускалось отъ 13 до 14 копѣекъ (сер.) на воспитанницу; въ полтавскомъ по 10 копѣекъ, въ харьковскомъ по 12. При большомъ количествѣ воспитанницъ, можно было бы на эти деньги кормить не роскошно, а сносно; но кормили дурно; обычною пищею въ посту были грузди, снятки, клюквенный или черничный кисель. Въ скоромные дни „мясо синеватое, — говоритъ г-жа N, — печенка, крупеникъ съ горькимъ масломъ, прогорклый творогъ—все это подавалось на оловянныхъ блюдахъ. Иногда, — рассказываетъ она, — мы подмѣнивали на свою, ставившуюся на край стола, на случай пріѣзда членовъ Совѣта, пробную порцію“ ²⁾).

Этой бѣдѣ институтки кое-какъ помогали сами. Онѣ устраивали себѣ огромные потайные карманы, въ которые опускали картофель, черный хлѣбъ съ масломъ, сбитымъ на тарелкѣ изъ подававшася за столомъ растопленнаго масла, подбавивъ въ него квасу. Эти ломти хлѣба онѣ сами поджаривали въ дортуарной печкѣ.

Можетъ быть вслѣдствіе недостаточнаго питанія, и вообще отъ ненормальности ихъ жизни, во всѣхъ институтахъ было въ употребленіи ѣсть бумагу, глину, мѣлъ, уголь, грифеля; воспитанницы жевали резинку и потомъ какъ-то особенно щелкали ею, держа между пальцевъ, пили уксусъ, духи, глотали лимонныя и апельсинныя зерна.

Въ 1850 году, на одномъ изъ докладовъ статсъ-секретаря, государь написалъ: „прикажете камергеру Лярскому еженедѣльно невзначай объѣзжать по заведеніямъ въ обѣденное и ужинное время и наблюдать за добротою продовольствія и приготовленія“ ³⁾. Это приказаніе, конечно, было немедленно исполнено; но когда государь самъ посѣтилъ въ 1853 году одно изъ женскихъ заведеній, то онъ остался недоволенъ обѣдомъ и написалъ на докладѣ

¹⁾ А. Бѣльская. Очерки инст. жизни.

²⁾ Воспоминанія инст. жизни.

³⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 162.

статсъ-секретаря: „Г. а. (генераль-адъютанту) Ростовцову взять съ собою г. Лярскаго и показать ему: какъ кормятъ кадетъ; нѣтъ сравненія между обѣдомъ ихъ и дѣвичьимъ; желалъ бы дойти до того, чтобы дѣвицы получали столь же обильную и вкусную пищу“. Въ представленномъ затѣмъ Вонлярлярскимъ докладѣ о посѣщеніи стола кадетъ, онъ доложилъ, что на столь кадетамъ отпускалось по 13 копѣекъ въ день на человѣка; обѣдъ состоялъ изъ говядины и каши, причемъ говядина бралась хотя и черкасская, но мороженная; тѣмъ не менѣе Вонлярлярскій восхитился здоровымъ видомъ кадетъ и приписалъ это тому, что они всегда въ движеніи, вслѣдствіе чего у нихъ развивается хорошій аппетитъ, не позволяющій имъ быть разборчивыми въ пищѣ; но и кадетамъ было бы мало 13 копѣекъ въ день на человѣка, еслибы ихъ не отпускали по праздникамъ и воскресеньямъ домой.

Пища воспитанницъ институтовъ, по мнѣнію Вонлярлярскаго, болѣе утонченная и разнообразная; довольно часто, по его словамъ, имъ даютъ свѣжую рыбу, дичь, пирожное; „но, — прибавляетъ онъ, — живя взаперти, рѣдко пользуясь свѣжимъ воздухомъ, по слабости и нѣжности организаціи, онѣ употребляютъ гораздо меньше пищи и въ выборѣ ея часто прихотливы, какъ я самъ въ томъ убѣдился. Напримѣръ, онѣ не любятъ ухи изъ свѣжихъ ершей, суповъ, щей и пр.¹⁾).

Вонлярлярскій ходатайствовалъ объ увеличеніи отпускаемой на столь воспитанницамъ суммы для того, чтобы онѣ могли получать утромъ и вечеромъ чай съ хорошимъ вареньемъ, молокомъ и булкою. На этомъ докладѣ государь написалъ: „Сообразить, не будетъ ли достаточно прибавить сумму, равняющуюся той, которая остается по кадетскимъ корпусамъ отъ роспусковъ и каникулъ? Разумѣется, не упуская изъ виду, что не всѣ кадеты отпускаются по домамъ, взявъ среднее число по всѣмъ корпусамъ. Думаю, что съ этою прибавкою очень можно будетъ сдѣлать столь дѣвицъ не хуже кадетскаго. Согласенъ и чай давать, ежели суммы и на это станутъ“²⁾).

Тогда, къ отпускавшейся на столь воспитанницъ суммѣ, было прибавлено по двѣ копѣйки въ день на каждую, а въ 1854 году, когда въ обществѣ обнаружилась большая заболѣваемость, такъ что съ 1-го января по 16-е апрѣля переболѣли около $\frac{7}{9}$ общаго ихъ числа, императрица велѣла изслѣдовать причину этого явленія. Врачи (Арендтъ, Шпереръ, Здекауеръ) приписали ее непитатель-

¹⁾ Дѣла гл. Сов., 1853.

²⁾ Пятидес., стр. 164.

ности пищи, дававшейся воспитанницамъ, излишнему соблюденію постовъ и несогласнымъ съ требованіями гигиѣны распредѣленіемъ учебныхъ и рекреационныхъ часовъ, а также и тому, что воспитанницы слишкомъ мало пользуются свѣжимъ воздухомъ.

Послѣдствіемъ этого было постановленіе: составлять таблицы о пищѣ воспитанницъ согласно правиламъ діететики при участіи главнаго доктора заведенія, съ утвержденіемъ ея медицинскимъ инспекторомъ; устраивать для воспитанницъ прогулки на свѣжемъ воздухѣ не только лѣтомъ, но и зимою; уменьшить число часовъ для занятій руководѣльями и не назначать ихъ внѣ опредѣленнаго вообще для учебныхъ занятій времени; до чая или ужина устраивать танцы и измѣнить распредѣленіе дня въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Заключеніе врачей о пищѣ воспитанницъ императрица велѣла передать на разсмотрѣніе медицинскаго Совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и когда Совѣтъ призналъ вреднымъ для здоровья отсутствіе, въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ въ году, мясной пищи въ столѣ воспитанницъ, то императрица, по соглашенію съ митрополитомъ, приказала, чтобы во всѣхъ петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ постную пищу давали не въ теченіе всего поста, а только на первой, четвертой и седьмой недѣляхъ; кромѣ того воспитанницы должны были ѣсть постное двѣ недѣли во время Успенскаго поста, по средамъ и пятницамъ постовъ: Великаго, Рождественскаго и Петровскаго, и еще четыре дня, въ которые опредѣлены посты. Но въ московскихъ и губернскихъ институтахъ все было оставлено попрежнему на томъ основаніи, что тамъ „нѣтъ особыхъ затрудненій въ приготовленіи постной пищи и обыкновеніе соблюденія постовъ болѣе, чѣмъ здѣсь (въ Петербургѣ) распространено въ частныхъ домахъ“¹⁾.

И въ губернскихъ заведеніяхъ было постановлено ввести новый порядокъ распредѣленія времени, предложенный врачами, съ разрѣшеніемъ отступать отъ него не иначе, какъ съ согласія главнаго Совѣта.

На этомъ постановленіи, государь положилъ слѣдующую резолюцію: „представить мнѣ сравнительное распредѣленіе времени въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и военно-учебныхъ, равно и дни, въ которые въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ ѣдятъ постную пищу“.

По новому порядку, воспитанницамъ дозволялось осенью, зимою и ранней весною, вставать получасомъ позже и ложиться полу-

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 181.

часомъ ранѣе; вмѣсто обѣда и ужина, согласно предписанію врачей, было положено давать завтракъ въ 12 часовъ, обѣдъ въ 4, и за часъ до сна чай или молоко, а зимою—одно легкое блюдо. На рекреацію прибавленъ 1 часъ, а лѣтомъ, по особенному требованію врачей, назначено полчаса на прогулку утромъ натошакъ. Учебныя занятія положено начинать получасомъ ранѣе и на нихъ назначены преимущественно утренніе часы; а приготовленія къ урокамъ должны были начинаться лишь черезъ 2¹/₂ часа послѣ обѣда.

Число постныхъ дней оставлено въ институтахъ бѣльшее нежели въ корпусахъ, на томъ основаніи, что „если отъ лицъ, несущихъ военную службу и подвергающихся всѣмъ случайностямъ военной жизни, нельзя требовать строгаго соблюденія постовъ, то для будущихъ матерей и воспитательницъ, едва ли было бы удобнѣе допускать бѣльшія въ семъ отношеніи отступленія: почему дѣвицы съ ранняго возраста должны по возможности исполнять всѣ церковныя обряды, которые имѣютъ для нихъ особую важность“¹⁾.

Во всѣхъ мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію, какъ нравственнаго и умственнаго, такъ и физическаго быта воспитанницъ, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій принималъ самое горячее участіе. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи не можетъ быть подтверждена такими документальными свидѣтельствами, какими были письма Императрицы Маріи къ начальницамъ институтовъ и почетнымъ опекунамъ; къ тому же принцъ и не управлялъ женскими учебными заведеніями единолично, даже тогда, когда, въ 1860 году, былъ назначенъ главноуправляющимъ четвертымъ отдѣленіемъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, стало быть, стоялъ во главѣ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Но не говоря объ его личной добротѣ, заботливости и вниманіи, съ которыми онъ относился къ воспитанницамъ, принцъ много и непосредственно трудился для нихъ.

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 184.

III.

Первыя мѣры Императрицы Александры Ѳеодоровны по учебной части женскихъ заведеній.—Сокращеніе курса.—Дарованіе правъ воспитанницамъ на полученіе званія домашней учительницы.—Положеніе 1834 года.—Учебный комитетъ при IV отдѣленіи.—Инспектора и учителя женскихъ заведеній.—Ешевскій, Шульгинъ, Бунге, Гоголь. — Отношеніе Гоголя къ своимъ занятіямъ въ патріотическомъ институтѣ.—Правила для испытанія учителей по министерству народнаго просвѣщенія.—Отступленія отъ нихъ для учителей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Плата учителямъ.—Знанія воспитанницъ.—Отчеты Вонлярскаго и замѣчанія на нихъ императора Николая. — Сочиненія воспитанницъ. — Особенности учебнаго курса Маріинскаго института.—Записка князя В. Ѳ. Одоевскаго.—Власть начальницъ и по учебной части институтовъ.—Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ о преподаваніи въ институтахъ: — Новые учебные планы.—Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ. — Учебныя руководства и пособія.—Спеціальныя классы при Александровскихъ училищахъ.—Преобразование курса сиротскихъ институтовъ.—Музыкальныя классы.—„Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній“.—Примѣненіе къ нему программъ этихъ заведеній.

Первыми мѣрами по учебной части въ поступившихъ подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны женскихъ учебныхъ заведеній, было улучшеніе положенія служащихъ: инспекторамъ классовъ и учителямъ тѣхъ ихъ нихъ, которыя состояли прежде подъ покровительствомъ Императрицы Маріи, были даны права на чины и преимущества, какими пользовались учителя мужскихъ гимназій, пажескаго и кадетскихъ корпусовъ; четыре года спустя эти права были даны и учителямъ женскихъ заведеній, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ Императрицы Елизаветы. Но въ ходатайствѣ начальницы Общества и инспектора классовъ объ увеличеніи учителямъ жалованья было отказано. Поэтому, въ докладѣ о выпускѣ 1830 года Совѣтъ Общества говорилъ, что и не смѣетъ ходатайствовать объ орденѣхъ и подаркахъ для учителей; онъ даже находилъ „достаточ-

нымъ имъ вознагражденіемъ ужъ то, что они за каждый часъ своихъ трудовъ получаютъ особое жалованье и притомъ изъ разныхъ мѣстъ, чего лишены всѣ прочіе чиновники при гораздо большей отвѣтственности“. По словамъ Совѣта, нѣкоторые учителя, занимая по три и даже по пяти должностей, получаютъ отъ трехъ до шести тысячъ рублей въ годъ, кромѣ частныхъ уроковъ.

Впрочемъ, вскорѣ затѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное начальникамъ Вилламовымъ, о томъ, чтобы онѣ не дѣлали никакихъ представленій объ изъятіи изъ существующихъ законовъ и правилъ при наградахъ даже оставляющимъ службу въ заведеніи лицамъ, не ссылались „на прежде бывшіе примѣры“ и, вообще, представляя годовыя росписанія расходовъ по институтамъ, не подносили росписаній, превышающихъ доходы ¹⁾).

Что касается собственно ученія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ 1830 году комитетъ по учебной части въ Обществѣ и Екатерининскомъ училищѣ разрѣшилъ, по предложенію инспектора Германа, примѣнить методу Базедова, усовершенствованную Песталоцци, къ первоначальному обученію языкамъ въ этихъ двухъ институтахъ въ видѣ опыта и сначала при преподаваніи лишь нѣмецкаго языка, какъ самаго труднаго. Но этого не пришлось осуществить, такъ какъ хорошаго учителя по этой методѣ нельзя было найти, платя ему даже, по заявленію инспектора, 100 рублей за годовой часъ ²⁾).

Съ 1830 года началось сокращеніе курса въ разныхъ институтахъ: отмѣнены особые уроки пепиньеркамъ на томъ основаніи, что пепиньерки имѣютъ другія должности и выбываютъ черезъ каждые два-три года. Отпускавшіеся до тѣхъ поръ на плату учителямъ пепиньерокъ 1.100 рублей въ годъ, обращены на увеличеніе бібліотеки, которая, по донесенію инспектора, въ Обществѣ состояла изъ книгъ „превосходящихъ понятія дѣвицъ и ихъ возрастъ“. По Высочайшему повелѣнію въ томъ же году, отмѣнено преподаваніе геометріи въ харьковскомъ институтѣ, гдѣ она преподавалась „съ приложеніемъ къ хозяйственной архитектурѣ“ ³⁾); по Высочайшему же повелѣнію 1831 года, отмѣнено преподаваніе физики и естественной исторіи въ одесскомъ и полтавскомъ институтахъ. Въ послѣднемъ, физика была введена въ программу лишь за годъ передъ тѣмъ, по предложенію инспектора классовъ, Гулака-Артемовскаго, который мотивировалъ свое предложеніе говоря, что преподаваніе физики полезно „не съ цѣлью сдѣлать

¹⁾ Письмо 9-го авг. 1832 г.

²⁾ Засѣданіе учеб. ком. 26-го іюня 1830 г.

³⁾ *Шелковъ*. Харьковъ. Историко статистическій опытъ. 1881 г. стр. 18.

изъ преподаванія онаго предмета, предметъ блестящей суетности, но единственно съ цѣлью усилить въ юныхъ сердцахъ чувство благоговѣнія къ Творцу природы посредствомъ разсматриванія главнѣйшихъ его законовъ и искорененія суевѣрія и предразсудковъ на счетъ нѣкоторыхъ явленій“¹⁾.

Гулакъ-Артемовскій, бывшій въ то время профессоромъ въ харьковскомъ университетѣ и инспекторомъ классовъ въ харьковскомъ институтѣ, былъ приглашенъ въ Полтаву для устройства учебной части и въ полтавскомъ институтѣ, послѣ того, какъ при посѣщеніи его императрицею въ 1830 году, эта часть была найдена „требующею соотвѣтствующаго цѣли учрежденія института преобразования.“ Извѣщая объ этомъ попечительницу института, княгиню Репнину, Лонгиновъ писалъ ей, что хотя въ Положеніи о полтавскомъ институтѣ 1828-го года исчислены предметы „въ такихъ только познаніяхъ, которыя существенно необходимы для женскаго пола, но и эти немногіе предметы должны быть преподаваемы при надлежащемъ учебномъ порядкѣ, на правилахъ, принятыхъ въ другихъ заведеніяхъ и признанныхъ способными къ достиженію цѣли воспитанія съ успѣхомъ.“ Онъ предлагалъ пополнить составъ учителей выписавъ ихъ изъ Харькова, если не найдется въ Полтавѣ, но прибавлялъ, что способности учителей, должны состоять не только въ однихъ познаніяхъ, но наипаче въ ихъ нравственности и въ благовоспитанномъ приличіи обращенія.“

Главнѣйшія изъ предложенныхъ Гулакомъ-Артемовскимъ мѣръ для улучшенія учебной части въ институтѣ, не были, однако, утверждены императрицею и въ числѣ такихъ мѣръ, на которой особенно настаивалъ Гулакъ, не было утверждено преподаваніе на русскомъ языкѣ всѣхъ предметовъ „по крайней мѣрѣ въ низшихъ классахъ“. Императрица велѣла „оставить преподаваніе всемірной исторіи и географіи на французскомъ языкѣ учителю французской словесности Малану“²⁾ и исключить изъ росписанія предметовъ фізику, „главнѣйшія основанія которой должны быть объясняемы въ теченіе курса естественной исторіи по тому уваженію, что фізика не состоитъ въ числѣ Высочайше утвержденныхъ предметовъ преподаванія“³⁾.

Вмѣсто уроковъ фізики и естественной исторіи, въ одесскомъ институтѣ, въ 1831 году, повелѣно было сверхъ итальянскаго языка, ввести еще нѣмецкій.

¹⁾ Донесеніе Гулака-Артемовскаго ст. секретарю Лонгинову 16-го сент. 1830 г. (Арх. IV отд.).

²⁾ См. *Е. Лихачевой*. Мат. по ист. ж. обр. 1796—1828 г., стр. 219.

³⁾ Сообщеніе Лонгинова Совѣту полт. инст. 23-го окт. 1830 г.

Высочайшимъ повелѣніемъ 1832 года, прекращено въ Обществѣ и Екатерининскихъ институтахъ преподаваніе геометріи и головного исчисленія. Передавая это повелѣніе начальницамъ, Вилламовъ сообщалъ, что „Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы часы, употребляемые на преподаваніе этихъ предметовъ, обращены были на другой, полезнѣйшій для воспитанницъ, предметъ“ ¹⁾).

Уроки геометріи, преподававшейся въ Обществѣ съ самаго его основанія, были распределены на усиленіе уроковъ ариѳметики, нѣмецкой литературы и французскаго языка и, главнымъ образомъ, на „lecture raisonnée“, а въ Екатерининскомъ — закона Божія и ариѳметики. Для того, чтобы избѣжать повтореній, часто противорѣчащихъ одно другому, учителями литературъ, учебный комитетъ ²⁾), согласно предложенію Германа, предписалъ, чтобы учитель русской литературы занимался только теоріею прозы и поэзіи, общою исторіею литературы, за исключеніемъ Германіи и Франціи, и русскою литературою. Учителя французской и нѣмецкой литературъ должны были „избѣгать всякихъ теоретическихъ разсужденій и ограничиться лишь практическими упражненіями языка, избранными кусками сочиненій, характеризующихъ языкъ. Исторію этихъ литературъ предписано сократить въ древнихъ періодахъ и развить въ позднѣйшихъ. Вообще Германъ рекомендовалъ учителямъ обращаться съ исторіею иностранныхъ литературъ „съ бдѣншею осмотрительностью“ (avec plus de circonspection). Въ число учебныхъ руководствъ высшихъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній, было принято въ 1832 году „нравственное или правоучительное богословіе“ протоіерея Бажанова; это были лекціи, читанныя послѣднимъ въ петербургскомъ университетѣ и изданныя отдѣльною книгою подъ названіемъ: *обязанности христіанина*.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, учебный курсъ всѣхъ институтовъ приравнивался къ тому, который былъ установленъ въ просмотрѣнномъ и собственноручно исправленномъ императоромъ Николаемъ Положеніи 1827 года, данномъ патріотическому институту. Въ него входили: законъ Божій, грамматическое познаніе языковъ російскаго, французскаго и нѣмецкаго, чистописаніе, словесность, географія и исторія всеобщая, древняя и новая, ариѳметика ³⁾).

Въ 1834 году воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній,

¹⁾ Письмо 11 го апр. 1832. (Арх. IV отд.).

²⁾ Засѣд. учебн. комитета 10 іюня 1832 г., въ составѣ: двухъ начальницъ (См. и Ек. инст.), директора экономіи и инспектора классовъ.

³⁾ § 21 Положенія 7 апр. 1827 г.

состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы, были предоставлены только что тогда Высочайше утвержденныя права на званіе домашнихъ учительницъ, безъ особаго, при университетахъ и гимназіяхъ испытанія, на основаніи лишь свидѣтельствъ, выдаваемыхъ заведеніемъ, гдѣ воспитанница получила образованіе ¹⁾. Такъ какъ эти званія учреждались съ цѣлью „обезпеченія родителей въ избраніи благонадежныхъ ихъ дѣтямъ руководителей и для содѣйствія видамъ Правительства“ ²⁾, то всѣ, въ томъ числѣ и женщины, желающія заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, допускались Положеніемъ 1834 г. лишь при имѣніи свидѣтельства на званіе домашняго наставника, учителя или учительницы.

Въ это время правительство было озабочено, какъ сказано въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1834 г. ³⁾, тѣмъ, чтобы „навсегда утвердить связь домашняго воспитанія съ публичнымъ... Такимъ образомъ — писалъ министръ — въ нѣдра нашихъ семействъ призываются благонадежные, уполномоченные отъ Правительства образователи съ значительными преимуществами (считаются на государственной службѣ) и съ соразмѣрною отвѣтственностью“. На Положеніе о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ, министръ указывалъ какъ на законъ, „приспособленный къ Вѣрѣ, правамъ и обычаямъ нашимъ... учрежденіе, не заимствованное изъ чуждыхъ намъ законодательствъ, но созданное, такъ сказать, въ духѣ Россіи по размѣру настоящихъ требованій, по уваженію имѣющихся способовъ... Смѣю думать — говорилъ онъ въ заключеніе — что изданіемъ Положенія разрѣшена, по крайней мѣрѣ въ теоріи, задача, не перестававшая со времени Императрицы Елизаветы Петровны озабочивать попечительную предусмотрительность русскихъ государей“.

Для полученія званія домашняго учителя или учительницы, требовалось испытаніе изъ тѣхъ языковъ и предметовъ, въ которыхъ ищущее званія лицо „окажетъ отличныя, и не менѣе хорошихъ, познанія, и буде, сверхъ того, имѣетъ общія, необходимыя для начальнаго обученія свѣдѣнія какъ въ грамматикѣ русскаго языка или другаго природнаго, такъ въ ариѳметикѣ, исторіи и географіи“.

Подъ общими свѣдѣніями, согласно разъясненію министерства народнаго просвѣщенія на запросъ о томъ попечителей учебныхъ

¹⁾ Положеніе о дом. наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ, Высоч утвержд. 1 іюля 1834 г.

²⁾ Журн. мин. нар. просв. 1834 г., кн. 3-я.

³⁾ Журн. мин. нар. просв. 1835, кн. 2-я.

округовъ, должно было пониматься: грамматическое знаніе русскаго или природнаго языка, ариѳметики, полное знаніе которой требовалось лишь отъ учителей, а отъ учительницъ только одна, первая, часть, и общія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи ¹⁾).

Эти правила были предъявлены и къ воспитанницамъ женскихъ заведеній, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы ²⁾).

При жизни Императрицы Маріи, бывшія воспитанницы институтовъ учили въ частныхъ домахъ болѣе нежели элементарному курсу; но для полученія на то права, онѣ должны были держать экзаменъ. Тотчасъ послѣ ея смерти, по ходатайству попечителя петербургскаго учебнаго округа, онѣ были освобождены отъ такого экзамена и могли заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ лишь по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ имъ отъ института или заведенія, въ которомъ онѣ воспитывались. Но въ этихъ свидѣтельствахъ не отмѣчались, въ большинствѣ случаевъ, успѣхи въ предметахъ, которымъ онѣ обучались. Такія свидѣтельства выдавались только воспитанницамъ Воспитательныхъ домовъ и Павловскаго института; но и тутъ, если успѣхи воспитанницы въ какомъ-либо предметѣ были слабы, то объ этомъ не упоминалось, а просто перечислялись предметы. Въ Смольномъ и Екатерининскомъ институтѣ, наоборотъ, обозначались успѣхи въ томъ или другомъ предметѣ, но не перечислялись всѣ предметы, которые воспитанницамъ преподавались ³⁾).

На это обратилъ вниманіе ректоръ петербургскаго университета, Дегуровъ. „Я не думаю—писалъ онъ министру народнаго просвѣщенія—что всѣ сіи воспитанницы въ состояніи были обучать“ и просилъ сообщить ему: какія именно воспитанницы могутъ получать безъ экзамена званіе домашней учительницы и какіе именно аттестаты даютъ имъ на это право. Тогда было постановлено, чтобы въ аттестатахъ, выдаваемыхъ женскими учебными заведеніями, означались „по крайней мѣрѣ успѣхи воспитанницъ въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онѣ оказали хорошія и отличныя свѣдѣнія“.

По уставу 1855 года (§ 134), воспитанницамъ заведеній пер-

¹⁾ Ж. мин. нар. пр. 1834 г. окт. Циркулярное предложеніе мин. нар. пр. попечителямъ уч. окр. о выдачѣ свидѣтельствъ на званіе домашняго учителя.

²⁾ Положеніе 1834 года было распространено въ 1839 году на Маріинскій институтъ и женское отдѣленіе нѣмецкаго училища св. Петра; съ 1852 года на училище св. Анны, съ 1855 года на училище принцессы Ольденбургской.

³⁾ Сообщение ст. секр. Вилламова министру нар. просв. Уварову. (Арх. мин. нар. просв.).

ваго разряда, по окончаніи ими полного курса, должны выдаваться свидѣтельства на званіе домашней наставницы¹⁾ безъ особаго экзамена, на основаніи лишь выданнаго при выпускѣ аттестата. При выдачѣ попечителями учебныхъ округовъ свидѣтельствъ на право обученія бывшимъ воспитанницамъ институтовъ, занимавшихся обученіемъ до изданія Положенія 1834 года, было, согласно волѣ императрицы, повелѣно ссылаться на уставъ этихъ заведеній „гдѣ поименованы предметы ученія, при указахъ правительствующаго Сената во всеобщее свѣдѣніе“.

Въ 1845 году было учреждено центральное управленіе учебною частью женскихъ заведеній—учебный комитетъ при IV отдѣленіи Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи, по примѣру такого же комитета, незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго при военно-учебныхъ заведеніяхъ. На комитетъ IV отдѣленія была возложена детальная разработка программъ и, вообще, наблюденіе за ходомъ ученія во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи²⁾.

Кромѣ этихъ, общихъ для всѣхъ заведеній, мѣръ, принимались и частныя, направленные съ одной стороны къ сокращенію объема преподаванія, а съ другой къ улучшенію его.

При учрежденіи въ 1845 году главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы министръ народнаго просвѣщенія всегда состоялъ членомъ этого Совѣта. А такъ какъ еще при Императрицѣ Маріи установился обычай, по которому министръ народнаго просвѣщенія, въ качествѣ члена Совѣта Воспитательнаго Общества и Екатерининскаго института, завѣдывалъ ихъ учебною частью, то это распространилось и на другіе институты.

Въ періодъ времени съ 1830 по 1855 годъ графъ Уваровъ завѣдывалъ учебною частью въ Смольномъ; князь Ширинскій-Шихматовъ, будучи еще товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, завѣдывалъ ею въ патріотическомъ и Павловскомъ институтахъ, а по назначеніи министромъ, состоялъ членомъ Совѣта по учебной части и въ Обществѣ, товарищъ министра А. С. Норовъ—въ Екатерининскомъ и Павловскомъ институтахъ³⁾.

¹⁾ По Положенію 1834 г. званіе домашняго наставника давалось лишь лицамъ окончившимъ, съ одобрительными свидѣтельствами, курсъ въ университетѣ.

²⁾ Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ непремѣнный секретарь Академіи наукъ, Фуссъ, а членами: принцъ П. Г. Ольденбургскій, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, П. Тучковъ, Н. Лонгиновъ, гр. Віельгорскій, А. Гофманъ, С. Ланской и Я. Ростовцевъ.

³⁾ Докладъ ст. секр. Гофмана императору Николаю. (Дѣла г. Совѣта 1852 г.).

Между инспекторами классовъ и учителями разныхъ женскихъ заведеній того времени, встрѣчаются лица, имена которыхъ сдѣлались въ послѣдствіи извѣстными въ наукѣ, литературѣ и педагогикѣ. Въ періодъ времени (съ конца тридцатыхъ по 1855 годъ) инспекторами классовъ были: Гулакъ-Артемовскій (въ харьковскомъ и потомъ полтавскомъ институтахъ, гдѣ онъ въ качествѣ члена Совѣта завѣдывалъ учебною частью и по назначеніи его ректоромъ харьковскаго университета), Плетневъ (въ патріотическомъ институтѣ), Рѣдкинъ (въ московскомъ Александринскомъ сиротскомъ), Чистяковъ (въ петербургскомъ Николаевскомъ), Иванишевъ, деканъ кіевскаго университета (въ кіевскомъ институтѣ), Шульгинъ (тамъ же); нѣсколько позже Н. И. Пировъ завѣдывалъ, въ качествѣ члена Совѣта, учебною частью въ кіевскомъ институтѣ. Почти всѣ они и преподавали какой нибудь изъ наиболѣе важныхъ предметовъ.

Въ числѣ учителей того времени были: Никитенко, Гоголь, Галаховъ, Ешевскій, Шульгинъ, Стасюлевичъ. Особенно счастливъ въ отношеніи учителей былъ кіевскій институтъ, куда преподававшій сначала тамъ всеобщую исторію, профессоръ Шульгинъ, по назначеніи его въ 1850 году инспекторомъ классовъ, привлекъ лучшія педагогическія силы Кіева: профессоровъ Бунге, Иконникова, Костомарова, Петрушевскаго и другихъ.

Объ отношеніи къ дѣлу многихъ изъ этихъ лицъ имѣются свидѣтельства, оставленныя ими самими (Никитенко, Галаховъ) или другими компетентными лицами.

Ешевскій, бывшій въ 1850 году преподавателемъ исторіи въ младшихъ классахъ московскаго Николаевскаго института, смотрѣлъ, по словамъ профессора Бестужева-Рюмина, на свои занятія „серьезно, старался внушить ученицамъ любовь къ занятіямъ, давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки“¹⁾.

О В. Я. Шульгинѣ одна изъ бывшихъ его ученицъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „хочется убѣдить, какъ съумѣю, что хорошій педагогъ всегда овладѣетъ симпатіями дѣтей. Теперь я, мать взрослыхъ дѣтей, способная отличать добро отъ зла, помню то нравственное вліяніе, которое имѣлъ на насъ Виталій Яковлевичъ, и сознаю, что я у него почерпнула многое, что пригодилось мнѣ въ жизни; и всякій разъ, когда я съумѣла найтись, дать отпоръ, достигнуть того, къ чему стремилась — мнѣ всегда казалось, что я обязана этимъ ему; умѣлое, разум-

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*. Біографіи и характеристики. 1882, стр. 303, 304.

ное преподаваніе мы чутко признавали въ первомъ классѣ... В. Я. отличался рѣдкимъ даромъ выражать всю суть въ сжатой и вмѣстѣ эффектной формѣ, симпатичностью голоса, способностью изобразить цѣлую картину предмета, о которомъ идетъ рѣчь въ классѣ, а закончить урокъ такъ, что послѣднее слово буквально сопровождалось звонкомъ. Такого умѣнья выпустить насъ — ученицъ, изъ класса подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, такой преподавательскій талантъ трудно встрѣтить, и потому-то мы благоговѣли передъ В. Я.“¹⁾

Та же воспитанница кіевскаго института говоритъ о Н. Х. Бунге, преподававшемъ географію: „мы считали за честь, что Николай Христіановичъ согласился читать намъ лекціи, и потому боялись уронить себя въ его глазахъ. Вспоминая, я теперь только способна цѣнить, и удивляюсь, какъ при его ученыхъ трудахъ и многочисленныхъ обязанностяхъ, онъ могъ удѣлять намъ столько вниманія, задавая сочиненія по географіи и разбирая ихъ въ классѣ; автора Н. Х. не называлъ, но авторъ самъ себя выдавалъ волненіемъ, иногда даже слезами, такъ какъ Н. Х., не оскорбляя, умѣлъ довольно чувствительно задѣть самолюбіе ученицы, не потрудившейся надъ заданною работою. Поэтому мы много думали надъ всякимъ словомъ, которое вписывали въ тетрадь и осрамиться по сочиненію у Н. Х. считалось большимъ несчастіемъ“. Такимъ же добросовѣстнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ занятіямъ съ воспитанницами отличались, по словамъ автора „Воспоминаній“, О. О. Петрушевскій, преподававшій физику, А. А. Яновичъ — естественную исторію, А. Ф. Жаненъ — французскій языкъ.

Гоголь поступилъ преподавателемъ исторіи въ младшихъ классахъ патріотическаго института „вмѣсто двухъ учительницъ, получившихъ другіе уроки“²⁾ въ 1831 году. Тогда онъ только что начиналъ свое литературное поприще. Объясняя свой переходъ изъ департамента удѣловъ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ служилъ, на должность учителя, Гоголь писалъ матери: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ“³⁾. Впрочемъ вы не думайте, чтобы это много

¹⁾ Исторія кіевскаго института бл. дѣв. 1838—1888 гг. Составилъ членъ Совѣта инспекторъ классовъ Кіевскаго инст. М. М. Ващенко-Захарченко. Кіевъ 1889 года, стр. 43.

²⁾ В. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ періодъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“ 1832—1835 г. (В. Евр. 1835, авг.)

³⁾ Въ другомъ письмѣ, отъ 19 сент. 1831 г., Гоголь говоритъ матери, что его книга, первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ“ (только что тогда появившаяся въ про-

значило. Вся выгода въ томъ, что лекціи мои мало по малу заставляютъ говорить обо мнѣ и, главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ какъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для души удовольствія. Осенью поступить ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду заниматься 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго. Но между тѣмъ занятія мои, которыя еще болѣе принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнатѣ: для нихъ теперь времени много“¹⁾.

Воспитаніе, дававшееся дѣвушкамъ въ столичныхъ институтахъ, нравилось Гоголю. „Еслибы вы знали, моя безцѣнная маминька, — пишетъ онъ матери 9 октября 1831 года, — какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время. — Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтъ и вовсе не выходятъ тѣми вѣтреными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты... Два здѣшніе института, Патріотическій и Екатерининскій, самые лучшіе и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькіе сестрицы будутъ помѣщены“.

Позже, въ 1833 году, когда его сестры уже были въ институтѣ, онъ успокаиваетъ мать, жалѣвшую что онѣ не учатся музыкѣ, говоря: „будьте увѣрены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить имъ все нужное. Всѣ пріятныя искусства, необходимыя для дѣвицъ, будутъ имъ внушены“. Къ этому онъ прибавляетъ: „сдѣлайте милость, моя безцѣнная маминька, воспитывайте такимъ же образомъ Олю... отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила“²⁾, и проситъ „подтвердить мадамѣ“ въ пансіонѣ которой мать хотѣла отдать Олю, чтобы она держала ее при себѣ и заставляла заниматься рукодѣліемъ, практикою языковъ, музыки, „особенно танцами: это укрѣпляетъ члены“³⁾.

О содержаніи уроковъ Гоголя въ институтѣ, сохранились извѣ-

дажѣ) понравилась императрицѣ. (Соч. и письма Н. В. Гоголя. Т. пятый. Изд. П. А. Кулиша. С.-Пет. 1857 г.).

¹⁾ Тамъ же, письмо отъ 16 апр, 1831 г.

²⁾ Письмо отъ 2 октября 1833 г.

³⁾ Письмо отъ 22 ноября 1833 г.

стія. Свої лекції Гоголь составлялъ самъ, а воспитанницы ихъ записывали. Сначала онъ былъ доволенъ ими и, по словамъ Погодина, рассказывалъ ему „много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ Патріотическомъ женскомъ институтѣ, въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей“¹⁾. Заинтересованный этими рассказами, Погодинъ просилъ Плетнева прислать ему для просмотра тетради воспитанницъ. На это Плетневъ отвѣчалъ: „не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что нибудь пригодиться. Ихъ рассказъ уроковъ его очень пріятенъ, потому что Гоголь останавливаетъ вниманіе ученицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, т. е. съ ошибками грамматическими, логическими и пр. и пр. Что касается до порядка въ Исторіи или какого нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія—этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ какъ писатель, т. е. силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе“.

Самъ Гоголь на просьбу Погодина доставить ему записки воспитанницъ, отвѣчалъ: „журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. При томъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое przygotowляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ заглавіемъ: *Земля и люди*. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете мои мысли объ этихъ наукахъ“²⁾. Нѣсколько дней спустя, извиняясь передъ Погодинымъ, что не прислалъ ему „журнала дѣвицъ“, Гоголь говоритъ, что „приводилъ его въ порядокъ, и его-то совершенно преобразивши, хотѣлъ издать подъ именемъ: *Земля и люди*. Но,—прибавляетъ онъ, — я не знаю отчего на меня напала тоска“³⁾.

Въ 1834 году Гоголь преподавалъ исторію и въ старшихъ классахъ патріотическаго института; но въ слѣдующемъ году на-

¹⁾ Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. IV, стр. 113—114.—Витбергъ. Гоголь какъ историкъ. (Истор. В. 1892, авг.).

²⁾ Письмо къ М. П. Погодину отъ 1 февраля 1833 г. (Соч. Т. V).

³⁾ Письмо отъ 20 февраля 1833 г.

чальница, Вистенгаузенъ, сообщая Лонгинову, что уѣхавшій въ отпускъ Гоголь, „будучи одержимъ болѣзною, можетъ пребыть въ отпуску весьма долгое время“, просила исходатайствовать Высочайшее повелѣніе объ увольненіи Гоголя и о назначеніи на его мѣсто учителя изъ Воспитательнаго Дома, Соколовскаго ¹⁾).

Еще не зная о состоявшемся назначеніи на его мѣсто Соколовскаго, Гоголь писалъ Жуковскому изъ Полтавы: „Вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ произшествіи, что мѣсто мое въ Патріотическомъ Институтѣ долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно потому, что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ“ ²⁾).

Въ числѣ клонившихся къ улучшенію учебной части и въ женскихъ заведеніяхъ мѣръ, были правила для испытанія учителей, составленныя въ 1836 году министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ. При испытаніи учителей, служащихъ по министерству, отъ желающаго занять мѣсто учителя, между прочимъ требовалось: въ присутствіи ректора университета и собранія одного изъ факультетовъ рѣшить словесно пять вопросовъ, а письменно два, которые избираются по жребію изъ многихъ, вмѣстѣ смѣшанныхъ, объемлющихъ всю науку (§ 4). Не выходя изъ собранія, написать на русскомъ или другомъ природномъ языкѣ разсужденіе на заданную испытателемъ тему, прямо относящееся къ предмету испытанія. „Отъ разсужденія сего, — сказано въ § 2, — не требовать однако особенной полноты и учености, какія бы могли имѣть сочиненія, писанныя при другихъ обстоятельствахъ и съ другою цѣлію (§ 3). Дать пробную лекцію въ присутствіи ректора того же факультета. „Здѣсь Испытатели обращаютъ особенное вниманіе на простоту, ясность, связь и легкость, съ какими испытуемый можетъ преподавать предметъ своимъ слушателямъ (§ 3). Испытаніе должно быть кончено въ три засѣданія. Желательно, чтобы между засѣданіями было сколько можно меньше промежутка (§ 4). Если испытуемый неудовлетворительно на первомъ засѣданіи отвѣчалъ на словесные или письменные вопросы, то къ дальнѣйшему испытанію не допускается, и не прежде шести мѣсяцевъ можетъ вновь предстать на оное.

По поводу сдѣланнаго попечителемъ московскаго учебнаго округа, графомъ Строгановымъ, запроса: какими правилами долженъ руко-

¹⁾ Архивъ патр. инст. № 105.

²⁾ Письмо отъ 15 іюля 1835 г. (Р. Арх. 1871 г., стр. 949).

водствоваться московскій университетъ при испытаніи желающихъ поступить въ учителя заведеній Императрицы Маріи? министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ послалъ проектъ правилъ для испытанія учителей министерства, статсъ-секретарю Вилламову. Послѣдній одобрилъ правила, за исключеніемъ § 2, „не потому —объяснялъ онъ министру,—чтобы условіе это было несправедливо и не соотвѣтствовало цѣли, а потому, что я почитаю оное еще у насъ преждевременнымъ. Написать экспромтъ разсужденія не выходя изъ собранія требуетъ способности и навыка владѣть перомъ, котораго многіе изъ хорошихъ нашихъ учителей практиковъ не имѣютъ, какъ мнѣ изъ опыта весьма извѣстно... Многіе учителя пріобрѣли въ довольно высокой степени способность преподаванія болѣе отъ упражненія, сопряженнаго съ естественнымъ остроуміемъ, нежели отъ академическаго ученія и образованія“¹⁾. По повелѣнію императрицы, ея именемъ было предложено „установить для учителей женскихъ заведеній два рода испытанія — одинъ для инспекторовъ классовъ и старшихъ учителей на правилахъ, составленныхъ министерствомъ, а другой — для прочихъ учителей, который можетъ ограничиться исключительно однимъ предметомъ преподаванія, не требуя письменнаго разсужденія“.

Хотя § 2 былъ принятъ какъ общее правило по министерству даже при испытаніи учителей въ уѣздныя училища, съ цѣлью, —какъ писалъ графъ Уваровъ, — „чтобы экзаменаторы видѣли грамматическія познанія и способность выражаться кандидата на языкѣ, на которомъ онъ будетъ преподавать свой предметъ“, но министръ согласился на то, чтобы отъ иностранцевъ, —учителей женскихъ учебныхъ заведеній, требовали лишь краткаго разсужденія на природномъ языкѣ „хотя,—прибавлялъ графъ Уваровъ— званіе младшаго учителя даетъ право на 12-й и даже 10-й классъ, и въ этомъ они имѣютъ преимущество не только въ сравненіи съ учителями уѣздныхъ училищъ, но даже съ младшими учителями гимназій, получающихъ 10-й классъ послѣ четырехлѣтней службы“. Инспектора классовъ и старшіе учителя заведеній Императрицы Маріи утверждались въ этихъ должностяхъ лишь по представленіи диплома на ученую степень отъ одного изъ русскихъ университетовъ или атестата на званіе дѣйствительнаго студента, или, наконецъ, свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ“. Въ такомъ видѣ правила были одобрены императрицею²⁾.

¹⁾ Арх. мин. нар. просв.

²⁾ Правила для испытанія учителей въ учебныхъ заведеніяхъ при учрежденіяхъ блаженныя памяти Императрицы Маріи и состоящихъ подъ покровительствомъ Ея

Въ Положеніи объ учебной части для Общества и Екатерининскаго института, составленномъ въ 1839 году членомъ Совѣта по учебной части въ этихъ двухъ заведеніяхъ, министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ, инспектору классовъ было вмѣнено въ обязанность „имѣть свѣдѣнія объ отличныхъ преподавателяхъ въ заведеніяхъ столицъ и таковыхъ имѣть въ виду при открывающихся вакансіяхъ“. Приглашенному инспекторомъ учителю назначался четырехмѣсячный опытный срокъ, въ теченіе котораго инспекторъ долженъ наблюдать: 1) пріобрѣтена ли самимъ учителемъ ясность въ преподаваемыхъ познаніяхъ; 2) строго ли онъ слѣдуетъ предписанной программѣ; 3) выражается ли легко, чисто, ясно и опредѣлительно; 4) не уклоняется ли безъ нужды при преподаваніи отъ главнаго предмета; 5) имѣетъ ли живость, непринужденность и приличіе въ пріемахъ. Свои наблюденія инспекторъ долженъ былъ представлять члену Совѣта по учебной части и начальницѣ, которымъ предоставлялось право или самимъ постановлять по нимъ рѣшенія, или внести ихъ на обсужденіе учебнаго комитета.

Въ случаѣ еслибы испытуемый учитель оказался неудовлетворительнымъ, то удаленіе его, также какъ и утвержденіе въ должности могло состояться лишь съ разрѣшенія начальницы и члена Совѣта. Точно также ихъ разрѣшеніе требовалось при выборѣ инспекторомъ учебныхъ книгъ, причемъ онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы преподаватели въ высшихъ классахъ, „развивая руководство науки, не измѣняли иного въ составѣ“¹⁾. Тогда же былъ назначенъ особый инспекторъ классовъ въ Екатерининское училище и помощникъ инспектора въ мѣщанское при Обществѣ; главнымъ требованіемъ при назначеніи послѣдняго было поставлено знаніе имъ новѣйшихъ языковъ²⁾. Должность инспектора была признана чрезвычайно важною и для того, чтобы привязать инспектора къ заведеніямъ, ему было положено такое же жалованіе какъ въ сиротскихъ институтахъ, т.-е. по 3.000 р. въ годъ и пятилѣтнія прибавки, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія.

До 1827 года учителя Екатерининскаго института получали по 60 копѣекъ (асс.) за часъ въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ младшаго класса и по 50 коп. въ самомъ младшемъ отдѣленіи; только учителямъ иностранныхъ языковъ платили по 60, 65, 70

Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны (Арх. мин. нар. просв. 1836 г.).

¹⁾ Полож. объ уч. ч. въ В. Общ. и Ек. уч. 1839 (Учр. В. Общ. бл. д. 1828—1841).

²⁾ Засѣданіе учеб. ком. 31 янв. 1839.

копѣекъ и по рублю за часъ. Въ 1827 году имъ было назначено жалованье по 75 рублей (асс.) за годовой часъ ¹⁾. Въ Обществѣ плата была отъ 70 рублей (въ низшихъ классахъ) до 150 (въ высшихъ). Въ 1836 году начальница Общества въ письмѣ къ Вилламову говорила, что учителя получаютъ слишкомъ малое жалованье и выгоды сравнительно съ учителями военно-учебныхъ заведеній; она прибавляла, что лучшіе учителя уже ушли изъ Общества и въ подкрѣпленіе своихъ словъ представила записку инспектора Германа, который указывалъ на то, что при Императрицѣ Маріи учителей удерживали при Обществѣ знаки отличія, чины, подарки; „теперь,—писалъ онъ,—это бываетъ рѣдко. Капиталь учителя—его время, а года уходятъ. Мы скоро потеряемъ всѣхъ хорошихъ учителей и должны будемъ довольствоваться второстепенными; ученіе понизится въ заведеніяхъ, которыми любовались иностранцы, которыя распространяли свѣтъ въ семьяхъ, составляли удивленіе чужихъ правительствъ, не имѣвшихъ во всей Европѣ равныхъ нашимъ заведеніямъ“. Для того, чтобы сравнить Общество съ новыми или преобразованными заведеніями, Германъ предлагалъ увеличить жалованье учителей перваго отъ 150 до 200 рублей, лучше обставить учителей низшихъ классовъ, „какъ вѣтъ, откуда выходитъ цвѣтокъ“, и вообще поставить въ этомъ отношеніи Общество наравнѣ съ университетами и педагогическимъ институтомъ.

Это ходатайство не было удовлетворено. „Такой регламентъ,—писалъ Вилламовъ,—какъ доказалъ опытъ, не долго служить закономъ; онъ измѣняется и все *crescendo*. Правила бывали переступлены всякій разъ, когда надо было пріобрѣсть или удержать хорошаго учителя. Всѣ учителя потребуютъ себѣ высшаго награжденія.. Можно пріобрѣсть и теперь хорошаго учителя за малое вознагражденіе“. Въ видѣ примѣра Вилламовъ указалъ на учителя французскаго языка „извѣстнаго французскаго литератора“, который взялся усовершенствовать воспитанницъ сиротскаго дома, давая имъ уроки французскаго языка по 18 часовъ въ недѣлю за 2.000 рублей въ годъ и квартиру, между тѣмъ какъ по проекту Германа ему слѣдовало бы платить 3.600 рублей ²⁾. Въ 1839 году были разрѣшены особыя дополнительные прибавки къ жалованію учителей „по усердію, достоинству и относительной важности учебныхъ предметовъ“; но и съ этими прибавками такой учитель, какъ профессоръ русской словесности Никитенко, получалъ въ

¹⁾ Protocole sur la séance du comité pour les études à l'Institut de St. Cath. qui a eu lieu le 21 mars 1827.

²⁾ Письмо отъ 26 авг. 1836 г.

Смольномъ за 6 часовъ въ недѣлю 428 р. 17 коп. (сер.) безъ экипажа, что, въ виду дальности разстоянія заведенія отъ города, составляло значительный расходъ. Въ другихъ заведеніяхъ, плата была гораздо ниже, а въ нѣкоторыхъ, до 1845 года, учителямъ ничего не платили. Ревизовавшій въ 1846 году астраханскую губернію, членъ государственнаго Совѣта, князь Гагаринъ, предложилъ керченскому институтскому Совѣту ходатайствовать о томъ, чтобы учителя и впредь преподавали въ институтѣ даромъ и чтобы при опредѣленіи учителей въ мужскую гимназію, имъ это ставилось въ обязанность „какъ часть своей должности“.

Даже въ 1853 году Совѣтъ кіевскаго института, въ составленныхъ имъ правилахъ, полагалъ не платить жалованья учителямъ училища графини Левашевой, а предоставить имъ право быть дѣйствительными членами кіевскаго Общества для помощи бѣднымъ, безъ взноса денегъ. На это главный Совѣтъ справедливо замѣтилъ, что лучше давать учителямъ жалованье, нежели это преимущество; впрочемъ онъ полагалъ предоставить рѣшеніе вопроса самимъ учителямъ ¹⁾.

Вопросъ о жалованьѣ учителямъ вызвалъ вниманіе самого государя, когда въ 1848 году московскій опекунскій Совѣтъ представилъ росписаніе жалованья, получаемого учителями Александринскаго сиротскаго института, причемъ годовая плата учителю, за полуторачасовой урокъ полагалась въ 70 рублей въ общихъ классахъ, въ спеціальныхъ—по 100 рублей „за предметы юридическіе“ и 90 рублей за другіе.

Противъ этой статьи государь написалъ: „нахожу, что плата за уроки чрезмѣрно дорога и согласенъ только въ томъ случаѣ, ежели не превышаетъ платы въ прочихъ заведеніяхъ“. Тогда московскій опекунскій Совѣтъ, въ новомъ представленіи, объяснилъ, что преподавателямъ наукъ въ сиротскомъ институтѣ и московскомъ Екатерининскомъ училищѣ плата назначена въ 65 р. за годовой часъ въ классахъ общаго курса и по 85 рублей въ спеціальныхъ; „но такъ какъ, — говорилъ Совѣтъ, — для юридическихъ предметовъ требуются отъ учителя спеціальныя свѣдѣнія и трудно найти способныхъ лицъ“, то за эти, исключительно, предметы, опекунскій Совѣтъ считалъ необходимымъ назначить по 100 р. сер. за одинъ урокъ въ недѣлю или за 50 уроковъ въ цѣлый годъ. На этомъ докладѣ государь написалъ: „отнюдь нѣтъ, подобная цѣна срамъ и я сего нигдѣ не допущу и поставлю о семъ въ извѣстность министра народнаго просвѣщенія“ ²⁾. Тогда

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1853 г.

²⁾ Журн. гл. Сов. 1848.

графъ Уваровъ донесъ государю, что всѣ учителя, служащіе по министерству, получаютъ оклады по штатамъ, безъдробнаго примѣненія къ числу уроковъ, бѣльшей частью опредѣленнаго въ уставахъ и, такимъ образомъ, всѣ учителя, независимо отъ количества содержанія, обязаны проходить ежегодно вполнѣ положенный въ каждомъ классѣ по учебной программѣ курсъ своихъ предметовъ. На это государь сдѣлалъ помѣтку: „слѣдуетъ держаться вездѣ того же правила, о чемъ и сообщить вамъ кому слѣдуетъ, такъ какъ вы членъ Совѣтовъ учебныхъ заведеній“.

Въ представленномъ министромъ новомъ объясненіи, онъ изложилъ основанія, почему въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ плата учителямъ производится не по штатному положенію, какъ въ министерствѣ, а по особымъ, измѣняющимся, росписаніямъ. Женскія заведенія, также и военноучебныя, должны обращаться къ постороннимъ преподавателямъ, „которые, — объяснялъ графъ Уваровъ, — при недостаточномъ вообще числѣ хорошихъ, у насъ, учителей, бывъ обременены занятіями въ другихъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ, не иначе соглашаются какъ по добровольному съ ними соглашенію“. Иногда невозможно найти учителя, который взялся бы преподавать все число уроковъ, назначенныхъ въ программѣ и тогда приходится поневолѣ раздѣлять преподаваніе предмета между двумя и даже нѣсколькими учителями. Иногда, чтобы удержать или привлечь особенно извѣстныхъ по познаніямъ, опытности и методѣ преподавателей, такимъ, въ видахъ существенной пользы учащихъ, назначаютъ высшій передъ прочими окладъ. Кромѣ того, по министерству всѣ учителя состоятъ въ главной службѣ и только по усмотрѣнію начальства или съ его дозволенія могутъ преподавать въ заведеніяхъ другого вѣдомства. Въ женскихъ, особенно губернскихъ, учителя, не находясь въ государственной службѣ, имѣютъ только всѣ свои выгоды отъ производимой имъ платы. Членъ главнаго Совѣта, Я. Ростовцевъ, заявилъ, что всѣ эти уваженія были приняты при составленіи Положенія по учебной части въ военноучебныхъ заведеніяхъ и въ 1836 году утверждены государемъ.

Главный Совѣтъ къ этому присоединилъ подробный расчетъ, по которому предположенная московскимъ опекунскимъ Совѣтомъ плата учителямъ сиротскаго института, составляла отъ одного до двухъ рублей серебромъ за полуторачасовой урокъ, а за часъ — отъ 67 копѣекъ до 1 р. 35 коп. Раздѣливъ годовые оклады въ 50 и 100 рублей за часъ по числу недѣльныхъ уроковъ (50 въ годъ), каждый полуторачасовой урокъ обошелся бы въ 1 рубль изъ 50-рублеваго оклада и въ два рубля изъ ста-рублеваго. Глав-

ный Совѣтъ ходатайствовалъ передъ государемъ, чтобы производство жалованья учителямъ женскихъ заведеній оставалось на прежнихъ основаніяхъ и это правило было включено въ уставъ 1855 года.

При введеніи въ 1845 году новыхъ программъ, Совѣтъ московскаго Елизаветинскаго училища, въ видахъ экономіи, пригласилъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ учительницъ, за меньшее, сравнительно съ учителями, вознагражденіе; имъ платили за уроки французскаго и нѣмецкаго языка 15—20 рублей за годовой часъ. Къ той же мѣрѣ предлагалъ въ 1849 году прибѣгнуть председатель Совѣта харьковскаго института, генералъ-адъютантъ Кокошкинъ, поручивъ преподаваніе въ низшихъ классахъ пепиньеркамъ и особой учительницѣ французскаго языка изъ кандидатовъ московскаго сиротскаго института. Противъ этого возсталъ членъ Совѣта по учебной части, находя, что пепиньерки еще сами нуждаются въ руководствѣ и что преподаваніе даже въ низшихъ классахъ было бы выше ихъ силъ. Но главный Совѣтъ согласился съ Кокошкинымъ, однако, „въ видѣ временной мѣры, до пріисканія денежныхъ способовъ“.

Послѣ смерти Императрицы Маріи начальницы и инспектриссы гораздо рѣзче и откровеннѣе высказывались въ своихъ донесеніяхъ о знаніяхъ и прилежаніи воспитанницъ. „Въ третьемъ отдѣленіи голубого класса, — писала графиня Адлербергъ въ 1833 году, — ариѳметика шла нехорошо; три воспитанницы были невнимательны; все третье отдѣленіе старшаго возраста мѣщанской половины заслужило порицаніе своею невнимательностью“.

О знаніяхъ, съ какими выходили воспитанницы, въ донесеніяхъ часто встрѣчается выраженіе: „образованіе, достаточное для нашего пола“. Но даже новая начальница Общества, Леонтьева, всегда старавшаяся смягчить слишкомъ строгіе отзывы инспектриссъ, доносила, въ 1844 году, что на экзаменѣ естественная исторія шла плохо; а хуже всего ариѳметика... воспитанницы ея не любятъ и имъ она неинтересна; выпускныя знаютъ лишь общія правила“. О нѣмецкомъ языкѣ инспектрисса писала, что воспитанницы выходятъ, дѣлая немного грамматическихъ ошибокъ, но видно, что у нихъ нѣтъ привычки обращаться съ языкомъ... Въ исторіи и географіи ихъ знанія неудовлетворительны... хуже другихъ прошелъ экзаменъ, — по словамъ начальницы, — изъ русскаго языка и литературы; лучше всего изъ физики (опыты), закона Божія и французскаго языка. Въ голубомъ классѣ успѣхи нѣкоторыхъ дѣвицъ, по ея выраженію „presque nuls“. По словамъ инспектриссы, воспитанницы этого класса не

заняты ученіемъ. О знаніи иностранныхъ языковъ въ 1847 году сообщалось, что нѣкоторыя изъ выпускныхъ воспитанницъ сумѣютъ объяснить правило языка, но не въ состояніи поддержать на немъ разговора, большинство же наоборотъ.

О воспитанницахъ Александровскаго училища инспектрисса его, Кассель, говорила вообще какъ о дѣтяхъ плохо одаренныхъ (*mal doués*)... что у нихъ замѣчается вялость ума (*un certain engourdissement d'esprit*)... „Мы стараемся, — писала она въ 1844 году, — сдѣлать изъ нихъ хорошихъ работницъ, но это не всегда удается, закоренѣлая ихъ лѣность (*paresse invétérée*), упрямство и, часто, гордость, противодѣйствуютъ всѣмъ принимаемымъ нами мѣрамъ для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ нѣсколько болѣе искусныхъ швей“. Онѣ, по словамъ инспектриссы, вообще неспособны оцѣнить пользу образованія... знанія ихъ не важны. „Почти всѣ, — писала она въ 1845 году, — знаютъ настолько языки русскій, французскій и нѣмецкій, чтобы обучать началамъ ихъ, главнымъ образомъ грамматикѣ. Литература лишь намѣчена (*n'est qu'ébauchée*)“. Даже въ 1850 году, послѣ цѣлаго ряда реформъ въ учебномъ дѣлѣ, инспекторъ классовъ писалъ о знаніяхъ выходящихъ изъ Александровскаго училища воспитанницъ: „изъ ариѳметики — сносно для тѣхъ, кто, вступая, не умѣлъ сосчитать до двадцати; изъ исторіи — заучить могутъ, но понять смыслъ — нѣтъ; изъ русскаго языка знаютъ только грамматику; литературу и не проходили; изъ французскаго — говорятъ, но пишутъ съ ошибками. Нельзя, — прибавляетъ онъ, — въ такой періодъ (6 лѣтъ) съ дѣтьми, способностей слабыхъ, достигнуть бѣльшаго“. Вообще же онъ признавалъ, что далеко не всѣ выходятъ съ оконченнымъ образованіемъ. А между тѣмъ главный Совѣтъ настаивалъ на томъ, чтобы казенныя воспитанницы выходили изъ институтовъ 16-ти и не старше 18-ти лѣтъ.

Осматривавшій въ 1844 году харьковскій институтъ Вонлярлярскій, нашелъ учебную часть въ хорошемъ состояніи: „отличное преподаваніе, — писалъ онъ, — и очень хорошіе успѣхи воспитанницъ“; но объемъ преподаванія, по его мнѣнію, весьма пространенъ. „Лучше было бы, — предлагалъ Вонлярлярскій, — болѣе употреблять времени на пріученіе дѣвицъ практическому занятію хозяйствомъ и шитьемъ“¹⁾.

На этомъ мѣстѣ доклада Вонлярлярскаго, государь написалъ: „весьма справедливо“. На замѣчаніе Вонлярлярскаго о томъ, что

¹⁾ Дѣла Гл. Сов. 1845 г. Отчетъ Вонлярлярскаго по хар. инст. за 1844 г.

въ харьковскомъ институтѣ воспитанницъ не обучаютъ пѣнію, государь написалъ: „зачѣмъ не поютъ? хотя церковное пѣніе“; что у воспитанницъ дурное произношеніе какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, что онѣ не имѣютъ „особеннаго благородства въ пріемахъ и граціозности въ танцахъ“, государь сдѣлалъ надпись: „старый ихъ порокъ“. На основаніи этихъ замѣчаній государя, главный Совѣтъ постановилъ сообщить председателю харьковского Совѣта, князю Долгорукому, чтобы воспитанницъ обучали пѣнію и чтобы было обращено вниманіе на ихъ произношеніе, пріемы и танцы. Князь Долгоруковъ объяснилъ, что причины дурного произношенія у воспитанницъ кроются, между прочимъ, въ ихъ „провинціализмѣ, природномъ устроеніи язычныхъ органовъ, навыкахъ, пріобрѣтенныхъ еще въ домахъ родительскихъ“. Совѣтъ прибавлялъ, что начальницамъ и класснымъ дамамъ вмѣнено въ обязанность много разговаривать съ воспитанницами и что онѣ озабочены пріисканіемъ классной дамы изъ французенокъ или швейцарокъ. Что же касается до неграціозности въ танцахъ и пріемахъ, то въ этомъ виноваты, по мнѣнію Совѣта, учитель и на его мѣсто пріискивается новый.

Почти тѣ же замѣчанія и предложенія сдѣлалъ Вонлярлярскій по осмотрѣннымъ имъ тогда же институтамъ: закавказскому и полтавскому. Преподаваніе въ первомъ, по его мнѣнію, велось безъ системы, слишкомъ пространно; „оно должно имѣть цѣлю, — писалъ Вонлярлярскій, — постепенное сліяніе тамошнихъ нравовъ съ русской гражданственностью“. На этомъ мѣстѣ доклада государь сдѣлалъ надпись: „необходимо начертать планъ учебнаго курса, сообразивъ съ мѣстными потребностями“. На предложеніе доклада упражнять разсудокъ воспитанницъ, при общеніи имъ необходимыхъ поверхностныхъ свѣдѣній изъ словесности, чтеніемъ и анализомъ русскихъ писателей, государь написалъ: „справедливо“. Находя неудовлетворительнымъ преподаваніе исторіи и географіи въ институтѣ учителемъ русской словесности тифлисской гимназіи, который заставлялъ воспитанницъ выучивать наизусть по книгѣ, Вонлярлярскій предлагалъ преподавать исторію такъ, чтобы ученицы, „храня въ памяти хронологію и важнѣйшія происшествія, могли обрисовывать своими словами духъ времени и вліяніе нравовъ и обычаевъ на образованность народовъ и государствъ“; государь на это замѣтилъ: „да, но все вкратцѣ и безъ лишнихъ подробностей“. На предложеніе доклада преподавать воспитанницамъ, съ цѣлю усовершенствованія ихъ во французскомъ языкѣ, исторію и географію по-французски, государь написалъ: „съ этимъ я несогласенъ, ибо нѣтъ большой

пользы въ томъ, чтобы хорошо болтали по-французски, а по-русски хорошо не умѣли говорить, а потому надо всячески стараться ихъ болѣе утверждать въ русскомъ языкѣ“.

Полтавскій институтъ былъ найденъ Вонлярлярскимъ вообще въ цвѣтущемъ состояніи „по содержанію, воспитанію дѣвицъ, успѣхамъ въ наукахъ и искусствахъ, особенно въ танцахъ и методѣ преподаванія ариѳметики“. Онъ указалъ лишь на одинъ недостатокъ, тотъ же, что и въ харьковскомъ, т.-е. дурное произношеніе у воспитанницъ какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, и предложилъ сократить объемъ ученія, а усилить занятія хозяйствомъ ¹⁾.

Но осматривавшій его годомъ позже, статсъ-секретарь Лонгиновъ, пришелъ къ другому заключенію и писалъ, что его „блескъ весьма обманчивый, скрытъ умѣющій свою жалкую обстановку“. Скудостью матеріальныхъ средствъ Лонгиновъ объяснялъ и нѣкоторые изъ указанныхъ Вонлярлярскимъ недостатки, однородные съ тѣми, какіе онъ нашелъ и въ харьковскомъ институтѣ. Дурныя манеры и неграціозность воспитанницъ Лонгиновъ приписывалъ тому, что хорошему учителю танцевъ надо было платить очень дорого, да и трудно было найти до 1842 года, когда учитель полтавскаго кадетскаго корпуса согласился обучать воспитанницъ института за 2.500 р. сер., сумму, равную той, которую онъ получалъ въ корпусѣ; „а то, — писалъ статсъ-секретарь Лонгиновъ, —выписанная изъ Петербурга учительница танцевъ изъ уволенныхъ отъ дирекціи императорскихъ театровъ, умерла, оставивъ на попеченіе института мужа, мать и дѣтей. Другая учительница — воспитанница Дома Трудолюбія, сирота, нарочно образованная въ танцахъ для полтавскаго Института, вскорѣ по пріѣздѣ вышла замужъ и Институтъ два года долженъ былъ довольствоваться весьма посредственнымъ учителемъ танцевъ изъ Харькова, и притомъ отставнымъ поручикомъ нравственности незавидной“. Поэтому пріобрѣтеніе учителя кадетскаго корпуса, француза S. Martin, Лонгиновъ считалъ „безцѣнною случайностью, чтобы не сказать необыкновеннымъ счастіемъ, какого нѣтъ у другихъ институтовъ“.

Вообще, въ половинѣ сороковыхъ годовъ было очень трудно найти хорошаго учителя въ Полтавѣ, гдѣ, до учрежденія кадетскаго корпуса, была лишь мужская гимназія и учителю нельзя было рассчитывать на частные уроки, ибо дворянство въ городѣ не жило. Этой трудности Лонгиновъ приписывалъ и то, что все-

¹⁾ Отчетъ Вонлярлярскаго по полт. инст за 1844 г. (Дѣла гл. Сов. 1845 г.).

мірная історія і французская словесність въ полтавскомъ институтѣ преподаются однимъ учителемъ и притомъ на французскомъ языкѣ. „Это дѣло случая — говоритъ Лонгиновъ въ отчетѣ, — а еще болѣе необходимости, и освящено, если можно такъ сказать, временемъ“. Учитель, о которомъ идетъ рѣчь, былъ вызванъ 20 лѣтъ тому назадъ изъ Нѣжинскаго лицея послѣ тщетныхъ стараній пріискать хорошаго учителя французской словесности, который согласился бы преподавать свой предметъ за положенное жалованіе. Тогда институтскій Совѣтъ придумалъ средство привлечь хорошаго учителя француза, предложивъ ему преподавать еще какой-нибудь предметъ и такимъ образомъ получать двойное жалованье. „Трудъ его доказалъ на опытѣ — писалъ Лонгиновъ — что для правильнаго изученія французскаго языка и словесности, полезно обучать какимъ-нибудь наукамъ на семъ языкѣ“. Лонгиновъ обязывался даже представить главному Совѣту доказательства необходимости этого для институту. По причинѣ же трудности пріискать учителя итальянскаго пѣнія, воспитанницы полтавскаго института ему не обучались; въ Полтавѣ былъ учитель этого предмета, но, по словамъ Лонгинова, не очень извѣстный и требовавшій себѣ жалованье по 6.000 рублей (асс.) въ годъ.

Самое отрадное впечатлѣніе вынесъ Вонлярлярскій о казанскомъ институтѣ. Онъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что законъ Божій составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ воспитанницъ. Преподаваніе русскаго языка, по его мнѣнію, неудовлетворительно, но это потому, что учитель былъ нехорошъ. „Сочиненія же дѣвицъ — писалъ Вонлярлярскій — отличаются однакоже богатствомъ мыслей и краснорѣчивымъ изложеніемъ оныхъ, что и доказываетъ счастливое развитіе ихъ умственныхъ способностей“. Точно также хороши ихъ успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; онѣ объясняются на первомъ прекрасно и сочиняютъ очень хорошо; на второмъ нѣкоторыя воспитанницы говорятъ свободно. Преподаваніе ариѳметики не удовлетворило Вонлярлярскаго: „здѣсь нѣтъ — писалъ онъ — той живости преподаванія и легкой методы, введенной въ полтавскомъ институтѣ“. Успѣхи въ исторіи и географіи во всѣхъ классахъ превосходны. „Дѣвицы знаютъ все отлично и основательно, пріучены къ разсказу и къ строгому отчету за каждое слово, за каждое событіе“. Пѣніе воспитанницъ Вонлярлярскій нашелъ удивительно гармоническимъ ¹⁾.

Кромѣ преподаванія обычныхъ въ институтахъ предметовъ, въ

¹⁾ Отчетъ Вонлярлярскаго о состояніи каз. Род. инст. 15 ноября 1845 г. (Арх. IV отд.).

казанскомъ институтѣ преподавали еще „раціональное сельское хозяйство“. Уроки по этому предмету давалъ управляющій образцовой фермою въ казанской и вятской губерніяхъ, а учитель французскаго языка, знающій, по словамъ Вонлярлярскаго, „практически садоводство, вызвался приводить свѣдѣнія управляющаго въ исполненіе и подъ личнымъ надзоромъ начальницы занимается съ воспитанницами обработываніемъ образцоваго огорода и сада“.

Основываясь на этомъ отчетѣ, главный Совѣтъ призналъ, что „воспитаніе дѣвицъ въ казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ соответствуетъ цѣли, предназначенной для институтовъ благородныхъ дѣвицъ“¹⁾.

Въ столичныхъ заведеніяхъ на учебную часть, какъ и на всѣ другія, обращалось больше вниманія, чѣмъ въ губернскихъ институтахъ. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, часто пріѣзжалъ въ Смольный и Екатерининскій институты во время классовъ, самъ экзаменовалъ воспитанницъ, задавалъ имъ сочиненія на тѣмы: *sur la Charité*, или: *les sentiments qu'excite en nous le prochain retour de Sa Majesté Impériale*, самъ просматривалъ ихъ. Нѣкоторыя сочиненія посылались императрицѣ; въ одномъ изъ нихъ воспитанница, прощаясь съ Смольнымъ, говорила: „adieu ma tranquille Communauté!.. Oh! si jamais je t'oublie, que la main de la Providence s'appesantisse sur moi car c'est que je ne serai plus digne de toi, saint souvenir“²⁾.

Всего болѣе графъ Уваровъ интересовался уроками русской исторіи и литературы, также декламации (на трехъ языкахъ), которая была опять введена скоро послѣ смерти Императрицы Маріи.

По его приглашенію, московскій профессоръ Давыдовъ прочелъ въ 1842 году по одной лекціи исторіи русской литературы въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ. Объявляя объ этихъ лекціяхъ, графъ Уваровъ предупредилъ воспитанницъ, что онѣ услышатъ „русскаго Вильмэна“³⁾ и о произведенномъ этою лекціею на воспитанницъ впечатлѣніи, писалъ М. Погодину, что лекторъ „восхитилъ всѣхъ дѣвицъ своимъ словомъ и нѣсколько изъ нихъ мысленно завидовали его невѣстѣ“⁴⁾. Но, по словамъ Никитенко, лекція Давыдова въ Смольномъ не произвела ожидаемаго

¹⁾ Журналы гл. Сов. 1845 г.

²⁾ Прощай, мое мирное Общество!.. О, если я когда-нибудь тебя забуду, пусть поразитъ меня рука Провидѣнія, ибо это можетъ случиться лишь тогда, когда я буду недостойна тебя, святое воспоминаніе.

³⁾ Дневникъ А. В. Никитенко, 1842—1843 гг. (Р. Стар. 1889 г. дек.).

⁴⁾ Къ біографіи С. С. Уварова. (Р. Арх. 1871 г. XII).

эффекта. „Дѣлая тамъ—говорить Никитенко—обзоръ русской литературы, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть „Лукулла“. Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это—говорить Никитенко—въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что „если онъ сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ“¹⁾. Въ 1847 году графъ Сюзоръ прочелъ воспитанницамъ столичныхъ заведеній лекціи о французской литературѣ.

Большими особенностями отличался курсъ Маріинскаго института, состоявшаго подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. До 1834 года программа его оставалась та же, какая была при Императрицѣ Маріи; въ этомъ году она была такъ расширена, что, по количеству предметовъ, равнялась программѣ Общества. Воспитанницамъ преподавали: законъ Божій, церковную исторію, російскій, французскій, нѣмецкій языки, ариметику, географію, общую и русскую, тоже и исторію, основныя начала литературъ трехъ языковъ, естественной исторіи и физики, рисованіе, церковное пѣніе, рукодѣліе и искусство кроить платья, поваренное искусство. Танцамъ и музыкѣ могли обучаться только пенсіонерки на свой счетъ. Изъ исторіи и географіи, воспитанницамъ старшаго класса предписывалось читать творенія классическихъ писателей и начиналось преподаваніе на французскомъ языкѣ всеобщей исторіи, начальной физики и обзрѣнія литературъ русской и французской. Во время уроковъ рукодѣлія классныя дамы были обязаны читать воспитанницамъ вслухъ. Лучшимъ изъ нихъ были предоставлены права на званіе домашнихъ наставницъ, а двѣ или три самыхъ первыхъ, должны были оставаться еще на три года въ институтѣ, для обученія начинающихъ, подъ руководствомъ классной дамы²⁾.

Въ 1846 году, членъ совѣщательнаго комитета по учебнымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ управленіемъ великой княгини Елены Павловны, извѣстный писатель и страстный любитель химіи, князь В. Ѳ. Одоевскій, въ особой запискѣ изложилъ под-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Прибавленіе къ Положенію о Мар. инст. 1834, § 12. (Арх. управл. заведеніями сост. подъ покров. Гос. вел. кн. Елены Павловны).

робную программу, по которой воспитанницамъ слѣдовало преподавать предметы. Кромѣ трехъ языковъ, на которыхъ онѣ должны были не только читать и писать, но и говорить, предписывалось обучать ихъ: понятію о природѣ и окружающихъ предметахъ, въ границахъ книги *Wilmsen's Kinderfreinde* (въ русскомъ переводѣ) и *Cours élémentaire de Technologie* par M. Lustenau; русская и всеобщая исторія должна была преподаваться въ самомъ сжатомъ видѣ, не какъ особый предметъ, а какъ чтеніе въ русскомъ классѣ; къ ней присоединялось и понятіе о географіи въ границахъ книги Макларена, наглядное знакомство съ глобусами и картами; особенно подробно должна была проходиться ариметика: кромѣ первыхъ четырехъ правилъ, цѣлыхъ чиселъ, также простыхъ и десятичныхъ дробей и взаимнаго обращенія однѣхъ въ другія, а также именованныхъ чиселъ, знанія вѣсовъ и мѣръ, воспитанницамъ предписывалось сообщать знаніе монетъ и переложеніе ассигнацій на серебро, и обратно, изложеніе времени съ приложеніемъ къ календарю, часамъ солнечнымъ и простымъ, пропорціи и тройное правило, учетъ простыхъ и сложныхъ процентовъ, понятіе о страхованіи, правила домашней бухгалтеріи; „все сіе—сказано въ запискѣ—съ непрерывнымъ примѣненіемъ къ случаямъ изъ дѣйствительной жизни“; линейное черченіе и элементарное правило перспективы, рисованіе для способныхъ, хоровое пѣніе для всѣхъ, а сольное для желающихъ, за особую плату, также музыка и танцы, гимнастика, „огородныя занятія съ тѣмъ, чтобы въ лѣтнее время служить для учителя естественной исторіи и домашней технологии поводомъ для нагляднаго объясненія формъ и свойствъ растений и законовъ произрастанія“, руководствія „во всемъ пространствѣ“¹⁾.

Два старшихъ класса Маріинскаго института имѣли специальное назначеніе: одинъ, составлявшійся изъ неспособныхъ къ продолженію общаго курса ученія, продолжавшагося въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, предназначался для образованія изъ воспитанницъ хорошихъ нянь или надзирательницъ; другой, въ который переходили, по окончаніи четырехлѣтняго общеобразовательнаго курса, способныя воспитанницы — для образованія изъ нихъ наставницъ. „По весьма малому просвѣщенію, — говоритъ князь Одоевскій въ своей запискѣ, — большей части нашихъ матерей семействъ и по нелѣпымъ понятіямъ, которыя онѣ составляютъ о будущемъ назначеніи своихъ дочерей, словомъ, при томъ особен-

¹⁾ Протоколъ совѣщательнаго комитета по учеб. зав. 20 окт. 1845 г. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл.).

номъ ихъ характерѣ, который можно назвать полудикою спесью, можно ожидать, что нѣкоторыя изъ сихъ матерей почтутъ неприличнымъ, чтобы ихъ дочь получила образованіе, нужное для няньки или надзирательницы, а напротивъ, будутъ требовать отъ воспитанія вреднаго и ненужнаго блеска... Очевидно, что относительно казенныхъ воспитанницъ, Правительство имѣетъ все право распорядиться ими по своимъ просвѣщеннымъ преднамѣреніямъ. Думаю, что сюда принадлежатъ и пенсіонерки Императорской фамиліи и капитула, ибо сіи пенсіонерки, подобно казеннымъ, пользуются благодѣянiями Правительства... Что касается своекоштныхъ, то, конечно, институтъ не можетъ явно противорѣчить желаніямъ матерей, вносящихъ за своихъ дѣтей деньги, и въ семъ отношеніи, впредь до большаго распространенія просвѣщенныхъ понятій между матерями, должно соблюсти нѣкоторую осторожность; но таковое снисхожденіе должно имѣть границы — въ Отечественнѣй формѣ Русскаго правленія — и Правительство, сообразно съ своими дѣйствіями во всѣхъ отношеніяхъ Государственной Администраціи, никогда не должно лишать себя права направлять воспитаніе къ избранной имъ цѣли, даже помимо переходящихъ и исчезающихъ съ каждымъ днемъ полудикихъ повѣрій и предрасудковъ“.

Поэтому, князь Одоевскій, думая, что „многое зависитъ отъ наименованія“ предлагаетъ „середину“, т.-е. не пугать „неразумныхъ матерей“ названіемъ третьяго класса классомъ нянекъ, прислужницъ или руководѣльнымъ, а назвать его просто *учебнымъ*. Въ немъ воспитанницы, „по спеціальному назначенію сего класса“, должны были обучаться: домашней гигиенѣ, „такъ называемой маленькой хирургіи“, наукѣ о сохраненіи дѣтскаго здоровья; всему этому по руководству книги *Народная медицина*, и кромѣ того, практическимъ занятіямъ повареннымъ искусствомъ. Эти четыре предмета должны быть обязательными какъ для казенныхъ воспитанницъ, такъ и для пенсіонерокъ императорской фамиліи и капитула. Относительно своекоштныхъ, по окончаніи ими общаго курса, князь Одоевскій предлагаетъ спрашивать у матерей: желаютъ ли онѣ, чтобы ихъ дѣти обучались рисованію или музыкѣ, или чтобы онѣ поступили въ классъ „гигіеническій и поваренный“.

На этомъ мѣстѣ записки великая княгиня сдѣлала замѣтку (по-французски): „это не нужно, это должно сдѣлаться безъ спроса потому что эти знанія должна имѣть всякая женщина“.

По проэку князя Одоевскаго, главными предметами общаго курса должны быть языки. На это великая княгиня замѣтила:

„совершенное знаніе грамматики, въ литературѣ только перечень и экзаменъ должно производить лишь изъ грамматики, изъ исторіи поверхностно, изъ географіи и ариѳметики очень хорошо“. Въ классѣ „гигіеническомъ и поваренномъ“ воспитанницы должны были оставаться три года, также, какъ и въ классѣ „педагогическомъ“ для образованія наставницъ.

Великая княгиня нашла, что трехъ лѣтъ мало для выполнения программы, предложенной княземъ Одоевскимъ. По его проекту воспитанницамъ класса наставницъ слѣдовало преподавать: физику и химию въ сокращенномъ видѣ по методѣ Віолета, „Manipulations“, т.-е. наученіе воспитанницъ искусству самимъ дѣлать „простѣйшіе физическіе и химическіе снаряды... Сія метода—поясняетъ князь—уже введена въ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ публичныхъ заведеній. Она необходима ибо сіи науки безъ снарядовъ невозможны, а снаряды можно найти только въ столицахъ“. Въ курсъ этого класса должны были еще входить: исторія литературъ, русской, французской и нѣмецкой, основанія логики при русскомъ классѣ, исторія педагогики по книгѣ, съ указаніемъ самыхъ педагогическихъ пріемовъ въ приготовительномъ классѣ, въ которомъ учительницами должны быть назначаемы по два раза въ недѣлю воспитанницы педагогическаго класса за отличіе.

Для преподаванія естественной исторіи и домоводства, былъ приглашенъ въ Маріинскій институтъ прусскій референдарій, докторъ Швиттау. Передъ тѣмъ онъ устроилъ въ Гатчинѣ, подъ наблюденіемъ Вольно-экономическаго Общества, практическую земледѣльческую школу, которою и завѣдывалъ ¹⁾. Не зная русскаго языка, Швиттау преподавалъ эти предметы на нѣмецкомъ. Донося въ 1847 году великой княгинѣ о томъ, что принцъ Ольденбургскій случайно экзаменовалъ воспитанницъ изъ *Technologie domestique*, князь Одоевскій объяснялъ, что подъ этимъ названіемъ понимается все то, что насъ лично окружаетъ. „Это—писалъ онъ—вполнѣ отвѣчаетъ желанію Его Величества, который высказался противъ пустыхъ опытовъ того, что обыкновенно называютъ физикой въ институтахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣйствительной жизни... Швиттау учить воспитанницъ готовить у себя на кухнѣ различныя кушанья, на которыхъ онъ будетъ демонстрировать въ классѣ законы физики и химіи, примѣненіе которыхъ встрѣчается ежедневно. Швиттау хочетъ практически показывать воспитанницамъ какъ готовить разные продукты

¹⁾ Протокол. совѣщ. ком. 3 марта 1846 г.

молока, квасу, уксусу и пр. ¹⁾. ...Беру смѣлость формулировать мысль Вашего Императорскаго Высочества, — заключаетъ князь Одоевскій — которую хотѣлъ бы прокричать на крышахъ: а) мы не хотимъ сдѣлать изъ воспитанницъ ни булочницъ, ни швей, ни кухарокъ, еще менѣе физиковъ или химиковъ; б) мы будемъ обучать ихъ хозяйству не какъ наукѣ и не думаемъ, чтобы воспитанница тотчасъ по выходѣ изъ института оказалась хорошою хозяйкою; в) но если преподаватель хорошъ и воспитанница хорошо училась, она вынесетъ изъ института духъ наблюдательности, столь необходимый матери семейства, безъ котораго духъ послѣдовательности невозможенъ, ибо мы ее приучаемъ упражнять духъ наблюдательности на предметахъ, находящихся подъ рукою и окружающихъ ее всякій день; г) мы думаемъ, что рациональное изученіе естественныхъ явленій доставить ей не только нѣсколько полезныхъ указаній въ семейной жизни и поможетъ найтись въ трудныхъ случаяхъ дѣйствительной жизни, но привьетъ привычку отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не слишкомъ вѣрить эмпирическимъ и суевѣрнымъ, часто весьма опаснымъ, рецептамъ; д) мы думаемъ, что привычка вникать въ мельчайшія подробности домашней жизни болѣе укрѣпитъ ея рассудокъ нежели изученіе всякой другой науки, менѣе реальной, менѣе удобной къ примѣненію и почти невозможной для матери семейства; е) мы думаемъ, что умственный интересъ, который мы стараемся вложить въ отправленія домашней жизни, предохранить ее отъ предубѣжденія, которое, къ сожалѣнію, существуетъ у насъ противъ занятій хозяйствомъ; ж) мы думаемъ, что этотъ интересъ, который мы хотимъ привить занятіямъ хозяйствомъ, отвратитъ воспитанницу отъ занятій менѣе невинныхъ и что, слѣдовательно, это изученіе будетъ имѣть нравственное дѣйствіе, независимо отъ практическаго“ ²⁾.

Въ 1845 году сдѣлано преобразование въ учебной части и повивальнаго института, также состоявшаго подъ покровительствомъ великой княгини Елены Павловны. Элементарные классы, въ которыхъ преподавались языки и другіе предметы, отмѣнены потому, что воспитанницы „поступаютъ 18-ти лѣтъ, а въ эти годы ужъ поздно изучать элементарные предметы“ ³⁾. При по-

¹⁾ Князь Одоевскій у себя на дому производилъ такіе опыты и угощалъ, по словамъ современниковъ, своихъ пріятелей такими, имъ самимъ химически приготовленными, соусами и кушаньями, которыя казались обѣдавшимъ отвратительными и вредно вліяющими на здоровье. (Воспоминанія графа В. А. Сологуба. Ист. Вѣст. 1886, апр.).

²⁾ Письмо кн. Одоевскаго великой княгинѣ Е. П. 6 сент. 1847. (Арх. Мар. инст.).

³⁾ Протоколъ совѣщ. ком. 2 окт. 1845 г. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл.).

ступленіи въ число казенныхъ воспитанницъ повивальнаго института ¹⁾, постановлено требовать отъ нихъ знанія русскаго языка, катехизиса и священной исторіи, четырехъ правилъ ариѳметики, первоначальныхъ понятій о естественныхъ произведеніяхъ природы и умѣнія безъ затрудненій объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ эти свѣдѣнія можно было получать въ состоявшемъ подъ покровительствомъ великой княгини училищѣ взаимнаго обученія дѣтей; великая княгиня выразила даже желаніе, чтобы изъ этого училища преимущественно поступали въ повивальный институтъ ²⁾.

Хотя, постепенно, во всѣхъ почти институтахъ, даже губернскихъ, были назначены инспектора классовъ, но они не были самостоятельны; не будучи членами мѣстныхъ Совѣтовъ, они не имѣли права голоса и были только докладчиками; надъ ними стояли: членъ по учебной части и начальница, власть которыхъ и въ учебномъ дѣлѣ была очень велика.

Въ 1845 году императрица, по донесенію начальницы кіевскаго института, выразила волю, чтобы инспекторъ классовъ, профессоръ Иванишевъ, „подъ благовиднымъ предлогомъ“ былъ уволенъ за то, что „не успѣлъ въ личныхъ сношеніяхъ съ начальницею и воспитанницами, вполне примѣнить обращенія своего къ тому порядку, который въ женскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ существуетъ“ и что онъ мало наблюдаетъ за учителями. Сообщая объ этомъ попечителю учебного округа, князю Давыдову, Гофманъ прибавлялъ, что „надо содѣйствовать начальницѣ и ея сотрудницамъ въ устройствѣ и сохраненіи общаго порядка въ заведеніи“ ³⁾.

И въ инструкціи начальницамъ 1847 года постановлено, что онѣ должны наблюдать за тѣмъ, чтобы инспекторъ слѣдилъ за учебною частью; при составленіи инструкціи начальницъ петер-

¹⁾ Такихъ воспитанницъ въ 1845 году было 19, а вольноприходящихъ 33.

²⁾ Попечительницею училища была княгиня Одоевская, жена князя В. О. Изъ 170 учащихся было 40 штатныхъ; остальные пенсіонерки (въ томъ числѣ 10 государя, 2—императрицы, 5—великой княгини, 8—другихъ особъ царской фамиліи, 20—капитула рос. орденовъ. За полное содержаніе пенсіонерки платили 80 р. сер. въ годъ, полупенсіонерки—по 3 рубля въ мѣсяцъ. Большинство воспитанницъ были приходящими за плату по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ и по 8 рублей въ годъ. Имъ преподавали: законъ Божій, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, ариѳметику, чистописаніе, начальныя основанія исторіи, географіи и естественной исторіи, рукодѣлія. (Арх. упр. зав. вел. кн. Ел. Павл. Протоколъ Совѣта 22 февр. 1847 г.).

³⁾ Конфиденціальное письмо ст. секр. Гофмана къ кн. Давыдову.—Кіевскій генералъ-губернаторъ Бибииковъ, опровергая сообщаемыя начальницею свѣдѣнія и говоря, что Иванишевъ—первый профессоръ университета св. Владиміра, объяснилъ дѣло тѣмъ, что начальница стремится подчинить все своему управленію. (Дѣла гл. Сов. 1845 г.).

бургскаго сиротскаго института въ 1851 году, въ первоначальномъ проэкѣ было сказано, что „неудобно было бы инспектора классовъ, лицо, по общему всѣмъ учебнымъ заведеніямъ порядку подчиненное, оставлять единственнымъ и независимымъ отъ начальницы распорядителемъ учебной частью“¹⁾.

Объ ученіи въ институтахъ за это время, сами бывшія воспитанницы трехъ разныхъ заведеній, оставили рассказы, написанные ими въ зрѣлыхъ годахъ „не для осужденія“, какъ говоритъ одна изъ нихъ, а „надѣясь принести пользу“. Авторъ рассказа „Институтки“ повидимому бывшая смолянка, ибо она говоритъ, что провела въ институтѣ восемь лѣтъ. По ея словамъ, ученіе у нихъ шло „не слишкомъ-то успѣшно“; она прибавляетъ, что въ этомъ едва ли виноваты учителя и ихъ методы, потому что дѣвочки „въ этомъ отношеніи еще менѣе мальчиковъ разборчивы и невзыскательны. Изъ-за 12 балловъ онѣ готовы долбить одну номенклатуру изъ географіи Ободовскаго или нѣмецкія слова. Если учитель французскаго языка возьметъ обыкновеніе рассказывать по субботамъ—на томъ условіи, что всю недѣлю уроки будутъ идти исправно—интересныя повѣсти и сказки, то его маленькія ученицы будутъ заучивать ему со всѣмъ прилежаніемъ отрывки прозы и стиховъ. Если русскій учитель читаетъ хоть сколько-нибудь сносно и тоже въ недѣлю разъ доставляетъ имъ удовольствіе прочитавъ что нибудь, то онѣ будутъ въ восторгѣ отъ такого учителя, рѣшатъ хоромъ, что быть не можетъ, чтобъ кто нибудь читалъ лучше его, и не только весьма порядочно рассказываютъ письменно прочитанное имъ, но и прилежно переписываютъ и заучиваютъ его записки по грамматикѣ. Даже и у взрослыхъ воспитанницъ поколебать авторитетъ учителя трудно; напр., если любимый учитель русскаго языка преподаетъ устарѣлую реторику и піитику, только подъ болѣе благоприличнымъ названіемъ „Русской Словесности“, то увѣрить институтку, даже изъ сравнительно болѣе развитыхъ, что это заучиванье бесполезно и такая метода преподаванія рутинна, почти невозможно; до такой степени она вѣрила въ любимаго учителя и готова учить если придетъ охота, все, чтобы онъ ни далъ“²⁾.

Обыкновенно за этою порой, которая кончается вмѣстѣ съ дѣтствомъ, для дѣвочки наступаетъ другая, когда „подготовленная, заинтересованная научными свѣдѣніями, уже начинающая понимать пользу и цѣль образованія—она начи-

¹⁾ Дѣла гл. Совѣта. 1851 г.

²⁾ М. Дол—ева. Институтка. (Эпоха 1864 г. октябрь).

наеть учиться сознательно“. Но этой-то поры, по словам автора, для институтки „вовсе и не наступало; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, она въ большинствѣ случаевъ такъ и оставалась ребенкомъ до конца. Съ такою однако разницею, что институтка теперь учится уже не такъ охотно. Прѣжнія приманки уже теряли для нея свою прелесть, а между тѣмъ, ни цѣли, ни пользы, ни слѣдствій образованія — что можно видѣть только на практикѣ, въ жизни, и чего никакъ не внушить простыми словами — ничего этого институтка, живя взаперти, не знала. На ученіе, съ мыслью о которомъ у институтки соединена мысль о 7—8 лѣтнемъ затворничествѣ, она смотрѣла какъ на что-то, противъ ея воли, навязанное ей извнѣ, какъ на какое-то испытаніе, которое она должна выполнить въ извѣстное число лѣтъ“. Были конечно рѣдкія исключенія изъ этого правила, но вообще „научныя занятія институтокъ можно охарактеризовать выраженіемъ: ученіе для ученія“.

Въ оправданіе институтокъ, авторъ говоритъ, что „мудрено учиться какъ слѣдуетъ, когда вся жизнь ихъ сводилась на заучиваніе уроковъ, да на физическій отдыхъ“. Кромѣ того, дѣйствительно заинтересовывавшіяся какимъ нибудь предметомъ институтки, иногда подвергались непріятностямъ. Авторъ рассказываетъ, въ видѣ примѣра, что учитель географіи, своими интересными, изложенными художественнымъ и простымъ языкомъ, лекціями, увлекъ воспитанницъ такъ, что между его отмѣтками не было менѣе десяти. Но классныя дамы „стали попрекать воспитанницъ, что онѣ учатъ только одну географію, а другіе уроки и знать не хотятъ“, объяснили это обожаніемъ учителя и стали всячески притѣснять воспитанницъ. Все разыгралось очень грустно послѣ того, какъ классная дама застала одну изъ воспитанницъ старшаго возраста за перепиской лекціи учителя географіи въ то время, когда классъ долженъ былъ заниматься нѣмецкими переводами. Она выхватила листки, принесенные учителемъ, и разорвала ихъ. Воспитанница бросила свою тетрадь на полъ и заплакала; учитель узналъ объ этой исторіи, потому что данные имъ для переписанія воспитанницамъ, листки его лекціи были разорваны классною дамою. Дѣло кончилось объясненіемъ учителя съ инспекторомъ классовъ, послѣдствіемъ чего былъ выходъ въ отставку учителя, а воспитанницу, обвиненную въ томъ, будто она бросила тетрадь въ лицо классной дамы, родители взяли изъ института.

Точно также преслѣдовалось въ институтѣ и чтеніе. „Гдѣ нибудь, — говоритъ авторъ, — въ завѣтномъ уголкѣ, подальше отъ дамы, или ночью подъ лампой, съ замираніемъ сердца прочиты-

ваются *Капитанская дочка*, *Монастырка*, *Юрій Милославскій* и на ряду съ этимъ *Два брата* Зотова, *Таинственный монахъ* и пр. Все, что только ни попадаетъ подъ руку, проглатывается съ жадностью. *Евгеній Онггинз* и многія поэмы Пушкина и позже Лермонтова—выучиваются многими наизусть отъ доски до доски“.

И такое чтеніе, безъ руководителя, непонятое или, чаще, понятое совершенно превратно, все-таки, по свидѣтельству автора, оказываетъ благотворное вліяніе. „Воспитанницъ много читавшихъ тотчасъ отличишь отъ воспитанницы читавшей мало. Соображеніе у нихъ дѣйствуетъ гораздо быстрѣе, живѣе. Ихъ сочиненія на заданную тему лучше, ихъ отвѣты, напр., по исторіи, гдѣ требуется плавный рассказъ, тоже лучше“. Но попытка взглянуть на ученіе серьезнѣе и у такихъ воспитанницъ такъ и остается попыткой. „Наносныя сужденія,—говоритъ авторъ,—т.-е. такія, до которыхъ воспитанницы дошли не сами, а которыя имъ стараются внушить окружающіе—сужденія въ родѣ того, что вотъ теперь вы большія дѣвицы, пора вамъ самимъ понять пользу ученія, пора приняться за него серьезно—такъ и остаются наносными и ими не усвоиваются. Сначала онѣ какъ будто поддаются этимъ внушеніямъ, вѣрятъ имъ на слово, принимаютъ учиться прилежнѣе, но потомъ, не видя примѣненія науки къ жизни, не видя никакой другой цѣли ученія, кромѣ сдачи экзаменовъ, никакой пользы, кромѣ хорошихъ отмѣтокъ, а главное—начиная тяготиться однообразіемъ своей жизни, онѣ скоро охлаждаются; ихъ пылъ, ничѣмъ не поддерживаемый, проходитъ“.

Охота и къ чтенію скоро бы опостылѣла, еслибы она не поддерживалась гоненіемъ классныхъ дамъ на чтеніе. Чаще другихъ, любимыми предметами институтокъ, по словамъ автора, бываютъ исторія, географія, литература и физика. „Что же до естественныхъ наукъ,—говоритъ онъ,—то онѣ преподавались въ институтахъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что никакъ не въ состояніи заинтересовать институтокъ. Все это сжато, кратко, лишено всякаго интереса. Да къ тому же природа со всѣми ея явленіями, право, какъ-то чужда институткѣ, этому цвѣтку, произрастающему въ теплицѣ, незнакомому ни съ тѣмъ климатомъ, въ которомъ растетъ, ни съ дождемъ, ни съ солнечнымъ лучемъ, ни съ росой. Что за интересъ смотрѣть институткамъ на животныхъ, изображенныхъ на картинкахъ, когда онѣ можетъ быть ужъ лѣтъ пять не видали даже коровъ и козъ, даже, пожалуй, собакъ и кошекъ“. При такихъ условіяхъ повятно, серьезное занятіе науками было невозможно.

Самое грустное обстоятельство, по словамъ автора, заключалось въ томъ, что многія воспитанницы, и именно тѣ, у которыхъ были превосходныя способности, охладѣвали къ ученію по мѣрѣ того, какъ приходили въ болѣе зрѣлый возрастъ. „Эти лѣнивицы, — говоритъ авторъ, — одаренныя блестящими способностями, пошли бы далеко въ иномъ случаѣ“, а между тѣмъ онѣ какъ будто даже хвалились своею безпечною и лѣнностію, выставляя ее напоказъ. „Бывало такъ, что встать, когда учитель вызоветъ, и сказать коротко и ясно: „я не знаю, потому что не учила“, да еще пояснить на слѣдующій затѣмъ вопросъ учителя: отчего не учила — положительнымъ отвѣтомъ: „лѣнь было“ — считалось какою-то остроумной и граціозной выходкой“.

Другая воспитанница, московскаго Екатерининскаго института, кончившая курсъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ, говоритъ, что у нихъ преподаваніе наукъ вообще было „сухое, ограниченное“. Естественная исторія имъ преподавалась по-французски французомъ. „Онъ диктовалъ, — говоритъ г-жа N, — руководство по всѣмъ отраслямъ своего предмета... подарилъ ящикъ съ небольшимъ гербаріемъ, образцами минераловъ, двѣ-три чучелы птицъ и чучелу маленькаго крокодила. Половина ящика скоро опустѣла; что было можно, мы съѣли; перышки наклеились на бумажки въ видѣ вензелей“¹⁾.

Учитель физики приносилъ огромные листы, которые воспитанницы должны были списать и выучить; но у воспитанницъ, по словамъ г-жи N, не было ни терпѣнія ни понятія, ни времени; „три четверти класса, — говоритъ она, — такъ и вышли, не желая смекнуть, что такое физика и зачѣмъ ей учать... Въ шкапу было въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ руководство къ физикѣ Двигубскаго; книги были истрепаны, во многихъ оставался одинъ корешокъ. Это предшествовавшій выпускъ сдѣлалъ“. Въ шкапу „съ физикой“ (другой былъ „съ ботаникой“) была электрическая машина и „крашенныя стеклянныя куколки въ видѣ бѣсиковъ“.

Третья воспитанница, оставившая записки о своемъ пребываніи въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ²⁾, говоритъ, что нѣкоторые учителя, русскаго языка и физики, были хороши. Математику воспитанницы плохо знали, и начальство, по словамъ автора, ставило ее ни во что. Естественную исторію преподавалъ по-французски швейцарецъ, плохо говорившій по-русски. Вообще

¹⁾ Воспоминанія институтской жизни. N. (Р. Вѣстникъ 1861, окт.).

²⁾ *Бѣльскія*. Очерки институтской жизни. Воспоминанія старой институтки (Заря. 1870, авг.).

образование, по словамъ автора воспоминаній, носило характеръ „орнаментальный“, но воспитанницы выходили „хоть съ мыслью, что знаніе вещь почтенная; самыхъ же знаній институтъ не давалъ“.

Все это вѣрно относительно большинства воспитанницъ; но, конечно, среди нихъ бывали такія, которыя, благодаря хорошему преподавателю, интересовывались предметомъ, пріобрѣтали любовь къ знанію и умѣли цѣнить его. Воспитанницы Смольнаго, по словамъ Никитенко, восторженно выражали ему благодарность „за чувства добра и любви къ изящному и честному“, которыя онъ „впервые вызвалъ въ нихъ“, давая при этомъ обѣщаніе никогда не измѣнять идеямъ чести и добра“ ¹⁾.

Русская писательница Кохановская (псевдонимъ Соханской), воспитывавшаяся въ харьковскомъ институтѣ и вышедшая изъ него съ первымъ шифромъ въ 1840 году, въ составленной ею, по просьбѣ Плетнева, коротенькой автобіографіи, говоритъ, что на развитіе ея природныхъ способностей самое большое дѣйствіе произвели въ институтѣ уроки русской словесности. „До сихъ поръ, — пишетъ Плетневъ князю Вяземскому въ 1861 году, — она вспоминаетъ о нихъ съ восхищеніемъ. Надобно предполагать, что преподаватель (Ильенко), хоть и не принадлежитъ къ разряду писателей нашихъ, проникнуть былъ чувствомъ всего прекраснаго и умѣлъ сообщать его слушательницамъ“ ²⁾.

Галаховъ, преподававшій русскій языкъ и словесность въ московскомъ Александровскомъ училищѣ, гдѣ воспитывалась жена Бѣлинскаго, говоритъ, что она и другія воспитанницы отличались любознательностью и интересовались современною литературою, съ которою онъ ихъ знакомилъ не только путемъ своихъ лекцій, но и принося имъ лучшіе журналы сороковыхъ годовъ ³⁾. Онъ читалъ воспитанницамъ по вечерамъ въ квартирѣ начальницы сочиненія Гоголя „разумѣется, — говоритъ Галаховъ, — съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащихъ вѣдѣнію дѣвицъ“ ⁴⁾.

Никитенко отзывался о нѣкоторыхъ изъ своихъ ученицъ какъ о „мыслящихъ и образованныхъ“ и находилъ бесѣду съ ними пріятною ⁵⁾. Но говоря его же словами, образование въ институтахъ было вполне предоставлено случаю ⁶⁾.

¹⁾ Дневникъ, 1839 г. (Р. Стар. 1889 г. окт. и 1842 г. дек.).

²⁾ Письмо отъ 30 ноября 1861 г. (Соч. и переписка П. А. Плетнева. По порученію второго отдѣленія Имп. Ак. Наукъ издалъ Я. Гротъ. С.-Пет. 1885 г. Т. 3).

³⁾ А. Д. Галаховъ. Воспоминанія. I—VI. (Исторія. В. 1892, январь).

⁴⁾ Тамъ же, февраль.

⁵⁾ Дневникъ 1833—1834 гг. (Р. Ст. 1889 г. авг.).

⁶⁾ Тамъ же, 1835 г. (Р. Ст. 1889 г. сент.).

При учрежденіи въ 1844 году комитета для пересмотра уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній, государь изъявилъ волю, чтобы были пересмотрѣны и программы ихъ и чтобы учебная часть, особенно въ губернскихъ институтахъ, была болѣе соразмѣряема съ состояніемъ учащихся, а сіи послѣднія болѣе приготавливались къ будущему ихъ назначенію“ ¹⁾. Это было поручено комитету, учрежденному еще въ 1838 году для начертанія проекта уставовъ о службѣ по учебной части въ учрежденіяхъ императрицы Маріи, съ причисленіемъ къ нему инспекторовъ классовъ петербургскаго училища ордена св. Екатерины и патріотическаго института.

Составивъ сокращенную программу, заключающую въ себѣ лишь наименованія предметовъ ученія, комитетъ 1838 года оставилъ для Общества ту же программу, какая была при Императрицѣ Маріи, и нѣсколько сократилъ объемъ ученія въ другихъ заведеніяхъ съ шестилѣтнимъ курсомъ. Онъ предложилъ учредить при Александровскихъ институтахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особый педагогическій курсъ и причислилъ по объему преподаванія сиротскіе институты къ Обществу на томъ основаніи, что наставница должна имѣть „высшее образованіе“. Къ этому курсу присоединено было преподаваніе педагогики и дидактики и положено приглашать особыхъ учителей для наблюденія за чистымъ и правильнымъ произношеніемъ иностранныхъ языковъ. Въ институтахъ: одесскомъ оставлено преподаваніе итальянскаго языка, вмѣсто нѣмецкаго; кіевскомъ и бѣлостокскомъ — польскаго; закавказскомъ — грузинскаго и армянскаго; въ Пулавскомъ (бывшемъ Александринскомъ варшавскомъ) польскаго языка и его словесности.

Предсѣдательствуемый принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ комитетъ 1844 года предложилъ включить нѣкоторые изъ выпущенныхъ, въ новыхъ таблицахъ, предметы; въ томъ числѣ было включено сообщеніе воспитанницамъ понятій о явленіяхъ и произведеніяхъ природы. Преподаваніе этого предмета было признано полезнымъ даже въ среднихъ и низшихъ классахъ, такъ какъ „знакомить дѣвицъ съ важнѣйшими произведеніями трехъ царствъ природы, объяснять имъ пользу сихъ земныхъ даровъ, съ указаніемъ на безпредѣльную благодать и премудрость Творца, ихъ создающаго, открывать имъ причины естественныхъ явленій физическаго міра, съ удаленіемъ всякаго суевѣрнаго о происхожденіи ихъ толкованія, значить усиливать въ юныхъ сердцахъ истинное Богопочитаніе, значить способствовать нравственно-религіозному

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 66.

ихъ образованію“¹⁾. Этотъ предметъ былъ названъ: *нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики*. Точно также при преподаваніи французской и нѣмецкой словесности, изъ которыхъ по новымъ таблицамъ должны были даваться лишь указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей, комитетъ принца прибавилъ „и ихъ важнѣйшія творенія“. Мнѣніе о томъ, что въ Александринскомъ сиротскомъ домѣ долженъ преподаваться нѣмецкій языкъ, такъ какъ воспитанницы его бѣльшей частью поступаютъ надзирательницами въ нѣмецкіе дома въ остзейскихъ губерніяхъ, комитетъ принца нашелъ неправильнымъ и высказался, что „если нѣкоторыя изъ воспитанницъ сего заведенія и поступаютъ въ нѣмецкія семейства, то главная, ожидаемая отъ нихъ польза есть пріученіе дѣтей къ объясненію на русскомъ языкѣ и потому полезнѣе имъ вовсе не знать нѣмецкаго“.

Число учебныхъ часовъ было опредѣлено въ заведеніяхъ перваго разряда по $28\frac{1}{2}$ въ недѣлю, втораго— $25\frac{1}{2}$, третьяго— $16\frac{1}{2}$; на занятія искусствами, рукодѣліемъ и хозяйствомъ назначено: въ первыхъ $7\frac{1}{2}$ часовъ въ недѣлю, вторыхъ— $10\frac{1}{2}$, въ третьихъ— $19\frac{1}{2}$. Но комитетъ 1844 года призналъ это количество часовъ „вышимъ размѣромъ на преподаваніе опредѣляемыхъ“ и полагалъ нужнымъ предоставить начальству заведеній уменьшать по возможности время на уроки, въ видахъ увеличенія его для прочихъ упражненій²⁾.

По утвержденіи этой таблицы государемъ, комитетъ поручилъ только-что тогда учрежденному при IV отдѣленіи учебному комитету, составить подробные учебные планы, опредѣлить объемъ и методу преподаванія, также учебныя руководства по каждому отдѣльному предмету.

Составленіе плана преподаванія русскаго языка и словесности учебный комитетъ возложилъ на инспектора классовъ петербургскаго Екатерининскаго училища, Ободовскаго; иностранныхъ языковъ — на инспектора московскаго сиротскаго института, Армфельда; ариѳметики и естественныхъ наукъ—инспектора московскаго Екатерининскаго училища, Брашмана; исторіи—инспектора Воспитательнаго Общества, Тимаева; географіи—инспектора петербургскаго сиротскаго института, Ободовскаго. Въ 1848 году всѣ программы были разсмотрѣны въ учебномъ комитетѣ и внесены послѣднимъ въ главный Совѣтъ.

Въ нихъ, изъ общаго числа учебныхъ часовъ, всего болѣе,

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 71.

²⁾ Пятидес., стр. 72.

и одинаково для учебныхъ заведеній первыхъ двухъ разрядовъ, было отведено на преподаваніе иностранныхъ языковъ и словесности (по $4\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю на каждый), на преподаваніе закона Божія и россійской словесности было назначено по три часа на каждый; на уроки: „о произведеніяхъ природы“ и „о явленіяхъ природы“ — три часа на оба предмета; то же на исторію всеобщую и русскую, географію всеобщую и русскую, рисованіе и чистописаніе; на ариѳметику и понятія объ измѣреніяхъ — всего полтора часа въ недѣлю.

Въ заведеніяхъ второго отдѣленія перваго разряда не преподавалось „о произведеніяхъ природы“; этотъ предметъ, также „о явленіяхъ природы“ и иностранные языки, не преподавались въ заведеніяхъ третьяго; на русскую словесность въ этихъ заведеніяхъ было опредѣлено $4\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю, на всѣ другіе предметы — по полтора, но на рисованіе и чистописаніе по $4\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю.

Въ спеціальныхъ училищахъ, съ программой перваго отдѣленія перваго разряда, т.-е. Общества, было положено по 18-ти часовъ для классныхъ занятій и по 18-ти — для практическихъ, въ классѣ кандидатовъ или наставницъ. Разница въ программѣ Общества и другихъ заведеній перваго разряда заключалась въ томъ, что въ первомъ преподавались: „замѣчанія о литературѣ древнихъ и среднихъ временъ и исторія русской литературы“, а въ послѣднихъ только исторія русской литературы; то же и по французской словесности; по нѣмецкой — во второмъ отдѣленіи вмѣсто исторіи литературы преподавались „указанія на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія“, по географіи — географія Россіи безъ статистическихъ дополненій, а въ Обществѣ — съ ними.

Въ заведеніяхъ второго разряда преподавалась россійская словесность съ исторіей русской литературы; изъ французскаго и нѣмецкаго языковъ — грамматика и указаніе на нѣкоторыхъ великихъ писателей и ихъ важнѣйшія творенія, ариѳметика и понятія объ измѣреніяхъ, всеобщая географія сокращенно, изъ всеобщей исторіи — исторія важнѣйшихъ событій по хронологическимъ таблицамъ, исторія Россіи, географія Россіи.

Въ заведеніяхъ третьяго разряда, кромѣ закона Божія, преподавались: изъ русскаго языка — чтеніе и писаніе, главные правила грамматики, чтеніе церковное, четыре первыя дѣйствія ариѳметики, „чтеніе географіи Россіи“, „чтеніе исторіи Россіи“.

Въ курсѣ сиротскихъ институтовъ при Воспитательныхъ Домахъ и московскаго Александринскаго института были включены

педагогика и дидактика теоретически и практически; въ особомъ классѣ, при Александринскомъ сиротскомъ домѣ, для образованія надзирательницъ малолѣтнихъ дѣтей, должны были „сообщаться нѣкоторыя педагогическія наставленія“; тоже и въ Александринскомъ институтѣ въ Пулавахъ; а въ предположенныхъ спеціальныхъ классахъ при Александровскихъ училищахъ, съ программой второго разряда, учреждался дополнительный двухлѣтній курсъ по программѣ Общества и „для пріобрѣтенія педагогическихъ свѣдѣній“ ¹⁾.

Немедленное примѣненіе новыхъ программъ, какъ требовалъ главный Совѣтъ, встрѣтило во всѣхъ институтахъ затрудненія. Въ заведеніяхъ, гдѣ преподавались физика и естественная исторія, надо было прекратить преподаваніе этихъ предметовъ; Совѣты ходатайствовали объ оставленіи ихъ, но главный Совѣтъ настаивалъ на „единствѣ хода учебной части“ и не разрѣшалъ преподаванія предметовъ, не включенныхъ въ изданныя имъ „нормальныя“ таблицы. Школы патріотическаго Общества также должны были ввести у себя новую программу по третьему разряду. Совѣтъ патріотическаго Общества просилъ не требовать преподаванія „особо тщательнаго рисованія узоровъ и церковнаго пѣнія“; но главный Совѣтъ находилъ послѣднее необходимымъ, „ибо церковное пѣніе производитъ особенное вліяніе на развитіе религіознаго чувства, составляющаго главнѣйшее основаніе нравственнаго воспитанія дѣтей“.

Введеніе новыхъ программъ затруднялось и тѣмъ, что для платы учителямъ новыхъ предметовъ у нѣкоторыхъ заведеній не было средствъ, а въ другихъ, гдѣ до тѣхъ поръ учителя преподавали даромъ, въ свободные отъ служебныхъ занятій часы, теперь, при точномъ распредѣленіи учебныхъ часовъ въ институтахъ, учителя не могли взять на себя уроковъ, ибо тѣ же часы были у нихъ заняты въ главномъ мѣстѣ ихъ службы.

Какъ выяснилось изъ представленій мѣстныхъ Совѣтовъ, во многихъ губернскихъ институтахъ не только исторія, физика и естественная исторія преподавались на французскомъ языкѣ, но даже „общія понятія о словесности, сообщаемыя учителемъ русской словесности“, повторялись воспитанницами на французскомъ языкѣ.

Совѣтъ бѣлостокскаго института, сообщая о сдѣланныхъ имъ, въ силу предоставленнаго мѣстному начальству права сокращать общее число учебныхъ часовъ для усиленія занятій воспитанницъ

¹⁾ Пятидесятилѣтіе. Примѣчаніе № 2.

искусствами, хозяйствомъ и рукодѣліями, измѣненіяхъ противъ нормальныхъ таблицъ комитета, говорилъ, что вмѣсто трехъ уроковъ французскаго языка, назначенныхъ комитетомъ, въ институтѣ лишь два; „недостатокъ третьяго урока, — писалъ Совѣтъ, — вознаграждается преподаваніемъ на французскомъ языкѣ географіи, естественной исторіи и физики“. Совѣтъ полтавскаго института просилъ у главнаго Совѣта разрѣшенія прибавить къ назначенному нормальною таблицею одному уроку всеобщей исторіи, которая преподавалась на французскомъ языкѣ, и то только въ высшемъ классѣ, еще одинъ, говоря, что воспитанницы въ первый годъ еще не свободно владѣютъ французскимъ языкомъ. Этотъ лишній урокъ всеобщей исторіи, Совѣтъ предлагалъ отдѣлить отъ назначенныхъ въ таблицѣ двухъ уроковъ естественныхъ наукъ, потому что опытъ показалъ, что воспитанницы „и при одномъ урокѣ въ недѣлю успѣваютъ ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ главными началами этихъ предметовъ“ ¹⁾.

Главный Совѣтъ нашелъ, что не слѣдовало бы допускать преподаваніе всемірной исторіи на французскомъ языкѣ, ибо „историческія истины сколько съ одной стороны даютъ направленіе образу мыслей, столько, и въ особенности, дѣйствуютъ на сердце и характеръ, а слѣдовательно, непременно должны быть сообщаемы на отечественномъ языкѣ“. Но въ виду того, что преподаваніе всемірной исторіи на французскомъ языкѣ было введено по необходимости и что опытъ оказался удачнымъ, главный Совѣтъ разрѣшилъ оставить все попрежнему въ видѣ исключенія, „по благонадежности учителя“, который хорошъ и учитъ двадцать лѣтъ, а также потому, что воспитанницы „и при слушаніи уроковъ всемірной исторіи на французскомъ языкѣ свободно объясняются объ историческихъ предметахъ на языкѣ отечественномъ“ ²⁾.

Въ Екатерининскомъ (петербургскомъ) училищѣ алгебра преподавалась до 1845 года на нѣмецкомъ языкѣ, потому что учитель не зналъ другого; въ Обществѣ на этомъ языкѣ преподавалась географія; въ Павловскомъ институтѣ „свѣдѣнія изъ географіи“ и въ 1849 году сообщались воспитанницамъ на обоихъ иностранныхъ языкахъ. Въ московскомъ сиротскомъ институтѣ были особые уроки „французской конверсаціи“, одобренные главнымъ Совѣтомъ потому, что „для приготовленія въ гувернантки нужно знать французскій языкъ въ высшей степени“ ³⁾.

¹⁾ Журн. гл. Сов. 1845 г.

²⁾ Журн. гл. Сов. 1846 г.

³⁾ Журналы гл. Сов. 1847 г.

Несмотря на выраженное, въ 1845 году, государемъ мнѣніе по поводу предложенія Вонлярларскаго, вредный обычай преподавать нѣкоторые предметы на иностранныхъ языкахъ держался въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ пятидесятихъ годахъ; въ Обществѣ, въ началѣ этихъ годовъ, преподавали на французскомъ языкѣ французскую словесность и физику, а на нѣмецкомъ всеобщую географію и исторію, хотя преподавалъ ее русскій инспекторъ классовъ, Тимаевъ.

Понятно, что воспитанницы заучивали эти уроки наизусть, слово въ слово, по запискамъ учителя или по книгѣ, а суть предмета отъ нихъ ускользала и такое заучиванье не могло имѣть вліянія на ихъ развитіе.

Собственно на ученіе приходилось въ институтахъ всего пять мѣсяцевъ въ году, съ августа по январь, да и то съ перерывами. Въ январѣ начинались репетиціи и продолжались до Пасхи. Публичные экзамены производились не по всѣмъ предметамъ, а изъ заранее опредѣленнаго круга ихъ, въ томъ числѣ непременно изъ декламаціи на иностранныхъ языкахъ.

Успѣшному ученію мѣшала и многочисленность воспитанницъ въ классахъ. На это обратилъ, еще въ 1842 году, вниманіе комитетъ по учебной части, существовавшій тогда при двухъ столичныхъ институтахъ: Смольномъ и Екатерининскомъ. Въ составъ его входили: принцъ П. Г. Ольденбургскій, начальницы, графъ Уваровъ и статсъ-секретарь Гофманъ. Въ старшемъ классѣ петербургскаго Александровскаго училища было 170 воспитанницъ, распредѣлявшихся во время уроковъ по тремъ отдѣленіямъ. Видя въ этомъ обиліи воспитанницъ свидѣтельство о довѣріи родителей къ училищу, комитетъ постановилъ прибавить еще одно, четвертое, отдѣленіе и по этому поводу высказалъ свой взглядъ на ученіе въ институтахъ. „При всѣхъ усиліяхъ, искусствѣ и знаніи дѣла, учитель,—сказано въ протоколѣ комитета отъ 25 ноября 1842 года,—не можетъ слѣдить за успѣхомъ каждой воспитанницы... нельзя предположить равенства успѣховъ... разность лѣтъ и способностей въ столь многочисленныхъ отдѣленіяхъ неизбѣжны“. Все это вредитъ успѣхамъ и „если мы видимъ при испытаніяхъ блистательные, чисто изумительные успѣхи, то это доказываетъ только то, до чего воспитательницы и наставники могли довести своихъ избранныхъ питомицъ. Наука, если мы ждемъ отъ нея пользы, какъ бы мы ее ни сокращали, должна остаться наукою, систематическимъ цѣлымъ. Она требуетъ зрѣлости ума, постояннаго вниманія и даже не-дѣтскаго возраста. При многочисленности въ классѣ все это перепутано неравенствомъ и наука не можетъ проник-

нута массу разнообразную, разносильную, разновозрастную. Благо-
дѣтельное вліяніе воспитанія распространяется неравномѣрно на
каждую воспитанницу... При послѣднемъ экзаменѣ въ кофейномъ
классѣ оказалась половина хорошихъ и половина посредствен-
ныхъ и слабыхъ. Поэтому въ бѣломъ, когда науки будутъ пре-
подаваемы въ бѣльшемъ объемѣ и съ бѣльшею точностью, ре-
зультатъ будетъ еще менѣе удовлетворителенъ. Вотъ какая пер-
спектива открывается въ будущемъ“.

Недостатокъ въ учебныхъ руководствахъ, учебныхъ посо-
біяхъ и книгахъ для чтенія былъ такъ великъ, особенно въ гу-
бернскихъ институтахъ, что когда въ 1845 году начальница кіев-
скаго института и членъ Совѣта по учебной части нашли нуж-
нымъ выписать журналъ „Звѣздочка“ въ двухъ экземплярахъ,
то объ этомъ предсѣдатель Совѣта, генераль-губернаторъ Биби-
ковъ, долженъ былъ просить разрѣшенія у главнаго Совѣта и по
этому поводу велась цѣлая переписка.

Учителя составляли по своимъ предметамъ руководства. Учи-
тель Буссе, напечатавшій въ 1833 году „Ариѳметическія записки
для дѣвицъ“, представляя книгу въ учебный комитетъ 1845 года,
спрашивалъ: „сообразна ли моя книга съ общими идеями обра-
зованія дѣвицъ и не можетъ ли служить руководствомъ во всѣхъ
женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“? Предсѣдатель комитета, П. Фусъ,
разсматривавшій книгу, писалъ о ней: „авторъ самъ назвалъ ее
записками для дѣвицъ; слѣдовательно, нельзя отъ нея требовать
ни полной системы учебнаго руководства, ни строгой послѣдо-
вательности въ выводахъ. И дѣйствительно, въ ней такія несо-
образности и недостатки, которыхъ въ учебникахъ допускать
нельзя“¹⁾. Объ этой же книгѣ инспекторъ классовъ Общества,
Тимаевъ, въ 1852 году отзывался какъ о слишкомъ „трудной
для дѣвицъ“. Ректоръ харьковскаго университета Артемовскій-
Гулакъ, представляя въ главный Совѣтъ книгу профессора Лап-
шина: „Бесѣды о различныхъ физическихъ явленіяхъ“, просилъ
разрѣшенія напечатать ее на казенный счетъ, указывая при этомъ
на „неудобство преподавать физику дѣвицамъ отъ неимѣнія со-
отвѣтственнаго ихъ полу и возрасту печатнаго руководства“. До
тѣхъ поръ физика преподавалась въ харьковскомъ институтѣ по
руководству, напечатанному въ 1829 году для морского кадет-
скаго корпуса; тамъ, по словамъ Гулака, совсѣмъ не было статьи
объ электричествѣ.

Учебный комитетъ не нашелъ возможнымъ печатать книгу

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1845 г.

Лапшина, гдѣ, по замѣчанію Фуса, „шуточные обороты и остроумныя прибаутки... Если,—писалъ Фусъ,—и не слѣдуетъ пугать дѣвицъ строгими и сухими системами, то все же въ руководствѣ система должна до нѣкоторой степени быть на виду, чтобы, по крайней мѣрѣ, по окончаніи курса, учащіеся могли легко обозрѣть связь пройденныхъ свѣдѣній“ ¹⁾).

Въ числѣ одобренныхъ въ этотъ періодъ времени, до 1855 года, учебнымъ комитетомъ книгъ и руководствъ для женскихъ учебныхъ заведеній, были: разсмотрѣнныя по повелѣнію императрицы: *Яриовой*. Параша, дочь сельскаго священника, *Théâtre des demoiselles par m-me В. (Буагутье-Буатузе)*, которая получила отъ императрицы и подарокъ, „Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы по Россіи въ 1845 году“ *Шикиной*. Комитетъ нашелъ эту книгу написанною „простымъ слогомъ и одушевленною возвышенными чувствами—благоговѣнія къ Творцу, преданности къ престолу и пламенной любви ко всему русскому“; „Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ“ изданіе бывшаго воспитанника Павловскаго кадетскаго корпуса Фридебурга, полное собраніе сочиненій Жуковскаго.

Самимъ комитетомъ одобрены: хрестоматія Галахова, однимъ изъ достоинствъ которой комитетъ призналъ то, что „авторъ руководствовался однимъ образованнымъ вкусомъ и опытностью, а не пристрастіемъ и духомъ партій, раздѣляющихъ нынѣ (въ 1845 году) нашу литературу“, карта восточной части древняго міра *Зуева*, журналъ Чистякова, журналъ „Гирлянда“, издаваемый Плюшаромъ, „постепенныя бесѣды о различныхъ предметахъ для употребленія въ пансіонахъ благородныхъ дѣвицъ“ *Де-Планьи*, „Entretiens des jeunes personnes par Sophie Baltus, „Мысли и повѣсти, посвященныя юношеству“ *М. Корсини*, бывшей институтки. Эту книгу комитетъ одобрилъ къ чтенію воспитанницъ „за благородную цѣль—указать дѣтямъ счастье въ добродѣтели“, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что слогъ автора не простъ и что авторъ употребляетъ риторическія украшенія. Поэтому комитетъ допустилъ сочиненіе Корсини только для чтенія съ учителемъ русскаго языка въ среднемъ и старшемъ возрастахъ женскихъ заведеній 1-го и 2-го разрядовъ.

Одобряемые комитетомъ курсы, представлявшіеся ему учителями женскихъ учебныхъ заведеній въ рукописи, иногда печатались на счетъ суммъ вѣдомства съ вознагражденіемъ автора за извѣстное число экземпляровъ ²⁾).

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1848 г.

²⁾ Въ 1848 году состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ назначаема въ

Въ 1852 году главный Совѣтъ постановилъ составить „съ большою осмотрительностью“ нормальные каталоги книгъ на трехъ языкахъ для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а императрица велѣла, чтобы составленные въ главномъ Совѣтѣ каталоги были переданы на предварительное соображеніе графа Уварова, затѣмъ вновь разсмотрѣны въ главномъ Совѣтѣ и только потомъ представлены на Высочайшее утвержденіе ¹⁾. Но послѣ осмотра въ слѣдующемъ году нѣкоторыхъ губернскихъ институтовъ, статсъ-секретарь Гофманъ представилъ государю докладъ о томъ, что въ этихъ институтахъ воспитанницы сами составляютъ со словъ учителя записки, ибо почти нигдѣ нѣтъ печатныхъ руководствъ „вполнѣ примѣненныхъ къ потребностямъ женскаго воспитанія“. Только въ немногихъ институтахъ были, по словамъ Гофмана, необходимыя пособія для нагляднаго обученія: глобусы, ландкарты, важнѣйшіе инструменты для объясненія явленій природы, изображенія животныхъ и пр., „которые особенно нужны—писалъ Гофманъ въ отчетѣ—потому, что, оставаясь постоянно въ институтѣ, дѣвицы не видятъ часто и самыхъ обыкновенныхъ предметов“. На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „весьма дѣльно: хорошо бы всѣ эти предметы литографировать и разослать“ ²⁾.

Тогда учебнымъ комитетомъ были истребованы отъ инспекторовъ классовъ какъ столичныхъ, такъ и губернскихъ институтовъ, списки употреблявшихся въ нихъ учебныхъ руководствъ. При разсмотрѣніи ихъ учебный комитетъ нашелъ, что между ними нѣкоторыя, напр., по теоріи русской словесности и всемірной исторіи, до такой степени не отвѣчаютъ требованіямъ программъ женскихъ учебныхъ заведеній, что примѣненіе этихъ руководствъ затруднило бы и учителей и учащихся. По естественной исторіи и педагогикѣ совсѣмъ не было на русскомъ языкѣ руководства, которое, по мнѣнію комитета, „соотвѣтствовало бы требованіямъ образованія дѣвицъ“.

Въ 1854 году комитетъ заявилъ главному Совѣту, что по всѣмъ предметамъ общаго курса, кромѣ теоріи русской словесности, всемірной исторіи и курса „о произведеніяхъ природы“,

руководство литографированныя записки разрѣшались не иначе, какъ съ обозначеніемъ на листахъ имени профессора или преподавателя, дозволившаго литографировать свои лекціи съ полною отвѣтственностью за ихъ содержанія; такія лекціи, наравнѣ со всѣми печатными произведеніями, должны были доставляться въ публичную бібліотеку.

¹⁾ Журн. гл. Сов. 1852.

²⁾ Дѣла г. Сов. 1854 г.

онъ можетъ указать руководства. Но для спеціального курса чувствуется, по словамъ комитета, ощутительный недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ, необходимы „географическія и историческія карты, глобусы, планетаріи, изображенія разныхъ предметовъ природы, промышленности, искусствъ, коллекціи растеній, минераловъ, физическій кабинетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ призналъ необходимымъ устроить при институтахъ библіотеки, которыхъ у большей части ихъ совсѣмъ не было. „Такъ какъ въ число учебныхъ пособій и книгъ для чтенія самими дѣвицами, нельзя — писалъ комитетъ — включить многихъ классическихъ произведеній и важнѣйшихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, частью по особымъ условіямъ женскаго воспитанія, частью по обширности изданій и дороговизнѣ ихъ“, то слѣдуетъ составить особый отдѣлъ книгъ, отрывки изъ которыхъ читались бы преподавателями въ классахъ и внѣ ихъ классными дамами, по назначенію инспектора.

Главный Совѣтъ согласился съ этими предложеніями и постановилъ купить для заведеній первыхъ двухъ разрядовъ коллекціи изображеній и костюмовъ разныхъ племенъ нашего отечества, также изображеній царства животнаго, изданныхъ художниковъ Гейзеромъ ¹⁾.

Съ 1847 года были открыты Высочайше утвержденные еще въ 1845 году, по проэкту комитета подъ предсѣдательствомъ принца, спеціальныя педагогическія классы при Александровскихъ училищахъ. Въ петербургскомъ полагалось 32 воспитанницы этихъ классовъ, а въ московскомъ 24. Въ число первыхъ назначались: 10 пепиньерокъ Общества, 7 Александровскаго училища и 15 окончившихъ полный курсъ „изъ лучшихъ по способностямъ, прилежанію, благонравію“ воспитанницъ этого же училища. Въ московскіе классы должны были поступать: 4 пепиньерки, 20 преимущественно штатныхъ воспитанницъ училища, но могли быть и изъ своекоштныхъ. Непремѣннымъ условіемъ поступленія въ спеціальныя классы было поставлено собственное желаніе воспитанницы, также согласіе родителей или имѣющихъ на нее право, лицъ.

Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться два года; въ его составъ входили: законъ Божій не въ видѣ уроковъ, а въ видѣ „назидательныхъ бесѣдъ о важнѣйшихъ предметахъ христіанскаго ученія“ ²⁾, русская, французская и нѣмецкая словесность, исторія

¹⁾ Журналы гл. Сов. 1854 г.

²⁾ Лядовъ, стр. 51.

и географія съ статистическими дополненіями, нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, педагогика и дидактика теоретически и практически, рисованіе, музыка. На словесность двухъ иностранныхъ языковъ и педагогику было опредѣлено по три часа въ недѣлю на каждый предметъ; на остальные предметы—по одному уроку; физика должна была преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ, а естественная исторія—на французскомъ. „Эти предметы—говоритъ Лядовъ—были вклучены въ программу не вслѣдствіе убѣжденія въ ихъ важности, а скорѣе для бѣльшей практики на иностранныхъ языкахъ“ ¹⁾. Въ 1850 году, послѣ перваго выпуска изъ спеціального класса, программа его была измѣнена и вмѣсто двухъ уроковъ исторіи и географіи назначенъ былъ одинъ на оба предмета; взаменъ другого урока предписано было преподавать ариметику и начальныя основанія геометріи. Изъ 36-ти учебныхъ часовъ въ недѣлю, 18-ть должны были посвящаться практическимъ занятіямъ воспитанницъ спеціального класса съ ученицами младшихъ классовъ. По окончаніи курса и выдержаніи экзамена изъ всѣхъ предметовъ, причемъ особенное вниманіе должно было обращаться на педагогику, воспитанница получала дипломъ на право преподаванія, безъ особаго свидѣтельства отъ университета, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ казенныхъ заведеніяхъ, также на пенсію изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, причемъ обязательный для каждой домашней учительницы взносъ 12-ти рублей на составленіе при министерствѣ народнаго просвѣщенія капитала для пенсій и пособій домашнимъ учителямъ и учительницамъ, главный Совѣтъ отнесъ на счетъ остатковъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе спеціальныхъ классовъ. Выпущенныя изъ этихъ классовъ воспитанницы-сироты были поставлены подъ покровительство мѣстныхъ Совѣтовъ наравнѣ съ воспитанницами сиротскихъ институтовъ.

Въ 1854 году число желавшихъ поступить въ спеціальныя классы Общества было такъ велико, что пришлось многимъ отказать, а въ число пепиньерокъ едва набрался комплектъ въ 12 воспитанницъ ²⁾. Въ московскомъ спеціальномъ классѣ, напротивъ, число желающихъ туда поступить уменьшилось; въ 1850 году ихъ было 24, а въ 1853 году всего 14 ³⁾.

Педагогика и дидактика, а также естественныя науки, пре-

¹⁾ Лядовъ, стр. 51, выноска.

²⁾ Докладъ инспектора классовъ учебному комитету при выпускѣ 18-го приѣма въ 1854 году.

³⁾ Истор. зап. о моск. училищахъ, стр. 191.

подавались и въ Павловскомъ институтѣ, курсъ котораго съ 1850 года отличался отъ курса другихъ институтовъ тѣмъ, что, состоя во второмъ разрядѣ, онъ раздѣлялся на семь годичныхъ классовъ, изъ которыхъ послѣдній, седьмой классъ, имѣлъ спеціальное назначеніе — готовить въ наставницы и давать окончившимъ его воспитанницамъ право на званіе домашнихъ наставницъ.

Одновременно съ преобразованіемъ учебной части въ женскихъ заведеніяхъ, были преобразованы и классы при сиротскихъ институтахъ. До 1843 года курсъ этихъ институтовъ продолжался 17 лѣтъ. Въ этомъ году онъ былъ сокращенъ до 13-ти; были классы: кандидатскій, приготовительный или опытный, музыкальный и рукодѣльный. Главное вниманіе при обученіи воспитанницъ было обращено на изученіе языковъ на томъ основаніи, что знаніе ихъ прежде всего требуется родителями отъ гувернантки. Въ этихъ видахъ воспитанницамъ сиротскихъ институтовъ преподавали исторію, даже русскую, географію, физику и естественныя науки на иностранныхъ языкахъ; на педагогическое образованіе былъ опредѣленъ всего одинъ годъ въ классѣ кандидатскій, гдѣ повторялся и обобщался весь пройденный курсъ въ „энциклопедическихъ“ урокахъ. Въ 1847 году къ учебнымъ предметамъ въ классѣ кандидатскій было прибавлено преподаваніе педагогики и дидактики. Выпускныхъ кандидатокъ, до помѣщенія ихъ на мѣста, посылали въ разные институты на два или три мѣсяца для пріобрѣтенія навыка въ преподаваніи.

Въ 1849 году былъ учрежденъ еще гимнастическій классъ, воспитанницамъ котораго, набравшимся изъ менѣе способныхъ къ дальнѣйшему образованію, преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, еще „необходимыя свѣдѣнія изъ анатоміи“, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ; это призналъ нужнымъ учебный комитетъ въ виду того, что эти воспитанницы предназначались и учительницами танцевъ.

Курсы въ двухъ сиротскихъ институтахъ были неодинаковы; въ 1851 году, по желанію императрицы, было приступлено къ ихъ уравниванію по образцу московскаго. Новый планъ ученія для петербургскаго сиротскаго института былъ, по порученію главнаго Совѣта, составленъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ, графомъ М. Віельгорскимъ. Планъ былъ утвержденъ въ 1851.

По новому плану курсъ петербургскаго сиротскаго института раздѣлялся на 4 отдѣла: малолѣтній, куда поступали дѣти моложе 10-ти лѣтъ, приготовительный, общій и спеціальный — педагогиче-

скій. По окончаніи четырехлѣтняго курса въ приготовительномъ классѣ, неспособныя къ дальнѣйшему образованію воспитанницы переводились въ Александринскій сиротскій домъ ¹⁾ въ классъ для образованія надзирательницъ за маленькими дѣтьми или руководѣльный, или классъ гимнастики и танцевъ. Способныя, но „не подающія надежды на способность къ высшему общему и спеціальному курсу въ полномъ объемѣ“ помѣщались въ низшее отдѣленіе общаго курса, для приготовленія въ домашнія учительницы; имъ, въ трехъ постепенныхъ классахъ, преподавались предметы въ сокращенномъ объемѣ, а въ высшемъ, четвертомъ, и главныя понятія по педагогикѣ практически и теоретически; лучшія помѣщались въ высшее отдѣленіе общаго курса для приготовленія въ кандидатки. Тамъ, втеченіи четырехъ лѣтъ, имъ преподавали учебные предметы по программѣ Общества, а въ два послѣдніе года — спеціально педагогическія науки также теоретически и практически, съ дополненіемъ прежняго курса ученія“ ²⁾).

На эстетическое образованіе воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній было обращено особенное вниманіе и въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Декламація на трехъ языкахъ, какъ особый предметъ, преподавалась не только въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ, но и въ сиротскихъ институтахъ, гдѣ до 1845 года на нее было назначено по 4¹/₂ часа въ недѣлю для каждаго изъ языковъ въ классѣ кандидатокъ и въ двухъ старшихъ классахъ общаго курса. По предложенію инспектора классовъ петербургскаго сиротскаго института, „основываясь на дознанной пользѣ сего предмета“, декламація на французскомъ языкѣ была введена и въ музыкальный классъ общаго курса; для разучиванія небольшихъ драматическихъ представленій, „которыхъ — сказано въ примѣчаніи къ учебной табели — теперь находится уже довольно во французской дѣтской литературѣ“ ³⁾ былъ отдѣленъ особый урокъ и въ среднемъ классѣ общаго курса.

Музыкѣ обучали во всѣхъ институтахъ первыхъ двухъ разрядовъ; наблюденіе за ея преподаваніемъ въ Смольномъ и Екатерининскомъ училищѣ было возложено на извѣстнаго піаниста и композитора Гензельта. Авторъ русскаго гимна „Боже Царя храни“ наблюдалъ, по приказанію императора Николая, за обученіемъ воспитанницъ этихъ двухъ заведеній хоровому церков-

¹⁾ Женская половина его присоединена въ 1847 году къ Воспитательному Дому.

²⁾ Журн. гл. Сов. 1851 г.

³⁾ Учебная табель, утвержденная 21 окт. 1842 г. для сир. инст. (50-тилѣтіе С.-Пет. Ник. Сир. И.) Приложение.

ному пѣнію; Глинка самъ руководилъ репетиціями въ Екатерининскомъ училищѣ написаннаго имъ въ для выпуска 1841 года хора ¹⁾. Воспитанницы не только Смольнаго и Екатерининскаго училища, но и сиротскихъ институтовъ, обучались, по повелѣнію императрицы, и итальянскому пѣнію, хотя оно не полагалось по программѣ комитета 1844 года для спеціальныхъ заведеній. Въ 1852 году предсѣдательствовавшій въ московскомъ отдѣленіи главнаго Совѣта, князь Трубецкой, предложилъ умножить число уроковъ музыки въ спеціальному классѣ московскаго Екатерининскаго училища съ семи часовъ въ недѣлю до 18-ми, и въ видахъ развитія музыкальных способностей воспитанницъ, учредить классы сольфеджіо. Почетный опекунъ петербургскаго сиротскаго института, славившійся, также какъ и принцъ Ольденбургскій, любовью къ музыкѣ, составилъ планъ музыкальнаго образованія воспитанницъ, изъ среды которыхъ 15 по выбору учителя музыки, оставаясь въ учебныхъ классахъ, освобождались, согласно плану, отъ внѣклассныхъ занятій, чтобы удѣлять на музыкальныя упражненія по три часа въ день.

По проѣкту графа Віельгорскаго, для уроковъ музыки въ спеціальному музыкальному классѣ должны были приглашаться первоклассные артисты. По окончаніи всего курса въ музыкальныхъ классахъ, воспитанницы, въ случаѣ неполученія казеннаго мѣста учительницы музыки въ одномъ изъ институтовъ вѣдомства, могли жить въ сиротскомъ институтѣ на полномъ содержаніи „не болѣе трехъ лѣтъ“ и затѣмъ, „снабженныя мебелью и фортепіано“ отпускались для самостоятельной жизни.

По § 4 проѣкта графа Віельгорскаго общее обученіе воспитанницъ музыкальнаго класса подчинялось особо для этой цѣли назначенному инспектору музыки, состоящему подъ непосредственнымъ начальствомъ почетнаго опекуна и „дѣйствующему по своей части независимо отъ инспектора классовъ сиротскаго института“ ²⁾. Это не было одобрено учебнымъ комитетомъ, который высказалъ по этому поводу, что задача женскихъ учебныхъ заведеній заключается въ образованіи изъ воспитанницъ добрыхъ женъ, полезныхъ матерей, „соразмѣряя объемъ учебныхъ занятій съ состояніемъ учащихся и будущимъ ихъ назначеніемъ“, что эта задача очень трудная особенно въ спеціальныхъ заведеніяхъ, гдѣ приготавливаются наставницы и воспитательницы высшаго и низшаго разряда, учительницы музыки, гимнастики и танцевъ. Воз-

¹⁾ Записки М. И. Глинки 1804—1854 г. Ч. III. (Р. Стар. 1870, окт.).

²⁾ Проѣктъ гр. Віельгорскаго 1853 г. (Дѣла гл. Совѣта).

ставая противъ спеціализированія себя воспитанницами, учебный комитетъ прибавилъ, что нельзя чтобы изъ одного желанія сдѣлаться кандидаткою, наставницею, или учительницею музыки, танцевъ и т. д., воспитанницы забывали о „вышемъ, первоначальномъ своемъ назначеніи — сдѣлаться христіанкою, русскою, вѣрнопопданною своего Государя, доброю женою и полезною матерью“.

Предложенный въ проэктѣ, особый, курсъ эстетики, преподаваніе котораго возлагалось на инспектора музыки, тоже встрѣтилъ возраженіе со стороны учебнаго комитета, признававшего такой курсъ не нужнымъ, какъ науки „неопредѣленной и не установившейся“, также какъ логика, риторика и статистика. Практическій курсъ эстетики, по мнѣнію комитета, начинается „съ первой минуты, когда воспитанницы почувствуютъ красоту или безобразіе какой-либо формы; онъ непрерывно продолжается во все время ученія, присоединеннаго къ чтенію разбора образцовъ и стилистическихъ упражненій, и оканчивается подробнымъ обзоромъ всѣхъ родовъ и видовъ поэзіи и прозы, а практически — заготовленными объясненіями главнѣйшихъ законовъ и правилъ для каждой изъ этихъ многоразличныхъ формъ... Преподаватель эстетики — писалъ комитетъ — обращаясь къ молодымъ людямъ мало видѣвшимъ и слышавшимъ, и еще менѣе производившимъ, выдастъ имъ за истинное много произвольнаго, много формъ безъ содержанія, много словъ безъ настоящаго значенія, и если то, что онъ говоритъ, не ложно, то въ настоящую минуту и самая истина превращается въ ложь ибо выдается преждевременно, повторяется со словъ учителя безъ сознанія и убѣжденія, заключаетъ въ себѣ готовую формулу для выраженія неготоваго, неиспытаннаго чувства“. Поэтому комитетъ полагалъ назначить для музыкальнаго класса не инспектора музыки, а наблюдателя, который стоялъ бы подъ непосредственнымъ начальствомъ инспектора классовъ и вообще держаться всегда существовавшего въ сиротскомъ институтѣ правила, по которому ни одна воспитанница не должна выходить изъ института учительницею музыки не выходя, вмѣстѣ съ тѣмъ, или кандидаткою или домашнею учительницею. Внутреннее значеніе институтскаго воспитанія комитетъ видѣлъ въ приготовленіи не спеціальныхъ, какого бы то ни было рода, учительницъ; „настоящую цѣну имѣетъ только то спеціальное образованіе—говорилъ онъ,—которое зиждется и укрѣпляется на твердомъ основаніи общаго“; выше чѣмъ быть учительницею музыки—быть орудіемъ всего образованія ввѣряемыхъ дѣтей, а еще выше — исполнить „общее назначеніе всѣхъ, безъ

изъятія, воспитанницъ Государыни, вынести изъ Института полную мѣру того умственного, нравственного и религіознаго образованія, которое одно дѣлаетъ добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ“¹⁾.

Въ своемъ проэктѣ музыкальнаго класса, комитетъ предлагалъ помѣщать туда ученицъ не по выбору учителя музыки, а неспособныхъ къ наукамъ и имѣющимъ музыкальныя способности съ тѣмъ, чтобы эти воспитанницы занимались музыкою въ свободное время; главное же, чтобы онѣ прошли весь курсъ наукъ, который для нихъ долженъ быть короче, чѣмъ для другихъ воспитанницъ.

Проектъ музыкальнаго класса былъ Высочайше утвержденъ 11 августа 1854 года²⁾. Комплектъ ученицъ былъ ограниченъ шестнадцатью, которыя въ теченіе восьми лѣтъ должны были обучаться предметамъ общаго преподаванія: закону Божью, ариметикѣ, педагогикѣ, чистописанію, рисованію, танцамъ, церковному и свѣтскому пѣнію; и, кромѣ того, предметамъ отдѣльнаго, въ музыкальномъ классѣ, преподаванія.

Согласно примѣчанію главнаго Совѣта къ нормальной таблицѣ, составленной учебнымъ комитетомъ въ 1845 году, мѣстнымъ начальствамъ было предоставлено право сокращать общее число учебныхъ часовъ для усиленія занятій искусствами и рукодѣліями; на эти занятія, также, со времени учрежденія образцовыхъ кухонъ при всѣхъ почти институтахъ, на занятія хозяйствомъ, отводилось вездѣ много времени.

Совѣтъ бѣлостокскаго института писалъ въ главный Совѣтъ, что онъ встрѣчаетъ затрудненіе отдѣлить назначенное нормальною таблицею время для занятій воспитанницъ рукодѣліемъ и прибавлялъ, что родители „наиболѣе заботятся о томъ, чтобы ихъ дочери успѣвали въ наукахъ и языкахъ, музыкѣ и другихъ искусствахъ“, что занятія рукодѣліемъ они считаютъ занятіемъ придаточнымъ, которое можно усовершенствовать дома. Главный Совѣтъ согласился увеличить число часовъ, свободныхъ отъ ученія, на занятія музыкою, а рукодѣлія усилить во время лѣтнихъ каникулъ.

Вообще, въ подобныхъ случаяхъ, главный Совѣтъ обыкновенно высказывался за то, чтобы занятія рукодѣліемъ не назначались въ ущербъ учебнымъ занятіямъ воспитанницъ.

Въ 1852 году, по повелѣнію императрицы, были отмѣнены

¹⁾ Дѣла гл. Сов. 1853 г.

²⁾ Монографія, стр. 383.

во всѣхъ институтахъ дорогія и роскошныя работы воспитанницъ для поднесенія ей, а также для выставки на экзаменахъ при выпускѣ; взаменъ этого, было усилено обученіе шитью и кройкѣ бѣлья и платьевъ.

Еще въ 1845 году, когда въ учебномъ комитетѣ составлялись программы для женскихъ учебныхъ заведеній, членъ главнаго Совѣта, Я. Ростовцевъ, представилъ программы военно-учебныхъ заведеній „въ мысли, что онѣ могутъ служить пособіемъ къ составленію подробныхъ учебныхъ плановъ наукъ и языковъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Программы учебного комитета были напечатаны для разсмотрѣнія ихъ каждымъ, порознь, членомъ Совѣта въ 1849 году и въ 1851-мъ внесены въ главный Совѣтъ, причемъ принцъ Ольденбургскій сообщилъ свои замѣчанія на программы всеобщей исторіи, а Ростовцевъ высказалъ мнѣніе о необходимости составить, кромѣ программъ, общее наставленіе о духѣ и методѣ преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По возвращеніи, въ томъ же году, принца изъ поѣздки на югъ Россіи, гдѣ онъ осматривалъ институты: кіевскій, одесскій, керченскій, полтавскій и харьковскій, онъ остался недоволенъ ихъ учебною частью, о чемъ и доложилъ государю. Въ своемъ докладѣ принцъ просилъ государя поручить ему составленіе программъ для женскихъ заведеній, такъ какъ составленныя учебнымъ комитетомъ программы, признаны главнымъ Совѣтомъ неудовлетворительными. При этомъ принцъ просилъ государя разрѣшить ему руководствоваться при составленіи программъ женскихъ заведеній программами военно-учебныхъ заведеній „примѣнительно къ женскимъ заведеніямъ“ ¹⁾. На этомъ мѣстѣ доклада государь написалъ: „считаю очень полезнымъ“ и тогда принцъ былъ назначенъ предсѣдателемъ учебного комитета.

Приступая къ принятому на себя труду, принцъ прежде всего составилъ „Наставленіе для образованія воспитанницъ“; въ немъ онъ изложилъ общія начала воспитанія и образованія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и 22 февраля 1852 года представилъ на утвержденіе государя проэктъ „Наставленія“, предпославъ ему объясненіе, въ которомъ говорилъ: „когда Вашему Императорскому Величеству благоугодно было назначить меня предсѣдателемъ Учебнаго комитета, занимающагося составленіемъ программъ для Женскихъ Учебныхъ заведеній, то я почелъ первѣйшею необходимостью сперва начертать наставленіе для образо-

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 176.

ванія воспитанницъ по примѣру, которое издано для Военно-учебныхъ заведеній, дабы опредѣлить съ точностью тѣ начала, на которыхъ образованіе воспитанницъ должно быть основано. Окончивъ теперь сію работу, въ которой, по крайнему разумѣнію, старался изложить чувства, долженствующія оживлять каждого, призваннаго, по Высочайшему довѣрію Вашего Величества и Государыни Императрицы, чтобы участвовать въ священномъ дѣлѣ воспитанія, осмѣливаюсь повергнуть составленный мною проектъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе“.

На этомъ представленіи государь написалъ: „Прекрасно; и душевно благодарю за полезный трудъ“ ¹⁾.

Главный Совѣтъ и учебный комитетъ одобрили „Наставленіе“, найдя, что оно „содержитъ въ себѣ общія начала умственного образованія дѣвицъ, изложенныя сообразно съ существенными потребностями женскаго воспитанія... О каждомъ учебномъ предметѣ и искусствѣ въ особенности показано: въ какомъ духѣ и объемѣ они должны быть преподаваемы для достиженія цѣли“ ²⁾.

Составленное начальникомъ штаба Я. Ростовцевымъ „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“ было одобрено государемъ въ 1848 году. Въ немъ, по замѣчанію А. Галахова, „замѣтно отразилось вліяніе внѣшнихъ политическихъ событій на понятія и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя завѣдывали образованіемъ юношества. Эти понятія, будучи перенесены въ область педагогики, не имѣвшей съ ними ничего общаго, могли потребовать такого изложенія науки, которое очутилось бы въ явномъ противорѣчій съ дѣйствительными ея фактами, съ истинною ея сущностью“ ³⁾.

Грановскій, по словамъ А. Галахова, открыто говорилъ объ инструкціи для преподаванія исторіи, что по этой инструкціи нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства. „Ученіе отрицало бы современное значеніе и достоинство историческаго знанія“.

Въ „Наставленіи“ Я. Ростовцева цѣлью воспитанія будущихъ воиновъ поставлено требованіе отъ воспитанниковъ слѣдующихъ качествъ: „христіанинъ, вѣрноподданный, русскій, надежный товарищъ, добрый сынъ, скромный и образцовый юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ“... Съ этими качествами воспитанникъ „долженъ переходить со школьной скамьи

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 177.

²⁾ Засѣд. 23 февр. 1852 г. (Журналы гл. Сов.).

³⁾ Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ. 1850—1858 гг. Воспоминанія А. Галахова. (Р. Стар. 1879 г., февраль).

въ ряды императорской арміи, съ чистымъ желаніемъ отплатить государю за его благодѣянія честною службой, честною жизнью и честною смертю“¹⁾.

„Наставленіе“ принца было утверждено императрицею 27 февраля 1852 года.

Въ немъ также отразилось вліяніе тогдашняго времени и взгляды, изложенные въ „Наставленіи“ Я. Ростовцева. Въ основу „Наставленія“ принца положены слова, написанныя государемъ на журналѣ 26-го іюня 1844 года комитета для пересмотра уставовъ женскихъ учебныхъ заведеній: „образование добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ есть главная цѣль сихъ заведеній“. Но воспитанію дѣвицъ поставлена въ „Наставленіи“ двоякая цѣль. 1) Воспитанница учится сама для себя, какъ будущій членъ общества и 2) она учится для того, чтобы впослѣдствіи могла быть наставницею дѣтей своихъ или тѣхъ, которыхъ она призвана будетъ обучать²⁾.

Главная же цѣль воспитанія — сказано далѣе — должна быть религіозно-нравственная. „Женщина должна быть воспитана съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ той мысли, что вѣрованіе въ Бога и преданность къ откровенной намъ Вѣрѣ Воплощеннаго Сына Его и къ святой Церкви, суть единственное средство для спасенія души отъ всѣхъ соблазновъ земного бытія, для достиженія счастья въ сей и блаженства въ будущей жизни, и что однимъ лишь симъ путемъ можно содѣлаться хорошею дочерью, полезнымъ членомъ семейства и общества и вѣрноподданною, готовою безукоризненностію всей жизни возблагодарить Государя и Государыню за всѣ оказанныя ей благодѣянія и передавать дѣтямъ, съ самаго лепетанія младенца, правила благочестія, добродѣтели и непоколебимой преданности къ Престолу и Отечеству“.

Главное назначеніе женщины, сказано въ „Наставленіи“, есть семейство; „женщина, какъ созданіе нѣжное, назначенное природою быть въ зависимости отъ другихъ, должна знать, что ей суждено не повелѣвать, а покоряться мужу, и что строгимъ лишь исполненіемъ обязанностей семейныхъ она упрочитъ свое счастье и пріобрѣтетъ любовь и уваженіе, какъ въ кругу семейномъ, такъ и внѣ онаго“.

Въ виду того, что воспитанницы, поступая въ заведеніе десяти—двѣнадцати лѣтъ, кончаютъ свое ученіе „иногда 16-тилѣтними и даже моложе“, и что поэтому курсъ преподаванія въ

¹⁾ К. Л. Военноучебныя заведенія въ Россіи. (Истор. Вѣстн. 1880 г., май).

²⁾ Пятидес. Примѣчаніе № 6. „Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній“.

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть сжатъ, но образованіе ими даваемое „основательно, самосознательно, съ избѣжаніемъ всего излишняго, поверхностнаго“, „Наставленіе“ предписываетъ слѣдующія общія правила: 1) Избѣгать всего, что могло бы оскорблять скромность пола и возраста и что было бы противно понятію о нравственности. 2) Не увлекаться умозрительными теоріями, а примѣняться къ возрасту и понятіямъ дѣвицъ, излагая все преподаваемое кратко, ясно и занимательно. 3) Развивать у воспитанницъ болѣе силы нравственныя и умственныя, чѣмъ обременять одну память излишними подробностями. 4) Стараться возбуждать въ воспитанницахъ любовь къ наукамъ, такъ, чтобы онѣ, по выходѣ изъ заведеній, могли усовершенствовать себя далѣе и безъ помощи посторонней. 5) Строго держаться данныхъ наставленій и программъ, соразмѣряя распредѣленіе курса съ числомъ уроковъ. 6) Не заниматься однѣми лишь воспитанницами даровитыми, пренебрегая неимѣющими способностей, но стараться подвигать всѣхъ, по возможности, ровно. 7) Никогда не требовать болѣе, чѣмъ дѣвицы, по силамъ, возрасту и назначенному для занятій времени, восполнить могутъ. 8) При должной твердости, соблюдать всегда вѣжливость; не наскучать воспитанницамъ педантизмомъ и суровостью; ибо личное расположеніе учащихся къ преподавателю имѣетъ вліяніе на успѣхъ предмета.

Особенное вниманіе „Наставленіе“ предписывало обращать на русскій языкъ (это постановлено и въ „Наставленіи“ Ростовцева). „Къ сожалѣнію—говоритъ принцъ—правильное изученіе его, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточно развито“; поэтому надо стараться, чтобы „будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности“.

При преподаваніи иностранной словесности, предписывалось „избѣгать излишнихъ подробностей, какъ біографическихъ, такъ и риторическихъ, и особенно всего того, что можетъ оскорблять приличіе; такъ напримѣръ въ исторіи древней словесности не упоминать даже объ Анакреонтической поэзіи“.

На урокахъ географіи, при описаніи каждой страны, слѣдовало говорить и о жителяхъ, произведеніяхъ почвы, промышленности, климатѣ и образѣ правленія „упоминая о семъ послѣднемъ предметѣ какъ можно короче“.

Изъ естественныхъ наукъ должны были преподаваться: физика, ибо „объясненіе главныхъ явленій природы необходимо для

всякаго образованнаго челоѣка“, также для искорененія вредныхъ предразсудковъ, для хозяйства и домашняго быта, „довольствуясь объясненіемъ употребительнѣйшихъ снарядовъ, какъ-то: термометра, барометра, колодцевъ, удобнѣйшаго устройства печей, очаговъ, что полезно по занятіямъ воспитанницъ въ образцовыхъ кухняхъ, и указаніемъ тѣхъ фактовъ и явленій, которые составляютъ необходимыя условія для жизни и здоровья, какъ напри- мѣръ: отчего въ комнатѣ, въ которой много людей и свѣчей, портится воздухъ и часто заводится сырость? которая часть жилища теплѣе и холоднѣе? отчего происходитъ угаръ?“ При преподаваніи физики, „Наставленіе“ предписывало объяснять и нѣкоторыя гигиеническія правила, также дать понятіе объ организмѣ челоѣческаго тѣла, о дыханіи, обращеніи крови, пищевареніи „ибо будущая мать семейства тѣмъ можетъ сберегать не только собственное свое здоровье, но и здоровье дѣтей“. Кромѣ того, признано необходимымъ объяснять „все то, что касается до земледѣлія, главныхъ при ономъ орудій, до упражненія домашняго хозяйства и приготовленія употребительнѣйшихъ предметовъ въ ономъ“. Ботаника, какъ „изъ всѣхъ естественныхъ наукъ наиболѣе свойственная дѣвицамъ“ ибо онѣ „естественно должны любить и лелѣять то, что необходимо для жизни и въ особенности, при суровости нашего климата въ зимнее время, доставляетъ столь невинное утѣшеніе“, должна была преподаваться болѣе нагляднымъ, нежели теоретическимъ образомъ; зоологія—въ главныхъ очеркахъ и описывая преимущественно домашнихъ животныхъ, минералогія — лишь „понятія о раздѣленіи, признакахъ, свойствахъ и употребленіи тѣхъ предметовъ, сей наукѣ подлежащихъ, которые встрѣчаются въ общежитіи“.

Ариѳметика признается „Наставленіемъ“ необходимою наукою, гимнастикою для ума, „мѣриломъ точности и опредѣлительности понятій“; но она—сказано въ „Наставленіи“ —часто преподается такъ сухо и безжизненно, „что невольнымъ образомъ вселяетъ въ воспитанницахъ отвращеніе“. Между тѣмъ „узнаніе четырехъ правилъ ариѳметики даже съ дробями весьма не трудно; для сего не нужно ни девятилѣтняго, ни даже шестилѣтняго курса“; но хорошій преподаватель можетъ развивать въ учащихся способность мыслить.

По поводу преподаванія исторіи „Наставленіе“ говоритъ, что „политическое“ назначеніе женщины состоитъ въ распространеніи области добра въ качествѣ супруги и матери и что „исполненіе сихъ священныхъ обязанностей и лучше и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ“.

Преподаваніе исторіи, если руководствоваться „Наставленіемъ“, должно было имѣть въ виду не изложеніе науки, а достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя всегда, и въ особенности въ то время, ставились образованію въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ предпосланномъ „Наставленію“ введеніи сказано: „мудрое правительство постигло всю важность дѣла (женскаго образованія) и Самодержавная власть приняла Женскія Учебныя заведенія подъ непосредственное Свое покровительство, согрѣвая любовью отца и матери юныя сердца воспитанницъ въ той увѣренности, что хорошія жены и добрыя матери семействъ суть твердыя опоры Престола и благоденствія Государства. ...Любовь Царей къ женскимъ воспитательнымъ заведеніямъ нераздѣльна съ Престоломъ: она наслѣдственна въ царствующемъ родѣ; безпредѣльная же дѣтская любовь и преданность къ Вѣнценоснымъ, Богомъ дарованнымъ виновникамъ счастья ихъ, есть и будетъ навсегда удѣломъ заведеній и залогомъ ихъ счастья и преуспѣянія“.

Преподавая исторію воспитанницамъ, учителямъ предписывалось „Наставленіемъ“ указывать имъ на все высокое и прекрасное, „на ту неопровержимую истину, что безнравственность ведетъ къ разрушенію, что Провидѣніе наказываетъ преступленія, какъ индивидуальныя, такъ и цѣлыхъ народовъ, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ поколѣніи“.

Древняя исторія должна была излагаться короче новѣйшей. „Ложный блескъ, въ которомъ представлялись древнія Республики, Римская и Греческая, долженъ—сказано въ „Наставленіи“—замѣниться точнымъ объясненіемъ положенія сихъ государствъ со всѣми ихъ неустройствами и несовершенствами, и поясненіями того, что Исторія именно служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости Монархическаго Правленія, къ которому, послѣ продолжительныхъ смутъ и безпорядковъ, всегда возвращались народы. Преподаватель не долженъ представлять высшихъ сословій въ Государствѣ, какъ-то: патриціевъ у Римлянъ, только гонителями низшихъ сословій или плебеевъ, ибо сіи послѣдніе, достигши высшихъ мѣстъ, нерѣдко дѣлались самыми неистовыми карателями аристократовъ и народа“.

Въ виду того, что большинство институтовъ было назначено для воспитанія дворянскихъ дѣтей, „Наставленіе“ предписывало указывать при преподаваніи исторіи „на важность значенія дворянства въ Россіи, назначеннаго для службы Государю и исключительно имѣющаго права владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть отцемъ, а помѣщица матерью. При этомъ слѣдовало „вообще

объяснять, что уравненіе всѣхъ сословіи и состояній есть химера несбыточная—попытка разныхъ временъ и народовъ, имѣвшая всегда одни и тѣже плачевные результаты, и что проповѣдники мнимой свободы, подъ личиною благодѣтелей народа, дѣлались всегда то притѣснителями его, то жертвами своихъ лжеученій“.

Примѣненныя къ „Наставленію“ подробныя программы по каждому предмету были внесены въ главный Совѣтъ въ 1853 году и имъ одобрены, но въ видѣ опыта на три года и съ тѣмъ, чтобы инспектора классовъ представили „подробное заключеніе какъ объ изложенной въ каждой программѣ общей методѣ преподаванія, такъ, и въ особенности, о тѣхъ перемѣнахъ, какія бы оказалось нужнымъ произвести“¹⁾. Къ каждой отдѣльной программѣ была приложена объяснительная записка и указаны учебныя руководства. По запискамъ учителя разрѣшалось преподавать лишь нѣкоторыя части закона Божья, именно: „объ обязанностяхъ христіанки“.

Эта часть должна была преподаваться при изъясненіи заповѣдей. Такъ, при изъясненіи пятой заповѣди слѣдовало указывать „главныя обязанности благородныхъ дѣтей въ отношеніи къ Государю и отечеству“, а седьмой—давать „понятіе о дѣвствѣ, достоинствахъ и обязанностяхъ дѣвства, о достоинствахъ супружескаго состоянія и обязанностяхъ супруговъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, качествахъ доброй жены, по ученію слова Божія“. Объясняя „пять главныхъ обязанностей христіанина въ отношеніи къ тѣлу“ въ запискахъ законоучителя должно было, между прочимъ, говоритьсь объ обязанности возстановлять разстроенное здоровье и соблюдать внѣшнюю чистоту, а также высказано осужденіе излишнему попеченію объ убранствѣ“²⁾. По программѣ преподаванія исторіи французской литературы, точно-историческое изученіе лучшихъ ея памятниковъ должно, по мнѣнію составителя программы, оканчиваться началомъ XII вѣка; фактическія свѣдѣнія изъ болѣе поздней, также изъ новой литературы, должны были почерпаться изъ хрестоматіи, путемъ чтенія образцовыхъ сочиненій, указаній и оцѣнокъ учителя³⁾.

Цѣль преподаванія ариѳметики, на которую, какъ на предметъ второстепенный въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ назначенъ только одинъ урокъ въ недѣлю, ограничивалась обу-

¹⁾ Зас. гл. Сов. 19 февр. 1853 г.

²⁾ Программа преподаванія закона Божія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. С.-Пет. 1857 г.

³⁾ Программы преподав. иност. языковъ въ ж. уч. зав. С.-Пет. 1853 г.

ченіємъ воспитанницъ дѣйствіямъ надъ числами „которыя могутъ имѣть прямое приложеніе къ будущему ихъ назначенію“. Поэтому изъ нея исключались, по программѣ „всѣ употребляемые въ ариѳметикѣ приемы, правила и доказательства, кои не соотвѣтствуютъ сей цѣли“. Весь математическій курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ былъ состоять изъ „выкладки надъ числами цѣлыми и дробными, какъ простыми такъ и именванными, включая сюда и тройныя правила съ присоединеніемъ наглядныхъ понятій о трехъ родахъ протяженностей“¹⁾.

При изложеніи исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ общемъ значеніи этой науки, необходимо, по мнѣнію составителя программы, примѣнять ее болѣе другихъ предметовъ къ полу учащихся и къ составу учебнаго курса въ этихъ заведеніяхъ. „Одна исторія—сказано въ программѣ преподаванія этого предмета—можетъ представить полное доказательство и практическое примѣненіе тѣхъ началъ, на коихъ должна быть основана дѣятельность женщины въ кругу семейномъ“. Цѣль и духъ преподаванія исторіи должны быть преимущественно направлены „къ внушенію воспитанницамъ благоговѣйнаго уваженія къ тремъ кореннымъ основаніямъ государственнаго устройства: Религіи, Правительству и Закону, равно къ объясненію истинныхъ началъ и взаимнаго отношенія семейной и общественной жизни“. Поэтому отличительное свойство способа преподаванія исторіи воспитанницамъ, должно состоять не столько въ сообщеніи имъ политическихъ фактовъ, сколько фактовъ, относящихся къ внутренней жизни.

Вмѣсто пространныхъ описаній войнъ и подробнаго изложенія мирныхъ договоровъ, исторія должна представить воспитанницамъ преимущественно постепенное развитіе нравовъ и обычаевъ, наукъ, искусствъ и промышленности, а „равно указать на положеніе и дѣятельность женскаго пола, въ особенности на тѣ случаи, когда женщины представляли собою примѣры добродѣтели, самоотверженія и патріотизма“. Въ программу преподаванія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ русской исторіи, было включено: современный составъ управленія въ Россіи; права различныхъ сословій; состояніе промышленности и торговли; плоды постоянныхъ попеченій правительствъ о народномъ просвѣщеніи, самобытная литература и національное искусство; развитіе общественной благотворительности подъ непосредственнымъ покрови-

¹⁾ Программа препод. ариѳ. и понятій объ измѣреніяхъ въ ж. уч. завед. С.-Пет. 1853 г.

тельствомъ Августѣйшихъ Членовъ Императорской фамиліи; распространеніе женскихъ учебныхъ заведеній и важное вліяніе ихъ на образованіе женскаго пола ¹⁾).

Какъ руководство для преподаванія русской исторіи, въ программѣ было указано сочиненіе академика Устрялова, также и „изданный для военноучебныхъ заведеній курсъ отечественной исторіи“, но съ тѣмъ, чтобы преподаватели дополняли эти книги рассказами изъ лѣтописей и извѣстій современниковъ, также извлеченіями изъ сочиненій Карамзина, Полеваго и Михайловскаго-Данилевскаго, а равно другихъ монографій. Но для преподаванія всеобщей исторіи всѣ существовавшія тогда руководства признаны учебнымъ комитетомъ неполнѣ соответствующими требованіямъ женскихъ учебныхъ заведеній, потому что они составлялись „безъ спеціальнаго примѣненія къ воспитанію дѣвицъ“ ²⁾. Поэтому было признано существенно необходимымъ составленіе особой книги для чтенія по исторіи, „гдѣ на важнѣйшіе предметы, заключающіеся въ программѣ, находилось бы объясненіе изъ лучшаго писателя“.

Программа курса о произведеніяхъ природы была составлена, по порученію учебнаго комитета, профессоромъ Куторгою, который руководствовался въ своемъ трудѣ тѣмъ мнѣніемъ, что изученіе естественной исторіи дѣвицами можетъ быть лишь элементарнымъ и должно имѣть цѣлью не приготовленіе воспитанницъ къ самостоятельнымъ въ этой наукѣ изслѣдованіямъ, ибо „отъ нихъ—говоритъ Куторга—не ожидается въ области естественныхъ наукъ новыхъ опытовъ и открытій“ но внушеніе имъ правильнаго понятія о природѣ. Поэтому преподаваніе физическихъ и естественныхъ наукъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ должно было имѣть, по мнѣнію Куторги, особое назначеніе, сообразное съ условіями воспитанія дѣвицъ и будущимъ ихъ назначеніемъ. „Вслѣдствіе общаго у дѣвицъ—говоритъ онъ—развитія чувствительности, науки нравственныя и изящныя искусства понимаются гораздо больше ихъ чувствомъ, нежели разумомъ“. Поэтому, при обученіи дѣвицъ естественнымъ наукамъ, Куторга признаетъ нужнымъ обращать особое вниманіе на пріученіе ихъ къ размышленію, „главнѣйшее побужденіе коего — стремленіе къ истинѣ — всего лучше возбуждено быть можетъ изученіемъ непреклонности законовъ природы“. Но такъ какъ дѣвицы назначаются для жизни въ тѣсномъ семейномъ кругу и для домашняго быта, то необхо-

¹⁾ Программа преподав. всеобщей и русской исторіи въ ж. уч. з. С.-Пет. 1853 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

димо привить имъ привычку обращать вниманіе на окружающіе ихъ предметы и умѣть находить въ нихъ пищу для соображенія и разума.

Имѣя въ виду ограниченное время, отведенное въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ на преподаваніе курса о произведеніяхъ природы (по одному уроку въ недѣлю втеченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ), Куторга предлагалъ сообщать воспитанницамъ лишь главнѣйшіе результаты знаній о природѣ, не объясняя постепенныхъ открытій, помощью которыхъ они были достигнуты, и излагать сравнительно свойства минераловъ, условія существованія растеній и устройства животнаго организма; отдѣльно же сообщить необходимѣйшія свѣдѣнія преимущественно о тѣхъ только минералахъ, растеніяхъ и животныхъ, которые находятся у насъ въ отечествѣ или имѣютъ важнѣйшее употребленіе.

Учебный комитетъ призналъ, что всѣ эти основанія въ полной мѣрѣ соблюдены въ представленной Куторгою программѣ „съ спеціальнымъ примѣненіемъ къ особымъ условіямъ воспитанія дѣвицъ“ ¹⁾, и предложилъ Куторгѣ составить по этой программѣ учебную книгу, причемъ было опредѣлено, что она должна заключать тридцать листовъ убористой печати и до двухсотъ полнотипажныхъ рисунковъ.

„Наставленіе“ принца было напечатано въ видѣ приложенія къ общему уставу женскихъ учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденному 30 августа 1855 года.

¹⁾ Засѣданіе гл. Совѣта 31 мая 1855 г.

IV.

Женскія духовныя училища.—Епархіальныя училища.—Училища для спеціальнаго образованія женщинъ.—Община сестеръ милосердія.—Дѣтскіе пріюты.—Кавказскія училища.—Училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій.—Архангельское женское училище.—Число учащихся женщинъ.—Проектъ высшаго женскаго училища для приходящихъ.—Начальное народное образованіе.—Женскія, отдѣльныя отъ приходскихъ, училища.—Плата въ женскихъ училищахъ.—Учащіяся въ городскихъ приходскихъ училищахъ дѣвочки.—Сельскія приходскія женскія училища.—Временное увеличеніе числа учащихся въ нихъ дѣвочекъ.—Московское Общество сельскихъ хозяевъ.—Женская крестьянская школа Стремоухова.—Проектъ непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, о женскихъ крестьянскихъ школахъ.—Его книга: *о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи*.—Открытіе женскихъ крестьянскихъ школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, удѣльныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ частныхъ лицъ.—Письма и отзывы на брошюру Маслова.—Заботы объ эстетическомъ образованіи крестьянокъ.—Отношеніе къ проекту Маслова нашихъ журналовъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.—Приготовленіе наставницъ въ женскія крестьянскія школы.—Частныя школы грамотности.—Число учащихся въ женскихъ частныхъ пансіонахъ и школахъ.—Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рѣчь профессора Фишера по поводу Положенія о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ.—Число учительницъ, учителей и наставниковъ.—Частныя женскіе пансіоны.—Училище принцессы Терезіи Ольденбургской.—Частныя женскіе пансіоны въ западномъ краѣ.—Число женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ 1834 году.—Число ихъ въ 1856 году.

Система сословности въ дѣлѣ женскаго образованія была завершена въ царствованіе императора Николая учрежденіемъ женскихъ духовныхъ училищъ.

Училища при монастыряхъ у насъ, какъ и на западѣ, существовали съ древнихъ временъ; но даваемое въ нашихъ монастыряхъ воспитаніе имѣло цѣлью приготовленіе воспитанницъ не къ мірской жизни, а къ жизни въ монастырѣ.

Высочайше утвержденными въ 1832 году правилами о при-

натиі въ монастыри и постриженіи въ монашество, было предписано принимать въ женскіе монастыри малолѣтнихъ сиротъ женскаго пола для воспитанія и обученія рукодѣліямъ и отпускать ихъ изъ монастыря тогда, когда онѣ „найдутъ случай благонадежно пристроиться внѣ онаго“ ¹⁾. Обученіемъ этихъ воспитанницъ чтенію, письму и молитвамъ, должны были заниматься священники, дьяконы и дьячки, по Высочайше утвержденнымъ въ 1836 году правиламъ, бесплатно.

Секретнымъ указомъ Синода епархіальнымъ преосвященнымъ, 12 мая 1837 года, было подтверждено Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дѣти женскаго пола обучались при монастыряхъ, также подъ надзоромъ священническихъ и дьяконскихъ женъ или вдовъ.

До 1843 года училищъ, или, лучше сказать, пріютовъ для дѣтей женскаго пола, было немного; воспитанницы содержались на мѣстныя средства монастырей и, иногда, на пособія отъ мѣстныхъ попечительствъ о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія.

Въ 1843 году статсъ-секретарь Гофманъ, по приказанію великой княжны Ольги Николаевны, переслалъ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, графу Протасову „уже извѣстную“ ему, написанную по французски, записку, въ которой неизвѣстный авторъ говорилъ, что „сельскій священникъ долженъ жениться рано, тотчасъ по выходѣ изъ семинаріи, брать невѣсту своего состоянія, которой приданое даетъ возможность пріобрѣсть домъ и снарядить хозяйство“. Далѣе, указывая на то, что въ провинціи дѣвицы духовнаго званія большею частью не получаютъ никакого образованія и, что не менѣе важно, имѣютъ дурныя примѣры передъ глазами, авторъ записки говорилъ, что многіе сельскіе священники „сокрушаются о своемъ несчастіи имѣть женъ глупыхъ и упрямыхъ, неспособныхъ быть имъ другомъ“, что такія жены доставляютъ имъ одно мученіе, не умѣютъ воспитывать дѣтей. А между тѣмъ сельскіе священники „подвергаются искушеніямъ если не находятъ счастья въ домашней жизни“; они посѣщаютъ прихожанъ по праздникамъ, „выпьютъ сначала рюмку вина, чтобы не обидѣть отказомъ, потомъ привыкаютъ и начинаютъ пить“ ²⁾. Хорошая жена могла бы, — говоритъ авторъ, — удержать мужа и своимъ обществомъ, а это хорошо вліяло бы и на дѣтей, содѣйствовало бы улучшенію мѣстныхъ нравовъ или,

¹⁾ § 8 Выс. утв. правилъ, опубликованныхъ по дух. вѣд. при указахъ св. Синода. (Арх. св. Синода).;

²⁾ Арх. св. Синода, № 1, 1843.

по крайней мѣрѣ, нравовъ того класса, на которомъ обыкновенно сильно отражается вліяніе священника.

По всему этому, авторъ считаетъ необходимымъ устройство особыхъ учебныхъ заведеній для дочерей сельскихъ, а также живущихъ въ маленькихъ городахъ, священниковъ. Но воспитаніе этихъ дѣтей не должно, по его мнѣнію, быть такимъ, какъ воспитаніе благородныхъ дѣвицъ, которыя воспитываются „не только для счастья семьи, но и для удовольствій общества“. Онѣ должны воспитываться исключительно для семьи и весьма рѣдко отлучаться изъ дому. Цѣль ихъ воспитанія должна заключаться въ образованіи изъ нихъ „истинныхъ христіанокъ, способныхъ составлять пріятное для мужа общество, помогать ему поддерживать порядокъ и чистоту въ церкви, приготавливать лекарства, которыя они захотятъ отнести больному, хорошо воспитывать своихъ дѣтей, держать хозяйство со всевозможнымъ совершенствомъ“. Въ предполагаемомъ заведеніи воспитаніе священническихъ дочерей должно быть такимъ, чтобы всякій семинаристъ „видѣлъ себѣ вознагражденіе, выгоду, жениться на нихъ, а каждая изъ нихъ легко найдетъ случай выйти замужъ тотчасъ по окончаніи воспитанія“. Поэтому авторъ считаетъ бесполезнымъ развивать въ воспитанницахъ тѣ внѣшнія качества, которыя „въ виду трудности пристраивать дѣвицъ, стараются въ нихъ развивать съ цѣлью привлечь къ нимъ вниманіе мужчинъ“.

Для того, чтобы не приучать ихъ къ роскоши, которой онѣ впоследствии не будутъ имѣть, авторъ предлагалъ построить для предполагаемаго учебнаго заведенія деревянный домъ на 30 воспитанницъ отъ 10 до 12 лѣтъ, раздѣленныхъ на 3 класса, по десяти въ каждомъ; курсъ ученія, по проекту автора замѣтки, долженъ продолжаться шесть лѣтъ. Предметы ученія въ младшемъ классѣ предполагались слѣдующіе: чтеніе, письмо, религія, грамматика настолько, чтобы правильно писали, и четыре дѣйствія ариѳметики; кромѣ того: церковное пѣніе, рукодѣліе, работа „для порядка и чистоты въ домѣ“, также въ саду и огородѣ. Въ среднемъ классѣ: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, всеобщая географія и исторія кратко, русская исторія и географія болѣе подробно. Въ этомъ классѣ воспитанницъ слѣдовало приучать къ уходу за нѣкоторыми растеніями, употребляемыми въ медицинѣ, и приготовленію наиболѣе употребительныхъ лекарствъ. „Хорошо — говоритъ авторъ — чтобы начальница брала по воскресеньямъ и праздникамъ нѣкоторыхъ дѣвицъ къ посѣщенію бѣдныхъ, для которыхъ онѣ приготавливали бы въ случаѣ нужды лекарства и примѣняли бы ихъ“. Изъ рукодѣлій воспи-

танницы средняго класса должны обучаться не только шитью, но и кройкѣ платья и бѣлья, шить священническую одежду (ризы, одежду на престолѣ, воздухи и всякое шитье для церкви); кромѣ того полагались работы въ огородѣ, на кухнѣ, уходъ за коровой, птицей, приговленіе масла; вообще воспитанницы должны были знакомиться со всѣмъ, что должна знать хорошая хозяйка. Въ старшемъ классѣ къ этому присоединялись занятія съ маленькими воспитанницами, заботы о нихъ, примѣненіе на практикѣ пріобрѣтенныхъ познаній. Доходы съ птичника и огорода должны были употребляться на приданое воспитанницамъ, которыя сами приготавливали бы его себѣ до выхода изъ заведенія.

Съ разрѣшенія императрицы, графъ Протасовъ представилъ ей докладную записку, въ которой говорилъ, что мысль устроить приличнымъ образомъ воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія постоянно озабочиваетъ духовное начальство „тѣмъ болѣе, что женское образованіе распространено на всѣ сословія, кромѣ одного лишь духовнаго, имѣющаго въ томъ преимущественную нужду“¹⁾. Оберъ-прокуроръ прибавлялъ, что духовное начальство уже открыло нѣсколько школъ при женскихъ монастыряхъ въ епархіяхъ тульской, херсонской и иныхъ, и приступило къ учрежденію такихъ училищъ при женскихъ первоклассныхъ монастыряхъ западнаго края „недавно получившихъ приличное содержаніе отъ щедротъ Монаршихъ“. При монастыряхъ же духовное начальство предполагало учреждать училища и въ другихъ епархіяхъ потому, что „съ одной стороны это представляетъ возможность готоваго помѣщенія для дѣвицъ, приличный за ними надзоръ и самые способы обученія, а съ другой — въ этой мѣрѣ состоитъ единственное средство дать всему женскому духовному воспитанію въ имперіи общую и единообразную систему, соотвѣтствующую церковнымъ правиламъ, обычаямъ и общему мнѣнію русскаго духовенства“.

Въ изложенныхъ при докладной запискѣ соображеніяхъ, оберъ-прокуроръ указывалъ на то, что общая система такого воспитанія „касаясь священническихъ дочерей въ тридцати тысячахъ селеній и долженствующая имѣть вліяніе на первое домашнее образованіе всего духовнаго класса, требуетъ всевозможной осторожности, ибо ошибочное направленіе его будетъ опаснѣе, чѣмъ настоящій недостатокъ образованія“. Ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ, по мнѣнію графа Протасова, слу-

¹⁾ Докл. зап. оберъ-прокурора св. Синода 16-го іюня 1843 г. Выс. утвержденная 27-го іюня.

жить образцомъ для духовнаго женскаго училища, такъ какъ назначеніе дѣвицъ духовнаго званія—быть женами и матерями служителей церкви, совершенно отлично отъ назначенія всѣхъ другихъ состояній и сопровождается обстоятельствами, какихъ нѣтъ во всякомъ другомъ быту. „Извѣстная степень худого поведенія жены священника разрушаетъ въ немъ священство“. Кромѣ того „твердость іерархическаго порядка и правилъ церкви требуютъ, чтобы всѣ лица духовнаго званія во всѣхъ личныхъ и семейственныхъ отношеніяхъ, для соблюденія необходимаго единства въ духовномъ направленіи, не выходили изъ духовнаго вѣдомства“. Поэтому и воспитаніе священническихъ дочерей должно состоять подъ надзоромъ духовнаго начальства, ибо при малѣйшей отъ него независимости священническія дочери „столь легко могутъ принимать впечатлѣнія чуждыя духовному званію и той безусловной покорности іерархической власти, въ коемъ онѣ должны пребывать всю жизнь; а слѣдствіемъ того, — говорится въ докладной запискѣ, — было бы непремѣнное охлажденіе къ настоящему ихъ предназначенію, послѣ чего уже немногія бы изъ нихъ соглашались вступать въ бракъ съ обрекшими себя на служеніе алтарю“. Того же единства требуетъ и образъ мыслей русскаго духовенства и самый навѣкъ народный. „Иначе,—писалъ оберъ-прокуроръ, — не только надо опасаться упрековъ со стороны раскольниковъ, неусыпно слѣдящихъ за всѣми измѣненіями въ быту духовнаго сословія, но и бѣольшая часть православныхъ прихожанъ простого, необразованнаго класса, стали бы чуждаться пастырей, имѣющихъ женъ съ воспитаніемъ, лишеннымъ строгаго духовнаго направленія“.

Вся общность воспитанія дѣвицъ духовнаго званія съ воспитаніемъ дѣвицъ прочихъ сословій должна, по мнѣнію оберъ-прокурора, состоять единственно въ „томъ животворномъ ободреніи, какое можетъ происходить отъ Августѣйшаго вниманія Государыни Императрицы“. Поэтому онъ полагалъ поставить училища для дѣвицъ духовнаго званія подъ ея покровительство, подъ особымъ попечительствомъ великой княжны Ольги Николаевны и подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго духовнаго управленія и епархіальныхъ властей и, прежде всего, учредить въ вѣдомствѣ петербургскаго епархіальнаго начальства образцовое воспитательное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія въ видѣ опыта, на средства, какія духовное начальство само изыщетъ. Такъ какъ вблизи Петербурга нѣтъ приличной для училища обители, то графъ Протасовъ предлагалъ устроить его въ Царскомъ селѣ (это предлагалъ и неизвѣстный авторъ записки), пріискавъ для этого домъ

съ садомъ и огородомъ, а въ случаѣ еслибы такого дома не нашлось, то „быть можетъ—писалъ оберъ-прокуроръ — Государь дастъ землю въ Царскомъ селѣ“ и тогда можно выстроить на ней деревянный домъ.

При докладной запискѣ былъ представленъ проектъ устава училища для дѣвицъ духовнаго званія. 15-го августа 1843 года онъ былъ Высочайше утвержденъ въ видѣ опыта на два года и съ тѣмъ, чтобы оберъ-прокуроръ „по наблюденіямъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, по соображеніи отзывовъ о немъ духовенства, представилъ проектъ окончательнаго устройства какъ царскосельскаго училища, такъ и другихъ женскихъ училищъ, уже существующихъ или вновь открываемыхъ, дабы „все женское духовное образованіе какъ въ обителяхъ, такъ и въ семъ заведеніи, совершалось нераздѣльно въ единомъ духѣ, согласно съ уставами православной церкви и съ настоящими потребностями духовнаго званія“.

По уставу 1843 года воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія должно было вполнѣ соотвѣтствовать двоякому ихъ назначенію: 1) быть достойными супругами служителей Алтаря Господня, на коихъ лежитъ священная обязанность назиданія прихожанъ въ вѣрѣ и нравственности и кои по сему должны отличаться преимущественно благочестивою жизнью и 2) быть попечительными матерями, которыя возвращали бы дѣтей своихъ въ правилахъ благочестія и добронравія, умѣли бы развивать въ нихъ способности и сообщать имъ всѣ нужныя первоначальныя познанія, могли бы приготавливать сыновей ко вступленію въ училища и наблюдать за полезнымъ употребленіемъ ими вакантнаго времени. Поэтому имъ должны были преподаваться только тѣ предметы, изученіе которыхъ необходимо для благочестивой жизни въ предѣлахъ семейственныхъ обязанностей. „Главнѣйшая же забота училищнаго начальства,—сказано въ § 4 устава—должна состоять въ томъ, чтобы укоренять въ учащихся чистое православное ученіе и христіанское благонравіе, духъ кротости, подчиненности, благотворительности, любовь къ порядку, приготавливать ихъ къ будущему ихъ состоянію и преимущественно въ простомъ сельскомъ быту“. Предметы ученія были назначены тѣ, какіе предложилъ авторъ записки. Комплектъ былъ опредѣленъ въ 60 воспитанницъ; но допускались и пенсіонерки, исключительно духовнаго званія; въ штатныя воспитанницы могли поступать только сироты или дочери священно и церковно-служителей бѣдныхъ, или обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ. Выпуски полагались черезъ каждые два года и кончившимъ курсъ выдава-

лись свидѣтельства. Штатныя воспитанницы могли, по особымъ уваженіямъ, оставаться въ училищѣ еще нѣкоторое время послѣ выпуска, а способнѣйшія изъ нихъ поступать надзирательницами или ихъ помощницами.

Правленіе училища полагалось, по уставу, изъ начальницы, Благочиннаго, по назначенію митрополита, и смотрителя. Ближайшее завѣдываніе всѣмъ относящимся къ внутреннему благоустройству, ввѣрялось начальницѣ подъ вѣдѣніемъ петербургскаго митрополита. Назначеніе начальницы, а также трехъ наставницъ (онѣ же и надзирательницы) должно было утверждаться императрицею по представленію великой княжны Ольги Николаевны. Надзоръ за соотвѣтствующимъ духовному званію преподаваніемъ всѣхъ учебныхъ предметовъ, возлагался на Благочиннаго „получающаго нужныя для сего наставленія“ отъ митрополита. Отчеты и вѣдомости о расходахъ училища должны были представляться въ духовное учебное управленіе на общемъ о духовныхъ училищахъ положеніи, точно также и дѣла, восходящія на усмотрѣніе императрицы и великой княжны, должны были идти по общему для духовнаго вѣдомства порядку, черезъ оберъ-прокурора св. Синода. Годовой отчетъ о состояніи училища во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ подноситься императрицѣ, а великой княжнѣ — ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи училища, поведеніи и успѣхахъ воспитанницъ.

На обзаведеніе училища съ садомъ, огородомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями, также на одежду воспитанницъ, учебныя пособія, мебель, оберъ-прокуроръ просилъ у государя разрѣшенія употребить изъ духовно-училищныхъ капиталовъ 1.500 рублей. Годовое, полное, содержаніе одной воспитанницы было опредѣлено въ 60 рублей.

18-го августа 1843 года состоялся именной указъ святѣйшему Синоду и Высочайшее повелѣніе выдавать на содержаніе училища по 10.169 рублей ежегодно изъ духовно-училищныхъ капиталовъ.

Въ указѣ было сказано: „обращая Монаршее вниманіе Наше на священно и церковно-служителей, не имѣющихъ средствъ къ приличному воспитанію дочерей, и желая, дабы оное совершалось согласно съ прямымъ назначеніемъ духовнаго состоянія и съ истинными его потребностями, согласно Уставамъ нашей Православной Церкви, Мы положили съ сею цѣлью учредить въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства образцовое училище, которому состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Любезнѣйшей Супруги Нашей Государыни Императрицы Алек-

сандры Ѳедоровны и подъ главнымъ попечительствомъ Любезнѣйшей Дщери Нашей Великой Княжны Ольги Николаевны“ ¹⁾). При указѣ тогда же были разосланы всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ Высочайше утвержденные уставъ и штатъ царскосельскаго училища.

Начальницею его была назначена вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Н. Шульцъ ²⁾). Представленіе кандидатокъ изъ дочерей духовенства петербургской и новгородской епархій на штатныя вакансіи, было предоставлено оберъ-прокуроромъ митрополиту Антонію.

Царскосельское училище открыто 22 октября 1843 года, въ присутствіи государя, императрицы, всѣхъ великихъ князей, княгинь и княженъ; освященіе дома и молебствіе совершилъ митрополитъ. Великая княжна Ольга Николаевна пожертвовала 4.285 рублей (15.000 р. асс.) на награды воспитанницамъ“ ³⁾).

Первые два года своего существованія, училище пользовалось особеннымъ вниманіемъ какъ со стороны членовъ императорской семьи, которые часто его посѣщали, такъ и высшихъ властей; великая княжна Ольга Николаевна пріѣзжала въ училище даже зимой, а лѣтомъ бывала всякій день.

Черезъ два года оберъ-прокуроръ доложилъ государю, что училище „въ умственномъ и нравственномъ образованіи дѣвицъ, и въ хозяйственной части, достигло такого благоустройства, что можетъ служить образцомъ для учрежденія другихъ училищъ“ ⁴⁾). Тогда былъ окончательно утвержденъ уставъ царскосельскаго училища и разосланъ по всѣмъ епархіямъ. Въ 1850 году училище перешло въ собственный домъ, выстроенный на сумму въ 119.584 рубля, отпущенную изъ духовно-училищныхъ капиталовъ ⁵⁾); духовно-училищное управленіе постоянно отпускало на его содержаніе дополнительныя суммы. Императрица, начиная съ 1851 года, дарила на награды воспитанницамъ при выпускахъ 2.000 рублей.

Три года спустя послѣ открытія царскосельскаго училища, было открыто такое же училище въ Солигаличѣ, костромской епархіи, съ разрѣшеніемъ принимать дѣтей и изъ епархій вологодской и ярославской, а также пенсіонерокъ, сколько позволить помѣщеніе, съ платою по 45 рублей въ годъ.

¹⁾ Объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія. С.-Пет. 1866 г.

²⁾ Ей приписываютъ сочиненіе записки, поданной великой княжнѣ.

³⁾ Отчетъ по царскос. уч. 4 апр. 1844 г. (Арх. св. Синода).

⁴⁾ Представленіе гр. Протасова 21 мая 1845 г.

⁵⁾ Объ уч. дѣв. дух. зав.

Училище учреждалось въ Солигаличѣ потому, что тамъ имѣлись въ виду лица, способныя ему служить, а также пріисканъ домъ за умѣренную цѣну и что, вообще, тамъ жизнь дешевле, чѣмъ въ губернскомъ городѣ. Солигаличское училище, устроенное вполне по образцу царскосельскаго, но съ сокращеннымъ штатомъ и на 45 воспитанницъ ¹⁾, также было принято подъ покровительство императрицы. Начальницею его была назначена г-жа Шипова, сестра начальницы царскосельскаго училища. Въ 1848 году оно было переведено въ Ярославль.

Кромѣ этихъ училищъ, до 1855 года, еще два были приняты подъ покровительство императрицы и поставлены подъ главное попечительство цесаревны, которой великая княжна Ольга Николаевна, вышедшая замужъ и уѣхавшая изъ Россіи въ 1846 году, передала свои обязанности по управленію женскими духовными училищами: одно—въ Иркутскѣ, другое—въ Казани. Оба обязаны своимъ возникновеніемъ волѣ императора Николая, который, на докладѣ въ 1847 году генераль-губернатора Восточной Сибири, Руперта, ходатайствовавшего о дозволеніи помѣщать дочерей духовенства въ институтъ, на равныхъ правахъ съ дочерьми дворянъ и чиновниковъ, собственноручно написалъ: „на первый разъ согласенъ, но полезнѣе было бы учредить для нихъ особую школу на подобіе царскосельской“ ²⁾. Тогда Синодъ поручилъ иркутскому преосвященному сообразить способы къ открытію хотя небольшого училища для дѣвицъ духовнаго званія и въ отвѣтъ на это преосвященный увѣдомилъ, что почетный гражданинъ Кузнецовъ жертвуетъ для устройства училища въ Иркутскѣ капиталъ въ 44.000 рублей и, кромѣ того, беретъ на себя доставку матеріала для постройки училищнаго дома. Въ вознагражденіе за это преосвященный ходатайствовалъ, чтобы училище было названо именемъ жертвователя, Евфимія Кузнецова.

Комплектъ штатныхъ воспитанницъ иркутскаго училища былъ опредѣленъ 24-мя и столько же допускалось своекоштныхъ пенсіонерокъ.

Тремя годами позже, на докладѣ о томъ, что изъ завѣщанныхъ графинею Орловою на монастыри суммъ, остались свободными 100.000 рублей вслѣдствіе того, что къ 1850 году нѣкоторые изъ монастырей закрылись, государь положилъ собственно-

¹⁾ Содержаніе каждой изъ нихъ должно было, по штату, обходиться въ 45 р. въ годъ.

²⁾ Моск. Филаретовское епархіальное женское училище. Историческое изложеніе его судьбы въ 50-ти-лѣтній періодъ 1832—1882 гг. Съ портретомъ митрополита Филарета. Москва. 1883 г.

ручную резолюцію: „считаю гораздо полезнѣе всѣ свободныя 100.000 рублей назначить на женскія училища духовнаго вѣдомства, но не при монастыряхъ, а по образцу царскосельскаго, ибо они должны готовить дѣвицъ для свѣтской жизни, а не для затворнической“¹⁾).

Въ исполненіе воли государя, духовное начальство постановило устроить училище въ Казани на 30 штатныхъ воспитанницъ и 30 пенсіонерокъ.

Состоявшія подъ покровительствомъ императрицы училища учреждались на основаніи устава 1845 года для царскосельскаго. Они получали содержаніе изъ суммъ духовнаго вѣдомства; должностныя лица считались на государственной службѣ, начальницы утверждались императрицею.

Этими правами не пользовались открытыя за тотъ же періодъ времени (1845—1855 гг.), женскія духовныя училища въ разныхъ епархіяхъ. Они открывались бѣднѣею частью при женскихъ монастыряхъ и обителяхъ, состояли въ вѣдѣніи св. Синода, подъ управленіемъ епархіальныхъ архіереевъ и были ввѣрены попеченію мѣстнаго духовенства. Начальницею училища обыкновенно назначалась настоятельница монастыря, при которомъ оно открывалось; она, также какъ и преподаватели, служили безмездно и не считались на государственной службѣ. Епархіальныя училища содержались на мѣстныя средства духовенства, на выдаваемые имъ мѣстными попечительствами о бѣдныхъ духовнаго званія пособія и на частныя пожертвованія. У епархіальныхъ училищъ не было одного, общаго для всѣхъ, устава: они руководствовались тѣми, какія, при учрежденіи училища, составляли преосвященные по одобреніи ихъ Синодомъ.

Большинство этихъ училищъ преобразовывались въ епархіальныя изъ существовавшихъ раньше при монастыряхъ пріютовъ, устраивавшихся главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости призрѣть сиротъ, причемъ обученіе послѣднихъ стояло на второмъ планѣ. Такъ какъ въ пріютахъ содержались дѣти не только духовнаго, но и другихъ званій, то это было допущено и при преобразованіи пріютовъ въ епархіальныя училища, куда воспитанницы не духовнаго званія принимались пенсіонерками.

Самымъ значительнымъ изъ такихъ пріютовъ, былъ московскій, существовавшій съ 1832 года въ видѣ воспитательнаго отдѣленія при Горихвостовскомъ Домѣ Призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, устроенномъ на 400.000 р. (асс.), пожертвованныхъ

¹⁾ Объ уч. дѣв. дух. зв.

капитаномъ Горихвостовымъ ¹⁾. Это отдѣленіе стояло выше монастырскихъ пріютовъ, ибо оно давало воспитанницамъ нѣкоторое умственное образованіе; ихъ обучали: чтенію, письму, катехизису, священной исторіи, русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, начаткамъ всеобщей исторіи, географіи и словесности ²⁾. Въ составленномъ для него митрополитомъ Филаретомъ „Начертаніи“, цѣль отдѣленія опредѣлялась тѣмъ, чтобы „доставить истинно бѣднымъ сиротамъ женскаго пола разныхъ званій, преимущественно духовнаго, образованіе, приготовляющее ихъ ко вступленію въ общество“. Оно предназначалось для сиротъ духовнаго званія и для дочерей вдовцовъ „бѣдныхъ и неустроенныхъ въ домашней жизни“, а также для „беспомощныхъ дочерей родителей, исключенныхъ изъ духовнаго званія за пороки“. Кромѣ того, допускались сироты и другихъ званій „по усмотрѣнію истинной беспомощности или по предложенію благотворителей“ ³⁾. Выпуски воспитаницъ могли быть во всякое время „если представится случай выдать воспитанницу замужъ или какъ нибудь иначе ее пристроить“; но, во всякомъ случаѣ, онѣ могли оставаться въ отдѣленіи лишь до достиженія 17-ти-лѣтняго возраста.

Воспитательное отдѣленіе при Горихвостовскомъ Домѣ призрѣнія было заведеніемъ строго закрытымъ. Согласно § 12 „Начертанія“ митрополита Филарета, воспитанницамъ запрещалось получать и отправлять письма „развѣ черезъ надзирательницъ прочитывающихъ ихъ“. Запрещались также разговоры съ прислугою. На содержаніе воспитаницъ полагалось по 64 рубля (асс.) въ годъ каждой и при выпускѣ ей выдавали 150 рублей.

Въ 1863 году митрополитъ Филаретъ, донося Синоду о состояніи отдѣленія, писалъ, что воспитанницы живутъ „въ малыхъ комнатахъ и непросторно... Кто придетъ въ сіе заведеніе — говорилъ онъ — изъ подобныхъ свѣтскихъ, тотъ не похвалитъ видамаго, потому что найдетъ только чистоту и опрятность, а не занимательный и блистательный видъ. Но это — прибавляетъ онъ — сообразно съ положеніемъ воспитываемыхъ, которыя пришли сюда изъ тѣсныхъ и скудныхъ жилищъ и въ такія же по всей вѣроятности должны возвратиться. Блистательное жилище во время воспитанія сдѣлало бы для нихъ непріятными будущія ихъ жилища, простыя и скудныя“ ⁴⁾.

¹⁾ Московское епархіальное Филаретовское женское училище.

²⁾ Донесеніе моск. митр. Филарета на запросъ оберъ-прокурора св. Синода. 1857 г. (Арх. Синода).

³⁾ Начертаніе §§ 3 и 4.

⁴⁾ Объ уч. дѣв. дух. зв., стр. 10.

Учебная часть поставлена была подъ надзоръ смотрителя Дома; воспитанницы распредѣлялись по тремъ отдѣленіямъ, въ каждомъ изъ которыхъ оставались по два года. Ихъ обучали: священникъ, два учителя изъ приходскаго духовенства и три надзирательницы, которыя, однѣ изъ всѣхъ учащихся, получали за свой трудъ вознагражденіе въ размѣрѣ 111 рублей 50 копѣекъ въ годъ на троихъ ¹⁾.

Въ 1841 году былъ Высочайше утвержденъ уставъ духовныхъ консисторій, которымъ епархіальному начальству вмѣнялось въ обязанность „располагать и поощрять приходское духовенство къ заведенію и поддержанію при церквахъ училищъ въ видѣ простомъ и приспособленномъ къ народному быту, для обученія дѣтей поселянъ чтенію, письму, молитвамъ и начаткамъ катехизиса“. Такія училища предписано заводить преимущественно при монастыряхъ — мужскихъ для мальчиковъ, женскихъ для дѣвочекъ ²⁾. Пять лѣтъ спустя, указомъ Синода вновь предписано епархіальнымъ архіереямъ заводить училища при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, для обученія штатно-служительскихъ и поселянскихъ дѣтей, заботиться объ увеличеніи числа училищъ, „располагая дѣятельность къ тому духовенства и приглашая къ участию гражданское начальство и помѣщиковъ“ ³⁾.

Тогда епископы стали усиленно заботиться объ устройствѣ въ своихъ епархіяхъ училищъ, причемъ изъ донесеній нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснилось, что при нѣсколькихъ женскихъ монастыряхъ такія училища, въ видѣ пріютовъ, уже существовали. Епископъ нижегородскій сообщалъ въ 1848 году, что въ третьеклассномъ крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ учреждено, на основаніи указа Синода 12 мая 1837 года, училище для дѣвицъ разныхъ сословій; что онѣ живутъ въ монастырѣ, имѣютъ общую монастырскую трапезу и одежду; но что игуменья Арзамасскаго монастыря, на его предложеніе завести при монастырѣ училище, донесла, что не имѣетъ къ тому способовъ. Преосвященный просилъ оберъ-прокурора предназначить крестовоздвиженское женское училище (единственное при монастыряхъ во всей нижегородской епархіи) ⁴⁾ исключительно для дѣвицъ духовнаго

¹⁾ Моск. еп. Филар. ж. уч.

²⁾ § 14 устава Выс. утв. 27 марта 1841 г.

³⁾ Указъ Синода 27 февр. 1846 г.

⁴⁾ Вѣдомость, представленная преосв. нижег. объ училищахъ, учр. при монастыряхъ и церквахъ его епархіи за 1848 г. Всѣхъ училищъ при церквахъ было 35 и одно при монастырѣ, именно крестовозд. женскомъ, съ 13-ю воспитанницами. (Арх. св. Син.).

званія, съ тѣмъ, чтобы онѣ, въ числѣ десяти, содержались на счетъ монастыря, частью изъ суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, а частью на добровольныя приношенія, чтобы училище находилось въ вѣдѣніи епархіальнаго Архіерея, а курсъ ученія и все его направленіе было приноровлено къ курсу царскосельскаго и ярославскаго училищъ. Духовно-училищное управленіе признало учрежденіе такого училища полезнымъ; но такъ какъ женское училище при крестовоздвиженскомъ монастырѣ было учреждено по Высочайшему повелѣнію, и подобныхъ училищъ при другихъ монастыряхъ нижегородской епархіи не было, а съ преобразованіемъ его въ училище исключительно для дѣвицъ духовнаго званія, оно было бы закрыто для всѣхъ другихъ сословій, то рѣшеніе этого дѣла было предоставлено усмотрѣнію Синода.

На предложеніе послѣдняго преосвященному нижегородскому прежде всего составить проэктъ устава будущаго училища, преосвященный увѣдомилъ, что, по отзыву игуменьи, у монастыря нѣтъ отдѣльнаго помѣщенія для училища, а монастырскихъ келій едва достаетъ для монахинь; что хотя и содержатся въ немъ 10 ученицъ, но онѣ помѣщаются по одной и по двѣ въ келіяхъ вмѣстѣ съ монахинями, а для классовъ имъ даны комнаты сестеръ „малыя и тѣсныя“. Еслибы попечительство и дало средства на постройку новаго корпуса для училища, то встрѣтилось бы, по словамъ игуменьи, новое затрудненіе въ томъ, что монахини не могутъ обучать воспитанницъ, ибо сами тѣхъ предметовъ не знаютъ. „Всѣ вообще, — передавалъ преосвященный слова игуменьи — отъ ухода за воспитанницами отказываются тѣмъ, что посвятили себя монашеской жизни и молитвѣ, а во вседневныхъ сношеніяхъ съ воспитанницами, приносящими съ собою въ училище иногда и не слишкомъ одобрительныя навѣки, нельзя воздержаться отъ неудовольствія и гнѣва; бѣольшая же часть послушницъ имѣютъ хожденіе за престарѣлыми и немощными монахинями, коихъ въ монастырѣ до семидесяти“¹⁾. Поэтому игуменья просила оставить училище въ его прежнемъ видѣ. „Съ прискорбіемъ“ донося объ этомъ, преосвященный сообщалъ, что находящіяся въ училищѣ 10 воспитанницъ обучались: краткому катехизису, краткой священной исторіи, русской грамматикѣ, первымъ тремъ дѣйствіямъ первой части ариѳметики, церковному и гражданскому чтенію и чистописанію, а изъ рукодѣлій — золотошвейному вышиванію по канвѣ.

¹⁾ Донесеніе Преосв. нижег. 22 іюня 1851 г. (Арх. св. Синода).

Въ училищѣ для дѣвицъ бѣдныхъ родителей и сиротъ при галичскомъ Успенскомъ монастырѣ, учрежденномъ въ 1841 году, было изъ шести воспитанницъ только двѣ духовнаго званія; изъ остальныхъ: двѣ дворянки, одна мѣщанка, одна купеческая дочь; послѣдняя была своекоштною пенсіонеркою. Въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищахъ допускались вольноприходящія.

Какъ открытіе новыхъ училищъ, такъ и преобразование пріютовъ въ епархіальныя, шло довольно медленно вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, нежеланія монастырей открывать у себя училища, а также, особенно въ первые годы, предубѣжденія духовенства противъ новыхъ училищъ ¹⁾.

При приѣмѣ въ царскосельское училище, куда было положено допускать 20 пенсіонерокъ съ платою по 60 рублей въ годъ, были разосланы циркулярныя извѣщенія митрополиту московскому и епископамъ: тверскому, полоцкому, владимірскому и псковскому; каждой епархіи предоставлялось по двѣ вакансіи. Митрополитъ отвѣчалъ, что такъ какъ желающихъ помѣстить своихъ дѣтей въ училище будетъ больше изъ городовъ, то пусть консисторія, черезъ Благодѣлннаго, оповѣститъ бѣлое духовенство; затѣмъ онъ увѣдомилъ о желаніи двухъ дьяконовъ отдать своихъ дочерей въ училище, прибавивъ, что кромѣ нихъ, ни въ Москвѣ, ни въ прочихъ городахъ епархіи, желающихъ не нашлось. Тверской преосвященный представилъ обращенное къ цесаревнѣ прошеніе одного священника о принятіи его дочери на казенный счетъ; то же сообщилъ и псковской преосвященный; отъ преосвященнаго владимірскаго получился отвѣтъ, что нѣтъ желающихъ, а отъ полоцкаго — что одинъ священникъ изъявилъ желаніе, но не представилъ прошенія. Къ 1846 году всѣхъ пенсіонерокъ было 18-ть; изъ нихъ 6 своекоштныхъ.

Въ отчетѣ ярославскаго училища за 1853 годъ было сказано, что только послѣ перваго выпуска „исчезло предубѣжденіе у многихъ изъ духовныхъ лицъ противъ воспитанія дѣвицъ въ училищѣ, особенно когда увидѣли прекрасные примѣры супружества молодыхъ священниковъ съ воспитанницами, которыя, при умственномъ развитіи, сохранили простоту сердца и сдѣлались достойными спутницами своимъ мужьямъ, а между тѣмъ, оказались свѣдущими и въ домашнемъ хозяйствѣ“.

Такъ какъ главная цѣль учрежденія женскихъ духовныхъ училищъ заключалась въ образованіи изъ воспитанницъ хорошихъ женъ сельскихъ священниковъ, то при первомъ же выпускѣ изъ

¹⁾ М. Красновъ. Епарх. ж. уч. (Образованіе, 1892 г., дек.).

царскосельскаго училища, оберъ-прокуроръ св. Синода сообщилъ преосвященнымъ разныхъ епархій волю цесаревны, чтобы духовное начальство позаботилось объ устройствѣ участи выпускаемыхъ воспитанницъ выдачею ихъ замужъ за окончившихъ по первому разряду семинаристовъ, поступающихъ на священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, и чтобы лучшія мѣста были предоставлены тѣмъ перворазряднымъ семинаристамъ, которые захотятъ жениться на воспитанницахъ царскосельскаго училища ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Протасовъ просилъ митрополита употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы выданныя воспитанницамъ при выпускѣ деньги, по 75 рублей каждой (и кромѣ того, всѣ нужныя вещи „долженствующія составлять главное ихъ приданое“), не были употреблены ихъ родственниками по произволу, а были оставлены воспитанницамъ до ихъ замужества. Епархіальное начальство постановило хранить эти деньги въ какомъ-либо кредитномъ учрежденіи и сдѣлать распоряженіе, чтобы копіи съ билетовъ учрежденія были отсылаемы родителями или родственниками въ консисторію, о чемъ они были бы увѣдомлены черезъ Благочинныхъ.

Относительно замужества воспитанницъ, митрополитъ увѣдомилъ графа Протасова, что онъ отослалъ сообщенные ему списки штатныхъ воспитанницъ, выпускаемыхъ въ 1849 году изъ царскосельскаго училища, въ петербургскую и новгородскую духовныя консисторіи для предъявленія ихъ окончившимъ курсъ ученикамъ мѣстныхъ семинарій, и что свободныя священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, если не представятся уважительныя причины къ отдачѣ этихъ мѣстъ въ пользу осиротѣвшихъ семействъ умершихъ священниковъ, будутъ удержаны для тѣхъ учениковъ, которые изъявляютъ согласіе жениться на воспитанницахъ училища ²⁾.

На сдѣланный графомъ Протасовымъ епископу рижскому запросъ о томъ: есть ли въ виду двѣ вакансіи при православныхъ церквяхъ сельскихъ приходовъ въ лифляндской губерніи, епископъ отвѣчалъ, что по его вызову два, кончившихъ курсъ въ духовной Академіи, воспитанника, согласились принять условіе, на которомъ имъ предлагались мѣста; но что при открытіи еще новыхъ трехъ священническихъ вакансій въ Лифляндіи, не имѣется въ виду кандидата, желающаго занять вакансію съ условіемъ жениться на воспитанницѣ царскосельскаго училища ³⁾. Епископъ винницкій

¹⁾ Сообщение гр. Протасова митрополиту 15 іюля 1849 г.

²⁾ Сообщение митрополита С.-пет. и новг. графу Протасову 10 іюля 1849 г. (Арх. св. Синода).

³⁾ Отвѣтъ епископа рижскаго 24 окт. 1849 г.

написалъ, что и въ его епархіи не нашлось желающихъ принять эти условія ¹⁾).

Изъ представленнаго 20 ноября 1849 года списка „устроенныхъ замужествомъ“ воспитанницъ перваго выпуска, видно, что такихъ было девять; къ 20-му февраля вышли замужъ еще три; осталось непристроенными шесть; но 15 февраля 1851 года Благочинный царскосельскаго училища донесъ графу Протасову, что „не осталось ни одной воспитанницы перваго выпуска, которая бы не была устроена замужествомъ“. Къ этому онъ прибавлялъ, что „всѣ благословляютъ Бога и благодарятъ попечительное Начальство“.

Въ 1849 году, послѣ перваго выпуска изъ царскосельскаго училища, цесаревна велѣла принимать воспитанницъ не иначе, какъ по строгомъ медицинскомъ освидѣтельствѣрованіи врачомъ заведенія и по письменномъ его удостовѣреніи, что желающія поступить въ училище не имѣютъ физическихъ недостатковъ и „по здоровью и тѣлосложенію не подають повода къ опасенію развитія въ нихъ упорныхъ или неизлечимыхъ болѣзней, несовмѣстимыхъ съ предстоящимъ имъ воспитаніемъ и съ будущимъ ихъ предназначеніемъ къ супружеской жизни“.

Напоминанія епископамъ о желаніи цесаревны, чтобы они всѣми мѣрами старались выдать замужъ выпускаемыхъ изъ царскосельскаго и ярославскаго училищъ воспитанницъ, повторялись передъ каждымъ выпускомъ. Митрополитъ и епископы предписывали правленіямъ духовныхъ семинарій рекомендовать лучшимъ воспитанникамъ невѣстъ изъ воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ, и о желающихъ доносить имъ. Тверской епископъ прислалъ оберъ-прокурору подробный отчетъ о сдѣланныхъ имъ по этому предмету распоряженіяхъ. Онъ предписалъ консисторіи: 1) въ ея присутствіи „предъявить отцу дѣвицы милость и благоволеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Цесаревны, оказанную дочери его“; 2) спросить его: удовлетворительно ли будетъ для его дочери предоставленное въ пользу ея священническое мѣсто въ селѣ NN; 3) если онъ признаетъ это мѣсто удовлетворительнымъ, то и предоставить ему самому „не безъ посредства моего“ избрать для дочери достойнаго ея жениха изъ студентовъ.

Когда одинъ священникъ, находя предлагаемое будущему мужу его дочери мѣсто удовлетворительнымъ, сказалъ, что, не имѣя еще при себѣ дочери и не зная, согласится ли она выйти замужъ за

¹⁾ Отвѣтъ епископа винницкаго, 15 дек., 1849 г.

предлагаемаго ей жениха, не может распорядиться ея судьбой, то епископъ отдалъ мѣсто другому, а отцу невѣсты выдалъ паспортъ и далъ отпускъ на 28 дней, чтобы онъ съѣздилъ за дочерью.

Несмотря, однако, на старанія училищнаго и духовнаго начальства „пристраивать замужествомъ“ выпускаемыхъ изъ женскихъ духовныхъ училищъ воспитанницъ, съ каждымъ выпускомъ это становилось труднѣе. Правленіе царскосельскаго училища представило въ 1854 году отчетъ, изъ котораго было видно, что въ 1853 году выпущено изъ училища 29; изъ нихъ вышли замужъ 13; кромѣ того, еще не пристроены шесть воспитанницъ выпуска 1851 года, а между тѣмъ въ 1855 году должны быть выпущены еще 29. Основываясь на томъ, что въ училище весьма рѣдко поступаютъ пенсіонерки на счетъ родителей, а также, что въ епархіяхъ новгородской и петербургской не всегда есть священническія мѣста въ сельскихъ приходахъ, что остающіяся послѣ умершихъ священниковъ семейства также требуютъ со стороны епархіальнаго начальства заботъ объ устройствѣ ихъ судьбы тѣмъ же способомъ, т.-е. выдачею замужъ, причемъ мужъ обязанъ содержать и прочихъ членовъ осиротѣвшаго семейства, духовно-училищное управленіе признало, что епархіальному начальству трудно устраивать воспитанницъ царскосельскаго училища. Поэтому оно постановило испросить Высочайшее разрѣшеніе принимать въ царскосельское училище дочерей священнослужителей и изъ другихъ епархій, чтобы этимъ облегчить епархіальнымъ начальствамъ выдачу замужъ воспитанницъ.

Мало-по-малу, встрѣчаемая на первыхъ порахъ затрудненія къ устройству въ епархіяхъ женскихъ духовныхъ училищъ, устранялись; къ 1855 году было открыто 8 училищъ кромѣ пріютовъ при монастыряхъ. Изъ нихъ четыре состояли подъ покровительствомъ императрицы.

Наиболѣе значительными изъ училищъ губернскихъ епархій были симбирское и харьковское.

Первое было основано преосвященнымъ симбирскимъ, который въ 1847 году увѣдомилъ оберъ-прокурора, что настоятельница симбирскаго Спасскаго дѣвичьяго монастыря вызвалась помочь ему въ осуществленіи давнишней его мысли — устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія, предложивъ, за умѣренную плату, помѣщеніе его въ монастырѣ, а также свой надзоръ за нимъ; обученіе воспитанницъ „приличнымъ духовному званію и необходимымъ въ кругу общественной жизни руководѣліямъ, а отчасти и домоводству“ брали на себя монахини, а мѣстные священнослу-

жители вызвались обучать предметамъ, означеннымъ въ 14 статьѣ устава духовныхъ консисторій, т.-е. чтенію, письму, молитвамъ и церковному пѣнію. Кромѣ того, нѣкоторые изъ наставниковъ семинаріи предложили епископу даромъ преподавать и другіе предметы, а штатный врачъ семинаріи и аптекарь — даромъ лечить и отпускать лекарства.

Епископъ прибавлялъ, что образованная православная дѣвица, родомъ нѣмка, проживающая между сестеръ Спасскаго монастыря, предложила свои услуги въ качествѣ гувернантки будущихъ воспитанницъ; что многіе изъ паствы готовы давать посильныя приношенія и „расположили его воззвать ко всей Богоспасаемой паствѣ“, послѣдствіемъ чего было составленіе капитала въ 6.844 р. 52 к., да „одна благородная особа, коллежская совѣтница Е. П. Пазухина“, обѣщала вносить ежегодно по 14 рублей. „Сейчасъ же, — сообщалъ преосвященный, — явились и сироты; жалкій видъ и слезы ихъ“ заставили его спѣшить открытіемъ училища, которое и состоялось 12 октября 1847 года.

Сначала оно было открыто въ видѣ пріюта на 12 сиротъ въ купленномъ у монастыря для училища за 300 р. деревянномъ флигелѣ, на ремонтъ котораго и все первоначальное обзаведеніе употреблено 1070 р. Игуменьѣ было опредѣлено 214 р. въ годъ на содержаніе училища. За это Синодъ выразилъ епископу свою признательность и въ особомъ указѣ разослалъ объ этомъ печатное извѣщеніе преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ ¹⁾. Въ слѣдующемъ году епископъ писалъ оберъ-прокурору, что училище принято населеніемъ хорошо, что онъ еще не знаетъ, какъ и называть его: училищемъ или пріютомъ ²⁾, но что ободренный выраженной ему Синодомъ признательностью, онъ опять обратился къ паствѣ, и „благородное дворянство, почтенное купечество и даже смиренное духовенство“ отозвались на его воззваніе; кромѣ вещей было собрано и деньгами столько, что съ прежде бывшими, у училища составилъ капиталъ въ 13.662 рубля и онъ, несмотря на холерную эпидемію, перестроилъ флигель, расширивъ его такъ, что въ немъ могутъ помѣщаться 20 воспитанницъ; кромѣ того устроены двѣ больничныя кровати. За всѣми расходами остался капиталъ въ 10.000 рублей.

Въ этомъ новомъ видѣ училище было открыто 19 сентября 1848 года и тогда же произведено публичное испытаніе двѣнадцати прежде поступившимъ воспитанницамъ, въ присутствіи „весьма

¹⁾ Арх. св. Синода. Постановление 31 дек. 1847 г.

²⁾ Донесеніе 29 сент. 1848 г.

многихъ почетнѣйшихъ лицъ изъ дворянства, купечества и духовенства... Отрадно было слышать — писалъ епископъ — лестные отзывы благонамѣренныхъ, просвѣщенныхъ и даже, нерѣдко, утонченныхъ во вкусѣ, цѣнителей касательно удобства помѣщенія. Еще отраднѣе было видѣть самихъ малютокъ сиротъ, пріученныхъ къ регулярности, цвѣтущихъ (благодаря милости Божіей и усердію безмезднаго, опытнаго врача, медикохирурга Ивановскаго и содержателя вольной аптеки Маттиссона) здоровьемъ, съ пристойной развязностью въ обращеніи. Но несравненно отраднѣе весьма удовлетворительные отвѣты изъ предметовъ ученія“.

Священникъ Спасскаго монастыря и наставники семинаріи преподавали учебные предметы; игуменья обучала церковному пѣнію и подъ ея надзоромъ „благородная гувернантка“ дѣвица Долинъи, учила рукодѣліямъ, которыя были тутъ же представлены публикѣ. Четыре воспитанницы получили въ награду книги.

По просьбѣ жертвовавшихъ на училище лицъ, епископъ просилъ оберъ-прокурора исходатайствовать, чтобы оно было принято подъ покровительство кого-нибудь изъ Высочайшихъ особъ, а также обратить вниманіе на трудящихся въ заведеніи, и особенно на игуменью.

Въ слѣдующемъ году, для преподаванія воспитанницамъ географіи былъ приглашенъ инспекторъ симбирскихъ духовныхъ училищъ, который взялся преподавать даромъ.

Перечисляя вновь поступившія на училище пожертвованія, епископъ упомянулъ о томъ, что симбирское городское общество пожертвовало 150 рублей, купеческій сынъ Сапожниковъ — 140 аршинъ голубого шелону на 100 рублей, что, по мнѣнію епископа, свидѣтельствуется „сколько о вниманіи симбирскихъ жителей къ сему учебному заведенію, столько же и о существующемъ въ немъ порядкѣ“. Кромѣ того, за пожалованіе золотой медали самарскому 2-ой гильдіи купцу, онъ пожертвовалъ училищу 200 р.

На повторенное и въ этомъ году ходатайство о принятіи училища подъ Высочайшее покровительство, оберъ-прокуроръ отвѣчалъ, что „отношенія подчиненности состоящихъ подъ покровительствомъ цесаревны училищъ, равно и обязанности, возложенныя на начальницъ оныхъ по уставу, не могутъ быть совмѣщены ни съ помѣщеніемъ симбирскаго училища въ духовной обители, ни съ званіемъ начальствующей надъ онымъ настоятельницы монастыря, состоящихъ въ полной и непосредственной подчиненности мѣстнаго епархіальнаго начальства“¹⁾. Повиди-

¹⁾ 29 сентября 1849 г.

тому, и просьба преосвященнаго о вниманіи къ трудящимся въ училищѣ не была тогда удовлетворена, ибо 10 сентября 1849 г. онъ писалъ, что трудящіеся въ его училищѣ „будутъ довольны изъясненіемъ имъ на сей разъ благодарности“ отъ оберъ-прокурора, и въ отвѣтъ на это наставникамъ и трудящимся было объявлено благословеніе св. Синода.

Въ 1849 году были приняты въ училище двѣ пенсіонерки съ платою—въ первый годъ по 100 рублей за каждую, а въ послѣдующіе по 50 рублей. Сообщая объ этомъ, преосвященный говорилъ, что желавшихъ было много, но выбраны дочери достойнѣйшихъ и притомъ вдовыхъ отцовъ.

Въ составленномъ, по приглашенію оберъ-прокурора въ 1850 году, симбирскимъ преосвященнымъ проектѣ устава училища, цѣль его „сообразно съ намѣреніями благотворителей“ была двоякая: 1) дать пріютъ сиротамъ дѣвицамъ, и 2) образовать изъ нихъ достойныхъ супруговъ служителей алтаря Господня и впослѣдствіи добрыхъ матерей, или, по крайней мѣрѣ, черезъ образованіе открыть имъ средства къ безбѣдному содержанію себя въ будущемъ. Сироты принимались не моложе десяти, но не старше двѣнадцати лѣтъ; преимущество отдавалось дочерямъ священнослужителей передъ церковнослужительскими. Казенныхъ воспитанницъ, т.-е. содержимыхъ на проценты съ пожертвованнаго (въ 20.000) капитала, полагалось двадцать; кромѣ того допускались три пенсіонерки и четыре вольноприходящія.

Предметы ученія были назначены тѣ, „что для нихъ, какъ христіанокъ, будущихъ супруговъ священниковъ, добрыхъ матерей и домохозяекъ“ нужны, т.-е. русская грамота, законъ Божій, катехизисъ, священная исторія, изъясненіе православнаго богослуженія и преимущественно литургіи, ариѳметика до тройного правила и вычисленіе на счетахъ, русская грамматика, всеобщая исторія и географія кратко, преимущественно же русскія, рукодѣліе, чистописаніе, рисованіе, сколько нужно для составленія узоровъ и шитья, церковное пѣніе. Воспитанницъ предписывалось обучать хожденію за больными въ устроенной при училищѣ больницѣ „при кроватяхъ своихъ сверстницъ“, опытному домохозяйству. Библіотека должна была состоять изъ книгъ нравственнаго содержанія и относящихся къ хозяйству. Наставники семинаріи и низшихъ духовныхъ училищъ, преподававшіе учебные предметы, также и монахини, обучавшія рукодѣлію, должны были трудиться безмездно „изъ послушанія или благотворенія“, но это обозначалось въ ихъ послужныхъ спискахъ. Въ случаѣ еслибы не нашлось желающихъ взять на себя эти обязанности бесплатно, раз-

рѣшалось приглашать и за плату. Курсъ полагался шестилѣтній, но можно было „и болѣе и менѣе, смотря по лѣтамъ и степени образованія воспитанницы“. По окончаніи курса, тѣ, у которыхъ есть достаточные родственники, должны были отпускаться къ нимъ, а неимѣющія такихъ родственниковъ—въ дома достаточныхъ священнослужителей „и другихъ благородныхъ особъ, которыя пожелаютъ имѣть ихъ руководительницами своихъ дѣтей“. Прочія же могли быть оставляемы въ училищѣ для занятій, какія опредѣлитъ имъ начальница. Епархіальному начальству вѣнялось въ обязанность заботиться о судьбѣ всѣхъ воспитанницъ; выходящимъ замужъ оно должно было выдавать пособіе.

Преосвященному, какъ попечителю училища, уставъ предоставлялъ полныя права по всѣмъ частямъ; онъ долженъ былъ одобрять руководства для преподаванія и назначать плату съ своекоштныхъ пенсіонерокъ. Ближайшій надзоръ возлагался на настоятельницу, которая могла сама выбирать гувернантку или изъ благородныхъ особъ постороннихъ, или изъ монахинь, или изъ кончившихъ курсъ воспитанницъ. Старшія воспитанницы должны были заниматься съ младшими ¹⁾.

Харьковское училище было открыто въ 1853-мъ году епископомъ Филаретомъ, который еще въ 1848-мъ году, по полученіи указа Синода 31 декабря 1847 года, объ открытомъ въ Симбирскѣ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія, учредилъ комитетъ изъ членовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, для изысканія средствъ къ устройству такого же училища въ Харьковѣ. Къ 1853-му году было собрано до 23.000 рублей и поступило много пожертвованій вещами. Городской голова пожертвовалъ матеріалы и капиталъ для возведенія трехъэтажнаго дома, который и построенъ на городскомъ кладбищѣ съ тѣмъ, чтобы строящійся кладбищенскій храмъ служилъ и для училища, „а кладбище было учителемъ о суетѣ всего земного“. Донося объ этомъ, преосвященный просилъ у Синода благословенія открыть училище на основаніи устава 1843 года и примѣнительно къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Такъ какъ кромѣ капитала въ 16.000 рублей, оставшагося послѣ постройки дома для училища, комитетъ попечительства ежегодно собиралъ въ его пользу до трехъ тысячъ рублей, то Синодъ разрѣшилъ открыть училище, указавъ только на то, что училище на кладбищѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на дѣвицъ, „какъ по впечатлѣнію, такъ и по нечистому воздуху“. Поэтому

¹⁾ Проектъ устава симб. дух. уч. 8-го февр. 1850 г.

онъ предложилъ промѣнять этотъ домъ на другой. Но это оказалось невозможнымъ потому, какъ писалъ преосвященный оберъ-прокурору, что благотворители, городской голова и его родственники, не иначе жертвовали какъ съ условіемъ, чтобы домъ для училища былъ именно на кладбищѣ, „дабы въ сооруженной близъ него кладбищенской церкви возносимы были молитвы объ успокоеніи усопшихъ ихъ родныхъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ и ихъ самихъ, когда они умрутъ“. Мѣстность кладбища, по словамъ преосвященнаго, самая возвышенная и считается самою здоровою въ городѣ и самою красивою по видамъ; тутъ помѣщены и лучшія городскія зданія: харьковскій институтъ, высшее ветеринарное училище; домъ для женскаго духовнаго училища отдѣленъ отъ кладбища значительнымъ пространствомъ пустого мѣста, оградой и обширнымъ храмомъ. Въ заключеніе епископъ сообщалъ, что онъ на опытѣ убѣдился въ невозможности надѣяться на полученіе другого городского мѣста для училищнаго дома и что училище уже открыто ¹⁾.

Въ 1851 году были запрещены сборы на училища для дѣвицъ духовнаго званія среди духовенства. На донесеніе епископа рязанскаго о томъ, что побуждаемый жалкой участью сиротъ, число которыхъ увеличилось послѣ холеры 1848 года, онъ пригласилъ духовенство епархіи къ пожертвованіямъ на устройство въ Рязани училища для дѣвицъ духовнаго званія и постройку для него собственнаго дома, и что оно изъявило согласіе и уже собрало 12.000 рублей, Синодъ постановилъ благодарить епископа, но нашелъ, что ежегодный взносъ мѣстнымъ духовенствомъ суммы въ 2.325 рублей ²⁾ на содержаніе воспитанницъ „непрочень тѣмъ болѣе, что законъ не дозволяетъ производить подобный сборъ съ лицъ служащихъ и, слѣдовательно, съ духовныхъ подчиненныхъ лицъ“. Поэтому Синодъ „для устраненія недоразумѣній и жалобъ“ предписалъ отмѣнить этотъ сборъ ³⁾.

Синодъ не разрѣшалъ употреблять на устройство женскихъ духовныхъ училищъ и суммъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія; они могли выдавать лишь ежегодныя пособія въ не-

¹⁾ Сообщение преосв. Филарета гр. Протасову 24-го авг. 1854 г.

²⁾ *Вѣдомость пожертвованіямъ на ряз. уч. 10 авг. 1850 г.* Въ этой суммѣ ежегодныхъ взносовъ отъ духовенства показано 1.871 р. и, кромѣ того, единовременно отъ него же 6.425 р. 30 к. Отъ монастырей епархіи получено единовременно 1.247 р. 25 к. и общано ежегодныхъ 380 р.; отъ архіепископа рязанскаго— 40 р. ежегодно и 60 р. единовременно; отъ архіерейскаго дома 30 р. ежегодно и 99 р. единовременно. Отъ свѣтскихъ лицъ получено 1.830 р. 76 коп. единовременно; изъ нихъ 1.500 р. пожертвовано однимъ купцомъ.

³⁾ Опредѣленіе Синода 3 сент. 1851 г.

большомъ размѣрѣ на содержаніе воспитанницъ. Въ 1855 году рязанскій епископъ, представляя Синоду отчетъ о суммахъ попечительства, говорилъ, что онѣ „ростутъ ежегодно, а потребности въ нихъ не предвидится“. Поэтому онъ просилъ разрѣшенія взять изъ процентовъ этихъ суммъ пять тысячъ для окончательнаго устройства женскаго училища съ тѣмъ, чтобы занятая сумма была возвращена попечительству черезъ десять лѣтъ безъ процентовъ. Синодъ согласился на это только послѣ настойчивыхъ просьбъ епископа, который писалъ оберъ-прокурору: „испрашивается не чужое, а свое и для своихъ; капиталъ попечительства могъ составиться и не составиться... Между тѣмъ призрѣніе и воспитаніе сиротъ — прямое назначеніе попечительства“¹⁾.

Училище было открыто въ 1855 году. При открытіи у него былъ капиталъ въ 16.000 рублей, 2.700 рублей на содержаніе изъ процентовъ пенсіонерокъ и общано еще 4.300 рублей. Учителя согласились преподавать даромъ.

Доходы попечительствъ, составлявшіеся изъ пожертвованій, кружечныхъ сборовъ, кладбищенскихъ доходовъ, взысканій по духовному вѣдомству, штрафныхъ денегъ и ежегодно отчисляемыхъ, согласно Высочайше утвержденному въ 1823 году положенію св. Синода, изъ духовно-училищныхъ капиталовъ 42.858 рублей для призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія²⁾ возрастали болѣе чѣмъ на 100.000 рублей въ годъ.

Въ числѣ крупныхъ пожертвованій духовному вѣдомству было, сдѣланное въ 1838 году, пожертвованіе шапочнымъ мастеромъ Макушиновымъ; по духовному завѣщанію онъ оставилъ „бѣднымъ и нищимъ“ капиталъ, возросшій къ 1852 году до 75.294 рублей, изъ которыхъ 31.428 рублей были завѣщаны одиннадцати монастырямъ новгородской, петербургской, псковской и кіевской епархій.

По распоряженію Синода капиталъ Макушинова былъ переданъ въ завѣдываніе комитета по назначенію митрополита и въ 1850 году изъ него, въ память Макушинова, было отдѣлено 5.000 рублей царскосельскому училищу, на содержаніе изъ процентовъ двухъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ и выдачи имъ при замужествѣ приданаго, а въ 1852 году Синодъ отдѣлилъ этому училищу еще 25.000 рублей и 10.000 р. ярославскому³⁾.

¹⁾ Частное письмо 31-го окт. 1855 г. (Арх. св. Синода).

²⁾ Отпускъ этой суммы былъ прекращенъ въ 1863 году, такъ какъ къ этому году собственный капиталъ попечительствъ составлялъ въ сложности до двухъ миліоновъ рублей. (Опредѣленіе Синода 21 авг. 1863 г.).

³⁾ Определеніе Синода 12 янв. 1852 г. (Арх. св. Син.).

Послѣднему было назначено душеприкащиками маіорши Азанчевой 1.200 руб. въ годъ изъ капитала въ 20.000 рублей; на проценты съ этой суммы должна была содержаться въ училищѣ одна пенсіонерка, сирота или бѣднѣйшаго отца дочь духовнаго званія ярославской епархіи. Извѣщая объ этомъ правленіе училища, душеприкащики (протоіереи) просили его „по духу благотиваго воспитанія внушать воспитанницѣ, чтобы благодѣтельное имя Надежды было у нея на цѣлую жизнь въ памяти и на молитвѣ, и чтобы углубить и усвоить это имя памяти и сердцу пенсіонерки, ходатайствовать (о томъ чтобы) или къ ея фамиліи прибавить, или одну дать,—Надеждиной“ ¹⁾.

Пожертвованіе Азанчевой заключалось въ пустоши въ 87 десятинахъ 695 саженьхъ и деревянномъ домѣ; все это имущество она завѣщала продать, движимость роздать „по душѣ ея“ на богоугодныя заведенія, тюремныя замки и т. п., а капиталъ въ 20.000 рублей, по усмотрѣнію душеприкащиковъ, раздать бѣднымъ и нищимъ.

Крупное пожертвованіе духовному вѣдомству было сдѣлано камеръ-фрейлиною графинею Орловою-Чесменскою, умершею въ 1849 году. По ея духовному замѣщанію было предоставлено въ непосредственное распоряженіе попечительствъ епархіальнаго вѣдомства, на вспомошествованіе вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ православнаго грекороссійскаго исповѣданія, въ каждую епархію по 6.000 рублей и, кромѣ того, 340 монастырямъ, мужскимъ и женскимъ, по 5.000 рублей каждому. Полоцкому Спасо-Ефимьевскому монастырю графиня Орлова завѣщала 11.000 рублей.

Еще при учрежденіи этого монастыря въ 1833 году, Синодъ разрѣшилъ открыть при немъ небольшое училище для священническихъ дочерей, преимущественно круглыхъ сиротъ. Оно было открыто въ 1844 году на 21 воспитанницу, изъ которыхъ 13 содержались пособіемъ отъ попечительства, выдававшимся въ размѣръ 15-ти рублей въ годъ на каждую воспитанницу, 4 — на средства монастыря, 4 были своекоштными съ платою отъ 20-ти до 25-ти рублей „по возможности“ ²⁾. Помѣщались онѣ въ особыхъ комнатахъ въ монастырѣ; монахини обучали ихъ закону Божію, священной исторіи, краткой всеобщей исторіи и географіи, церковному пѣнію и рукодѣліямъ; духовникъ обители преподавалъ ихъ русское и славянское чтеніе, начала ариѳметики и краткую русскую грамматику. Воспитанницы готовили кушанье, доили ко-

¹⁾ Арх. св. Син. 7 марта 1851 г.

²⁾ Репортъ Архіепископа полоцкаго и витебскаго 13 авг. 1845 г.

ровъ, разливали молоко, дѣлали масло, работали въ саду и огородахъ, приучались распознавать качества пахотной земли, занимались удобреніемъ и обработкой ея, наблюдали время посѣвовъ и уборки разнаго хлѣба. Средствъ у училища было мало и архіепископъ полоцкій нѣсколько разъ обращался къ Синоду съ просьбою назначить изъ духовноучилищнаго капитала сумму на содержаніе двадцати сиротъ по 30 рублей въ годъ на каждую, и десяти полупенсіонерокъ по 15-ти рублей. Эта просьба была уважена въ 1849 году на томъ основаніи, что „въ западномъ краѣ такихъ женскихъ училищъ еще не было, а они могутъ содѣйствовать къ улучшенію семейнаго и нравственнаго быта возсоединеннаго духовенства и поддержанію должнаго къ нему уваженія иновѣрцевъ“¹⁾.

Въ представленномъ, по требованію духовноучебнаго управленія, полоцкою духовною консисторіею проектъ устава, она полагала давать училищу и проценты съ пожертвованныхъ полоцкому попечительству графинею Орловою шести тысячъ рублей; но Синодъ нашелъ несправедливымъ употреблять всю сумму процентовъ на женскихъ сиротъ, такъ какъ капиталъ пожертвованъ вообще на бѣдныхъ духовнаго званія. Содержаніе воспитанницъ предполагалось уставомъ весьма скромное; изъ 30 рублей, опредѣленныхъ на каждую воспитанницу, на пищу ей было назначено по 5 копѣекъ въ день, и то „по дороговизнѣ въ витебской губерніи продовольственныхъ предметовъ“, на одежду 9 рублей 53 коп. въ годъ, 2 р. 47 копѣекъ — на учебныя пособія²⁾.

Къ наиболѣе обезпеченнымъ въ концѣ царствованія императора Николая женскимъ училищамъ, принадлежало смоленское, открытое въ 1848 году при вяземскомъ Аркадьевскомъ монастырѣ на 20 воспитанницъ, содержавшихся на суммы епархіальнаго вѣдомства (по 35 рублей на каждую); кромѣ того допускалось, по удобству помѣщенія, нѣкоторое число дѣвицъ духовнаго и другихъ званій на счетъ родителей и благотворителей. Уставъ его, согласованный духовно-учебнымъ управленіемъ съ уставами царскосельскаго и ярославскаго училищъ „насколько можетъ быть совмѣщено съ состояніемъ новаго училища въ духовной обители и подъ ближайшимъ монастырскимъ подначальствомъ“, былъ утвержденъ тогда же Синодомъ въ видѣ опыта на два года и впослѣдствіи служилъ образцомъ для другихъ, открывавшихся при

¹⁾ Въ западномъ краѣ при женскихъ греко-уніатскихъ монастыряхъ было 6 училищъ съ 108 учащимися, для свѣтскихъ дѣвицъ. (Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1837 г.).

²⁾ Отч. Архіеп. полоцкаго графу Протасову 22 сент. 1850 г.

обителяхъ училищъ. Но въ 1851 году игуменья вяземскаго монастыря, предоставившая училищу при его открытіи двухъэтажное помѣщеніе и предложившая въ надзирательницы одну изъ сестеръ обители, отказала въ помѣщеніи училища въ монастырѣ и тогда оно было переведено въ Смоленскъ, гдѣ, на отведенной настоятельницею Вознесенскаго монастыря землѣ, былъ выстроенъ для училища собственный домъ. Въ 1855 году число воспитанницъ простиралось до 65-ти (20—на средства попечительства, 18 пенсіонерокъ, 18 приходящихъ, 9 даровыхъ). Изъ нихъ 60 были духовнаго званія, 4 — дочери чиновниковъ, одна — мѣщанка ¹⁾. У училища былъ капиталъ въ 14.000 рублей.

Рядомъ съ такими, нѣсколько обезпеченными, женскими духовными училищами, къ 1855 году продолжали существовать училища въ видѣ пріютовъ. По донесеніямъ преосвященныхъ, въ пріютахъ дѣти жили по семи лѣтъ и болѣе, до замужества „при содѣйствіи епархіальнаго начальства“. Воспитанницы содержались плохо, спали иногда до 15 человекъ въ одной кельѣ на полу, терпѣли лишенія въ пищѣ и одеждѣ, а иногда не получали и никакого образованія“ ²⁾.

Тѣмъ не менѣе женскія духовныя училища, хотя бы и въ видѣ пріютовъ, въ первые 12 лѣтъ своего существованія (1843—1855) распространялись по всей имперіи, даже по окраинамъ: въ Екатеринбургѣ, Каргополѣ, Перми, Астрахани. Но учебная часть была организована, и преподаватели, состоявшіе бѣльшей частью учителями гимназій, получали за свой трудъ вознагражденіе, только въ училищахъ, находившихся подъ покровительствомъ цесаревны, и, въ особенности, царскосельскомъ и ярославскомъ.

Программа публичнаго испытанія, происходившаго въ 1853 году въ царскосельскомъ училищѣ, въ присутствіи цесаревны, митрополита, оберъ-прокурора Синода и начальницы Воспитательнаго Общества, заключала въ себѣ слѣдующіе предметы: законъ Божій въ обширномъ объемѣ, русскій языкъ и теорію словесности; историческое обозрѣніе русскихъ писателей: духовные писатели современные Петру, а также второй половины 18-го столѣтія. Воспитанницы прочли наизусть стихотворенія: *Утреннее размышленіе о Божьемъ величій* Ломоносова, изъ Державину оду *Богъ и Фелица*. Духовные писатели при Александрѣ I, Карамзина стихотвореніе: *Къ бѣдному поэту*; Дмитріева: *Размышленіе*

¹⁾ Арх. св. Синода. Донесеніе бывшаго смоленскаго архіепископа Тимофея 1859 г.

²⁾ Донесеніе пензенскаго епископа Синоду. 1855 г.

по случаю грома; Крылова басни: *Орелъ и Пчела, Волкъ и Лисица*; Жуковского: *Младенецъ*; Батюшкова: *Тынь друга*. О состояніи современнаго просвѣщенія общественнаго и духовнаго. Современные намъ духовные писатели. Пушкина стихотворенія: *Брожу ли я, Отцы пустыни, Слова Пимена*, отрывокъ изъ *Бориса Годунова*. Языкова: *Подражаніе псалму 14-му*. Князя Вяземскаго: *Молись, святая Русь*; Лермонтова: *Вѣтка Палестины, Когда волнуется желтѣющая нива*; Кольцова: *Молитва*. Женщины - писательницы: стихотвореніе графини Растопчиной: *Крестъ—хранитель*. Изъ географіи: обзоръ Европы въ физическомъ и политическомъ отношеніи; раздѣленіе Россіи на губерніи и епархіи, водяныя сообщенія. Древняя и средняя исторія: крестовые походы, реформація, царствованіе Людовика XIV. Изъ исторіи Россіи: сверженіе ига монгольскаго; избраніе на царствованіе Михаила Ѳедоровича Романова, юность Петра Великаго, полтавская битва, паденіе Польши, событія 1812 года, усмиреніе польскаго мятежа въ царствованіе императора Николая.

Русскій языкъ въ царскосельскомъ училищѣ преподавалъ профессоръ духовной Академіи Лучицкій, а исторію и географію въ иркутскомъ—профессоръ иркутской семинаріи Загоскимъ. Въ иркутскомъ училищѣ воспитательница и ея помощница преподавали воспитанницамъ начальныя правила русской грамматики и ариѳметики ¹⁾. При выпускахъ воспитанницамъ выдавались денежныя награды и аттестаты за подписью училищнаго начальства.

Въ отчетѣ царскосельскаго училища за 1854 годъ было сказано, что бывшія воспитанницы „доставляютъ много отрады мужьямъ, которые благословляютъ Бога, внушившаго имъ при выборѣ спутницъ обратить вниманіе на дѣвицъ, имѣющихъ главнымъ достоинствомъ своимъ душевную красоту съ образованіемъ, совершенно приличнымъ женамъ служителей Олтаря Господня“. Многія изъ бывшихъ воспитанницъ ярославскаго училища, уже будучи замужемъ, завели школы и сосѣдніе крестьяне, по словамъ отчета этого училища, „обращаются къ начальницѣ прося исходатайствовать у преосвященнаго, священника, женатаго на воспитанницѣ училища ²⁾. Преосвященный симбирскій писалъ оберъ-прокурору, что по его наблюденію и отзывамъ благородныхъ лицъ „христіанскою жизнью своею бывшія воспитанницы подають примѣръ благотворный для прихожанъ въ обращеніи и бесѣдахъ назидательны, особенно для крестьянокъ и ихъ дѣтей“ ³⁾.

¹⁾ Отчетъ за 1854 г.

²⁾ Отчетъ за 1855 г.

³⁾ Донесеніе Архіепископа бывшаго смол., теперь симбирскаго, Тимофея 1859 г.

Что касается спеціального образованія женщинъ, то, кромѣ повивальнаго искусства, онѣ могли изучать и зубоврачебное съ правомъ практиковать его. Для полученія этого права онѣ должны были, наравнѣ съ мужчинами, представить свидѣтельство, утвержденное подписью мѣстнаго медицинскаго начальства, въ томъ, что „обучались зубному искусству съ хорошимъ успѣхомъ не менѣе трехъ лѣтъ и что производили разныя зубныя операціи на живыхъ людяхъ съ надлежащимъ искусствомъ и знаніемъ; выдержать экзаменъ о строеніи человѣческихъ челюстей, зубовъ и десенъ, о болѣзняхъ въ сихъ частяхъ и способѣ ихъ леченія мѣстными средствами; подвергнуться практическому экзамену въ клиникѣ и сдѣлать нѣсколько зубныхъ операцій на трупахъ и живыхъ лицахъ“¹⁾. При патріотическомъ институтѣ и Елизаветинскомъ училищѣ съ 1833 года состояла на службѣ дантистка Віолье; но она не выдергивала зубы, а лишь наблюдала за хорошимъ ихъ состояніемъ у воспитанницъ и лечила ихъ, за что получала 142 рубля 85 копѣекъ въ годъ²⁾.

Въ послѣдній годъ жизни императора Николая было учреждено при петербургскомъ Воспитательномъ домѣ отдѣленіе для приготовленія фельдшерицъ. Въ него могли поступать только постороннія лица вольнослушательницами, для которыхъ читались курсы, сообщавшіе желавшимъ получить свидѣтельство на званіе фельдшерицы, необходимыя для исполненія этихъ обязанностей, научныя знанія. Курсы были устроены съ тою цѣлью, чтобы имѣть ежегодный контингентъ научно подготовленныхъ фельдшерицъ для Воспитательнаго дома и другихъ учреждений Императрицы Маріи³⁾.

Но еще ранѣе учрежденія этихъ курсовъ, именно въ 1844 году, по инициативѣ принцессы Терезіи Ольденбургской и при участіи великихъ княженъ Маріи и Александры Николаевенъ, была основана въ Петербургѣ община сестеръ милосердія, принятая подъ покровительство императрицы. Община находилась подъ попечительствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и состояла изъ семи отрядовъ; въ ихъ числѣ былъ отрядъ сестеръ, на которыхъ былъ возложенъ уходъ за больными въ устроенной при общинѣ больницѣ и исполненіе всѣхъ фельдшерскихъ обязанностей⁴⁾. Сестры завѣдывали и находившеюся при Обществѣ ап-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія 1845 г.

²⁾ Журналы гл. Совѣта 1854 г.

³⁾ *Златковский*. Женское спеціальное образованіе въ Петербургѣ. С.-Пет. 1875 г., стр. 34.

⁴⁾ Отчетъ Общ. сестеръ милосердія за 1845 и 1849 годы. (Отеч. Зап. томы XLI и LXXI).

текою, въ которой сами приготавливали лекарства, а съ 1854 года ежедневно занимались перевязкою ранъ въ петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ подъ руководствомъ врача ¹⁾).

Въ 1836 году состоялось важное преобразование петербургскаго повивальнаго института; существовавшій отдѣльно отъ него, родильный госпиталь, за годъ передъ тѣмъ былъ къ нему присоединенъ и всему учрежденію дано общее наименованіе Родовспомогательнаго заведенія. По данному ему Положенію, нѣмецкій классъ Воспитательнаго дома, изъ котораго воспитанницы поступали въ повивальный институтъ, упраздненъ и вмѣсто бывшихъ прежде 60-ти, положено принимать въ институтъ всего 40 воспитанницъ, которыя, пробывъ въ немъ два года (а не четыре, какъ было ранѣе) опредѣлялись затѣмъ на казенныя мѣста. Кромѣ того было положено принимать въ это заведеніе 20 воспитанницъ крестьянскаго сословія съ платою за каждую по 250 рублей ассигнаціями въ годъ. Изъ нихъ долженъ былъ образоваться контингентъ сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя, возвращаясь по окончаніи курса въ свою среду, обязаны были оказывать помощь крестьянскимъ роженицамъ. Тогда же были допущены къ бесплатному слушанію курса повивальнаго искусства женщины всякаго званія и состоянія, отъ 18-ти до сорокалѣтняго возраста въ качествѣ вольноприходящихъ. При заведеніи была открыта даровая амбулаторная лечебница, въ которой слушательницы могли ближе знакомиться съ женскими болѣзнями. Число бесплатныхъ вольноприходящихъ слушательницъ было такъ велико, что съ 1839 года былъ прекращенъ пріемъ питомицъ Воспитательнаго дома въ казенныя воспитанницы, а на штатныя вакансіи могли поступать дѣвицы всякаго званія ²⁾).

Въ 1844 году были учреждены курсы повивальнаго искусства въ Кіевѣ, при университетѣ св. Владиміра. Слушательницы принимались не моложе 18-ти и не старше 30-ти лѣтъ приходящими и своекоштными; при поступленіи отъ нихъ требовалось умѣнье читать, писать и ясно понимать по-русски, „а сверхъ того, чтобы имѣли умъ сколько-нибудь образованный, суевѣріями и предрасудками не зараженный, память хорошую, представленіе живое и сложеніе тѣла соотвѣтствующее будущимъ ихъ занятіямъ“ ³⁾. Курсъ ученія полагался двухлѣтній; но теорію пови-

¹⁾ Историческій очеркъ свято-троицкой общины сестеръ милосердія въ Петербургѣ за 50 лѣтъ. 1844—1894 гг. С.-Пет. 1894 г.

²⁾ Златковскій, стр. 67.

³⁾ Положеніе объ учр. при унив. св. Влад. курса повив. искусства для женщинъ. 21 дек. 1844 г. (Ж. мин. пр. 1845 г., кн. 45-я.

вального искусства, примененнаго къ надобностямъ повивальной бабки, имъ преподавали лишь въ теченіи одного полугодія, особо отъ студентовъ; остальные три полугодія были назначены на практическія упражненія подъ руководствомъ клинической повивальной бабки подъ надзоромъ профессора или адъюнкта по кафедрѣ акушерства. Теоретическій курсъ повторялся во второмъ полугодіи второго учебного года, въ концѣ котораго начальство собирало свѣдѣнія о поведеніи ученицъ. Окончившія полный курсъ ученія допускались къ экзамену въ засѣданіи медицинскаго факультета ¹⁾ и выдержавшія его, получали отъ Совѣта университета аттестатъ на званіе повивальной бабки.

Для элементарнаго образованія дѣтей женскаго пола съ 1837 года существовали въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи дѣтскіе пріюты и, кромѣ того, были школы женскаго патріотическаго Общества въ Петербургѣ и разныхъ благотворительныхъ Обществъ въ Москвѣ и губерніяхъ.

Основанные по мысли оберъ-камергера графа Г. А. Строганова въ 1837 году, дѣтскіе пріюты стали быстро распространяться по всей Россіи; для завѣдыванія ими были учреждены въ столицахъ Совѣты, а въ губерніяхъ Попечительства, подъ общимъ для всѣхъ надзоромъ Высочайше учрежденнаго въ 1839 году комитета главнаго попечительства, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ сначала графа Строганова, а потомъ—графа Блудова.

Пріюты, также какъ и школы патріотическаго и московскаго благотворительнаго Обществъ, находились въ завѣдываніи статсъ-секретаря Лонгинова подъ названіемъ *Благотворительныя и Учебныя заведенія подъ непосредственнымъ Государыни Императрицы покровительствомъ*, и послѣ его смерти, въ 1853 году, были присоединены къ вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. При передачѣ, всѣхъ пріутовъ было 81; изъ нихъ 19 въ Петербургѣ, 9 въ Москвѣ, 53 въ губерніяхъ.

Школъ патріотическаго Общества въ 1853 году было 15; московскаго благотворительнаго 14 ²⁾. Кромѣ того вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи были переданы школы человеко-

¹⁾ Св. законовъ, изд. 1842 г. Т. 13.

²⁾ Моск. благотв. Общество основано въ 1837 году по желанію великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевенъ съ цѣлью „доставить бѣднымъ дѣвицамъ свободнаго состоянія соотвѣтственное ихъ положенію образованіе. Оно имѣло во всѣхъ частяхъ города школы, куда принимались и пенсіонерки съ платою по 60 р. въ годъ и 5 р. единовременно при поступленіи. Въ 14-ти школахъ, въ 1858 году воспитывалось 240 дѣвицъ и 66 пенсіонерокъ. Капиталь Общ. простирался до 173.843 р. (Дѣла г. Совѣта).

любиваго Общества въ обѣихъ столицахъ, а также, основаннаго въ 1844 году дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ ¹⁾).

Для элементарнаго же образованія дѣтей женскаго пола существовали на Кавказѣ женскія училища, основанныя на благотворительныя средства. Первымъ изъ нихъ, послужившимъ образцомъ для другихъ, было училище св. Нины въ Тифлисѣ; оно учреждено въ 1846 году княгинею Е. Воронцовою, бывшею предсѣдательницею благотворительнаго Общества св. Нины. Училище было открыто съ цѣлью давать „необходимое образованіе на первый разъ 29-ти дѣвицамъ недостаточнаго состоянія“. Въ 1850 году ученицъ было уже 89 и, кромѣ него, открыто второе училище въ Кутаисѣ на 15 бесплатныхъ ученицъ; пенсіонерки, которыхъ въ 1850 году въ этомъ училищѣ было 73, платили по 80 рублей въ годъ. Благотворительное Общество св. Александры содержало четыре училища: въ Ставрополѣ, Кутаисѣ, Шемахѣ и Эривани. Тифлисскому училищу, по приказанію императрицы, выдавали по 150 рублей въ годъ изъ запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній.

Кромѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ вѣдѣніи котораго состояли почти всѣ среднеобразовательныя женскія учебныя заведенія, съ закрытою, кромѣ весьма немногихъ, системою воспитанія, въ царствованіе императора Николая были женскія училища и въ другихъ вѣдомствахъ.

Старѣйшее изъ нихъ, основанное еще при Петрѣ, нѣмецкое училище св. Петра съ женскимъ при немъ отдѣленіемъ, въ 1854 году состояло изъ восьми классовъ для мальчиковъ и пяти для дѣвочекъ, которымъ преподавали: законъ Божій, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, англійскій (за особую плату), арифметику, географію, исторію, опытную физіку, естественную исторію, чистописаніе, рисованіе (за особую плату), рукодѣліе, танцы и гимнастику (за особую плату). Всѣ ученицы были приходящими и платили, смотря по классамъ, отъ 6 рублей 50 копѣекъ до 12-ти рублей каждыя три мѣсяца. Въ 1839 году имъ было дано право на полученіе званія домашней учительницы безъ особаго экзамена ²⁾).

Приблизительно съ тѣмъ же курсомъ было женское отдѣленіе и при училищѣ св. Анны, основанномъ въ 1736 году въ Петер-

¹⁾ Въ числѣ заведеній дамскаго попечительства, кромѣ школъ, были два женскихъ училища: Маріинское (бывшее Ермолаевское) и Александро-Маріинское съ курсомъ среднеучебныхъ заведеній.

²⁾ *Вороновъ*. Ист.-статист. обзорѣніе уч. зав. С.-Пет. уч. округа съ 1829 по 1853 г. С.-Пет. 1854 г.

бургѣ. При немъ былъ и пансіонъ для желающихъ; плата съ пенсіонерокъ (300 рублей въ годъ) была выше нежели съ пенсіонеровъ (240 р. въ г.). Въ 1852 году воспитанницамъ были предоставлены тѣ же права, какъ и въ училищѣ св. Петра.

Въ 1840 году было открыто женское отдѣленіе и при римско-католическомъ училищѣ св. Екатерины, основанномъ въ 1769 году, съ болѣе сокращеннымъ курсомъ и въ составѣ трехъ классовъ.

Женскія отдѣленія съ курсомъ приходскихъ училищъ, но съ прибавленіемъ иностранныхъ языковъ, были въ училищахъ и при другихъ церквахъ иностранныхъ исповѣданій. Большинство учащихся во всѣхъ такихъ училищахъ, куда принимались дѣти и православнаго исповѣданія, принадлежали къ сословію купцовъ и мѣщанъ ¹⁾. Училища состояли въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этомъ вѣдомствѣ было еще нѣсколько, но очень немного, женскихъ училищъ съ курсомъ выше элементарнаго, въ губерніяхъ; министерству принадлежалъ только надзоръ за учебною частью въ этихъ училищахъ, такъ какъ они были учреждены и содержались частными лицами, дворянствомъ или городскими обществами. Одно изъ такихъ училищъ было въ Архангельскѣ; мысль объ его учрежденіи возникла въ 1845 году среди учителей архангельской гимназіи; они предложили свой безвозмездный трудъ, но не могли найти средствъ для устройства и содержанія училища. Въ 1848 году городское общество согласилось отпускать съ этой цѣлью по 1.650 рублей ежегодно и тогда, по ходатайству губернатора, состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи въ Архангельскѣ „училища для образованія дѣвицъ“. По данному 1848 году Положенію, цѣль училища полагалась въ томъ, чтобы дочери бѣдныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ могли получать приличное, современное образованіе ²⁾. По учебной части оно было подчинено министерству народнаго просвѣщенія, а по хозяйственной — министерству внутреннихъ дѣлъ. Непосредственное начальство надъ нимъ было возложено на начальника губерніи, а ближайшее на Совѣтъ, въ составѣ: попечительницы, утверждаемой начальникомъ губерніи, директора училищъ и городского Головы. Курсъ ученія полагался четырехлѣтній съ раздѣленіемъ на два класса, въ которыхъ преподавались: законъ Божій, русскій языкъ и словесность, ариѳметика и общія понятія изъ геометріи, исторія всеобщая и русская, географія тоже, общія понятія изъ естественной исторіи и физики, языки:

¹⁾ А. Вороновъ. Ист.-ст. обзоръ съ 1829 по 1853, стр. 258, 261, 267.

²⁾ Отчетъ Арх. уч. для образов. дѣвицъ за 1849/50 годъ. (Арх. мин. нар. просв.)

французскій и нѣмецкій, чистописаніе, рукодѣліе, рисованіе и танцы. Всѣ ученицы были приходящими съ платою по три рубля въ годъ и особо за уроки французскаго языка и музыки. Хотя по Положенію было опредѣлено платить учителямъ по 30 рублей за годовой часъ, но они (священникъ кафедральнаго собора и учителя гимназій) преподавали даромъ, благодаря чему, а также пожертвованнымъ при открытіи училища купечествомъ 900 рублямъ, къ 1855 году у училища образовался небольшой капиталъ. Но, по донесенію архангельскаго военнаго губернатора въ 1855 году, ходатайствовавшаго объ увеличеніи платы съ ученицъ до 12-ти рублей въ годъ, училище находилось въ неудовлетворительномъ состояніи. Изъ учебныхъ пособій у него были лишь географическія карты пяти частей свѣта, да и тѣ въ продолженіи семи лѣтъ стали негодны къ употребленію ¹⁾.

Всѣхъ ученицъ въ 1854/55 учебномъ году было 65; изъ нихъ 28 дочерей потомственныхъ дворянъ, 26 личныхъ, 1 — дочь священника, 9 — купцовъ, 1 — мѣщанка.

Кромѣ этихъ училищъ, другихъ женскихъ учебныхъ заведеній для средняго образованія, не считая институтовъ и частныхъ пансіоновъ, во все время царствованія императора Николая, не существовало. Учащихся женщинъ въ петербургскомъ учебномъ округѣ, въ восьми, составлявшихъ его губерніяхъ, въ 1853 году было только 63 (въ архангельскомъ училищѣ), да въ двухъ нѣмецкихъ: св. Петра и св. Анны (съ курсомъ среднеучебныхъ заведеній) 397 ²⁾. Когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ, при учрежденіи женскихъ гимназій, вездѣ собирались свѣдѣнія о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ большинства губерній начальство доносило, что въ цѣлой губерніи нѣтъ ни одного учебнаго заведенія для дочерей небогатыхъ семействъ ³⁾, а во многихъ нѣтъ даже и частныхъ женскихъ пансіоновъ.

На запросъ главнаго Совѣта, по предложенію Высочайше учрежденнаго въ 1852 году Сибирскаго комитета (по устройству Сибири), генераль-губернаторъ восточной Сибири увѣдомилъ, что дѣвичій институтъ, сиропитательный домъ Е. Медвѣдниковой и дѣтскіе пріюты удовлетворяютъ потребностямъ края „тѣмъ болѣе — прибавлялъ онъ — что и средствъ нѣтъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Отчетъ Арх. уч. для обр. дѣв. за 1854/55 годъ. (Арх. мин. нар. пр.).

²⁾ *Вороновъ*, стр. 257 и 284.

³⁾ По донесеніямъ губернаторовъ не было ни одного женскаго учебнаго заведенія въ Ярославлѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Севастополѣ и смежныхъ съ нимъ городахъ, Самарѣ, Вяткѣ, Вологдѣ, одесскомъ округѣ, Черноморіи, Петрозаводскѣ.

⁴⁾ Дѣла гл. Совѣта, 1853.

Такое печальное положеніе дѣла женскаго образованія, особенно тяжело отражавшееся на недостаточныхъ семьяхъ средняго класса, не имѣвшихъ способовъ давать образованіе дочерямъ, обратило на себя вниманіе „людей опытныхъ и свѣдущихъ въ дѣлѣ воспитанія, давно занимающихся или надзоромъ, или обученіемъ въ воспитательныхъ и учебныхъ заведеніяхъ для дѣвицъ“, по совѣту и указаніямъ которыхъ, бывшій въ 1846 году попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, Мусинъ-Пушкинъ, представилъ графу Уварову проектъ устройства „высшаго“ училища для дѣвицъ въ Петербургѣ ¹⁾.

Представляя этотъ проектъ, попечитель объяснилъ, что мысль о необходимости такого училища возникла у него вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что большая часть частныхъ школъ, особенно женскихъ, преслѣдуютъ свои коммерческія цѣли и не обращаютъ вниманія на умственное и нравственное развитіе и образованіе воспитанницъ. „Въ городѣ столь многолюдномъ какъ Петербургъ — писалъ попечитель — нѣтъ ни одного заведенія, гдѣ бы дочери небогатыхъ дворянъ и чиновниковъ могли получать образованіе, соотвѣтственное состоянію ихъ родителей и за умѣренную плату“ и которое находилось бы подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ учебнаго начальства. „Безъ сомнѣнія — сказано въ объясненіи попечителя — одного училища мало, но скоро такія училища, безъ всякаго пособія отъ правительства, явятся въ разныхъ частяхъ Петербурга, а потомъ и въ губернскихъ городахъ“.

Цѣль училища, по проекту, должна была заключаться въ воспитаніи дѣвицъ „соотвѣтственно ихъ назначенію: быть добрыми женами и полезными матерями семейства“. Оно предназначалось для дочерей дворянъ, чиновниковъ и купцовъ 1-й гильдіи и исключительно для ученицъ приходящихъ. Это мотивировалось въ проектѣ тѣмъ, что „воспитаніе внѣ круга своихъ семействъ не можетъ и не должно имѣть общаго приложенія, но необходимость и польза его измѣряется частными потребностями“.

Училище должно было содержаться главнымъ образомъ на плату съ ученицъ, комплектъ которыхъ предполагался въ 150, а плата была опредѣлена въ 60 рублей въ годъ съ каждой. Недостающіе, по составленному въ суммѣ 11.370 рублей ежегодному штату, 2.370 рублей въ годъ, попечитель испрашивалъ у министерства народнаго просвѣщенія.

Завѣдываніе училищемъ возлагалось на попечителя учебнаго

¹⁾ Арх. мин. нар. просв. 1846.

округа, которому предоставлялось избрать директриссу для надзора за нравственною частью; ей же, но вмѣстѣ съ инспекторомъ, ввѣрялся надзоръ и за учебною и хозяйственною частями.

Всѣ мѣры по учебной части инспекторъ долженъ былъ принимать не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ директриссою; по хозяйственной онъ могъ распорядиться самъ, безъ разрѣшенія попечителя, только въ случаѣ, если сумма расхода не будетъ превышать 30 рублей.

Инспекторъ назначался попечителемъ, преимущественно изъ учителей; онъ былъ членомъ училищнаго Совѣта, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ директриссы, изъ нѣсколькихъ членовъ по назначенію попечителя. Учителя опредѣлялись и увольнялись имъ же, а классныя дамы, на которыхъ возлагалось и преподаваніе въ низшихъ классахъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ онѣ „имѣютъ основательныя познанія“, избирались директриссою и утверждались попечителемъ.

Хотя проектированное училище было названо высшимъ, но по программѣ оно было ниже институтовъ. Курсъ ученія полагался пятилѣтній, раздѣленный на пять классовъ, по одному году въ каждомъ. Такое дѣленіе не существовало до тѣхъ поръ ни въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній. Преподаваться должны были слѣдующіе предметы: законъ Божій, русскій, французскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, географія и исторія всеобщая, но въ особенности русская, нужнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, чтеніе книгъ педагогическихъ, рисованіе, чистописаніе, церковное пѣніе, рукодѣліе и танцы.

Хотя въ этомъ, новомъ для тогдашняго времени, типѣ женскаго училища, основаніемъ всего ученія полагался русскій языкъ, но „для доставленія ученицамъ возможности основательнѣе изучать иностранные языки“ было постановлено, чтобы нѣкоторые предметы, „напримѣръ всеобщая исторія“, преподавались на французскомъ, а географія на нѣмецкомъ языкѣ, учителями этихъ языковъ. Изученіе естественной исторіи и физики, по проекту попечителя, такъ же какъ въ институтахъ, не должно было быть строго систематичнымъ, изъ нихъ должны были сообщаться ученицамъ лишь самыя общія свѣдѣнія и преподаваніе этихъ предметовъ, а также „нѣкоторыя понятія о геометрическихъ протяженіяхъ“ поручалось учителю ариѳметики, который долженъ былъ имѣть въ виду преимущественно „умственное развитіе ученицъ и ихъ обогащеніе полезными и необходимыми для общественной и домашней жизни свѣдѣніями“.

Директрисса должна была читать съ ученицами педагогиче-

скія сочиненія и объяснять ихъ, но и тутъ „изложеніе педагогическихъ началъ не должно было быть систематичнымъ“. Учителямъ не дозволялось диктовать въ классахъ за исключеніемъ уроковъ иностранныхъ языковъ, когда это разрѣшалось для изученія правописанія. На занятія рукодѣліями, признавая всю ихъ важность, было признано невозможнымъ назначать много часовъ и задача начальства училища должна была ограничиться возбужденіемъ въ ученицахъ охоты къ этимъ занятіямъ. Обученіе пѣнію признавалось нужнымъ „для пріобрѣтенія знаній въ музыкѣ, способствующихъ эстетическому развитію“. Уроки музыки, также англійскаго языка, могли брать желающія имъ обучаться за особую плату; танцы, хотя и были включены въ составъ общаго курса, но отъ обученія имъ могли быть освобождены дѣвочки по желанію родителей.

Проектъ предписывалъ не назначать болѣе двухъ недѣль въ году на производство экзаменовъ.

Для усовершенствованія въ пріемахъ преподаванія, ученицы старшаго класса, особенно тѣ, которыя остались бы въ немъ на второй годъ, могли упражняться подъ надзоромъ директриссы, учителей и классныхъ дамъ въ преподаваніи въ низшихъ классахъ.

Ученицы, не оказавшія *достаточныхъ* успѣховъ въ законѣ Божьемъ или русскомъ языкѣ, не могли переходить въ слѣдующій классъ, а тѣмъ, которыя на выпускномъ экзаменѣ не оказали бы *хорошихъ* успѣховъ, не выдавался аттестатъ на право быть домашней учительницею безъ особаго экзамена.

Въ проектъ включено было правило, что при „взысканіяхъ должно избѣгать излишнихъ пристыженій, которыя часто ожесточаютъ юныхъ воспитанницъ и подають поводъ къ упрямству. Излишнее снисхожденіе также не должно быть допускаемо“.

Графъ Уваровъ нашелъ, что проектъ устава училища „соображенъ съ общими правилами и цѣлью женскаго образованія въ Россіи“. Но прежде чѣмъ представить докладъ о немъ государю, графъ Уваровъ внесъ его въ главный Совѣтъ для обсужденія мысли о необходимости такихъ училищъ, о правахъ директриссы и классныхъ дамъ, также кончившихъ курсъ ученицъ.

Главный Совѣтъ обратилъ прежде всего вниманіе на то, что училище предназначается только для приходящихъ ученицъ и призналъ это полезнымъ какъ потому, что образованіе ихъ будетъ обходиться дешевле, такъ и потому, что для дѣвицъ средняго состоянія нѣтъ учебныхъ заведеній. „Съ высшими училищами—сказано въ журналѣ Совѣта—устроются всѣ пути жен-

скаго общественнаго воспитанія, изъ коихъ каждый имѣетъ свое особое назначеніе судя по нуждамъ и обстоятельствамъ семействъ“.

Въ частности, Совѣтъ предложилъ слѣдующія измѣненія: принимать въ училище не только дѣтей купцовъ 1-й гильдіи, но и 2-й, возложить предсѣдательство въ Совѣтѣ училища на одного изъ высшихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства по назначенію министра народнаго просвѣщенія, а не на директриссу, такъ какъ „предсѣдательство должно быть соединено съ знаніемъ порядка и формъ дѣлопроизводства, также отвѣтственности за законное ихъ наблюденіе“. Предположеніе проекта награждать служащихъ въ училищѣ лицъ женскаго пола Маріинскимъ знакомъ отличія, Совѣтъ нашелъ неудобнымъ, такъ какъ этотъ знакъ установленъ только для лицъ служащихъ по вѣдомству учреждений Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Высочайшимъ покровительствомъ императрицы. Главный Совѣтъ нашелъ также неудобнымъ дозволеніе класснымъ дамамъ училища держать у себя пансіонерокъ, ибо это „нарушило бы единство порядка и цѣли учрежденія и слѣдовательно измѣнило бы его характеръ внесеніемъ посторонняго элемента, принадлежащаго особымъ заведеніямъ для полнаго воспитанія дѣвицъ учрежденнымъ“. Въмѣсто пятилѣтняго учебнаго курса Совѣтъ предложилъ шестилѣтній, а также принимать ученицъ въ такомъ возрастѣ, чтобы онѣ выходили 16—18 лѣтъ. Совѣтъ высказался и противъ допущенія бесплатныхъ ученицъ ¹⁾).

Такимъ образомъ ровно за десять лѣтъ до учрежденія женскихъ гимназій, мысль о нихъ возникла въ средѣ педагоговъ, можетъ быть тѣхъ же самыхъ, которымъ, десять лѣтъ спустя, при измѣнившихся условіяхъ русской жизни, удалось осуществить ее. Но тогда, въ 1846 году, дѣло кончилось тѣмъ, что министръ народнаго просвѣщенія, препровождая попечителю учебнаго округа копію съ журнала главнаго Совѣта, сообщилъ, что не видитъ возможности теперь удѣлить сумму изъ министерства и не находитъ удобнымъ ходатайствовать объ отнесеніи этого расхода на государственную казну ²⁾).

Начальное народное образованіе въ царствованіе императора Николая развивалось крайне медленно. Число народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, даже для мальчиковъ, было, по отношенію къ населенію, ничтожно. Особыхъ училищъ для дѣвочекъ почти совсѣмъ не существовало, а были женскія отдѣленія при

¹⁾ Журналъ гл. Сов. 1846 г. 14 іюля.

²⁾ (Арх. мин. нар. пр.) 3 авг. 1846 г.

нѣкоторыхъ изъ мужскихъ училищъ, въ которыхъ дѣвочки учились послѣ обѣда.

Народныя училища не состояли въ одномъ какомъ-нибудь вѣдомствѣ, особыхъ директоровъ или инспекторовъ этихъ училищъ не было и никакихъ о нихъ свѣдѣній, кромѣ отрывочныхъ и неполныхъ цыфровыхъ, не доставлялось. Въ отчетахъ о нихъ число учащихся рѣдко обозначалось по поламъ, а объ учащихся дѣвочкахъ большей частью совсѣмъ не упоминалось, можетъ быть именно потому, что это число было крайне незначительно даже по сравненію съ числомъ учащихся мальчиковъ.

По уставу 1828 года дѣвочки допускались только въ приходскія училища ¹⁾, цѣль которыхъ заключалась въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ, свѣдѣній и между людьми низшихъ состояній, а курсъ ограничивался преподаваніемъ закона Божья, чтенія по книгамъ гражданской и церковной печати и рукописей, письма и четырехъ дѣйствій ариѳметики.

Приходскія училища должны были, по уставу 1828 года, содержаться на счетъ городскихъ и сельскихъ обществъ, а въ имѣніяхъ помѣщиковъ—на счетъ послѣднихъ. Открывать училища предписывалось „повсюду, гдѣ представятся къ тому средства“. Уже одно это условіе, при тогдашнемъ равнодушіи нашего общества къ образованію вообще, а къ женскому въ особенности, должно было невыгодно отражаться на дѣлѣ. Сборы съ городскихъ обществъ были такъ трудны, что когда въ 1847 году московскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи получать 500 рублей, нужные на содержаніе устроеннаго въ 1837 году въ Коломнѣ женскаго, отдѣльнаго отъ приходскаго, училища, не отъ городского общества, какъ требовалось уставомъ, а изъ городскихъ доходовъ, и министръ на это не согласился, то городская Дума Коломны отказалась выдавать требуемую сумму и отвѣтила, что городское общество не находитъ возможнымъ извлекать такую „довольно значительную“ сумму изъ собственныхъ вѣрныхъ источниковъ, которыхъ въ виду не имѣетъ.

¹⁾ Хотя въ параграфѣ 52 устава, объ уѣздныхъ училищахъ, предназначавшихся только для дѣтей мужского пола, и было сказано, что мѣстныя начальства обязаны содѣйствовать всѣми, зависящими отъ нихъ средствами учрежденію „равныхъ онымъ по степени преподаванія“ училищъ для дѣвицъ, но такъ какъ женскія уѣздныя училища должны были содержаться не на суммы казны, и никакихъ опредѣленныхъ средствъ на ихъ содержаніе не было указано, то такія училища и не открывались. Содержаніе же мужскихъ уѣздныхъ училищъ было отнесено на средства государственнаго казначейства и на доставляемыя Думами и приказами общественнаго призрѣнія.

Тогда состоялось Высочайшее повелѣніе о дозволеніи въ городахъ, гдѣ общества, по бѣдности, не могутъ содержать приходскаго училища, отпускать нужную сумму изъ городскихъ доходовъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾.

Но и на этотъ источникъ дохода женскія училища не всегда могли рассчитывать. Въ Рыбинскѣ въ 1849 году было открыто такое училище съ курсомъ приходскаго; его посѣщали до 70 ученицъ, принадлежавшихъ къ низшимъ и бѣднѣйшимъ классамъ города. На его содержаніе, кромѣ сбора съ ученицъ, получались 200 рублей въ годъ отъ рыбинской городской Думы. При посѣщеніи училища въ 1864 году чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія Могилянскимъ, ему было заявлено, что городское общество не разъ высказывало желаніе о повышеніи курса въ училищѣ, и что съ этой цѣлью состоялось даже постановленіе Думы о назначеніи ему 2.500 рублей въ годъ изъ городскихъ доходовъ, но это не было утверждено губернскимъ правленіемъ на томъ основаніи, что и безъ того ежегодные расходы города превышаютъ его доходы на 3000 рублей ²⁾.

При обсужденіи въ 1856 году вопроса о томъ, на какія средства будутъ содержаться женскія училища, согласно только что тогда состоявшемуся Высочайшему повелѣнію объ ихъ учрежденіи, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что за послѣднее десятилѣтіе, т.-е. съ 1846 года, когда было разрѣшено назначать приходскимъ училищамъ пособіе изъ городскихъ доходовъ, сумма этихъ пособій возросла до 100.000 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ городскія общества жертвуютъ на училища не болѣе 41.300 рублей въ годъ ³⁾.

Рассчитывать на добровольныя пожертвованія частныхъ лицъ, женскія училища также не могли. Такія пожертвованія были до чрезвычайности рѣдки, хотя правительство поощряло ихъ. Когда тульскій почетный гражданинъ Маликовъ, по предложенію директора училищъ тульской губерніи, согласился взять на себя издержки по первоначальному обзаведенію и содержанію на первый годъ начального женскаго училища въ Тулѣ, то для Маликова было учреждено званіе почетнаго блюстителя ⁴⁾ этого училища, причемъ тогда же было предоставлено военному и гражданскому губер-

¹⁾ Проектъ устава учрежденнаго въ г. Коломнѣ отдѣльнаго женскаго училища. (Арх. мин. нар. просв.).

²⁾ Отчетъ Могилянскаго. 1864 г. (Арх. мин. нар. просв.).

³⁾ Сообщеніе мин. внутр. дѣлъ министру нар. просв. 2 сент. 1856 г. (Тамъ же).

⁴⁾ Положеніемъ 1 ноября 1839 года о гор. начальныхъ училищахъ въ Москвѣ, установлено званіе почетныхъ попечительницъ женскихъ училищъ.

натору города Тулы право утверждать въ этомъ званіи лицъ, избираемыхъ училищнымъ начальствомъ съ согласія городского общества ¹⁾).

Тульское училище было предположено на 35 ученицъ, съ платою отъ благотворителей по 25 рублей въ годъ за каждую. Маликовъ взялъ на себя взносъ платы за 15 ученицъ; за десятихъ согласились платить нѣкоторые дворяне, а плату за остальныхъ десять обязалось вносить, по предложенію тульского начальника губерніи, городское общество.

За пожертвованіе въ 1845 году смотрителемъ пронскаго уѣзднаго училища, Барыковымъ, дома для рязанскаго женскаго училища, было разрѣшено назвать училище Барыковскимъ. Волостному старшинѣ, пожертвовавшему деревянный домъ открытому въ 1841 году раменскому училищу съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ, была дана медаль.

Хотя по уставу 1828 года обученіе въ приходскихъ училищахъ должно было быть бесплатнымъ, но во многихъ женскихъ отдѣленіяхъ съ ученицъ брали плату. Въ серпуховскомъ женскомъ отдѣленіи число ученицъ, платившихъ отъ 17-ти до 36-ти рублей серебромъ въ годъ, по словамъ осматривавшаго его въ 1844 году попечителя московскаго учебнаго округа, постоянно увеличивалось; поэтому онъ предложилъ министру народнаго просвѣщенія ввести плату съ ученицъ во всѣ женскія отдѣленія, что и было разрѣшено съ тѣмъ, чтобы бѣдныя обучались даромъ ²⁾. Тогда было опредѣлено взимать плату отъ 2 до 4-хъ рублей серебромъ въ годъ, смотря по состоянію родителей ученицы. Нѣкоторыя Думы, находя этотъ расходъ обременительнымъ для бѣдныхъ, взяли его на себя. Осташковская Дума пожелала, чтобы всѣ учились бесплатно и къ прежде отпускавшимся ею на содержаніе училища 250 рублямъ въ годъ, прибавила еще 200.

По положенію 1839 года о городскихъ училищахъ въ Москвѣ, предназначавшихся преимущественно для мѣщанскихъ дѣтей и дѣтей ремесленниковъ, но куда могли поступать дѣти и всѣхъ состояній, съ дѣвочекъ всякаго званія была положена плата по 2 рубля 30 копѣекъ въ годъ „такъ какъ ученіе дѣвицъ требуетъ особыхъ трудовъ со стороны учителя, за которые онъ имѣетъ право на особенное вознагражденіе“ ³⁾. Между тѣмъ особеннаго помѣщенія для дѣвочекъ не было; онѣ должны были учиться

¹⁾ Указъ Сенату 7 окт. 1843 г.

²⁾ Отчетъ попеч. моск. уч. окр. [товарищу мин. нар. просв. 24 сент. 1844 г. (Арх. мин. нар. пр.).

³⁾ Журналъ мин. нар. пр. 1839 г. книга XXIV.

послѣ обѣда по окончаніи классовъ мальчиковъ, для которыхъ плата была назначена всего по 1 рублю 45 копѣекъ въ годъ и то только для дѣтей дворянъ, оберъ-офицеровъ и разночинцевъ. Дѣти же купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ учились даромъ.

Мѣстнымъ жителямъ предоставлялось право открывать городскія училища для дѣвочекъ на свои средства. Поэтому неудивительно, что въ Петербургѣ, къ концу царствованія императора Николая, въ 16-ти приходскихъ училищахъ, содержавшихся на счетъ Думы, изъ 798 учащихся, было только 100 дѣвочекъ ¹⁾; въ губерніяхъ ихъ должно было быть еще меньше.

Въ какомъ положеніи и въ какой обстановкѣ находились эти училища, можно судить по составленному въ 1865 году окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа, П. Максимовичемъ, описанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, на основаніи официальныхъ данныхъ ²⁾. Изъ существовавшихъ къ 1865 году въ округѣ 14-ти женскихъ училищъ, (въ томъ числѣ и гимназій), учрежденныхъ на средства обществъ, было три приходскихъ, основанныхъ въ сороковыхъ годахъ и продержавшихся до 1855 года. Другія, открывавшіяся мѣстами въ этотъ періодъ времени, женскія школы, держались недолго и закрывались по недостатку средствъ. Изъ сохранившихся къ 1855 году, Яренское приходское двухклассное женское училище было открыто въ 1843 году съ курсомъ болѣе сжатымъ, нежели въ мужскомъ уѣздномъ и безъ преподаванія геометріи. Для этого училища штатный смотритель, по почину котораго оно и возникло, выстроилъ на свои средства (104 рубля 65 коп.) деревянный флигель; преподаваніе было даровое; только за первоначальное обученіе чтенію надзирательница получала 17 рублей въ годъ, которые жертвовались разными лицами, преимущественно чиновниками училища. Въ Великомъ Устюгѣ на содержаніе единственной женской школы городъ отпускалъ по 30 рублей въ годъ. У женскаго отдѣленія, открытаго въ 1840 году въ Грязовцѣ, совсѣмъ не было средствъ.

Однако, объ этихъ училищахъ въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1855 годъ сказано: „женскія приходскія училища въ Вологдѣ, Грязовцѣ, Кадниковѣ и Яренскѣ служатъ истиннымъ благодѣяніемъ для края, будучи содержимы заботливостью и отчасти средствами штатныхъ смотрителей, а въ Яренскѣ — единственно на счетъ штатнаго смотрителя ³⁾“.

¹⁾ Д. Семеновъ. Первое десятилѣтіе С.-Пет. гор. нач. училищъ на почвѣ столичнаго общественнаго управленія. (Р. Стар. 1887 г., окт.).

²⁾ Женскія училища вѣд. мин. нар. просв. въ губерніяхъ С.-Пет. учеб. округа. Составлено по порученію начальства С.-Пет. уч. округа.

³⁾ Жур. мин. нар. просв. 1856 г.

Къ 1 января 1853 года, въ восьми губерніяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, число учащихся въ приходскихъ городскихъ училищахъ простиралось до 7.613-ти; изъ нихъ дѣвочекъ было 1.172, т.-е. менѣе $\frac{1}{5}$ числа учащихся мальчиковъ ¹⁾. Но и это отношеніе покажется благопріятнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было двадцать лѣтъ назадъ, въ 1834 году, когда по оффиціальнымъ даннымъ, собраннымъ по всей имперіи, общее число учившихся въ городскихъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, дѣвочекъ, ограничивалось 1.225 на населеніе въ 50.585,857 человекъ ²⁾.

Сельскія приходскія училища были еще въ худшихъ условіяхъ чѣмъ городскія. По уставу 1804 года они должны были открываться во всѣхъ селеніяхъ, такъ чтобы каждый приходъ, или по крайней мѣрѣ два вмѣстѣ, имѣли по одному училищу, содержаніе которыхъ было отнесено на средства прихожанъ въ казенныхъ имѣніяхъ и помѣщиковъ—въ помѣщичьихъ. Въ первые годы послѣ изданія устава 1804 года было открыто нѣсколько такихъ училищъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Одной изъ послѣднихъ, г-жѣ Тиньковой, сдѣлавшей въ своемъ имѣніи черниговской губерніи пристройку къ дому священника для помѣщенія приходскаго училища и взявшей на себя всѣ расходы по содержанію его, императоръ Александръ I прислалъ брилліантовый перстень, а священнику, бесплатно обучавшему въ училищѣ, выдано 300 рублей изъ кабинета ³⁾. Но всѣ эти училища продержались очень недолго, и къ 1808 году изъ нихъ не осталось ни одного ⁴⁾ въ губерніяхъ, кромѣ входившихъ въ составъ петербургскаго учебнаго округа, гдѣ нѣкоторыя, очень впрочемъ немногія, училища просуществовали до смерти императора Александра I ⁵⁾.

Открытыя затѣмъ, въ 1830 году, волостныя училища были предназначены для мальчиковъ, такъ какъ эти училища должны были готовить способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей. Но двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1842 году, цѣль эта была рас-

¹⁾ *Вороновъ*. 1828—1853, стр. 226.

²⁾ Таблицы учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи съ показаніемъ числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высочайшему повелѣнію отъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Пет. 1838 г. (Данныя собраны только до 1836 года включительно).

³⁾ Сѣверный Вѣстникъ. 1804 г. Ч. IV.

⁴⁾ Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціального образованія въ Россіи. Составлено по порученію Высоч. учрежденной комиссіи по устройству всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ 1882 г. Подъ редакціею А. Г. Небольсина. С.-Пет. 1884 г.

⁵⁾ *Вороновъ*. 1828—1853 г. Стр. 147.

ширена; училища должны были „распространять и утверждать между государственными крестьянами религиозно-нравственное образование и первоначальныя для каждого сословія болѣе или менѣе необходимыя начальныя свѣдѣнія“¹⁾. Тогда было постановлено открыть, по мѣрѣ средствъ, 2.000 сельскихъ училищъ, для которыхъ было издано особое „Наставленіе“, данное въ руководство палатамъ государственныхъ имуществъ. Обученіе въ нихъ крестьянскихъ *дѣтей* было возложено на сельское духовенство подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстной палаты государственныхъ имуществъ²⁾ „съ сохраненіемъ вліянія духовенства и училищнаго начальства министерства народнаго просвѣщенія“. Содержаніе сельскихъ училищъ было отнесено на счетъ общественныхъ сборовъ по опредѣленному на каждое изъ нихъ штату.

Двумя годами позже учрежденія волостныхъ училищъ, въ 1832 году, состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ въ каждомъ приказѣ удѣльнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ по одному училищу, содержаніе которыхъ было отнесено на удѣльныя имѣнія³⁾.

Къ 1853 году число послѣднихъ училищъ простиралось до 204-хъ съ 7.477 учащимися; но все это были мальчики. Для дѣвочекъ было два училища въ имѣніяхъ: алатырскомъ и симбирскомъ; въ обоихъ было 66 ученицъ, и кромѣ того въ этихъ же имѣніяхъ, а также въ саратовскомъ, оренбургскомъ и пермскомъ, 1.000 дѣвочекъ обучались у мѣстныхъ приходскихъ священниковъ чтенію и молитвамъ. Всего же, вмѣстѣ съ учившимися въ сельскихъ удѣльныхъ училищахъ, въ 1852 году было 9.279 учащихся; но изъ нихъ дѣвочекъ только 1.066⁴⁾.

„Замѣчательный фактъ—говоритъ Вороновъ—при разсматриваніи состоянія сельскихъ училищъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, представляетъ постепенное увеличеніе въ нихъ числа учащихся женскаго пола“. Въ 1847 году изъ общаго числа учащихся, 125.165-ти, дѣвочекъ было около 2.000; а къ январю 1853 г. сельскихъ училищъ было 2.795 съ 153.117-ю учащимися, въ числѣ которыхъ было 11.645 дѣвочекъ.

Стремленіе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ обучать въ сельскихъ училищахъ и дѣвочекъ, обнаружи-

¹⁾ Вороновъ. 1828—1853 г. Стр. 228.

²⁾ Выс. пов. министру гос. имущ. 27 іюля 1842 г.—Указъ на имя министра 23 ноября 1842 г.

³⁾ Ист.-стат. очеркъ, стр. 31.

⁴⁾ Вороновъ, 1828—1853, стр. 236.

лось въ 1844 году. Тогда мѣстнымъ управленіямъ было предписано открывать особыя женскія школы въ селеніяхъ, гдѣ число учащихся дѣвочекъ достигнетъ двадцати пяти. Въ 1845 году во всѣхъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, исключая девять западныхъ губерній, посѣщали школы только 100 дѣвочекъ, а въ 1848 ихъ было до 2.000; для нихъ были открыты девять параллельныхъ классовъ и нѣсколько отдѣльныхъ женскихъ школъ. Число учащихся дѣвочекъ продолжало увеличиваться довольно быстро до 1850 года; затѣмъ оно остановилось; но и въ самые благопріятные годы число учащихся дѣвочекъ, по отношенію къ числу всего женскаго народонаселенія въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, было крайне незначительно, а въ девяти западныхъ губерніяхъ учащихся дѣвочекъ было всего 25 на все населеніе этихъ губерній ¹⁾).

Временному увеличенію числа учащихся въ сельскихъ училищахъ дѣвочекъ, содѣйствовало участіе, которое въ этомъ дѣлѣ приняло московское Общество сельскихъ хозяевъ. Въ годичномъ собраніи этого общества 1845 года, оно обратило вниманіе своихъ членовъ на учрежденную еще въ 1823 году однимъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, Н. С. Стремоуховымъ, въ своемъ имѣніи харьковской губерніи, Лебедянскаго уѣзда, школу для обученія крестьянскихъ дѣвушекъ. Признавъ „такой подвигъ въ дѣлѣ народнаго образованія единственнымъ въ своемъ родѣ и заслуживающимъ поощренія по важности пользы, уже принесенной школою“, Общество поручило одному изъ своихъ членовъ собрать подробныя о ней свѣдѣнія, которыя и были напечатаны отдѣльною брошюрою ²⁾).

Въ ней авторъ, Омеляненко, сообщалъ со словъ самого Стремоухова, что при учрежденіи школы онъ руководствовался убѣжденіемъ, что „мы даемъ какое-то поверхностное или, лучше сказать, отрывочное образованіе своимъ дворовымъ людямъ и крестьянскимъ мальчикамъ, которое ни къ чему не ведетъ. Мы обучаемъ ихъ грамматѣ, какъ бы какому ремеслу, нисколько не заботясь объ ихъ нравственномъ образованіи, послѣдствіемъ чего бываетъ то, что грамматный крестьянинъ нерѣдко употребляетъ во зло пріобрѣтенныя имъ познанія и граммата въ рукахъ безнравственнаго человѣка становится опаснымъ орудіемъ“. Чтобы отвратить это, надо, по мнѣнію Стремоухова, обратить вниманіе

¹⁾ *А. Раевъ*. Нѣсколько данныхъ о крестьянскомъ образованіи. (Журналъ мин. гос. имуществъ. 1858 г. т. 67).

²⁾ О женскихъ крестьянскихъ школахъ или о распространеніи между крестьянами грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. Москва. 1845 г.

на образованіе женщинъ, „которыя всегда и вездѣ имѣли сильное вліяніе на образованіе мужчинъ... Приготовьте прежде—говорить онъ—образованныхъ матерей, и увидите, какъ легко и скоро распространится просвѣщеніе; но прежде всего женщина должна быть истинною христіанкою, т.-е. получить религіозно-нравственное образованіе“.— „Замѣчательно—прибавляетъ Омеляненко—что мысль эта проявилась за четверть столѣтія, когда немногіе думали о важности ея значенія“.

Сначала школа Стремоухова была учреждена только для дѣвочекъ; но по прошествіи десяти лѣтъ въ нее начали принимать и мальчиковъ, преимущественно изъ семей, гдѣ уже были грамотныя женщины. Учили въ школѣ чтенію и письму, закону Божію, начальнымъ правиламъ ариѳметики, церковному пѣнію и женскимъ рукодѣліямъ, въ томъ числѣ плетенію соломенныхъ и корневыхъ шляпъ и разныхъ издѣлій. Старшія ученицы практически изучали домоводство... „Словомъ—сказано въ брошюрѣ—имъ дается полное женское образованіе, приноровленное къ потребностямъ улучшеннаго крестьянскаго быта“.

Ученицы приходили въ школу съ ранняго утра, получали отъ помѣщика провизію для обѣда, который сами готовили; во время отдыха отъ классныхъ занятій онѣ занимались рукодѣліями или чтеніемъ книгъ, которыя брали изъ сельской бібліотеки, составленной изъ „собранія духовныхъ, хозяйственныхъ и другихъ назидательныхъ сочиненій“.

Съ заходомъ солнца всѣ расходились по домамъ, причемъ ученицы, до самой деревни, хоромъ пѣли духовные и сельскіе гимны и народныя пѣсни „такого однако содержанія, которое не можетъ воспламенить страстей и породить романическія мечты въ юномъ сердцѣ“¹⁾.

Лѣтомъ занятія продолжались утромъ часъ или два, а послѣ завтрака работали въ саду и огородѣ. Обѣдали на воздухѣ, въ рощѣ, среди которой былъ водруженъ крестъ, а вокругъ него устроены дерновые столы.

Сообщая эти подробности о школѣ Стремоухова, Омеляненко говоритъ: „если мы съ уваженіемъ произносимъ имя Фелленберга за услуги, оказанныя имъ народному воспитанію, тѣмъ не менѣе должны гордиться подвигомъ своего соотечественника и сочлена, трудомъ великимъ, тяжкимъ, быть можетъ не согрѣтымъ ничьимъ теплымъ участіемъ и до сихъ поръ не оцѣненнымъ по достоинству... Утѣшаюсь мыслью—заключаетъ онъ—что потомство бу-

¹⁾ О ж. крест. школахъ.

детъ признательнѣе къ трудамъ г. Стремоухова; оно воспользуется его примѣромъ и впишетъ имя его въ исторію народнаго образованія въ Россіи“¹⁾.

Узнавъ изъ газетъ о „лестномъ для него вниманіи“ московскаго Общества, Стремоуховъ и самъ доставилъ ему „достовернѣйшій фактъ“ существованія школы и ея состоянія, а именно, тетради учащихся за десять слишкомъ лѣтъ, прося при этомъ Общество „удостоить сіе едва ли не первое въ этомъ родѣ приношеніе, по разсмотрѣніи опредѣлить ему мѣсто въ общественномъ архивѣ“.

Тетради, писанныя ученицами школы съ 1823 по 1845 годъ, заключали въ себѣ: 1) упражненія въ письмѣ съ прописей русскихъ и латинскихъ; 2) церковные писанные календари; 3) ноты разныхъ концертовъ. Списываніе съ латинскихъ прописей Стремоуховъ, по его объясненію, ввелъ „какъ средство къ побужденію ученицъ внимательнѣе всматриваться въ почеркъ не столь знакомаго характера буквъ и въ предположеніи со временемъ обучать ихъ понятіямъ изъ ботаники, нечуждой земледѣлію и притомъ хотя элементарно объясняющей и медицинскія свойства растений“.

Подъ каждою страницею урока чистописанія въ тетрадяхъ означено: годъ, число, мѣсяцъ, имя празднуемаго въ тотъ день святого, состояніе погоды: ясно, пасмурно и т. д., какого разряда ученицы и ученики пѣли передъ обѣдомъ и какіе именно концерты, имя и прозваніе ученицы и одобреніе рукою самого Стремоухова: „хорошо“, „изрядно“, „надобно лучше“.

Кромѣ этихъ тетрадей, московскому Обществу было, по его желанію, представлено свидѣтельство священника села въ томъ, что „крестьянскія дѣти господина Стремоухова, въ особенности женскаго пола, отъ 8-ми до 32-хъ-лѣтняго возраста выучены всѣ въ хозяйственно-ремесленной школѣ: читать, писать, заповѣдямъ Христовымъ, нотному духовному пѣнію и началамъ ариѳметики“.

Учителями въ школѣ Стремоухова были семинаристы, „а въ небытность ихъ—говоритъ Стремоуховъ—учать уже и свои женщины, старшія ученицы сей же школы“²⁾.

Вмѣстѣ съ сообщеніемъ о школѣ Стремоухова, въ брошюрѣ *о женскихъ крестьянскихъ школахъ* была помѣщена статья члена и непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, который предлагалъ образовывать при обществахъ сельскаго хозяй-

¹⁾ О ж. крест. школахъ, стр. 8.

²⁾ О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Книжки I, II, III, IV. Изд. 2-е отъ Имп. моск. Общ. сельскихъ хозяевъ. Москва, 1849 г.

ства комитеты для распространенія грамотности между крестьянами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и просить всѣхъ членовъ экономическаго Общества, также помѣщиковъ, чтобы они сообщали ему свои взгляды на это дѣло. Исходя изъ мысли, что „нравственность русскаго народа видимо ослабѣваетъ съ приливомъ новыхъ понятій, новыхъ потребностей, съ постепеннымъ удаленіемъ народа отъ простой сельской и земледѣльческой жизни въ жизнь фабричную и промышленную“, Масловъ предлагалъ ввести и у насъ мѣру лорда Росселя, „внесшаго въ англійскую палату билль о необходимости распространять начала религіозно-нравственнаго образованія среди народа“. Особенному вниманію помѣщиковъ Масловъ рекомендовалъ образованіе женскаго пола, „неотлучающее отъ семействъ, развѣ для найма въ ключницы или нянюшки“. Другой аргументъ въ пользу образованія крестьянокъ Масловъ видѣлъ въ томъ, что „женщина не станетъ писать ложныхъ паспортовъ и счетовъ, какъ это случается съ безнравственными грамматѣями, ибо это не ея кругъ дѣятельности“.

Относительно способа обученія крестьянокъ грамотѣ Масловъ полагалъ нужнымъ обратиться къ тому, „по которому когда-то учился весь русскій народъ... способъ, соединяющій грамматику съ практической жизнью“, по книгамъ, въ то время для этого изданнымъ, въ которыхъ „соединяли каждую букву, каждое слово, съ живыми, высокими и вѣрными религіозными понятіями“. Въ статьѣ выписано предисловіе къ одной изъ такихъ книгъ, „заслуживающей — говоритъ Масловъ — болѣе нежели Монтионовскую премію“, присужденную тогда, въ 1845 году, одному швейцарскому пастору за изданіе книги для первоначальнаго обученія дѣтей. Въ своей статьѣ Масловъ не сказалъ о какой книгѣ говорить „будучи увѣренъ, что многіе или вовсе ея не знаютъ, или, зная, принимаютъ ее не за то, за что должно“.

Эта статья была напечатана сначала въ 6-мъ номерѣ *Журнала сельскаго хозяйства* 1845 года и затѣмъ перепечатана въ брошюрѣ о женскихъ крестьянскихъ школахъ.

Мысль о распространеніи грамотности въ народѣ черезъ матерей разнеслась, какъ говоритъ Масловъ, „во всеуслышаніе въ Россіи; она была нова для многихъ, даже весьма добрыхъ и умныхъ хозяевъ; нужно было ее пояснить“¹⁾. Поэтому онъ написалъ вторую статью въ 10-мъ номерѣ *Журнала сельскаго хозяйства* 1845 года, потомъ издалъ обѣ статьи отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: *о всенародномъ Распространеніи Граммат-*

¹⁾ О всен. распр. грам. въ Р. Изд. 1849 г.

ности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Первое изданіе этой книжки, напечатанное въ количествѣ тысячи экземпляровъ „разлетѣлось—по словамъ Маслова—въ нѣсколько недѣль“ и къ концу года онъ получилъ изъ разныхъ губерній „самые сердечные отзывы о пользѣ, приносимой ею“. По представленіи этихъ отзывовъ Обществу сельскихъ хозяевъ, оно одобрило основную мысль Маслова и образовало комитетъ для распространенія церковной грамотности между крестьянками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а Масловъ напечаталъ второе изданіе своей статьи вмѣстѣ съ полученными о ней отзывами. Затѣмъ, до 1849 года включительно, т.-е. въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ каждый годъ издавалъ новыя книжки подъ общимъ заглавіемъ *о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи*.

Объявляя въ 1847 году о своемъ намѣреніи, Масловъ писалъ, что будетъ раздавать свои книжки бесплатно. „Мнѣ пріятно будетъ—говорить онъ—сдѣлаться редакторомъ добрыхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій нашихъ хозяевъ на пользу крестьянъ“¹⁾.

Въ своихъ изданіяхъ Масловъ все болѣе и болѣе разъяснял свою мысль. Различая *всенародное* воспитаніе отъ *частнаго* воспитанія народа, т.-е. распространеніе въ народѣ грамотности отъ учрежденія для него школъ, въ которыхъ, какъ у Стремоухова, обучали бы на религіозно-нравственномъ основаніи не одной только грамотѣ, Масловъ рѣшилъ, что крестьянокъ надо сначала обучать лишь одной грамотѣ и притомъ церковной, а не гражданской, ибо первая дѣйствуетъ на сердце, вторая „содѣйствуетъ развитію разумичныхъ способностей“²⁾. Для распространенія грамотности во всемъ народѣ онъ рекомендуетъ ту книгу, заглавіе которой не назвалъ въ своей первой статьѣ. Эта книга — *Часословъ съ Богомъ Святымъ* или *Часовникъ*, который, вмѣстѣ съ церковной Азбукою и Псалтыремъ, составлялъ *курсъ грамотности* въ древней Руси; этимъ курсомъ Масловъ и совѣтовалъ ограничиться при обученіи крестьянокъ. Возрастъ, съ котораго, по его мнѣнію, слѣдуетъ начинать ихъ ученіе, онъ опредѣляетъ отъ 10 до 12-ти лѣтъ и рекомендуетъ учить ихъ не всякій день, а лишь три раза въ недѣлю по утрамъ и не болѣе двухъ, а уже много, трехъ часовъ въ день.

Для поощренія дѣвочекъ учиться, Масловъ находилъ полезнымъ, чтобы священникъ во время церковной службы ставилъ грамотныхъ впереди, а помѣщикъ дарилъ бы имъ „какіе-нибудь

¹⁾ О всен. распр. грам. 1849 г., стр. 19.

²⁾ О всен. распр., стр. 42.

праздничные фартучки для отличія отъ другихъ“, съ тѣмъ, что если которая нибудь изъ нихъ сдѣлаетъ что-нибудь дурное, она будетъ стоять въ церкви безъ фартучка.

Учить крестьянокъ грамотѣ можетъ, по мнѣнію Маслова, всякій грамотный человѣкъ, и вездѣ. Онъ согласенъ, что чѣмъ лучше учитель и чѣмъ удобнѣе помѣщеніе для ученія, тѣмъ дѣло будетъ поставлено „приличнѣ“, но такъ какъ самая главная забота, по его взгляду, должна быть направлена на распространеніе церковной грамотности всѣми доступными, имѣющимися подъ рукой средствами „не дожидаясь ни отличныхъ учителей, ни новыхъ букварей“, то не надо откладывать дѣла въ дальній ящикъ и не надо представлять его труднымъ. Выучившись грамотѣ, крестьянки должны продолжать свое образованіе чтеніемъ такихъ книгъ, которыя могли бы служить имъ примѣромъ въ жизни; для этого Масловъ рекомендуетъ Четьи-Минеи. „Остается — говоритъ онъ — съ любовью къ человѣчеству приступить къ дѣлу *просто*. Для перваго поколѣнія матерей достаточно одного чтенія „съ усвоеніемъ чистыхъ понятій о вѣрѣ, обязанностяхъ христіанскихъ, а впослѣдствіи грамотныя матери можетъ быть сами захотятъ, чтобы ихъ дочери выучились бы и письму, и счетоводству“. Но главная цѣль обученія крестьянокъ заключается — говоритъ Масловъ — въ *всеобщемъ* черезъ нихъ распространеніи грамотности въ народѣ, которая есть первая ступень для всеобщаго народнаго просвѣщенія и безъ которой нельзя идти къ свѣту.

Начиная со второй книжки, Масловъ сталъ печатать въ видѣ приложений полученные имъ изъ разныхъ мѣстъ письма и отзывы. Къ этой книжкѣ было приложено письмо министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго къ Маслову, съ извѣщеніемъ, что, согласно желанію послѣдняго, въ только-что тогда открытомъ въ Алатырѣ училищѣ для дочерей удѣльныхъ крестьянъ, уставомъ училища предписано обучать ученицъ по указаннымъ Масловымъ книгамъ: букварю, часослову и псалтырю.

Кромѣ того было приложено письмо къ Маслову князя А. Шихматова объ учрежденной имъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ 1825 году, въ своемъ имѣніи школѣ для мальчиковъ и составленное имъ въ 1838 году *Завѣщаніе моимъ крестьянамъ*, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ, уволилъ, въ числѣ 88-ми изъ 127-ми, изъ крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы.

Рядомъ съ этимъ было напечатано извѣщеніе члена Общества сельскаго хозяйства Реброва объ учрежденной имъ еще въ 1822 году въ своемъ имѣніи школѣ и для крестьянскихъ дѣвушекъ, число которыхъ не должно было, по волѣ помѣщика, пре-

вышать одну треть общаго числа учащихся въ школь. Ребровъ писалъ Маслову, что статья о *женскихъ крестьянскихъ школахъ* возбудила у нихъ много толковъ. Вообще эта статья, судя по напечатаннымъ въ книжкахъ Маслова отзывамъ и письмамъ разныхъ лицъ, произвела впечатлѣніе и подъ этимъ впечатлѣніемъ довольно многіе помѣщики и помѣщицы открыли въ своихъ имѣніяхъ школы для обученія дѣвочекъ грамотѣ. Министерство государственныхъ имуществъ и министерство удѣловъ выписали для своихъ школъ по большому количеству экземпляровъ книжекъ Маслова; требованія на нее поступали и изъ консисторій, вольно-экономическаго Общества, главнаго управленія коннозаводства. Три книжки, изданныя вмѣстѣ въ 1848 году, посвященныя „всему Россійскому Православному Духовенству“, были разосланы отъ Общества сельскихъ хозяевъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и тогда же напечатано вновь 12.000 экземпляровъ этого изданія.

Съ выходомъ каждой новой книжки, Масловъ представлялъ ее государю, императрицѣ и великимъ княгинямъ: Ольгѣ Николаевнѣ и Еленѣ Павловнѣ, и въ слѣдующей, печаталъ изъявленную автору, черезъ статсъ-секретаря Лонгинова, благодарность и благоволеніе. На представленномъ московскимъ Обществомъ сельскихъ хозяевъ министру государственныхъ имуществъ отчетѣ за 1845 годъ для поднесенія государю, государь написалъ: „читалъ съ особымъ удовольствіемъ“¹⁾. Въ этомъ отчетѣ было сказано, что комитетъ для распространенія грамотности учрежденъ 8 декабря и въ сотрудники его положено приглашать духовныхъ особъ и священниковъ.

Въ числѣ напечатанныхъ въ трехъ послѣднихъ книжкахъ Маслова сочувственныхъ его мысли писемъ, были письма: министра внутреннихъ дѣлъ, архіереевъ, президента вольно-экономическаго Общества, начальницъ институтовъ и царскосельскаго женскаго духовнаго училища, членовъ ярославскаго и другихъ губернскихъ Обществъ сельскихъ хозяевъ и частныхъ лицъ, въ особенности помѣщиковъ и помѣщицъ. Многіе изъ послѣднихъ говорили Маслову, что благодаря его книжкамъ и побуждаемые его убѣжденіями въ пользѣ для всего народа распространенія грамотности между крестьянками, они открыли у себя школы для дѣвочекъ и рассказывали при этомъ подробности объ этихъ школахъ. Князь В. Львовъ писалъ въ 1845 году, что получивъ „не только согласіе, но увидѣвъ радость и сочувствіе неподдѣльные“ своихъ

¹⁾ О всен. распр. 1849 г., стр. 124.

крестьянъ при сдѣланномъ имъ предложеніи открыть въ имѣніи школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, они сообща рѣшили на первый разъ пригласить для преподаванія грамоты дѣвочкамъ „одну туточную“ женщину, и раньше бравшую дѣтей на выучку за 20 рублей ассигнаціями съ cadaго, а для мальчиковъ сами крестьяне пріискали клинского мѣщанина „пользовавшагося нѣкото-рою извѣстностью въ имѣніи“; онъ взялся учить и дѣвочекъ за 20 рублей серебромъ въ годъ и помѣщеніе въ школѣ, которая и была открыта въ 1845 году. Дѣвочекъ училось всего 12; онѣ ходили въ школу утромъ отъ 8 до 10 часовъ, а мальчики отъ 10 до 12-ти. „Никакъ не удалось мнѣ уговорить—пишетъ князь Львовъ—чтобы дѣти учились черезъ день; отцы просили учить ихъ ежедневно. Видя добрую волю ихъ, мнѣ не хотѣлось употреблять власть“¹⁾.

Помѣщикъ калужской губерніи Лисевичъ, „практическій земледѣлецъ“, какъ онъ себя называлъ, извѣщалъ, что открылъ у себя въ имѣніи „грамотную избу“. Когда онъ сказалъ крестьянамъ о своемъ намѣреніи обучать ихъ дѣтей грамотѣ, „именно, чтобы знали какъ молиться Богу, потомъ приняться за Часовникъ, далѣе за Псалтирь, а тамъ далѣе, какъ Богъ на разумъ наставить“, то они „повидимому—писалъ Лисевичъ—сначала меня не поняли, или, лучше сказать, отъ удивленія не собрались съ мыслями“. Когда же онъ подробно объяснилъ въ чемъ дѣло, „надобно было видѣть радостныя ихъ лица и слезы признательности“. Учителемъ былъ выбранъ крестьянинъ Лисевича, обучавшійся въ практической земледѣльческой школѣ графини Строгановой „человѣкъ хорошей нравственности“. Лисевичъ прибавлялъ, что ходившія учиться въ избу дѣти „въ домахъ своихъ, куда уходятъ обѣдать и ночевать, приняты какъ отличные члены семейства и домашніе съ удовольствіемъ слушаютъ ихъ, когда они читаютъ выученныя молитвы“.

Изъ присылавшихся Маслову писемъ видно, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и раньше существовали школы, но только для мальчиковъ, въ чемъ теперь учредители каялись и благодарили Маслова за внушенную имъ мысль учить и дѣвочекъ. Въ имѣніи вдовы генераль-маіора Рѣпинской, открытою въ 1846 году женскою школою, завѣдывала дочь помѣщицы и ея компаніонка, бывшая воспитанница московскаго Воспитательнаго Дома. Въ этой школѣ учили и началамъ ариѳметики. Въ письмѣ къ члену вольно-

¹⁾ О первой, вновь открытой школѣ для ученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей обоего пола въ имѣніи князя В. В. Львова. (О всен. распр. гр. 1849 г.)

экономическаго Общества, Лашкареву, г-жа Рѣпинская высказала совѣтъ поручать первоначальное обученіе дѣтей женщинамъ, „оставляя высшій надзоръ и строгія указанія и побужденія мужчинамъ. ...Московскій Воспитательный Домъ—писала она—богаты дѣвицами способными преподавать чтеніе и необходимыя знанія для крестьянки“. По ея мнѣнію не всѣмъ нужно умѣть писать; „христіанское чтеніе и, въ особенности, изученіе заповѣдей Божіихъ и молитвъ, вотъ что необходимо для всѣхъ крестьянокъ. Этому — писала она — онѣ и будутъ у меня учены подѣ руководствомъ моей С..., которой въ помощь даны учитель и дѣвицы для обученія: церковной грамотѣ, работамъ и ремесламъ, полезнымъ въ крестьянскомъ быту“. Графъ Комаровскій, извѣщая Маслова о начавшемся въ имѣніи его жены обученіи и дѣвочекъ, писалъ, что ихъ немного потому, между прочимъ, что ученицы „принимаются не иначе, какъ по собственной, доброй волѣ родителей“. Сказавъ, что курсъ ученія дѣвочекъ ограничится программой, въ сочиненіи В. П. начертанною“ графъ Комаровскій прибавилъ: „дальнѣйшее образованіе дѣвочекъ, я, совершенно раздѣляя мысли В. П., признаю необходимою весьма лишь второстепенною“.

Харьковскій предводитель дворянства, П. Шабельскій, извѣщая Маслова объ открытой въ его имѣніи школѣ для 20 дѣвочекъ и 10 мальчиковъ, писалъ, что учебную часть онъ хочетъ поручить непременно духовной особѣ для правильнаго изученія религіи „и при томъ для отвращенія могущихъ быть недоумѣній отъ мѣстнаго учебнаго начальства“.

Во время своихъ поѣздокъ по Россіи, Масловъ самъ осматривалъ школы въ лежавшихъ у него на пути имѣніяхъ. Онъ экзаменовалъ ученицъ „грамотной избы“ устроенной и въ имѣніи князя Львова и остался очень доволенъ. „Спрашивается — говорить онъ по этому поводу—нужно ли мудрить и ломать голову надъ изобрѣтеніемъ легчайшихъ методъ къ чтенію и надъ сочиненіемъ новыхъ руководствъ, когда крестьянская, 12-ти-лѣтняя дѣвушка, въ три мѣсяца, ходя въ грамотную избу ежедневно по два часа, подѣ руководствомъ немудренаго грамотнаго учителя, отысканнаго самими крестьянами для ихъ дѣтей, выучилась такъ хорошо читать, какъ я самъ того былъ свидѣтелемъ“¹⁾?

Въ имѣніи княгини Барятинской былъ учрежденъ дѣтскій пріютъ для дѣтей обоего пола. Дѣвочки, принимавшіяся въ возрастѣ отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, помѣщались въ верхнемъ этажѣ

¹⁾ О всен. распр. грам. 1849 г., стр. 154.

нарочно выстроеннаго для пріюта дома; ихъ обучали грамотѣ и закону Божью, пряденію льна и шерсти на улучшенныхъ прялкахъ, ткацкому искусству по новѣйшимъ способамъ, обработкѣ огородовъ и вообще всему домашнему хозяйству „сообразно съ бытомъ поселянъ“.

Донося въ 1847 году московскому Обществу сельскихъ хозяевъ объ успѣхахъ распространенія грамотности среди крестьянокъ и перечисляя вновь полученные отъ Высочайшихъ Особъ и разныхъ лицъ отзывы и письма, Масловъ привелъ письма начальницъ Смольнаго монастыря и царскосельскаго женскаго духовнаго училища; первая говорила, что почтетъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ внушать воспитанницамъ желаніе „быть со временемъ полезными, по мѣрѣ силъ ихъ, въ томъ кругу, гдѣ онѣ находятся будутъ“. Вторая благодарила отъ себя и отъ воспитанницъ за присланный экземпляръ книжки Маслова и писала: „само Провидѣніе внушило вамъ издать ее для вспомошествованія воспитанницамъ вѣреннаго мнѣ училища въ достиженіи будущаго ихъ назначенія; ласкаю себя надеждою, что и учрежденіе училища для дѣвицъ духовнаго званія, съ своей стороны, не мало споспѣшествуетъ къ осуществленію столь благодѣтельнаго желанія и неуспѣшныхъ стараній вашихъ, чтобъ водворить въ народѣ истинное просвѣщеніе, основанное на чистѣйшихъ правилахъ Святой нашей Вѣры“.

Въ числѣ благодарственныхъ заявленій, помѣщенныхъ въ третьей книжкѣ Маслова, было благодарственное заявленіе, присланное Стремоухову отъ слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда. Оно было подписано священникомъ, обучавшимъ въ приходскомъ училищѣ, волостнымъ старшиною, засѣдателемъ по части полицейской, сельскимъ старшиною и сборщикомъ податей ¹⁾. Въ ней говорилось, что въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ Ахтырскомъ округѣ было открыто три школы для крестьянокъ; для обученія въ одной изъ нихъ, Стремоуховъ прислалъ бывшую ученицу своей школы, которою подписавшіеся остались очень довольны и выдали ей вознагражденіе „по возможности“. Они говорили, что изъ 30-ти учившихся дѣвочекъ, три, при публичномъ испытаніи, получили присланные изъ палаты государственныхъ имуществъ похвальные листы.

Отъ управляющаго нижнетагильскими заводами Демидова, было прислано извѣщеніе, что „попеченіемъ просвѣщеннаго помѣщика“

¹⁾ О всен. распр. гр. 1849 г., стр. 202.

въ 1847 году было на заводахъ 13 училищъ съ 580-ю учащихся, въ числѣ которыхъ 70 дѣвочекъ ¹⁾.

По словамъ Маслова, нѣкоторыя петербургскія дамы посвятили себя дѣлу распространенія церковной грамотности между крестьянками и онъ видѣлъ „у одной скромной воспитательницы своихъ крестьянокъ“ донесеніе священника и учителей о томъ, что въ ея имѣніяхъ учащихся до 900, въ томъ числѣ 370 дѣвочекъ.

Товарищъ министра государственныхъ имуществъ писалъ въ 1847 году Маслову, что желая усилить мѣры, принимаемыя министерствомъ для распространенія грамотности среди крестьянокъ, оно вновь пояснило прежнее циркулярное предписаніе управляющимъ палатами, чтобы они внушали крестьянамъ пользу грамотности для дѣвочекъ и допускали ихъ въ школы, учрежденныя для мальчиковъ, а также открывали параллельные классы въ тѣхъ школахъ, гдѣ будетъ 25 дѣвочекъ.

Въ 1847 году вольно-экономическое Общество присудило Маслову большую золотую медаль. Разсылавшіяся прежде бесплатно книжки „о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи“ со втораго уже года продавались по 10 копѣекъ серебромъ (200 экземпляровъ раздавались бесплатно) и была открыта подписка на будущія. Она шла такъ успѣшно, что въ 1848 году всѣ расходы по изданію трехъ книжекъ были покрыты и все это изданіе разошлось безъ объявленія о немъ въ газетахъ. Имена подписчиковъ были напечатаны при послѣднемъ, второмъ, изданіи всѣхъ четырехъ книжекъ вмѣстѣ, въ 1849 году.

Хотя этимъ изданіемъ закончилось печатаніе книжекъ Маслова, но и послѣ того, въ „Журналѣ сельскаго хозяйства“, „Земледѣльческой газетѣ“ и другихъ подобныхъ органахъ, время отъ времени печатались отрывочныя извѣщенія помѣщиковъ объ открываемыхъ ими у себя въ имѣніяхъ школахъ, но такихъ извѣщеній объ открытыхъ для дѣвочекъ школахъ, встрѣчалось уже меньше. Одинъ помѣщикъ, рассказывая въ „Земледѣльческой газетѣ“ о своей школѣ, взывалъ къ русскому дворянству, которое, по его мнѣнію, должно взяться за дѣло образованія земледѣльческихъ классовъ „откинувъ въ сторону всѣ мелкія придирки трусливаго обскурантизма“ ²⁾. Въ его школѣ, открытой въ 1852 году, ученикамъ и ученицамъ, не выдержавшимъ экзамена въ знаніи грамоты или ремесла, которому дѣвочекъ обучали въ третій, по-

¹⁾ Первая школа была учреждена въ 1806 году и тогда въ нее съ трудомъ могли набрать отъ 30 до 40 учениковъ. (О всен. распр. гр., стр. 230).

²⁾ Земледѣльческая газета. 1856, № 65.

слѣдній, годъ ихъ ученія, не разрѣшалось жениться или выходить замужъ.

Къ этому времени, т.-е. за пять лѣтъ до великой реформы освобожденія крестьянъ, вопросъ ставился уже не только объ обученіи крестьянскихъ дѣвушекъ грамотѣ, но объ ихъ эстетическомъ воспитаніи, въ смыслѣ вѣжливыхъ манеръ и внѣшняго благообразія. Въ „Разсказахъ изъ вседневной жизни поселянъ“, напечатанныхъ въ „Земледѣльческой газетѣ“ 1856 года ¹⁾, авторъ, помѣщикъ пензенской губерніи, обратилъ вниманіе на различіе между мужикомъ и бабой. Первый, по его мнѣнію, больше развитъ; онъ ѣздитъ въ городъ, на базаръ, слышитъ то и другое; баба сидитъ дома, никого и ничего кромѣ поля да печи не видитъ; „ничто ее не привлекаетъ, не разсѣваетъ, не интересуется, не развиваетъ... ей бы только поѣсть да поспать... она не знаетъ даже потребности *нравиться*, столь сродной женскому характеру“. Дурно одѣтая, безобразная, не привлекательная, она „ничѣмъ не можетъ занять мужа, потому что глупа и несвѣдуща“. Въ этомъ авторъ, Великосельцевъ, видитъ „огромную нравственную, хозяйственную, и даже, если хотите—говоритъ онъ—общенародную важность“, ибо въ этомъ, по его мнѣнію, причина того, что мужъ убѣгаетъ изъ дома, пренебрегаетъ хозяйствомъ и дѣтьми. Поэтому, ради благосостоянія страны, онъ требуетъ, чтобы и крестьянская женщина „въ извѣстной степени была красива, развита умомъ и даже... прошу не прогнѣваться—прибавляетъ онъ—хорошо одѣвалась, т.-е. не то, чтобы въ богатые ткани, а и въ свои бѣдныя, но съ нѣкоторою заботливостью объ опрятности и даже со вкусомъ не какимъ-либо калмыцкимъ или китайскимъ, а общеславянскимъ“. Онъ желалъ бы, и высказываетъ „ради дѣла, а не ради шутки“, чтобы крестьянка, хотя до 30-ти лѣтъ, заботилась и о своей тали. „Женщина безъ тали—говоритъ онъ—тоже, что мужчина въ халатѣ; женщина съ талиею тоже, что мужчина въ сюртукѣ“.

Въ другой своей статьѣ: *Замѣтка о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатствомъ въ крестьянскомъ быту* ²⁾, тотъ же авторъ, доказывая необходимость для крестьянина „пріобрѣсти влеченіе къ изящному“, предлагаетъ и средства для того, чтобы ввести въ отношеніяхъ между мужикомъ и бабою „учтивыя, вѣжливыя“ формы. Онъ говоритъ, что достигнуть этого можетъ каждый „благонамѣренный и способный чело-

¹⁾ № 24.

²⁾ Земл. газета, 1856 г., № 25.

вѣкъ“ однимъ своимъ сообществомъ съ крестьянами. Всего же лучше могли бы въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать „умныя, молодыя помѣщицы, окружая себя крестьянками хоть въ видѣ дворовыхъ дѣвушекъ“, еслибы развивъ ихъ разговорами, выдавали ихъ замужъ за крестьянъ. Въ разговорахъ же, помѣщицы передавали бы крестьянкамъ и сущность образованія, которую авторъ полагаетъ въ „понятіяхъ о всемъ видимомъ мірѣ, въ знакомствѣ съ человѣческою дѣятельностью на пространствѣ всей вселенной“. Тутъ, по его мнѣнію, нужно знаніе исторіи и „хорошей“ географіи; „не худо—прибавляетъ онъ—прочестъ нѣсколько хорошихъ романовъ“. Что же касается до „матеріальнаго“ образованія, до математики свѣше ариѳметики, то „подобныя вещи — говоритъ онъ—женщинамъ почти не нужны“. Для сохраненія здоровья и красоты, необходимыхъ сельскому классу, и въ особенности женщинамъ, какъ матерямъ и образовательницамъ будущихъ поколѣній, онъ совѣтуетъ улучшать пищу крестьянокъ и нѣсколько облегчать ихъ въ самыхъ тяжелыхъ работахъ, „которыя, въ такомъ случаѣ, мужчины должны брать на себя“.

Въ одномъ изъ довольно многихъ возраженій на эти статьи, высказано сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было найти среди помѣщицъ такихъ преподавательницъ, какихъ желаетъ Великосельцевъ. „Умныя помѣщицы — говоритъ авторъ его — къ тому же образованныя до такой степени, что не по учебнику, а въ простыхъ разговорахъ съ крестьянками могутъ передать имъ свѣдѣніе изъ исторіи и географіи—да гдѣ онѣ? много ли ихъ?“. По его мнѣнію, тутъ помочь могутъ только школы ¹⁾.

Почти всѣ журналы сороковыхъ годовъ обратили вниманіе на книжки Маслова. *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія* посвятилъ имъ двѣ большія сочувственныя статьи ²⁾. *Современникъ* ограничился пересказомъ содержанія первой брошюры, въ которой были напечатаны свѣдѣнія о школѣ Стремоухова, и упомянувъ о предложеніи Маслова учредить комитеты для распространенія грамотности среди народа, закончилъ свою рецензію на книжки Маслова словами: „та и другая часть возбуждаютъ справедливое вниманіе къ предмету необыкновенно важному въ государствѣ, когда вообразить это дѣло въ надлежащемъ размѣрѣ“ ³⁾.

Отечественныя Записки посвятили вопросу нѣсколько статей. Относясь съ сочувствіемъ къ предложенію Маслова, журналъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы религіозно-нравственное образо-

¹⁾ Земл. газета, № 62.

²⁾ Журн. мин. нар. просв. 1846 г. Т. Т. 49 и 50.

³⁾ Современникъ 1845 г.

ваніе крестьянъ, приноровленное къ потребностямъ улучшеннаго крестьянскаго быта, „не вывело бы ихъ изъ ихъ быта“. — Не существуетъ предѣловъ для удовлетворенія умственныхъ и душевныхъ потребностей человека — говоритъ рецензентъ брошюры — при которыхъ можно бы было сказать ему: „довольно съ тебя! полно! ты запасся теперь на всю жизнь и съ этимъ запасомъ проведешь жизнь счастливо, оставаясь тѣмъ, чѣмъ ты былъ! Истинное образованіе возбуждаетъ новыя и новыя желанія, предлагаетъ новыя и новыя вопросы. Оно выводитъ насъ не только изъ тьмы невѣжества, но показывая сходство и различіе разныхъ общественныхъ состояній, даетъ намъ намѣреніе (если не средство) выйти изъ одного, худшаго, быта въ другой — лучшій. Не видить человека, что хуже и что лучше — онъ не истинно образованъ, видить и не хочетъ — это неестественно. А развѣ можно быть счастливымъ при бесилии выполнить, разумѣется законныя, намѣренія? Конечно, въ дѣлѣ ученія, которое простирается отъ нуля до безконечной величины, есть возможность удовольствоваться и удовольствоваться одною азбукою; но такое образованіе не истинно, слѣдовательно, рѣшительно бесполезно... Мы увѣрены, что произнесши слово *образованіе*, г. Масловъ разумѣлъ образованіе истинное“. Рецензія кончается словами: „мы обязаны благодарить г. Маслова за его благонамѣренную статью, но болѣе всего благодарить г. Стремоухова за его истинно-христіанское дѣло, прекрасно-человѣческій поступокъ. И не только мы, но всѣ благородно мыслящіе изблизи и издалека пошлютъ ему братскій привѣтъ и горячее спасибо“ ¹⁾).

Въ это время увлеченія идеею объ образованіи крестьянокъ, рядомъ съ азбуками и книгами для чтенія сельскимъ классамъ, появлялись книжки со всякаго рода наставленіями крестьянкамъ: чтобы онѣ не ходили босыми, а то простудятся, чтобы всякій день умывали дѣтей, чаще стирали мужу наволоки и т. п. ²⁾).

Для приготовленія наставницъ въ женскихъ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, было признано полезнымъ образовывать ихъ изъ крестьянскихъ дочерей, которыя, подъ руководствомъ приходскаго священника, должны были обучать дѣвочекъ и наблюдать за ихъ поведеніемъ. Съ этой цѣлью въ 1850 году было разрѣшено отдать священникамъ для обученія грамотѣ 30 дѣвушекъ въ губерніяхъ: вятской, черниговской и харьковской, а нѣсколько позже и въ губерніяхъ: екатеринослав-

¹⁾ Отеч. Зап. 1845 г. Т. ХLI. Библиографическая хроника.

²⁾ Соврем. 1847 г. Т. 4.

ской, новгородской и нижегородской, съ платою изъ училищнаго капитала отъ 15-ти до 30-ти рублей въ годъ за каждую. Къ 1855 году число приготавливавшихся въ наставницы крестьянокъ простиралось до 79-ти.

Учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было: въ 1849 году—3.855, въ 1850—4.336, въ 1851—4.948, въ 1852—4.605. Въ слѣдующемъ году было признано, что многія училища, вслѣдствіе малаго числа посѣщающихъ ихъ, не приносятъ ожидаемой пользы, и тогда всѣ сельскія училища были раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены тѣ, гдѣ было отъ 50 до 100 учащихся; ко второму, гдѣ число ихъ не превышало 50-ти. Въ первыхъ положено устраивать два параллельныхъ класса и, кромѣ наставника, имѣть еще помощника, а въ училищахъ, гдѣ много дѣвочекъ—наставницу.

Въ 1855 году число учащихся дѣвочекъ простиралось уже до 5.667-ми; но было замѣчено, что многія училища оставались наполовину пустыми, и для отвращенія этого, было положено назначать въ каждое училище извѣстное число постоянныхъ учениковъ изъ сиротъ обоого пола. Въ 1857 году во всѣхъ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ было 670 постоянныхъ ученицъ и 5.514 приходящихъ.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ существовали маленькія частныя школы грамотности, содержимыя духовенствомъ, а также вѣдомствами государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ. Полныхъ свѣдѣній объ этихъ школахъ нѣтъ; но судя по отрывочнымъ извѣстіямъ о нихъ, печатавшимся иногда въ журналахъ конца пятидесятихъ годовъ, число учащихся дѣвочекъ въ сравненіи съ учащимися мальчиками было еще даже менѣе, нежели въ приходскихъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ *Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ*, издававшемся въ 1857 году профессоромъ Н. А. Вышнеградскимъ, помѣщенъ отчетъ объ этихъ школахъ въ рязанской губерніи. Изъ 33-хъ школъ грамотности, состоявшихъ на попеченіи духовенства рязанской епархіи, были только три женскія (въ домахъ священниковъ). Всего же учащихся дѣвочекъ во всѣхъ школахъ епархіи—140, а мальчиковъ 991 ¹⁾. Въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ 1857 году училось 259 дѣвочекъ (2.638 мальчиковъ) и въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 45 дѣвочекъ (42 мальчика). Стало быть всего въ этихъ школахъ въ 1857 году было

¹⁾ Вѣдомость о прих. училищахъ ряз. епархіи, состоящихъ на собственномъ попеченіи духовенства за 1857 г. (Р. Пед. Вѣст. 1858 г. Т. III).

304 учащихся дѣвочекъ и 2.680 мальчиковъ, а вмѣстѣ съ состоявшими на попеченіи духовенства, 444 дѣвочки (3.671 мальчиковъ), т.-е. учащіяся въ рязанской губерніи дѣвочки составляли менѣе $\frac{1}{3}$ числа учащихся мальчиковъ. Такое отношеніе, вѣроятно, было и въ другихъ губерніяхъ.

Болѣе всего учащихся дѣвочекъ было въ частныхъ пансіонахъ и школахъ, большинство которыхъ находилось въ Петербургѣ. Въ петербургскомъ учебномъ округѣ ¹⁾ въ 1853 году было всего 6.984 учащихся въ общественныхъ заведеніяхъ, не считая институтовъ, дѣвочекъ (мальчиковъ 39.461); изъ нихъ 5.379 учились въ частныхъ пансіонахъ и школахъ, причѣмъ только 1365 приходилось на пансіоны перваго разряда. Въ другихъ округахъ число пансіоновъ перваго и втораго разрядовъ было крайне невелико и притомъ непостоянно, такъ какъ большая часть пансіоновъ должны были скоро закрываться по недостатку средствъ.

Въ 1833 году запрещено было открывать новые частные пансіоны въ столицахъ, а въ другихъ городахъ они могли открываться лишь „въ случаяхъ крайней въ томъ надобности“. Въ слѣдующемъ году запрещены частные пансіоны для дѣтей обоего пола вмѣстѣ ²⁾. Можетъ быть отчасти и вслѣдствіе этихъ ограниченій, число пансіоновъ первыхъ двухъ разрядовъ въ 1853 году едва доходило до ста во всей имперіи ³⁾. По словамъ Воронова, большая часть женскихъ пансіоновъ въ этомъ году ограничивалась элементарнымъ курсомъ ученія, „такъ какъ средства для высшаго женскаго образованія недостаточны и въ столицахъ“ ⁴⁾.

По Положенію о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ 1835 года всѣ частные пансіоны и школы должны были по курсу ученія приближаться къ соотвѣтственнымъ имъ казеннымъ заведеніямъ. Мужскіе были раздѣлены на три разряда подходящихъ къ разрядамъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Женскіе „которые—сказано въ отчетѣ министра за 1834 годъ—по числу предметовъ и объему ученія не представляютъ ощутительнаго различія и слѣдовательно не могутъ подходить подъ упомянутое раздѣленіе“, должны были обозначаться по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, основательности ученія, попеченія о нравственности и фи-

¹⁾ Въ него входили восемь губерній: петербургская, новгородская, псковская, вологодская, архангельская, олонеккая, витебская, могилевская.

²⁾ А. Вороновъ. Ист. стат. обзор. 1828—1853 г.

³⁾ Матеріалы для новаго Положенія о женскихъ училищахъ вѣд. мин. нар. просв. Записка о женскихъ училищахъ. Составлена предсѣдателемъ ученаго комитета мин. нар. просв. А. С. Вороновымъ. (Ж. мин. нар. пр. 1865 г. Ч. 125).

⁴⁾ Тамъ же.

зическомъ воспитаніи, разрядами: отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ“.

Для надзора за частными пансіонами и школами, въ 1834 году были назначены особые инспектора, главная обязанность которыхъ заключалась въ наблюденіи, „чтобы воспитаніе въ пансіонахъ утверждено было на основныхъ началахъ Русской жизни: Православія, Самодержавія и народности“¹⁾. О заслуживающихъ, по мнѣнію правительства, довѣрія публики пансіонахъ, объявлялось въ столичныхъ газетахъ. „Всѣ эти распоряженія—сказано въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія за 1834 годъ—имѣютъ цѣлью слить воедино воспитаніе юношества въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ съ воспитаніемъ въ правительственныхъ заведеніяхъ“²⁾.

Десять лѣтъ спустя, въ 1844 году, министръ уже говорилъ въ своемъ отчетѣ: „подъ живительнымъ вліяніемъ сокровенной силы, Учебныя Заведенія Министерства, поглотивъ невозвратно почти все воспитаніе частное, привлекаютъ все болѣе ищущихъ образованія; во всѣ слои общества проникаетъ эта потребность“³⁾.

Домашнее воспитаніе также было подчинено надзору правительства. 25 марта 1834 года былъ изданъ Высочайшій указъ Сенату, въ которомъ говорилось: „при умноженіи всѣхъ средствъ, для публичнаго воспитанія необходимыхъ, считаемъ за благо обратить вниманіе и на домашнее воспитаніе. Во всей Имперіи строго воспрещается принимать въ дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ, иностранцевъ обоюго пола, не получившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ, учителями, наставниками или гувернерскаго званія, не имѣющихъ свидѣтельства о нравственности и поведеніи, требуемыхъ указомъ 12 іюля 1831 года. Если это будетъ нарушено, то отвѣтственность будетъ падать даже на лицо родителя, принявшаго въ свой домъ иностранца безъ аттестата“.

Положеніемъ о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, Высочайше утвержденнымъ 1 іюля 1834 года и составленнымъ министромъ народнаго просвѣщенія подъ непосредственнымъ руководствомъ императора Николая⁴⁾, въ первый разъ было постановлено, что воспитаніе, „гдѣ бы оно совершаемо ни было, въ общественномъ ли заведеніи или подъ родительскимъ кровомъ, если только, слѣдуя данному направленію, стремится къ единому началу, равно составляетъ неразрывное цѣлое, одно великое Госу-

¹⁾ А. Вороновъ, стр. 241. — Положеніе о ч. уч. зав.

²⁾ Журн. мин. нар. пр. 1835, кн. 2.

³⁾ Журн. мин. нар. пр. 1845, кн. 46.

⁴⁾ А. Вороновъ. Ист. стат. обзор. 1828—1853 г. Стр. 248.

дарственное дѣло, близкое къ сердцу всѣхъ, важное въ глазахъ Правительства“¹⁾).

По этому Положенію, обученіемъ въ частныхъ домахъ могли заниматься лишь лица, выдержавшія испытаніе въ университетѣ, а гдѣ его не было, въ гимназіяхъ. Только воспитанницы, кончившія курсъ съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ въ женскихъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ императрицы, а также въ училищахъ св. Петра и св. Анны, могли преподавать и получали званіе домашней учительницы безъ особаго экзамена. Но всѣ были обязаны каждый годъ представлять директору училищъ отчетъ о своихъ занятіяхъ и свидѣтельства о поведеніи отъ уѣздныхъ предводителей дворянства и лицъ, въ домѣ которыхъ онѣ обучали. Домашніе учителя пользовались правами государственной службы, наградами, чинами и орденами, особыми медалями и пенсіями; домашнія учительницы только правомъ на пенсію.

При введеніи въ дѣйствіе Положенія 1834 года попечитель московскаго учебнаго округа обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ вопросомъ: можно ли выдать свидѣтельство на званіе домашней учительницы французскаго и нѣмецкаго языковъ принадлежащей къ податному состоянію, московской мѣщанкѣ, представившей свидѣтельство, выданное ей въ 1824 году въ томъ, что она знаетъ эти языки. Министръ отвѣчалъ, что принадлежащія къ податному состоянію лица женскаго пола допускаются къ пріобрѣтенію званія домашней учительницы „тѣмъ безпрепятственнѣе, что онѣ, по существующимъ постановленіямъ, не будучи обложены никакою податью, не состоятъ въ подушномъ окладѣ и не имѣютъ даже надобности при вступленіи въ должность домашней учительницы брать увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ, требуемыхъ Положеніемъ 1834 года отъ лицъ мужскаго пола, для которыхъ съ званіемъ наставниковъ и учителей сопряжены преимущества государственной службы“²⁾).

Положеніе 1-го іюля 1834 года было переведено на иностранные языки и разослано во всѣ посольства, хотя дарованныя имъ права не распространялись на иностранцевъ, не состоявшихъ русскими подданными. Дарованіе этихъ правъ было привѣтствовано въ торжественномъ собраніи петербургскаго университета 20 сентября 1834 года. Въ произнесенной на этомъ собраніи профессоромъ философіи Фишеромъ рѣчи „о ходѣ образованія въ

¹⁾ Отчетъ мин. нар. просв. 1834 г. (Ж. мин. нар. пр. 1835 г.).

²⁾ Отвѣтъ мин. нар. пр. 7 ноября 1834 г. (Арх. мин. нар. пр.).

Россіи и участія, какое должна принимать въ немъ философія“, включеніе домашнихъ учителей „въ классъ чиновниковъ и подчиненіе ихъ дѣйствій надзору властей общественныхъ“ было названо закономъ „безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ гражданской образованности“... Этотъ законъ—сказалъ Фишеръ—возвыситъ званіе учителя, слишкомъ мало уважаемаго донынѣ въ общественномъ мнѣніи, и сдѣлаетъ это званіе почтеннымъ, его будутъ искать природныя русскіе“. И самъ учитель, „возвышенный въ собственныхъ глазахъ, не согласится уже ни на какое безчестное дѣло, которое унизило бы его въ мнѣніи другихъ, и чистота нравовъ, имѣющая столь сильное вліяніе на успѣхи воспитанія, будетъ теперь спасать чаще прежняго“¹⁾.

Къ дѣятельности женщинъ въ качествѣ учительницъ, министерство народнаго просвѣщенія относилось, повидимому, сочувственно. Въ Журналѣ министерства была напечатана въ 1834 году переведенная съ французскаго статья „о народномъ воспитаніи дѣвицъ“. Въ ней проводилась мысль, что все дѣло народнаго образованія должно сосредоточиваться въ рукахъ правительства, которое имѣетъ возможность „и больше, и лучше сдѣлать и все лучше знать“. Въ женскихъ заведеніяхъ, по мнѣнію автора статьи, должны преподавать женщины, а такъ какъ до тѣхъ поръ нельзя было найти обладающихъ для этого достаточнымъ образованіемъ женщинъ, то необходимо учредить женскую нормальную школу. Въ ней приготавлились бы женщины, могущія современемъ замѣстить профессоровъ. Отъ учрежденія такой школы произошла бы и для государства выгода, еслибы кончившихъ курсъ въ нормальной школѣ женщинъ „распространили бы по всему пространству государства для свободнаго управленія публичнымъ и домашнимъ воспитаніемъ и для озаренія своими познаніями всѣхъ классовъ общества... Силою естественнаго дѣйствія женщинъ, получившихъ это воспитаніе“, вліяніе ихъ распространилось бы и на все гражданское общество. „Какъ легко было бы правительству—говорится въ концѣ статьи—подчинить нравы своей власти и управлять ими“²⁾!

Со времени изданія Положенія 1834 года стали собирать свѣдѣнія о числѣ домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ. Изъ печатавшихся въ журналѣ министерства отчетовъ видно, что число учительницъ постоянно превышало число наставниковъ и учителей. Въ 1838 году ихъ было 110 (наставниковъ 42, учи-

¹⁾ Журн. мин. нар. пр. 1835, кн. VI.

²⁾ Журн. мин. нар. пр. 1834, кн. 3.

телей 66); въ 1839-мъ учительницъ 136 (наставниковъ 44, учителей 75); занимающихся обученіемъ грамотъ и ариѳметикъ женщинъ 326 (мужчинъ 292); въ 1840: учительницъ 149 (наставниковъ 41, учителей 77); въ 1841: учительницъ 156 (наставниковъ 41, учителей 83); въ 1842: учительницъ 198 (наставниковъ 47, учителей 115); въ 1846: учительницъ 257 (наставниковъ 55, учителей 211); занимавшихся обученіемъ грамотъ и ариѳметикъ женщинъ 635 (мужчинъ 485). Въ этомъ году пріѣхало въ Россію всего 25 иностранцевъ—учителей и учительницъ ¹⁾.

Воспитаніе и обученіе въ частныхъ пансіонахъ этого времени (1828—1853 гг.) шло по обычной, рутинной, колеѣ. Какъ въ лучшихъ, такъ и среднихъ, на первомъ мѣстѣ стояло обученіе французскому языку, выправкѣ и манерамъ. Открывая пансіонъ, содержательницы завѣряли, что будутъ внушать воспитанницамъ правила „чистѣйшей нравственности при самомъ строгомъ надзорѣ“ ²⁾. Бывшая воспитанница Смольнаго, просившая въ 1836 году о разрѣшеніи открыть въ Курскѣ благородный пансіонъ для дѣвицъ, въ представленной харьковскому университету программѣ говорила, что „получивъ сама отъ щедротъ Державно-благотворнаго Престола первыя впечатлѣнія воспитанія, не умѣетъ иначе чувствовать и не желаетъ иначе понимать воспитаніе какъ сообразно съ святыми законами вѣры и благодѣтельнымъ желаніямъ Правительства, отечески пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ“ ³⁾.

Въ бѣльшей части тѣхъ городовъ, въ которыхъ существовали женскіе пансіоны, это были единственныя общественныя въ цѣлой губерніи заведенія, гдѣ могли получать образованіе дѣвочки. Если основывать свое сужденіе о нихъ только на программахъ, то многіе изъ тогдашнихъ пансіоновъ могли удовлетворять требованіямъ средняго общаго образованія. Большинство содержательницъ все-таки были иностранки. Въ 1842 году въ Вяткѣ былъ открытъ пансіонъ купеческою женою Луизою Диттель; это было первое по времени женское средне-учебное заведеніе во всей губерніи ⁴⁾. Въ вологодскомъ пансіонѣ госпожи Дозе, бывшемъ также первымъ по времени женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ губерніи, въ 1843 году было всего 20 учащихся. Кончившая въ этомъ

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1847 г.

²⁾ Въ изданномъ въ 1836 году главнымъ правленіемъ училищъ Положеніи о благородныхъ пансіонахъ, дозволялось наказывать розгами въ случаѣ, еслибы другія мѣры оказались бы неэффективными. (Журн. мин. нар. просв. 1865 г.).

³⁾ Архивъ мин. нар. пр.

⁴⁾ Столѣтіе Вятской губ. 1780—1880. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Изданіе Вятскаго губ. статист. Комитета. Вятка. 1880 г., стр. 460.

пансіонѣ курсъ, дѣвица Соколова, была первою въ губерніи женщиною, державшею (въ 1842 году) экзаменъ въ вологодской гимназіи на званіе домашней учительницы. Въ пансіонѣ съ 1846 года преподавалось краткое обзорѣніе физики и краткій обзоръ всеобщей исторіи на французскомъ языкѣ, также риторика по книгѣ Кошанскаго. Программа харьковскаго пансіона г-жи Ларешъ, открытаго въ 1847 году, включала не только обученіе иностраннымъ языкамъ (и англійскому), но и словесность этихъ языковъ, также и русскую, математику, физику. Содержательница просила позволенія назвать свой пансіонъ „образцовымъ“. Но въ этомъ ей было отказано на томъ, въ числѣ другихъ, основаніи, что „всѣ почти частныя женскіе пансіоны въ Харьковѣ въ весьма хорошемъ состояніи и образцомъ для нихъ служить харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ“¹⁾.

Въ Петербургѣ существовалъ хорошій пансіонъ, открытый въ 1847 году г-жею Чистяковою, женою извѣстнаго въ свое время педагога. Содержательница получила образованіе въ дерптскомъ пансіонѣ, выслушала потомъ полный курсъ наукъ отъ профессоровъ дерптскаго университета, и, выйдя замужъ, изучала педагогику. Въ ея пансіонѣ на первомъ мѣстѣ стояло преподаваніе русскаго языка, но воспитанницы должны были говорить въ опредѣленные дни на иностранныхъ, въ томъ числѣ и англійскомъ, ученіе которому въ пансіонѣ было обязательно²⁾.

Женскій пансіонъ въ Пензѣ, открытый въ 1842 году частнымъ лицомъ, г-жею Кондратьевою, въ слѣдующемъ же году былъ поддержанъ дворянствомъ губерніи, которое на выборахъ 1843 года постановило учредить сборъ по копѣйкѣ серебромъ съ каждой владѣльческой души на содержаніе въ пансіонѣ двадцати воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ дворянъ, по двѣ отъ cadaго уѣзда, по выбору предводителей дворянства. За каждую изъ нихъ положено было платить по 128 рублей 57 копѣекъ въ годъ, хотя своекоштные пенсіонерки платили по 172 рубля. На томъ основаніи, что въ пансіонѣ содержатся 20 воспитанницъ отъ дворянства, было разрѣшено ходатайство губернскаго предводителя о подчиненіи этого пансіона директору пензенскаго дворянскаго института. Къ отпускаемой на содержаніе двадцати воспитанницъ ежегодной суммѣ въ 2.664 рубля 24 копѣйки серебромъ, дворянство прибавило въ 1851 году еще 755 рублей; тогда пансіонъ былъ преобразованъ и для него издано Положе-

¹⁾ Донесеніе управляющаго харьк. округомъ, генераль-адъютанта Кокошкина министру нар. пр. (Арх. мин. нар. пр. 1851 г.).

²⁾ Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXV. Смѣсь.

ніе, которымъ для завѣдыванія пансіономъ учреждался особый Совѣтъ изъ почетной попечительницы, губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя пензенской гимназіи и дворянскаго института. Директору послѣдняго было поручено ближайшее завѣдываніе учебною частью. Полупенсіонерки и приходящія, до тѣхъ поръ допускавшіяся въ пансіонѣ, Положеніемъ 1852 года были отмѣнены. Въ 1855 году, по представленію новой содержательницы о томъ, что многіе дворяне и чиновники не въ состояніи платить по 172 рубля въ годъ за содержаніе своихъ дочерей полными пенсіонерками, были вновь допущены полупенсіонерки съ платою по 120 рублей въ годъ за каждую.

Въ пансіонѣ преподавались: законъ Божій, священная и церковная исторія, русская грамматика, словесность и логика, первая и вторая части ариѳметики, географія и исторія всеобщая и русская, французскій языкъ (нѣмецкій былъ отмѣненъ Положеніемъ 1852 года), чистописаніе, рисованіе, музыка, танцы. Въ 1855 году было введено преподаваніе краткой естественной исторіи ¹⁾. Преподаваніе естественныхъ наукъ было разрѣшено въ 1853 году и въ одесскомъ женскомъ пансіонѣ, содержавшемся г-жею Лапа.

Плата въ женскихъ пансіонахъ была различна. Въ существовавшемъ въ 1835 году въ Царскомъ селѣ пансіонѣ, содержательницею котораго была жена придворнаго камеръ-музыканта, Губертъ, платили по 13 рублей въ мѣсяцъ. Въ харьковскомъ пансіонѣ, гдѣ преподавали математику и физику — 286 рублей въ годъ и кромѣ того особо за обученіе англійскому языку, пѣнію и за прислугу. Въ пензенскомъ пансіонѣ съ полупенсіонерокъ до 1855 года брали по 86 рублей, за музыку была особая плата и, кромѣ того, пенсіонерки платили за прислугу по 18-ти рублей въ годъ. Въ вологодскомъ пансіонѣ Дозе полныя пенсіонерки платили по 450 рублей въ годъ, а полупенсіонерки половину этой суммы. Въ черниговскомъ перворазрядномъ пансіонѣ, открытомъ въ 1837 году, плата съ пенсіонерокъ равнялась 150 рублямъ въ годъ, полупенсіонерокъ — 75-ти, за музыку платили особо. Въ 1847 году были 23 пенсіонерки изъ дворянъ; онѣ платили по 450 рублей въ годъ и 11 полупенсіонерокъ по 250 рублей каждая. Но содержательница писала въ этомъ году попечителю учебнаго округа, что она „изъ опыта узнала, что кромѣ разстройства ея состоянія послѣ девятилѣтняго содержанія, пансіонъ ей ничего не можетъ принести“ и просила разрѣшенія преобразовать его на степень приходскаго училища ²⁾.

¹⁾ Арх. мин. нар. пр.

²⁾ Частный благородный женскій пансіонъ въ Пензѣ. (Арх. мин. нар. пр.)

Въ очень многихъ, даже губернскихъ городахъ, до 1855 года совсѣмъ не было не только общественныхъ или правительственныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, но и частныхъ пансіоновъ.

Въ Петербургѣ въ 1841 году принцесса Терезія Ольденбургская открыла на свои средства небольшое закрытое училище для бѣдныхъ дѣвицъ всѣхъ свободныхъ состояній. Цѣль училища состояла въ томъ, чтобы обезпечить ихъ будущность „трудомъ честнымъ и благороднымъ“. Кромѣ пенсіонерокъ принцессы, допускались пенсіонерки и частныхъ лицъ, съ платою по 300 рублей ассигнаціями въ годъ. Училище помѣщалось въ купленномъ принцессою каменномъ домѣ на петербургской сторонѣ. Курсъ ученія назначался четырехлѣтній, элементарный, но воспитанницы обязаны были обучаться иностраннымъ языкамъ. На обученіе музыкѣ было обращено большое вниманіе и съ этой цѣлью былъ приглашенъ Гензельтъ въ качествѣ инспектора музыки. Наблюденіе за учебной частью было возложено на ректора петербургскаго университета, Плетнева. Сама принцесса принимала близкое участіе въ дѣлахъ училища. Желających поступить въ него было такъ много, что въ 1853 году было выстроено новое четырехэтажное зданіе. Въ 1855 году воспитанницамъ училища было дано право на полученіе званія домашнихъ учительницъ наравнѣ съ воспитанницами женскихъ учебныхъ заведеній второго разряда ¹⁾).

Что касается частныхъ женскихъ пансіоновъ въ западномъ краѣ, то еще въ 1831 году, сейчасъ же послѣ усмиренія польскаго возстанія, было сдѣлано распоряженіе, чтобы находившіяся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ римско-католическими монахинями, воспитанницы греко-уніатскаго исповѣданія, были оттуда выведены и чтобы это было распространено и на кіевскій учебный округъ. Вслѣдъ затѣмъ было упразднено значительное число римско-католическихъ монастырей и принадлежавшія имъ имѣнія взяты въ казну съ тѣмъ, чтобы получаемые съ нихъ доходы были употребляемы на богоугодныя заведенія и, въ особенности, на содержаніе училищъ, бывшихъ при этихъ монастыряхъ. Изъ этихъ средствъ 70.000 рублей были назначены исключительно для устройства женскихъ учебныхъ заведеній и школъ.

Графъ Уваровъ, въ представленной имъ въ 1835 году, по повелѣнію государя, запискѣ о частныхъ женскихъ пансіонахъ въ западномъ краѣ, указалъ на то, что „послѣднія событія въ гу-

¹⁾ Ж. мин. нар. пр. 1891 г. іюнь. Пятидесятилѣтіе ж. уч. Ея Имп. Выс. принцессы Ольденбургской.

берніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, показали не одинъ примѣръ непріязненныхъ противъ Россіи порывовъ и между женскимъ поломъ“¹⁾. А такъ какъ правительство учредило надзоръ не только надъ частными учебными заведеніями въ Россіи, но обратило вниманіе и на обученіе дѣтей въ домахъ родителей, то графъ Уваровъ предложилъ распространить такой надзоръ и за воспитаніемъ дѣвицъ въ женскихъ монастыряхъ западнаго края. Онъ прибавлялъ, что приметъ мѣры къ тому, чтобы этотъ надзоръ былъ не стѣснителенъ для монастырей и чтобы онъ всегда оставался „въ границахъ благовиднаго наблюденія“. На этой запискѣ государь написалъ: „исполнить немедленно“.

По собраннымъ тогда свѣдѣніямъ выяснилось, что въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ было 27 женскихъ пансіоновъ при монастыряхъ, изъ которыхъ три могли быть причислены къ высшему разряду, три къ среднему и 21 элементарныхъ, для бѣдной шляхты и низшихъ слоевъ общества. Во всѣхъ этихъ пансіонахъ ежегодное число учащихся колебалось между 460 и 780, и значительная ихъ часть содержалась на средства монастырей. Свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній было около сорока съ 1.100 учащимися, въ числѣ которыхъ были и приходящія. Изъ нихъ 10 могли быть отнесены къ высшему разряду, 21 къ среднему и 9 элементарныхъ. Но общее число учащихся дѣвушекъ какъ въ монастырскихъ, такъ и въ свѣтскихъ пансіонахъ, составляло лишь $\frac{1}{6}$ часть общаго числа учащихся въ публичныхъ школахъ мальчиковъ, и огромное большинство дѣвушекъ могли получать лишь домашнее воспитаніе²⁾. Нѣкоторые изъ частныхъ женскихъ пансіоновъ, съ давнихъ поръ основанныхъ женскими монашескими орденами, состояли въ вѣдѣніи духовной власти и училищное начальство, какъ сказано въ запискѣ графа Уварова, никогда не могло имѣть на нихъ вліянія, ибо правила монастырскихъ клау-

¹⁾ Записка гр. Уварова о подчиненіи частныхъ ж. пансіоновъ, содержимыхъ ж. монастырями, надзору свѣтскаго училищнаго начальства. (Арх. М. Н. Пр. 1835).

²⁾ Въ внесенномъ, по Высочайшему повелѣнію въ 1845 году, на разсмотрѣніе комитета министровъ, рапортѣ виленскаго губернатора о состояніи губерніи, гдѣ онъ говорилъ, что въ ней нѣтъ казенныхъ учебныхъ заведеній для образованія дѣвицъ, государь сдѣлалъ замѣтку: „сообразить можно ли учредить учебныя заведенія для дѣвицъ, хотя въ видѣ малыхъ пансіоновъ“. Изъ представленныхъ тогда попечителемъ виленскаго учебнаго округа свѣдѣній оказалось, что и въ 1847 году во всемъ округѣ было 49 женскихъ учебныхъ заведеній (изъ нихъ 5 образцовыхъ пансіоновъ) съ 1.500 учащимися и что $\frac{4}{5}$ населенія, и въ томъ числѣ все высшее дворянство, остается при домашнемъ воспитаніи „гдѣ—писалъ попечитель—нѣтъ ничего русскаго ни по языку, ни по понятіямъ и чувствамъ“. (Къ статсъ-секретарю Гофману изъ министерства народнаго просвѣщенія 13 сент. 1847 г.—Арх. IV отд.)

зурь такъ строго наблюдались, особенно въ женскихъ монастыряхъ, что попечитель бѣлорусскаго учебнаго округа могъ осмотрѣть эти пансіоны лишь съ разрѣшенія и въ сопровожденіи епископа. Въ другихъ допускались визитаторы; но и въ этихъ пансіонахъ по прежнему учили монахини, не имѣвшія на то дозволенія отъ училищнаго начальства и назначавшіяся по распоряженіямъ римско-католическаго духовенства. Небольшое число пансіоновъ къ 1835 году уже подчинилось училищному начальству.

Витебскимъ монахинямъ ордена Маріавитокъ въ 1839 году было оказано пособіе въ тысячу рублей, для основаннаго ими, на пожертвованные въ 1831 году княгиней Ловичъ 4.000 червонцевъ, „въ память великаго князя Константина Павловича“ пансіона для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Этотъ пансіонъ былъ тогда преобразованъ изъ маленькой элементарной школы, которую княгиня Ловичъ, по просьбѣ Маріавитокъ, взяла подъ свое покровительство. Осматривавшій пансіонъ въ 1837 году министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, нашелъ въ немъ 62 воспитанницы, платившихъ за полное содержаніе 350 рублей въ годъ, 20 даровыхъ и 12 приходящихъ за плату по 200 рублей въ годъ. Преподавателями въ пансіонѣ были лучшіе учителя гимназій. Русскій языкъ, по донесенію графа Уварова, преподавался хорошо; гувернантками были русскія и нѣмки; на экзаменѣ воспитанницы пѣли „Боже Царя храни“. Тѣмъ не менѣе государь не согласился на просьбу Маріавитокъ о дозволеніи просить великую княжну Марію Николаевну принять пансіонъ подъ свое покровительство, хотя ей была уже подана объ этомъ записка, подписанная двѣнадцатью уѣздными предводителями дворянства и 66 дворянами, собравшимися для выборовъ.

Начальница ордена съ своей стороны подала прошеніе цесаревнѣ о томъ, чтобы пансіонъ и школы ордена не были закрыты. На это отчасти соглашался и графъ Строгановъ, управлявшій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Но учрежденный тогда особый Комитетъ для разсмотрѣнія мѣръ о передачѣ въ казну имѣній, принадлежавшихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ, указалъ на вредное вмѣшательство ордена Маріавитокъ въ дѣло женскаго воспитанія и государь положилъ на этомъ журналѣ Комитета собственноручную резолюцію: „при новыхъ пансіонахъ не допускать монахинь; женскія монастырскія заведенія закрыть чрезъ сіе тѣмъ болѣе возможно, что въ Могилевѣ открывается благородный Институтъ подъ покровительствомъ жены Моей“ ¹⁾.

¹⁾ Арх. мин. нар. пр. 1840 г.

Въ первое время послѣ того, какъ состоялось Высочайшее повелѣніе 1835 года, правительство не только разрѣшало, но даже поощряло открытіе въ западномъ краѣ новыхъ свѣтскихъ частныхъ пансіоновъ. Но желающіе учредить пансіонъ должны были дать подписку въ томъ, что они будутъ употреблять при ученіи лишь дозволенные училищнымъ начальствомъ книги и будутъ воспитывать дѣвицъ „съ водвореніемъ въ сердца ихъ правилъ вѣры, преданности къ престолу, любви къ Россіи; будутъ охранять ихъ невинность какъ нравственную, такъ и физическую, и со всею прозорливостью наблюдать за преподаваніемъ учителей“, что учителями они будутъ приглашать лишь имѣющихъ право преподавать по свидѣтельствамъ, выданнымъ имъ послѣ предварительнаго испытанія въ гродненской гимназіи, даже и въ томъ случаѣ, если учитель имѣетъ свидѣтельство отъ какой нибудь другой гимназіи.

Подробныя свѣдѣнія о числѣ женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ были въ первый разъ собраны въ 1834 году. Поводомъ къ этому было, какъ писалъ въ своемъ отчетѣ министръ народнаго просвѣщенія, то, что „иностранцы заключаютъ о числѣ учащихся въ Россіи единственно по отчетамъ министра народнаго просвѣщенія и такимъ образомъ въ *Revue Germanique* за 1834 годъ, при сравнительномъ обзорѣніи всемірнаго просвѣщенія, сдѣланъ ложный выводъ, будто на 700 человѣкъ жителей имѣется одинъ учащійся“¹⁾. Тогда министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало, по Высочайшему повелѣнію, распоряженіе о доставленіи ему начальствами учебныхъ заведеній статистическихъ свѣдѣній о числѣ этихъ заведеній и учащихся въ нихъ, и въ 1838 году эти свѣдѣнія были напечатаны²⁾.

Согласно имъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, включая сюда царство польское и Финляндію, учащихся женщинъ въ 1834 году было 30.964 (мужчинъ 214.387). Изъ нихъ 8.544 учились въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, 4.864 — въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, подъ непосредственнымъ управленіемъ императрицы и великой княгини Елены Павловны, 17.146 — въ заведеніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ (въ томъ числѣ и въ школахъ колоній въ окрестностяхъ Петербурга и уѣздахъ), 204 — въ школахъ человеколюбиваго Общества³⁾, 126 — въ школахъ императорскаго двора и

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1836 г. Кн. X.

²⁾ Таблицы учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ Россійской Имперіи съ показаніемъ отношенія числа учащихся къ числу жителей. Изданы по Высочайшему повелѣнію отъ министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ. 1838 г.

³⁾ Эти школы назывались тогда „Опыты воспитанія бѣдныхъ дѣтей женскаго пола“.

107 — въ школахъ военнаго министерства (училища солдатскихъ дочерей и старорусское городское училище военныхъ поселеній); въ частныхъ пансіонахъ и школахъ — 6.890. Со включеніемъ 16.789-ти дѣвочекъ, учившихся въ школахъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, также человеколюбиваго Общества, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (за исключеніемъ учреждений Императрицы Маріи) училось 18.478 дѣвочекъ; въ уѣздныхъ училищахъ 104.

Общее число учащихся обою пола во всѣхъ заведеніяхъ имперіи показано въ оффиціальной таблицѣ въ цифрѣ 244.993; при населеніи въ 50.585.857 человекъ, отношеніе числа учащихся къ числу жителей составляло 1 : 210, а число учащихся женщинъ — нѣсколько болѣе $\frac{1}{7}$ части числа учащихся мужчинъ.

Въ пятнадцати губерніяхъ ¹⁾ въ 1834 году не было общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, кромѣ институтовъ, а были лишь частныя пансіоны; тоже въ Москвѣ и цѣлыхъ учебныхъ округахъ: казанскомъ, харьковскомъ и бессарабской области. Въ 13-ти губерніяхъ ²⁾ не было ни общественныхъ, ни частныхъ учебныхъ заведеній.

Въ 1856 году въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, заведывавшихъ народнымъ образованіемъ, было 482.802 учащихся, изъ которыхъ 51.632 женскаго пола, составлявшихъ такимъ образомъ нѣсколько болѣе $\frac{1}{9}$ части общаго числа учащихся. Стало быть, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ (1834—1856), число учащихся дѣвочекъ возрасло почти на 22.000. Къ сожалѣнію, въ отчетахъ министра народнаго просвѣщенія послѣ 1834 года, число учащихся показывалось въ общей цифрѣ, безъ обозначенія ихъ по поламъ, и о женскихъ училищахъ, за исключеніемъ образцовыхъ пансіоновъ въ западномъ краѣ, совсѣмъ не упоминалось. Поэтому неизвѣстно какъ распредѣлялись 51.632 учащихся дѣвочекъ ко времени вступленія на престолъ императора Александра II-го.

¹⁾ Олонецкой, ярославской, калужской, пензенской, астраханской, воронежской, курской, полтавской, тамбовской, могилевской, витебской, кіевской, подольской, херсонской, екатеринославской.

²⁾ Вятской, пермской, нижегородской, саратовской, рязанской, минской, орловской, тобольской, томской, енисейской, землѣ донскаго войска; въ симбирской былъ одинъ Домъ трудолюбія и въ кавказской области — казенный пансіонъ съ 24 учащимися въ Закавказьѣ.

V.

Отношеніе общества къ институтскому образованію.—Отношеніе къ нему самихъ институтокъ.—Отношеніе къ нему литературы.—Отношеніе общества къ женскому образованію вообще.—Отношеніе къ нему литературы.—Ея требованія относительно образованія женщинъ.—Особые курсы наукъ для женщинъ.—Движеніе идей въ пользу улучшенія женскаго образованія.—Отношеніе женщинъ къ вопросу.—Новые женскіе типы въ литературѣ.—Образованіе женщинъ въ различныхъ слояхъ общества въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Отношеніе писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Отношеніе литературы къ женщинамъ-писательницамъ.—Положеніе ихъ въ обществѣ.—Отношеніе литературы къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ.—Женщины-писательницы до-гоголевскаго періода.—Измѣнившіяся въ концѣ 40-хъ годовъ требованія критики отъ литературныхъ произведеній.—Удовлетворяли ли имъ женщины-писательницы 40-хъ и начала 50-хъ годовъ?—Характеръ ихъ литературныхъ произведеній.—Отношеніе этихъ писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Причины пассивнаго отношенія женщинъ къ нему.—Условія ихъ жизни въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Ихъ роль въ движеніи на пользу женскаго образованія.—Слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны отряда сестеръ милосердія.

Развитіе, какое было дано въ царствованіе императора Николая женскому институтскому образованію, распространеніе институтокъ по всей имперіи, вниманіе и любовь къ нимъ двора, характеръ институтскаго образованія и воспитанія, отвѣчавшій требованіямъ и вкусамъ большинства тогдашняго общества, полезная дѣятельность многихъ изъ бывшихъ институтокъ въ качествѣ воспитательницъ и учительницъ въ своихъ и чужихъ семьяхъ, — все это привлекало къ нимъ вниманіе общества и литературы, особенно въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія.

Институтки часто тогда избирались героинями романовъ, главнымъ образомъ какъ представительницы невинности, чувствительности и того наивнаго міросозерцанія, которое очень правилось въ дѣвушкахъ. Къ тому же, изображеніе первыхъ впечатлѣній такого тепличнаго растенія, какъ институтка, при столкновеніи

ея съ дѣйствительною жизнью, само по себѣ давало богатую и интересную тему авторамъ.

Сами институтки поддерживали достоинство заведеній, въ которыхъ получили воспитаніе. Когда Погорѣльскій, въ своемъ романѣ *Монастырка*, посмѣялся надъ французскимъ языкомъ „кессе-кессе-кесселя“ своихъ героинь-малороссокъ, то бывшая институтка „Екатерина Институтина“ возразила ему, даже въ ущербъ правдѣ, что „видно господинъ Погорѣльскій не знаетъ, что у насъ для воспитанія дѣвицъ есть Институты Полтавскій и Харьковскій и кромѣ того множество пансіоновъ не только въ губерніяхъ, но и въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ“ ¹⁾.

Но средній уровень образованія русскаго общества тридцатыхъ годовъ былъ не высокъ; говоря о враждебномъ отношеніи тогдашней литературы къ просвѣщенію, князь В. Одоевскій писалъ въ 1836 году: „два-три человѣка занимаются у насъ Агрономіею; два-три человѣка собираются толковать о философскихъ системахъ, по слуху извѣстныхъ нашимъ литераторамъ; такъ называемые „ученые“ (т.-е. между литераторовъ) съ грѣхомъ пополамъ щечатся вокругъ словарей и энциклопедій, а наши нравоописатели толкуютъ о вредѣ излишней учености, пишутъ романы и повѣсти, въ которыхъ выводятся какіе-то господа Верхоглядовы, не только не существующіе, но и невозможные въ Россіи; выводятся философы, агрономы, нововводители — какъ будто существованіе этихъ лицъ было характерною чертою въ нашемъ обществѣ“ ²⁾.

Неудивительно, что женскіе институты считались тогда разсадниками не средняго, а высшаго образованія, и въ обществѣ, особенно въ глухихъ городахъ провинціи, главныя и почти единственныя тогда представительницы женскаго образованія — институтки, не пользовались сочувствіемъ и не встрѣчали себѣ поддержки. Во время своей поѣздки для осмотра учебныхъ заведеній нашихъ сѣверныхъ губерній, Никитенко встрѣтилъ въ Олонцѣ свою бывшую ученицу-институтку. „Она — пишетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ — до слезъ мнѣ обрадовалась: грустно живетъ ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвицы называютъ ее въ насмѣшку „ученою“ и распускаютъ на ея счетъ разныя сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними“ ³⁾. Но лучшіе изъ образованныхъ людей тогдашняго вре-

¹⁾ *Галатей*. Журналъ литературы, новостей и моды. Изд. Раичемъ. Москва. 1830 г.

²⁾ О враждѣ къ просвѣщенію въ нашей литературѣ. (Современникъ 1836 годъ. Т. II).

³⁾ Дневникъ А. В. Никитенко. 1834 г. (Р. Ст. 1889 г. авг.).

мени относились къ женскому образованію безъ предубѣжденія. Гоголь разсчитывалъ найти себѣ въ выпущенныхъ въ 1839 году изъ института сестрахъ, помощницъ по своимъ литературнымъ работамъ, также для задуманнаго тогда журнала „Москвитянинъ“¹⁾. Пушкинъ, Жуковскій, А. Тургеневъ прямо и безусловно высказывались за образованіе, ученость, и даже за занятія политикою, женщинъ. Вотъ одно изъ многихъ, высказанныхъ по этому предмету въ кружкѣ А. О. Смирновой, Пушкинымъ мнѣній: „Мольеръ смѣялся надъ *Ridicules*, но въ концѣ концовъ, если женщина пренебрегаетъ хозяйствомъ для того, чтобы ѣздить на балы и вечера, если она не занимается дѣтьми, а всю жизнь проводить съ портнихами, съ модистками и съ утра бѣгаетъ по магазинамъ—въ какомъ отношеніи будетъ она лучшей женой и матерью, чѣмъ та, которая не занимается своимъ домомъ и дѣтьми, а переводить Эвклида или читаетъ Гомера? Можно быть образованной, даже ученой, и исполнять свои обязанности. А я думаю, что имѣть возможность бесѣдовать съ своей женою большое удовольствіе“²⁾.

Наши журналы тридцатыхъ годовъ печатали время отъ времени хвалебныя статьи правительственнымъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ. „Отечественныя Записки“ 1830 года, въ обращеніи къ родителямъ, говорили: „если для выполненія главныхъ условій воспитанія мы не имѣемъ еще достаточно русскихъ учителей, которые бы могли обучать въ совершенствѣ французскому языку, то благодаря превосходнымъ Институтамъ для женскаго пола, въ нихъ образовалось уже достаточно молодыхъ дѣвицъ, кои могутъ замѣнить совершенно выписныхъ мамзелей и мадамъ, вывозящихъ (не говоря ничего другого) изъ Россіи золотыя горы въ чужіе края. Равномѣрно много есть изъ мѣщанскаго сословія дѣвицъ отличнаго поведенія, образовавшихся также въ патриотическихъ заведеніяхъ, кои въ совершенствѣ знаютъ разнаго рода рукодѣлія и желали бы занять мѣста камеръ-юнгферъ за весьма умѣренную цѣну“! Издатель „Отечественныхъ Записокъ“ Свиньинъ, даже „съ удовольствіемъ“ предлагалъ родителямъ и ищущимъ занятій женщинамъ, свое посредничество, выражая надежду, что рекомендуемыя имъ лица „вполнѣ оправдаютъ его участіе и желаніе быть обоюдно полезнымъ“³⁾.

Въ первой книжкѣ пушкинскаго *Современника* Плетневъ на-

¹⁾ Соч. и письма Гоголя. 1857, V. Письмо къ Погодину 4 ноября. 1839 г.

²⁾ Записки А. О. Смирновой. Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 г. (Сѣв. Вѣст. 1893 г. іюнь).

³⁾ Отеч. Зап. 1830 г. Ч. 45. Смѣсь.

печаталъ исполненную преувеличенныхъ похвалъ институтскому воспитанію и образованію статью ¹⁾).

О женскомъ образованіи вообще, наша литература прямо не говорила; но иногда въ журналахъ сообщались заграничныя извѣстія о немъ и по этому поводу наши журналы высказывали свои взгляды на воспитаніе и образованіе женщинъ. *Вѣстникъ Европы*, всегда серьезно относившійся къ вопросу, помѣстилъ въ 1829 году переведенную съ нѣмецкаго статью начальницы одного изъ нѣмецкихъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ которой авторъ доказывалъ необходимость ввѣрять направленіе женскаго образованія женщинамъ, а не мужчинамъ. *Московскій Наблюдатель*, приводя статьи изъ *Ladie's Magazine* и *Revue britannique*, высказался за самостоятельное развитіе женской личности и противъ стѣсненія ея при воспитаніи разными условными ограниченіями: „не думайте, дѣлайте то, что всѣ дѣлаютъ“ и т. п. ²⁾).

До конца тридцатыхъ годовъ почти вся наша періодическая литература была въ рукахъ трехъ, солидарныхъ между собою во взглядахъ и направленіи, редакторовъ: Греча, издававшего *Сынъ Отечества*, Булгарина—*Сѣверную Пчелу* и Сенковского—*Библіотеку для чтенія*. Эти органы относились съ глумленіемъ къ только что тогда провозглашенной во Франціи сен-симонистами идеѣ женской эмансипаціи. Булгаринъ съ яростью нападалъ на Жоржъ-Зандъ, обзывая ее „чудовищемъ“ и „нравственнымъ уродомъ“ ³⁾ Въ *Библіотекѣ для чтенія* отмѣчались наиболѣе выдающіяся сочиненія западныхъ женщинъ. Въ 1834 году появился въ печати ученый трудъ лэди Сомервилль „о связи физическихъ наукъ“ (*Connection of physical sciences*), и журналъ отнесся къ этому сочиненію съ одобреніемъ, но и съ ироніею. Въ своей статьѣ объ Елизаветѣ Кульманъ, Никитенко счелъ нужнымъ защищать ее отъ званія „ученой женщины“ ⁴⁾. Бѣлинскій, разбирая въ „Отечественныхъ Запискахъ“ вышедшій въ 1840 году переводъ англійскаго сочиненія „Призваніе женщины“ похвалилъ автора за то, что „признавая великое вліяніе женщины на общество въ качествѣ супруги и матери, порицая глупыя бредни сенсимонистовъ, требующихъ непосредственнаго вліянія женщины на общество какъ гражданина, исправляющаго

¹⁾ См. *Матеріалы для ист. жен. обр.* въ Россіи 1796—1828 г. стр. 222.

²⁾ Моск. Набл. 1835 г., ч. 1.

³⁾ Библіотека для чтенія, 1836 и 1837 г.

⁴⁾ Библ. для чтенія, 1835 г., кн. VІІІ.

общественныя обязанности наравнѣ съ мужчиною, онъ смотритъ на предметъ съ истинной точки зрѣнія“¹⁾.

Но къ Жоржъ-Зандъ Бѣлинскій отнесся восторженно, признавая въ ней женщину гениальную, и въ слѣдующемъ, 1841 году, писалъ: „женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предрасудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ — эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Занда и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества лжи, ея живую симпатію къ угнетенной предрасудками истинѣ“²⁾.

Годъ спустя, говоря о сочиненіяхъ Зинаиды Р—вой (псевдонимъ писательницы Ганъ), Бѣлинскій уже писалъ: „женщина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства, создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы человѣческаго существованія... Удивительно ли, что вся сила духовной натуры женщины выражается въ любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а всѣ другія человѣческія права рѣшительно отняты?... Дѣйствительно, какою ее создало воспитаніе и разныя общественныя отношенія, она — низшее въ сравненіи съ нимъ (мужиною) существо, хотя въ возможности, какою создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше... Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій... считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, на примѣръ искусству, наукѣ, — онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотятъ, во что бы то ни стало, найти въ одной любви“³⁾.

Этихъ взглядовъ Бѣлинскій держался до конца своей жизни. За годъ до смерти онъ, по словамъ близко знавшаго его П. В.

¹⁾ Сочиненіе В. Бѣлинскаго, Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва, 1859 года, ч. 4-я, стр. 6.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго. Т. 5, стр. 302.

³⁾ Тамъ же. Т. 7, стр. 176—178.

Анненкова, „мечталъ о воспитаніи дочери на естествознаніи и точныхъ наукахъ“¹⁾).

Хотя Жоржъ-Зандъ прямо не касалась въ своихъ произведеніяхъ вопроса о женскомъ образованіи, но ея горячая проповѣдь въ защиту человѣческой личности и ея свободы, даже самое появленіе такой личности, какъ она сама — все это представляло живой протестъ противъ рутинныхъ, вѣковыхъ предразсудковъ, порабоцавшихъ женщину.

Эта проповѣдь, вмѣстѣ съ доносившимся къ намъ изъ Франціи движеніемъ идей, отразилась и у насъ. Романы Жоржъ-Зандъ переводились и читались всѣми образованными людьми, хотя въ средѣ даже такихъ людей нѣкоторые ее осуждали. „Пора намъ бросить эту Жоржъ-Зандъ, которая всѣмъ надоѣла съ своей бабьей эмансипаціей — писалъ въ 1843 году извѣстный переводчикъ Введенскій Милюкову²⁾. Тѣмъ не менѣе, возбужденный ею интересъ къ положенію женщинъ въ обществѣ и условіямъ ихъ жизни, вмѣстѣ съ другими теоріями, провозглашенными тогда во Франціи, вызвали вниманіе западной литературы, а за нею и нашей, къ вопросу о воспитаніи и образованіи женщинъ³⁾.

Въ Московскомъ Наблюдателѣ и Отечественныхъ Запискахъ было напечатано извѣстіе объ африканскомъ женщинѣ-врачѣ, „невиданномъ дотолѣ феноменѣ“ по словамъ посланнаго французскимъ правительствомъ въ Египетъ для ученыхъ изслѣдованій, г. Сегюра-Дюпейрона. Онъ доносилъ, что эта женщина-врачъ невольница, которая „облагородивъ себя наукою, заслужила уваженіе такимъ родомъ знанія, которое въ первый разъ еще встрѣчается въ молодой дѣвушкѣ и въ странахъ, едва начинающихъ выходить изъ грубаго и закоренѣлаго невѣжества“⁴⁾. По словамъ Сегюра, въ женскомъ отдѣленіи городской общественной больницы въ Каирѣ, всѣ лекаря — женщины, работающія подъ руководствомъ главнаго доктора — дѣвицы Фатьмы. Всѣ онѣ также

¹⁾ Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848 гг. Изъ литературныхъ воспоминаній П. В. Анненкова. (В. Европы. 1880 г., май).

²⁾ Отрывки изъ воспоминаній А. П. Милюкова. Ирней Ивановичъ Введенскій. (Истор. Вѣст. 1888 г., сент.).

³⁾ Въ 1848 году вышло во Франціи сочиненіе Легуве *Histoire morale des femmes*. Авторъ требовалъ, чтобы женщинамъ былъ поручаема надзоръ и уходъ за больными въ госпиталяхъ, надзоръ въ женскихъ тюрьмахъ, предсѣдательство въ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ воспитаніемъ и образованіемъ женщинъ. Но для этого онъ доказывалъ необходимость давать имъ полное образованіе въ тѣхъ, между прочимъ, видахъ, что, говоря его словами „еслибы женщинъ обучали философіи, то онѣ понимали бы Декарта и не понимали бы Пьера Леру“.

⁴⁾ Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.

молодые дѣвушки, учились въ медицинской школѣ, учрежденной нарочно для нихъ намѣстникомъ Египта, Клоттъ-Беемъ, который, признавая необходимымъ устройство такой школы для оказанія врачебной помощи женскому населенію страны, не рѣшился поручить это дѣло египтянкамъ, а велѣлъ купить десять негритянокъ и десять абиссинокъ, изъ которыхъ образовалъ женскую медицинскую школу. По окончаніи ими курса и сдачѣ экзамена передъ улемами, эти дѣвушки должны лечить женщинъ и прививаютъ оспу.

Помѣщая это извѣстіе, наши журналы отнеслись къ дѣлу серьезно и сочувственно.

Даже въ официальномъ органѣ, *Журналъ министерства народнаго просвѣщенія*, печатались извѣстія о томъ, что въ этой сферѣ происходило на западѣ. Въ первой же его книжкѣ было сообщено объ открытомъ профессоромъ Лери въ Парижѣ женскомъ Атенеѣ, также объ издаваемомъ въ Ліонѣ женщинами „для содѣйствія воспитанію женскаго пола“ журналъ „*Conseiller des femmes*“¹⁾.

О курсахъ Лери писала въ *Современникѣ* „русская дама“, оставшаяся очень ими довольною потому, что это заведеніе „облечено народностью и образуетъ для Франціи истинныхъ француженокъ“²⁾. Поэтому она очень удивилась, что эти курсы посѣщали многія русскія барышни. „Неужели этимъ иностранкамъ — восклицаетъ авторъ письма — всего необходимѣе убѣжденіе въ томъ, что Франція первая страна въ мірѣ и что ее надо любить болѣе всего на свѣтѣ?“ Хваля французовъ и француженокъ за пристрастіе ко всему своему, а жизнь парижанки хорошаго общества за то, что она занимается благотворительностью, „господствуетъ умомъ въ салонахъ, гдѣ она непреодолима какъ Гюго, увлекательна какъ Ламартинъ, сильна какъ Одиллонъ-Барро“, русская дама все-таки недовольна Парижемъ: „развѣ можно свято грустить — спрашиваетъ она — когда развлеченія со всѣхъ сторонъ увлекаютъ васъ и набрасываютъ всякаго сору на вашу свѣтлую благодатную грусть? Развѣ можно остаться чистымъ и праведнымъ, когда испорченность, недобросовѣстность, внѣшній блескъ, поддѣльное чувство, украшенный обманъ проявляются во всемъ: въ книгахъ, журналахъ, политикѣ, дружбѣ, ненависти, любви?“ Она даже сомнѣвается въ томъ, чтобы просвѣщеніе было такъ сильно развито во Франціи, какъ это кажется. „Умъ — говоритъ

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1834 г., кн. I.

²⁾ Письма изъ Парижа русской дамы. (Соврем. 1845 г.).

она — такъ занятъ положительнымъ, что нѣкогда заботиться о педагогіи и о нравственномъ воспитаніи“.

Вообще русскія дамы, преимущественно высшаго круга, довольно много тогда корреспондировавшія въ наши журналы, неодобрительно, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, относились къ Парижу и всему французскому. Ихъ огорчало и то, что парижская печать незнакома и не интересуется нашею литературою и вообще Россіею, съ которою онѣ старались знакомить французовъ. Одна изъ нихъ, молодая дѣвушка, въ письмѣ къ издателю одного французскаго журнала, пригласившему ее сотрудничать въ немъ, говоритъ, что уже четыре года, какъ она „оставила снѣга“ и поэтому не можетъ рассказать ему о „положеніи нашей словесности“. Она горюетъ, что принуждена писать по-французски „на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ у насъ только въ семейномъ кругу“, что всякое иностранное сочиненіе становится извѣстнымъ всей Европѣ, а въ Россіи встрѣчаетъ лишь рукоплесканія нѣсколькихъ читателей. „Вѣнецъ въ Петербургской Академіи—говоритъ она — слишкомъ маловаженъ въ сравненіи съ вѣнцомъ, получаемымъ въ Капитоліи“. Впрочемъ корреспондентка сообщаетъ, что у насъ просвѣщеніе идетъ исполинскими шагами, а успѣхи образованія съ каждымъ годомъ становятся очевиднѣе. „Отличное воспитаніе дворянства—говоритъ авторъ письма—истинно-патріархальные нравы народа, представляютъ у насъ разительную противоположность“. Это, по ея мнѣнію, очень выгодно поэтамъ. Другое наше преимущество авторъ видитъ въ томъ, что всѣ наши писатели люди высшаго состоянія и даже люди государственные, а ихъ судьи — также люди высшаго состоянія; по ея словамъ у насъ нѣтъ „несчастныхъ геніевъ, живущихъ на чердакахъ и кропающихъ стихи и прозу на продажу... у насъ не торгуютъ талантами и вдохновеніемъ; у насъ пишутъ для славы, а не для денегъ“¹⁾.

Печатавъ переводъ этого письма, издатель *Галатеи* говорилъ, что имъ онъ надѣется доставить удовольствіе читателямъ, которые увидятъ, что теперь прекрасный полъ у насъ не чуждается, какъ прежде, произведеній отечественныхъ Музъ... „Въ нихъ — прибавляетъ онъ—недостатка не будетъ лишь бы писатели не лѣнились писать какъ писали Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ“.

¹⁾ На это издатель *Галатеи*, помѣстившій переводъ письма русской корреспондентки, замѣчаетъ въ выноскѣ: „это еще вопросы!“ Ошибку своей соотечественницы онъ объясняетъ тѣмъ, что она уже четыре года не была въ Россіи, а въ это время „многое — говоритъ онъ — въ нашемъ отечествѣ измѣнилось и на все нашлись промышленники“. (Галатея. 1830 г. № 7).

Другая соотечественница, скрывшая свое имя подъ псевдонимомъ *Незнакомки*, сообщаетъ Журналу министерства народнаго просвѣщенія о томъ, что въ парижскомъ журналѣ *Panorama Littéraire de l'Europe* напечатана статья дѣвицы О — чъ, родомъ изъ Волыни, подъ заглавіемъ: *un jugement sur la France*. Въ ней авторъ хвалитъ французовъ за „глубокое чувство народности и живой вѣры въ пользу Монархическаго правленія“, но многое во Франціи осуждаетъ. Незнакомка по этому поводу съ гордостью восклицаетъ: „страна, присвояющая себѣ верховный судъ надъ образованнымъ міромъ, въ свою очередь подверглась здѣсь сужденію чужеземки и притомъ Россіянки“.

Дѣвица О — чъ изъ Волыни перевела „чрезвычайно отчетливо и вѣрно“ по словамъ Незнакомки, одну изъ повѣстей Бѣлкина, за что Незнакомка горячо благодаритъ помѣстившаго этотъ переводъ редактора журнала *Panorama*, который „одинъ изъ всѣхъ французскихъ періодическихъ изданій обращаетъ на русскую литературу просвѣщенное вниманіе; прочіе же, занятые политическими спорами и домашними пересудами, не думаютъ ни о какой, не только о русской литературѣ, да, вѣрно, и не хотятъ знать, что есть русскій умъ, русская письменность“. Она указываетъ и на другую, помѣщенную въ томъ же французскомъ журналѣ, статью Е. П. Мещерскаго: *De la satire en Russie*, гдѣ приведены выписки изъ статей „извѣстнаго Брамбеуса“ и которая отличается, по мнѣнію Незнакомки, вѣрнымъ взглядомъ на русскій характеръ.

Возникшія въ тридцатыхъ годахъ разсужденія о положеніи женщины въ обществѣ, условіяхъ ея жизни и роли въ семьѣ, болѣе не прекращались въ нашей литературѣ, и къ концу сороковыхъ годовъ почти всѣ, писавшіе о вопросѣ, признавали его важность въ интересахъ человѣчества, общества и семьи. Въ 1850 году вышло сочиненіе кіевскаго профессора Шульгина: *о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра*; въ немъ авторъ говорилъ: „значеніе женщины въ жизни человѣчества вообще, и сильное вліяніе, производимое ею на общество, придаютъ вопросу объ ея судьбѣ важность всемірно-историческую“. Выборъ такого предмета для ученаго сочиненія былъ одобренъ почти всѣми нашими журналами. *Отечественныя Записки* признали „важнымъ вопросъ о значеніи женщины въ исторіи человѣчества, объ отношеніи женщины къ мужчйнѣ и роли, которую она играетъ въ домашней и общественной жизни“¹⁾. *Современникъ* говоритъ, что

¹⁾ От. Зап. 1850. LXXI.

выборомъ своего предмета авторъ „обнаружилъ ученый тактъ и ясное пониманіе современнаго состоянія и потребностей русской исторической науки. Это чрезвычайно живой и интересный вопросъ“ ¹⁾.

Но для выполненія высокаго назначенія женщины, наши журналы не считали необходимымъ для нея основательное образованіе. „Пусть женщина трудится надъ своею душою — писалъ рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* — вообще надъ своею внутреннею жизнью. Для этого она можетъ и образовываться“ ²⁾.

Отводя женщинѣ почетное мѣсто въ исторіи развитія ума, *Современникъ* находилъ, что русская женщина уже удовлетворяетъ предъявляемымъ къ ней требованіямъ, ибо „каковы бы ни были недостатки ея воспитанія у насъ, нерѣдко она служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорою и мысли высокой и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительной ловкостью воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія существуютъ для нея только въ Россіи, и умѣла внести въ суровые нравы вкусъ къ знанію и смягченныя воззрѣнія“ ³⁾. „Женщины умѣютъ разговаривать; онѣ во всемъ находятъ силу: въ учености — смягчая ея угловатости, въ ограниченности свѣдѣній — добровольно въ томъ признаваясь; въ ложныхъ идеяхъ — защищая ихъ оригинальнымъ образомъ, въ ничтожности предмета — сообщая ему живость и воспріимчивость своей натуры. Женщины стараются пользоваться искусствомъ разговаривать по мѣрѣ своихъ силъ и поверхностнаго образованія“ ⁴⁾.

Признавая за женщиною равное съ мужчиною право на участіе въ развитіи своей духовной жизни, *Отечественныя Записки* объясняли низшую степень нравственнаго развитія женщинъ не ихъ природою, а „полуварварскимъ, немного-восточнымъ устройствомъ общества“ и „сахарнымъ, аркадскимъ воспитаніемъ, которое имъ дается“ ⁵⁾.

Поверхностность въ образованіи женщинъ не казалась тогда вредною и нѣкоторымъ людямъ науки, которые старались составить, каждый по своему предмету, особые курсы для нихъ. Въ 1849 году адъюнктъ-профессоръ Александровскаго лицея, Смарагдовъ, издалъ по плану нѣмецкаго ученаго, Эзера, написавшаго особое руководство къ преподаванію исторіи дѣвицамъ, *руководство къ всеобщей*

¹⁾ Совр. 1850. XXVI.

²⁾ Отеч. Зап. 1840 г.

³⁾ Современникъ. 1847 г. Т. I. (подъ редакціею Н. Некрасова и В. Панаева).

⁴⁾ Современникъ 1849 г. Т. XVII.

⁵⁾ Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.

исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. По мнѣнію Смарагова „въ существенномъ содержаніи исторіи не можетъ быть различія ни для женщинъ, ни для мужчинъ; искажать факты, давать имъ ложное значеніе, для женщинъ не слѣдуетъ; пусть и для нихъ добро останется добромъ, а зло зломъ. Но есть различіе въ назначеніи исторіи для женщинъ и мужчинъ, такъ какъ есть различіе въ самомъ существѣ и конечномъ назначеніи того и другаго пола. Мужчина долженъ изучать исторію прежде всего для нея самой, для ея абсолютнаго достоинства, а потомъ уже можетъ дѣлать изъ нея приложенія, смотря по обстоятельствамъ жизни. Женщина, которой нужно быть не ученою, а просвѣщенной матерью и воспитательницею юнаго поколѣнія, можетъ довольствоваться однимъ приложеніемъ къ исторіи для женскаго пола“¹⁾.

По программѣ Смарагова, женщинамъ достаточно сообщить, что назначеніе человѣчества есть его развитіе и усовершенствованіе, показать идею, какую Провидѣніе назначило развивать каждому историческому народу, какое участіе женщины принимали въ этомъ развитіи, „что были онѣ въ вѣкахъ протекшихъ дѣйствительно и ideally по воззрѣнію поэтовъ“. Это слѣдуетъ имъ показать для того, чтобы онѣ знали свое собственное достоинство, свое высокое назначеніе въ воспитаніи юныхъ поколѣній, уразумѣли, что появленіе всякаго великаго мужа на историческомъ поприщѣ было слѣдствіемъ просвѣщенной материнской любви и благоразумнаго попеченія въ лѣтахъ его дѣтства.

Рядомъ съ этимъ, женщинамъ слѣдуетъ показать, что „во всякое время, даже во времена самаго грубаго варварства, женщины оставались хранительницами добродѣтели и вѣры и, что порочныя женщины ускорили гибель цѣлыхъ народовъ“. Вообще уроки исторіи женщинамъ должны „облагородить женскій умъ, возвысить его надъ пошлостями, сплетнями и подобными житейскими мелочами, предохранить ихъ отъ сентиментальности, легкомыслія и мечтательности, которыя нерѣдко совращаютъ лучшихъ женщинъ съ пути ихъ назначенія и ставятъ въ противорѣчіе съ самими собою“.

Имѣя такую цѣль, исторія, въ преподаваніи ея женщинамъ, должна представлять событія „опредѣляющія ходъ развитія, въ связи съ жизнью, и, въ особенности, съ женскою жизнью“. Для того же чтобы ученицы „яснѣе познали Промыслъ Божій не

¹⁾ Руководство къ Всеобщей Исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ адъюнктъ-проф. Алекс. лицея С. Смараговъ. Ч. 1-я. Древ. Ист. С.-Пет. 1847 г.

только въ судьбѣ цѣлыхъ народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ“, имъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, сообщать, рядомъ съ великимъ событіемъ, біографіи, картины домашней жизни, культуру, нравы, ходъ наукъ и искусствъ, также развитіе религіозныхъ понятій, и только мимоходомъ касаться тѣхъ періодовъ, въ которыхъ человечество является болѣе разрушающимъ, нежели созидющимъ. А если нельзя совсѣмъ умолчать о такихъ событіяхъ, то „надо умѣть щадить нѣжное женское чувство: исторія, описывая и ужасы, должна дѣйствовать успокоительно и не разлучаться съ граціею“¹⁾.

Отечественныя Записки привѣтствовали трудъ Смарагова какъ новость, какъ „первую попытку на новомъ историческомъ поприщѣ“. Но, по ихъ мнѣнію, авторъ неудовлетворительно выполнилъ поставленную себѣ задачу и не далъ на нее отвѣта даже во второмъ выпускѣ своего труда, курсѣ средней исторіи, вышедшемъ въ томъ же году, ибо въ его руководствѣ женщины не выступаютъ на первый планъ²⁾. Кромѣ того, вліяніе женщинъ на мужа, семейство и общество, не ограничивается однимъ воспитаніемъ; „у нихъ—говоритъ рецензентъ—есть еще другое царство — красота“ и исторія, назначенная для женщинъ, не должна упускать изъ виду этого вліянія ихъ въ теченіе вѣковъ³⁾.

Другой курсъ исторіи, также для дѣвицъ и преимущественно для женскихъ институтовъ, печатался въ журналѣ *Звѣздочка*; этотъ курсъ, несмотря на то, что печатался въ журналѣ для дѣтей хотя и старшаго возраста, былъ научнѣе курса Смарагова⁴⁾.

По геометріи былъ также составленъ особый курсъ для дѣвицъ⁵⁾. Изъ него авторъ, по словамъ рецензента *Отечественныхъ Записокъ*, „сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать изъ геометріи самое нѣжное пристрастіе къ дѣвицамъ; онъ превратилъ ее въ легкое, подобное вышиванію по канвѣ и другимъ женскимъ занятіямъ, искусство употреблять въ приличныхъ случаяхъ геометрическіе термины“. По этимъ запискамъ дѣвицы „много, что въ три или четыре урока постигнутъ въ совершенствѣ игру въ

¹⁾ Введеніе. Стр. VII—X.

²⁾ Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXVII.

³⁾ Тамъ же. Т. LXIII.

⁴⁾ Опытъ изложенія исторіи для дѣвицъ въ современномъ значеніи этой науки. *Звѣздочка*. Журналъ для дѣтей, посвященный благороднымъ воспитанницамъ Институтовъ Ея Имп. Вел., издаваемый Александрой Ишимовою. С.-Пет. 1847 г.

⁵⁾ Геометрическія записки для дѣвицъ, составленныя В. М. Михельсономъ. С.-Пет. 1849 г.

линіи, плоскости и тѣла, не подвергаясь даже опасности встрѣтиться съ пифагоровой теоремою, которая обыкновенно вызываетъ улыбку на лицахъ мальчиковъ“¹⁾).

Но время шло, и хотя подъ вліяніемъ совершавшихся на западѣ событій, конецъ сороковыхъ годовъ былъ у насъ самымъ реакціоннымъ временемъ, тѣмъ не менѣе развивавшіяся тамъ идеи, въ томъ числѣ и переходившая уже въ дѣло²⁾ идея о необходимости улучшить женское образованіе и воспитаніе, продолжали оказывать вліяніе и на нашу литературу.

Къ тому же, если съ одной стороны, въ концѣ сороковыхъ годовъ у насъ было очень много людей, утверждавшихъ, что и безъ ученія и просвѣщенія можно весело и счастливо жизнь прожить, то съ другой—число образованныхъ или жаждущихъ образованія людей постоянно увеличивалось. Пробуждавшаяся мысль направлялась къ серьезнымъ сторонамъ жизни. Журнальная литература, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, какими были *Отечественныя Записки*, съ 1840 года по 1846-й служившія органомъ кружка Грановскаго и Бѣлинскаго, вокругъ которыхъ группировались лучшіе и наиболѣе даровитые литературные дѣятели молодого поколѣнія, и, съ 1847 года, *Современникъ*, старались удовлетворять нарождавшимся умственнымъ и нравственнымъ запросамъ общества, ближе стать къ жизни и дѣйствительности, уясняя и разрабатывая общественные вопросы, къ которымъ принадлежалъ и женскій.

Въ немъ, и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, на первомъ планѣ все еще стояли теоретическія разсужденія и анализъ женской природы; но съ этимъ такъ тѣсно былъ связанъ вопросъ о женскомъ образованіи и воспитаніи, что касаясь одного, неизбежно приходили къ другому.

Въ 1850 году *Современникъ*, съ самаго своего появленія подъ новою, съ 1847 года, редакціею Панаева и Некрасова, занимавшійся вопросомъ, напечаталъ небольшую замѣтку, обратившую на себя вниманіе какъ выраженіе той предѣльной точки

¹⁾ Отеч. Зап. 1849 г. Т. LXIV.

²⁾ Въ 1846 году въ Англіи началось движеніе въ пользу улучшенія образованія дѣвушекъ высшаго и средняго классовъ; въ 1848 году, на частныя средства было открыто первое женское общественное учебное заведеніе Queen's College, санкціонированное въ 1853 году королевскою хартіею, разрѣшавшею организовать корпорацію для поддержки новаго заведенія. Этою хартіею впервые, въ новѣйшее время, былъ формально и публично признанъ принципъ важности образованія женщинъ, не менѣе чѣмъ образованіе мужчинъ (The Woman Question in Europe. A Series of original Essays. Edited by Theodore Stanton, M. A. with an Introduction of Francis Power Cobbe. London. 1884. p. 33).

зрѣнія на вопросъ, который себѣ усвоили передовые люди общества и литературы наканунѣ эпохи реформъ. Послѣ подробнаго анализа женскаго ума и природы, авторъ замѣтки, Мацкевичъ, пришелъ къ заключенію, что въ интересахъ общества и молодого поколѣнія, необходимо давать женщинамъ основательное образованіе, обогащать ихъ умъ серьезными знаніями, а не развивать въ нихъ только пріятные таланты. „Нѣчего бояться — говорилъ онъ — что въ нихъ заглушится наукою женское чувство, природа“¹⁾.

Говоря о различіи между мужчиною и женщиною, Мацкевичъ дѣлаетъ такія сравненія: „фізіономія мужчины, его жесты, запечатлѣны особою энергіею и полны значенія; но они представляютъ свойства французскаго языка, опредѣлительнаго, сильнаго, но ограниченнаго. Существо женщины представляетъ свойства языка греческаго; оно выражаетъ все. У мужчины десять взглядовъ, у женщины сто; у мужчинъ одна улыбка, у женщинъ тысяча... Женщина умна по вдохновенію, не привыкла къ строгой логической послѣдовательности, неспособна по природѣ къ холодному разсмотрѣнію причинъ. Ей недоступны метафизическія системы, идеи отвлеченныя, понятія общія и политическія; ей присущъ духъ анализа, а не синтеза; чтобы мысль вошла ей въ голову, необходимо провести ее черезъ сердце... Ея вкусы — вкусы массы, ея требованія — не прошедшее, а настоящее“.

Но разница въ умственныхъ способностяхъ мужчинъ и женщинъ, по мнѣнію Мацкевича, скорѣе качественная, нежели количественная, а приписываемые женщинамъ недостатки происходятъ отъ ихъ невѣжества; поэтому онъ признаетъ чрезвычайно важнымъ дать серьезное направленіе ихъ воспитанію и образованію. „Науки — говоритъ онъ — должны преподаваться женщинамъ такъ, какъ онѣ преподаются мужчинамъ“ и въ особенности надо ихъ обучать астрономіи, „наукѣ безконечнаго, въ которой генію женщины суждено полное торжество.. Кто можетъ ручаться — спрашиваетъ авторъ — что эти организаціи, столь слабыя, нѣжныя, столь способныя проникать въ будущее, не откроютъ въ природѣ завѣсы, предъ которыми останавливается нашъ умъ? Онѣ не сдѣлаютъ такихъ открытій, какъ мы — прибавляетъ онъ — но пути которыхъ мы и предвидѣть не можемъ, поведутъ ихъ, можетъ быть, и выше, и далѣе“. Мацкевичъ думаетъ, что женщины „поймутъ науки по своему... что у однихъ (у мужчинъ) послужитъ къ укрѣпленію силы разсудка и мышленія, то

¹⁾ Замѣтка о женщинахъ. *Мацкевича* (Соврем. 1850 г. Т. XX. Смѣсь, стр. VI).

у другой (у женщинъ) будетъ содѣйствовать развитію чувства и изощренію понятій“. Но онъ признаетъ, что чѣмъ болѣе умъ женщины просвѣщенъ, тѣмъ она болѣе сохраняетъ превосходство и достоинства своей природы, „а въ области человѣческихъ знаній — говоритъ онъ — нѣтъ ни одной науки, въ которой не нуждался бы умъ женщины“.

Прикрывая эти, смѣлыя для тогдашняго времени, мысли, общепринятымъ взглядомъ на единственную, по мнѣнію большинства, цѣль, которой должно служить образованіе женщины, т.-е. чтобы она была въ состояніи „раздѣлять понятія супруга“ и руководить воспитаніемъ дѣтей, авторъ, въ интересахъ этихъ цѣлей, требуетъ, чтобы женщинамъ давалось серьезное образованіе, ибо мать, говоритъ онъ, безъ знанія „не въ полномъ значеніи слова мать и не супруга истинная“.

Эта статья была напечатана потомъ отдѣльной брошюрою ¹⁾ и вызвала замѣчанія, большей частью сочувственныя, тогдашнихъ журналовъ; а въ *Современникѣ* были, по ея поводу, высказаны такіе взгляды, которые въ настоящее время приняты всѣми образованными людьми. Рѣшать вопросъ о томъ, выше или ниже въ умственномъ отношеніи женщины, по сравненію съ мужчинами, по мнѣнію журнала, невозможно до тѣхъ поръ, пока воспитаніе и положеніе ихъ въ семьѣ и обществѣ неодинаково съ положеніемъ мужчинъ. Вліяніе воспитанія и роль, которую предписываетъ женщинѣ общественное мнѣніе, условія ихъ семейной и гражданской жизни, оказываютъ такое сильное вліяніе, что трудно распознать — какія черты въ характерѣ женщины и, въ особенности, ея умственномъ развитіи, связаны съ ея организаціею и какія слѣдуетъ отнести единственно къ тому исключительному положенію, въ какое поставлены почти всѣ женщины; а поэтому всякія соображенія о томъ, что женщины *по своей природѣ* всегда будутъ оказываться ниже мужчинъ и на любомъ общественномъ поприщѣ, не выдерживаетъ, по мнѣнію *Современника*, безпристрастнаго разбора. „Смѣшно говорить — прибавляетъ онъ — что у женщинъ неостанетъ ума, чтобы постичь мудрость того, что знали бездарнѣйшіе мужчины“ ²⁾.

Фактъ, что женщины не проявляютъ геніальности даже въ искусствахъ, которымъ ихъ обучали, объяснялось въ журналѣ тѣмъ, что искусствамъ обучаются сотни тысячъ мужчинъ и пять-шесть женщинъ. Если изъ этихъ сотней тысячъ выходитъ одинъ

¹⁾ Замѣтки о женщинахъ. Д. Мацкевича. Кіевъ. 1853 г. Въ пользу кіевскихъ дѣтскихъ пріютовъ.

²⁾ Совр. 1854 г. Т. XLVII.

геній, то неудивительно, что изъ шести женщинъ не выходитъ ни одного. Женщину учать только для того, чтобы женихъ не забраковалъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе на то, какъ она граціозно танцуетъ или играетъ на фортепіано. Онѣ выходятъ замужъ 18—19 лѣтъ, неприученныя мыслить; въ такомъ возрастѣ и изъ мужчинъ не образуются геніи; понятно, что женщина не успѣваетъ проявить себя до замужества; а выйдя замужъ, она вся должна уйти въ заботы о домѣ и дѣтяхъ.

Почти во всѣхъ замѣткахъ, появлявшихся въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, по вопросу о положеніи женщинъ въ семьѣ и обществѣ, высказывалось порицаніе ихъ тогдашнему воспитанію и образованію, въ которомъ главное вниманіе постоянно обращалось на развитіе памяти, а не мышленія, послѣдствіемъ чего являлись тупость ума и отвращеніе къ наукамъ. При этомъ иногда указывали, хотя и косвенно, намеками, на вредъ институтской системы образованія, въ которой иностранные языки оттѣсняли изученіе русскаго, и этимъ задерживалось развитіе мысли учащихся.

Съ постепеннымъ развитіемъ образованности въ нашемъ обществѣ, у лучшихъ его представителей естественно долженъ былъ измѣниться взглядъ на женщину и въ качествѣ подруги жизни. По крайней мѣрѣ въ литературѣ, начиная съ сороковыхъ годовъ, стали изображаться новые типы людей, можетъ быть существовавшихъ уже въ жизни; эти люди требовали отъ жены не только внѣшнихъ качествъ и нравственныхъ достоинствъ, но и развитія, и образованія. Отсутствіемъ этихъ качествъ въ подругахъ жизни, и вообще, отсутствіемъ образованной семьи, авторы объясняли неудачи личной жизни, и вслѣдствіе того, разочарованности своихъ героевъ.

Въ романѣ Дружинина *Полинька Саксъ*, написанномъ въ 1847 году, мужъ не довольствуется тѣмъ, что его жена „хороша какъ ангелъ, весела какъ птичка“, тиха и любитъ его; онъ страдаетъ, видя, что нелѣпое воспитаніе, въ домѣ родителей и въ модномъ пансіонѣ, задержало „ея младенствующій разумъ“ до такой степени, что поправить дѣло уже нельзя. Онъ хочетъ воспитать Полиньку по свѣдѣ, „развить ея способности вполнѣ, сообщить ея мыслямъ независимость и настоящій взглядъ на общество, вывести ее такимъ образомъ изъ ряда хорошенькихъ, но пустыхъ женщинъ... укрѣпить ея душевныя силы, направить ихъ ко всему доброму и разогнать облако сантиментальной безсмысленной невинности“¹⁾.

¹⁾ Сочиненія А. В. Дружинина. С.-Пет. 1865. Т. 1.

Для этого, Саксъ, человекъ сороковыхъ годовъ, когда эстетическіе вопросы стояли на первомъ планѣ, прежде всего прилагаетъ заботы къ развитію въ Полинкѣ эстетическаго вкуса, окружаетъ ее предметами искусства, такъ, чтобы „рука ея не коснулась ни до одной вещи, которая бы не была въ полной мѣрѣ изящна“. Но картины покрываются пылью, цвѣты сохнутъ; Полинка оказываетъ полное равнодушіе къ изящному убранству комнатъ. Саксъ прибѣгалъ и къ чтенію, но онъ самъ не вѣритъ въ дѣйствительность этого средства. „Признаюсь — пишетъ онъ другу — я столько видѣлъ зла отъ страсти къ книгамъ, что боюсь даже налегать на этотъ предметъ“. Однако онъ далъ-было Полинкѣ романы Жоржъ-Занда, думая что „женщинѣ будетъ доступенъ гений женщины“. Но Полинка только отъ него узнала, что Жоржъ-Зандъ женщина; она „зѣвала, зѣвала, и — бросила книги съ отвращеніемъ“.

Въ неспособности Полинки къ развитію, Саксъ винить прежде всего общество, которое „требованіями своими заставило обращать женщинъ въ ребятишекъ“.

Въ романѣ Ольги Н. *Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ*¹⁾, герой, убѣдившись въ томъ, что его невѣста не хочетъ подвигаться въ своемъ развитіи, перестаетъ ее любить несмотря на то, что она красавица, отличная хозяйка, любитъ его и даже обладаетъ нѣкоторою долею образованія, читаетъ стихи Лермонтова и другихъ поэтовъ.

Но стараясь развить и образовать жену, оба героя задавались этой цѣлью не въ интересахъ жены, а главнымъ образомъ, и согласно тогдашнимъ воззрѣніямъ, ради блага и удовольствія мужа. Саксъ хотѣлъ изъ Полинки „приготовить милаго и дѣльнаго помощника измученной своей душѣ, которая, безъ шутокъ — пишетъ онъ пріятелю — такъ нуждается въ дружбѣ, въ истинной веселости... въ потребности болтать отъ чистаго сердца“.

Тѣмъ не менѣе, если не на дѣлѣ, то въ сознаніи лучшей части русскаго общества, дѣло женскаго образованія, начиная съ сороковыхъ годовъ, сильно подвинулось впередъ. Этимъ женщины обязаны просвѣтительной дѣятельности лучшихъ и наиболее образованныхъ людей сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Пропагандируя и въ литературѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, прогрессивныя идеи, способствовавшія общему развитію русскаго общества, они въ то же время прививали ихъ и женщинамъ своего круга, будя

¹⁾ Современникъ. 1854 г. Т. 48.

въ нихъ вкусъ къ знанію, стремленіе приобрѣсть его и сознаніе собственнаго достоинства.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ, по словамъ современника¹⁾, были женщины, „думавшія о разумной жизни въ обществѣ и вліявшія не только на окружающихъ, но по своимъ связямъ, и на круги въ провинціи“; къ началу пятидесятыхъ, если въ жизни еще не существовало цѣльнаго типа Елены Тургенева и Ольги Гончарова²⁾, то, вѣроятно, у отдѣльныхъ женщинъ проявлялись характеристическія черты этихъ типовъ, отгаданныя авторами романовъ „Наканунъ“ и „Обломова“. Но Елена и Ольга могли быть въ то время только рѣдкими исключеніями уже потому, что онѣ росли правильно, нестѣсняемая въ своемъ развитіи; дѣтство ихъ прошло свободно, воспитаніе не искалѣчило ихъ. На это считаютъ нужнымъ указать оба автора.

Евгенія Туръ, въ первой своей повѣсти „Ошибка“, вышедшей въ 1851 году, также изобразила дѣвушку развитую, съ жаждой знанія, „зрѣлую умомъ и мыслью“, съ сильнымъ характеромъ, самостоятельную въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. По словамъ автора, Ольга (героиня „Ошибка“) развила въ себѣ эти качества „чтеніемъ классическихъ книгъ, новыхъ историческихъ сочиненій, критическихъ разборовъ“ и размышленіемъ надъ тѣмъ, что читала. Въ „Ошибкахъ“ не мужчина развиваетъ женщину, а она его³⁾.

Въ изображеніи такой дѣвушки въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, *Современникъ* увидѣлъ преувеличеніе со стороны автора, ибо, по его мнѣнію, Ольга идеаль „которому трудно найти образецъ въ жизни“⁴⁾. Впрочемъ и сама Евгенія Туръ говоритъ, что Ольгу всѣ считали „не отъ міра сего“.

Дѣвушка вполне развитая, съ „еще смутнымъ, но сильнымъ стремленіемъ къ свободѣ“, изображена Тургеневымъ въ лицѣ Елены. По свидѣтельству самого И. С. Тургенева, это, совершенно новое въ русской жизни, явленіе, взято имъ однако изъ дѣйствительной жизни⁵⁾.

Что касается собственно образованія, то, конечно, по мѣрѣ того, какъ оно распространялось въ обществѣ, его успѣхи отра-

¹⁾ И. В. Анненковъ. Идеалисты 30-хъ годовъ. (Вѣстникъ Европы, апр. 1883 г., стр. 508).

²⁾ Первая часть „Обломова“ напечатана въ 1849 году.

³⁾ Повѣсти и рассказы Евгеніи Туръ. Москва. 1859 г.

⁴⁾ Современникъ. 1851 г. Т. 25.

⁵⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Посмертное изданіе Глазунова. 1883 г. С.-Петербург. Т. I, стр. I—II.

жались и на женщинахъ. Изъ многихъ, извѣстныхъ намъ теперь записокъ, оставленныхъ современниками, также изъ біографій замѣчательныхъ почему либо женщинъ того времени, видно, что среди нихъ были очень образованныя и развитыя. Но ихъ образованіе, какъ это было и раньше, продолжало носить характеръ исключительно литературный въ то время, когда въ наиболѣе образованныхъ кружкахъ общества сталъ замѣтно обнаруживаться интересъ и къ политическимъ и къ общественнымъ наукамъ, къ знанію во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Женщины раздѣляли эти интересы; онѣ посѣщали лекціи, бывшія въ сороковыхъ годахъ, по выраженію *Современника*, „болѣе нежели модою, условіемъ общественной жизни“.

Т. В. Пассекъ, близко стоявшая къ наиболѣе образованнымъ кружкамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, говоритъ, что въ немъ были и ученые женщины. Своимъ ученицамъ Грановскій прочелъ нѣсколько лекцій въ кабинетѣ Н. А. Герценъ ¹⁾; онъ читалъ имъ не какой нибудь особый курсъ „для дамъ“, а тотъ же, который приводилъ въ восторгъ слушателей его публичныхъ лекцій.

Тѣмъ не менѣе, когда, въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, появились у насъ научные труды по изслѣдованію народной словесности, по исторіи, то женщины, и ранѣе не принимавшія участія въ серьезной литературѣ, развѣ только въ видѣ дѣтскихъ разсказовъ изъ исторіи, могли убѣдиться, что эти отрасли имъ недоступны, ибо и въ нихъ имъ недоставало даже знаній.

Впрочемъ, и среди наиболѣе образованныхъ тогда людей, научнаго образованія отъ женщины не требовалось и ученая женщина не вызвала бы къ себѣ особенной симпатіи или особеннаго уваженія, хотя и не показалась бы существомъ аномальнымъ ²⁾.

По поводу ученыхъ женщинъ, *Отечественныя Записки* въ 1842 году говорили: „у насъ еще такъ недавно начали появляться истинно-ученые мужчины; слѣдовательно намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ (автора книги: *характеры Шекспировскихъ женщинъ*), изумившей ученую и философскую Германію“ ³⁾.

¹⁾ Т. В. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ, ч. 2, стр. 372 и 373.

²⁾ Въ 1840 году была напечатана статья Софьи Панюты по философіи и къ ней журналы отнеслись серьезно, а напечатанная въ томъ же году записка Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ Казанской губерніи, встрѣтила одобрителный отзывъ даже въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. (Кн. XXXI).

³⁾ Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.

Образованіе большинства дѣвушекъ, оставаясь на почвѣ сословности, къ половинѣ пятидесятихъ годовъ развилось скорѣе количественно нежели качественно. Когда, во второй половинѣ этого десятилѣтія, явилась возможность прямо говорить о недостаткахъ женскаго образованія, то профессоръ Н. А. Вышнеградскій, въ первомъ же номерѣ только что основаннаго имъ журнала *Русскій Педагогическій Вѣстникъ*, помѣстилъ нѣсколько, можетъ быть, каррикатурную, но, въ общемъ, вѣрную картину домашняго воспитанія и образованія, дававшася до тѣхъ поръ большинству дѣвушекъ разныхъ сословій.

Въ дворянскомъ кругу дѣвушки, по словамъ журнала, воспитываются гувернанткой, главная забота которой состоитъ въ томъ, чтобы ученица какъ можно лучше говорила по-французски, хорошо танцевала и умѣла играть на фортепіано. Русскаго языка и русской исторіи она можетъ и совсѣмъ не знать, а знать ариѣметику ей даже неприлично. Изъ русской литературы ей можно дать кой-какое понятіе о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Лермонтовѣ; но Гоголя, какъ и всю натуральную школу, читать ей предосудительно. Она можетъ выучить наизусть стихотвореніе Бенедиктова „Кудри“ и прочесть „Лейтенанта Бѣловзора“ Марлинскаго.

Въ частныхъ женскихъ пансіонахъ главное вниманіе обращалось, по замѣчанію Гоголя, на французскій языкъ, вязанье кошелековъ и игру на фортепіано.

Въ семьѣ чиновника высшаго разряда дѣвочку, какъ только ей минуло 6 лѣтъ, начинали учить азбукѣ; училъ приходскій учитель, а иногда и мать; этому посвящался годъ, а затѣмъ начиналось обученіе, также въ теченіе года, священной исторіи по „Начаткамъ христіанскаго ученія“ преосвященнаго Филарета. Послѣ того начинается обученіе письму, почитываются басни Крылова, или какой-нибудь томъ Пушкина; образованіе заканчивается преподаваніемъ четырехъ дѣйствій ариѣметики, также склоненій и спряженій изъ русской грамматики. Затѣмъ начинается обученіе музыкѣ, танцамъ, рукодѣлію; дочь играетъ гаммы, выучиваетъ нѣсколько кадрили, вальсовъ, полекъ и романсовъ. Въ свободное время она читаетъ романы Дюма, Феваля въ русскомъ переводѣ, Загоскина, Зотова, Булгарина и съ величайшей охотою списываетъ всякіе, какіе попадутся, стихи русскихъ поэтовъ въ особыя тетрадки.

Въ семьяхъ чиновниковъ низшаго разряда, дочь учатъ лишь читать, ставить каракули и шить. Потомъ, самоучкой, она выучивается танцевать и пѣть „Тройку“ Глинки и „Когда разстанусь я съ тобою“ неизвѣстнаго поэта.

Дочь купца первой или второй гильдіи сажаютъ за азбуку лѣтъ семи; она учится или у приходскаго учителя, или у дьячка приходской церкви. Черезъ годъ, когда она окончила азбуку, ее выучиваютъ немного писать, а потомъ начинается самовоспитаніе, состоящее въ чтеніи романовъ Зряхова, Воскресенскаго, Зотова.

Дочерей купцовъ третьей гильдіи и мѣщанъ, или совсѣмъ не учатъ грамотѣ, или онѣ ходятъ къ приходскому дьячку или пономарю, гдѣ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ проходятъ букварь, часословъ, псалтырь и научаются немножко писать.

Въ духовномъ быту, дочь съ 6—7-ми лѣтъ сажаютъ за азбуку, преимущественно церковной печати, и потомъ за часословъ; въ это же время она учится писать и шить; за часословомъ слѣдуетъ псалтырь и затѣмъ ей даютъ какую-нибудь книгу гражданской печати, забытую дома сыномъ, пріѣзжавшимъ на каникулы изъ семинаріи—Логикѣ Кошанскаго или что-нибудь въ этомъ родѣ; научное образованіе дочери этимъ кончается. Но она откуда-то достаетъ пѣсенничекъ какого либо московскаго изданія, Соломона-гадателя и Сонникъ; выучиваетъ случайно романсы „Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ“ или „Занеетъ сердце въ разлукѣ, въ тоскѣ“ и распѣваетъ эти мелодіи. Ея знанія обнимаютъ: кругъ церковной службы, но безсознательно; ей извѣстно, что въ великомъ посту служатъ преждеосвященную обѣдню, но что такое эта обѣдня она не знаетъ; что надо ходить по воскресеньямъ въ церковь, соблюдать посты и хотъ разъ въ годъ говѣть; что она выйдетъ замужъ за священника или дьякона и что должна повиноваться мужу во всемъ и всегда. Если у нея есть братъ въ семинаріи или училищѣ, она отъ него узнаетъ, что *bien* значитъ хорошо, а *mal*—худо и перейметъ отъ него иногда какую-нибудь латинскую пѣсню. Въ послѣднее время, по словамъ журнала, въ провинціи, дѣвицы духовнаго званія самоучкой выучиваются танцевать французскую кадрили и польку и изрѣдка появляются на вечеринкахъ у чиновниковъ, гдѣ танцуютъ съ мѣстными юношами ¹⁾).

Недостатки воспитанія, дававшася дѣвушкамъ, восполнялись иногда чтеніемъ; во многихъ семействахъ, предоставленныя себѣ, онѣ читали все, что попадалось имъ подъ руку. Это имѣло дурныя, но и хорошія стороны, ибо рядомъ съ Февалемъ и Сю, онѣ читали потихоньку и Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева;

¹⁾ Русскій Педагогическій Вѣстникъ. Журналъ, издаваемый подъ редакціею Н. Вышнеградскаго. Ея Имп. Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ Всеподданнѣйше посвящаетъ Редакторъ Проф. Вышнеградскій. С.-Пет. 1857 г. Т. I.

такое чтеніе будило иногда мысль, открывало дѣвушкамъ многое въ окружавшей ее обстановкѣ, что вызывало сознаніе пустоты и безсодержательности ея жизни. Въ большинствѣ случаевъ это проходило безслѣдно, ибо съ дѣтства прививаемыя привычки настолько успѣвали къ этому времени окрѣпнуть у дѣвушки, что бороться съ ними у нея не было ни силъ, ни охоты.

Открыто идти наперекоръ господствовавшимъ въ обществѣ взглядамъ, не рѣшались даже тѣ женщины, которыя, живя въ болѣе благопріятной для развитія средѣ и слѣдя за литературою, глубоко проникались убѣжденіями лучшихъ ея представителей, задумывались надъ своею жизнью, тосковали ея пустотою.

И въ литературѣ женщины, за крайне рѣдкими исключеніями, долго не рѣшались выступить на защиту своихъ правъ даже на образованіе. Касаясь въ своихъ романахъ воспитанія героинь, писательницы сообщали, что у нихъ бывали дорогія гувернантки, а иногда и „лучшіе учителя“, что онѣ учились французскому языку, музыкѣ, танцамъ, умѣнью обращаться въ свѣтѣ; что матери строго предписывали гувернанткамъ никогда не оставлять дѣвицъ однѣхъ. Все это сообщалось какъ фактъ, и при замѣченной еще Бѣлинскимъ, общей всѣмъ писательницамъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, чертѣ — отсутствію ироніи и юмора, нельзя было понять, какъ относится къ такому воспитанію самъ авторъ.

Едва ли не единственное, въ этомъ смыслѣ, исключеніе, составляетъ г-жа Павлова, которая въ своемъ романѣ „Двойная жизнь“, вышедшемъ въ 1848 году, охарактеризовала дававшееся дѣвушкамъ свѣтское воспитаніе словами: „вмѣсто духа имъ даютъ букву, вмѣсто живого чувства — мертвое правило, вмѣсто святой истины — нелѣпый обманъ“.

Между тѣмъ въ это время наши первоклассные писатели, Тургеневъ и Гончаровъ, — первый мимоходомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ ¹⁾, второй въ подробностяхъ ²⁾ ясно, опредѣленно, и, въ тоже время, съ какою тонкою ироніею очертили это воспитаніе и образованіе во всѣхъ его разновидностяхъ!

Вообще, выбирая всевозможные сюжеты, писательницы какъ будто умышленно избѣгали самаго богатаго, лежавшаго притомъ у нихъ подъ рукою — ихъ собственной жизни и обстановки, хотя эта ненормальная, полная противорѣчій обстановка, представляла готовый матеріалъ для романа. Чтобы написать его не требова-

¹⁾ *Рудинъ* (1853). — *Фаустъ* (1855).

²⁾ *Обыкновенная исторія* (1847).

лось даже особеннаго таланта; достаточно было ума и наблюдательности — качествъ, которыми многія изъ писательницъ несомнѣнно обладали.

Правда, въ то время, до конца пятидесятихъ годовъ, для женщинъ не существовало иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ любви; наука, искусство, общественная жизнь — все это было не для нихъ. Большинство объ этомъ и не печалилось; но всегда были женщины, которыя чувствовали неудовлетворенность такою жизнью и даже догадывались гдѣ найти выходъ изъ нея; сказать это открыто — онѣ не рѣшались изъ боязни общественнаго мнѣнія, которое не простило бы имъ попытку переступить за черту его ходячей морали. Поэтому, не только въ тридцатыхъ, а даже въ пятидесятихъ годахъ, наши романистки проповѣдывали въ своихъ произведеніяхъ идеаль русскоѣ женщины тридцатыхъ годовъ — покорной христіанки, живущей исключительно для мужа, ставящей единственною себѣ задачею — нравиться мужчинѣ, жертвовать собою для него.

Въ этомъ приниженномъ направленіи ихъ воспитывала литература тридцатыхъ годовъ, находившаяся почти всецѣло въ рукахъ Булгарина, Греча и Сенковского. Даже въ концѣ сороковыхъ нерѣдко появлялись въ печати сочиненія, переводныя и оригинальныя, въ которыхъ авторы-женщины доходили до невозможныхъ нелѣпостей. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій назначеніе женщины опредѣлялось тѣмъ, что она должна „понимать все, не высказывая ничего и любить“... Любить, по пониманію автора, для женщины значитъ „быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, предметъ нашихъ мечтаній... Женщина, которая любитъ не должна уже помнить о своемъ отдѣльномъ существованіи; для нея родина, отечество, природа и общество — все это должно быть только крупницами еиміама, брошеннаго ею на жертвенникъ сердца“ ¹⁾. Въ другомъ говорилось, что женщина не только не принадлежитъ обществу, но даже и самой себѣ. Исключительная цѣль ея существованія, по мнѣнію автора-женщины, должна быть „не жизнь вообще, а жизнь брачная; въ особенности, и только, въ счастіи мужа позволительно ей находить свое собственное счастіе. Если ей не удалось — она погибла! Безъ мужа — она нуль!.. Даже истинный талантъ, образованіе, вкусъ, позволительны только той женщинѣ, у которой есть мужъ“ ²⁾.

¹⁾ Сочиненіе Викторины Л. С. 1848 г. С.-Пет.

²⁾ Обязанности замужней женщины и положеніе ея въ обществѣ. Г-жи Е. Еллисъ, 1848 г.

Въ *Современникъ* (старой редакціи) была помѣщена статья женщины о Жоржъ-Зандъ. Ополчаясь противъ французской писательницы, авторъ статьи восклицаетъ: „какъ жрица Божья на землѣ, женщина обязана съ твердостью и покорностью проходить по терніямъ жизни. Никакія постороннія отношенія, никакія размышленія о собственныхъ страданіяхъ не должны колебать ихъ правилъ. Вотъ истинная тайна ея свободы — другой никогда ей не достигнуть!“¹⁾

Признавая свое положеніе правильнымъ, женщины, такимъ образомъ, сами поддерживали взглядъ общества на ихъ назначеніе, и при этомъ иногда доходили до такой приниженности, что мужчины возмущались ихъ взглядами и защищали ихъ отъ нихъ же самихъ. Когда извѣстная въ свое время плодовитая писательница сороковыхъ годовъ, М. Корсини, осмѣяла въ своей комедіи²⁾ женщину-писательницу, *Отечественныя Записки*, въ разборѣ брошюры Мацкевича, замѣтили, что пріятно было прочесть эту книжку послѣ того, какъ сама женщина-писательница такъ отнеслась къ писательницамъ³⁾.

Среди послѣднихъ, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда идея о необходимости измѣнить положеніе женщинъ въ обществѣ и семьѣ вызывала, въ большинствѣ тогдашнихъ журналовъ, глумленіе, нашлись немногія, рѣшившіяся протестовать противъ такого къ нимъ отношенія; но онѣ протестовали робко, не во имя своихъ общечеловѣческихъ правъ, а ради возможности выполнить свое назначеніе — жить для другихъ, жертвовать собою для счастья близкихъ людей.

Возражая на насмѣшки Сенковского и Булгарина надъ старыми дѣвами, — моднымъ сюжетомъ авторовъ тогдашняго времени, г-жа А. Ж—ва (Жукова) говоритъ: „дайте женщинамъ одинаковыя нравственныя права съ вами, господа мужчины!.. мы не имѣемъ притязаній ни на эполеты, ни на судейскія кресла, ни — ни даже на авторскія очки: позвольте намъ только не ограничивать цѣли нашей единственно замужествомъ съ его послѣдствіями; позвольте вѣрить, что можно съ честью и правомъ на ваше уваженіе посвятить жизнь отцу, матери, братьямъ, племянникамъ, племянницамъ, стремясь къ усовершенствованію себя“.

Если мужчины позволяютъ старымъ дѣвамъ (дѣвушкамъ старше

¹⁾ *Современникъ*. 1846 г. Статья Элеоноры Земенуской.

²⁾ М. Корсини. Очерки современной жизни. Комедія „Женщина-писательница“. С.-Пет. 1849 г.

³⁾ *Отеч. Зап.* 1853 г. Т. LXXXIX.

25-ти лѣтъ) пользоваться этими правами, то, по увѣренію г-жи А. Ж—вой, онѣ „повѣрятъ въ счастье сдѣлать изъ своихъ комнатъ училище для сиротъ, въ наслажденіе варить супъ для бѣдныхъ, въ пріятность рыть гряды и садить цвѣты собственными руками“.

Но главною цѣлью жизни дѣвушки, не достигшей еще 25-ти лѣтъ, должна быть, и по мнѣнію Жуковой, любовь и „заключенное въ собственномъ сердцѣ ея“ благополучіе любимаго человека. „Эта мысль—говоритъ она—возвышаетъ женщину въ собственныхъ глазахъ ея; она гордится своею участью, гордится сама собою, и нѣтъ жертвы, которую не принесла бы она съ радостью такому благополучію“¹⁾.

Въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній, были однако и тогда даровитыя женщины, путемъ анализа вѣчной темы женской жизни—любви, приходившія къ мысли, что въ воспитаніи женщины кроется одна изъ причинъ тяжелаго и унижительнаго ея положенія въ обществѣ, не позволяющемъ ей внести въ свою жизнь какіе-либо другіе интересы, кромѣ желанія „нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ“. Талантливая писательница тридцатыхъ годовъ, Зенеида Р—ва (псевдонимъ г-жи Ганъ), въ своей первой повѣсти „Идеаль“, говорила: „женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ: „что скажетъ свѣтъ“, и если ея надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ“²⁾....

Ту же мысль, но ясно и опредѣленно, высказала, нѣсколько позже, г-жа Загряжская въ статьѣ: *о предразсудкѣ въ дѣлѣ женскаго образованія*; нѣкоторые ея взгляды и теперь не утратили своего значенія³⁾.

Молчаніе большинства писательницъ по существенному для нихъ вопросу можно до извѣстной степени объяснить тѣмъ, что и общество, и господствовавшая тогда часть литературы, относились къ нимъ такъ, что дѣйствительно надо было обладать мужествомъ, чтобы открыто выступить на защиту совершенно новыхъ идей. Достаточно вспомнить какъ сначала смотрѣлъ на назначеніе женщины Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего времени. Къ тому же, если нѣкоторыя женщины и чувствовали тягость условій своей жизни, то именно чувствовали,

¹⁾ *Мои курскіе знакомцы*. Сочинительницы *Вечеровъ на Карповкѣ*. (Библ. для чт. 1838 г. Т. 27).

²⁾ Библ. для чтенія. 1837 г. Т. 21.

³⁾ Журн. мин. нар. просв. 1843 г. Кн. 39.

а не думали о нихъ; поэтому ихъ жалобы на одиночество, рассказы о своихъ сердечныхъ страданіяхъ, не могли расположить къ нимъ общество, которое въ то время не думало и о болѣе важныхъ вещахъ.

Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ представителей литературы тридцатыхъ годовъ, Сенковскій, въ личныхъ сношеніяхъ съ писательницами поощрявшій ихъ занятія литературою ¹⁾, въ то же время печаталъ въ *Библиотекѣ для чтенія* злыя выходки противъ нихъ. Какъ легко относился Сенковскій къ вопросу, видно изъ того, что, помѣщая въ 1837 году въ своемъ журналѣ повѣсть Рахманнаго: „Женщина-писательница“, редакція выражала надежду, что русскія писательницы простятъ автору его насмѣшки „за его любезность, веселость, остроуміе“ и увѣряла, что сама редакція стоитъ за то, чтобы женщины писали, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ „только дамы могутъ придать пишущему классу примѣръ легкости и тонкаго вкуса“.

Въ этой повѣсти, какъ и вообще въ повѣстяхъ такого рода, проводилась мысль, что женщины не должны писать „изъ скромности“, ибо писательница „сбрасываетъ съ себя покрывало стыда и этимъ перестаетъ быть женщиною“. Ей разрѣшалось участвовать въ литературѣ лишь въ томъ случаѣ, если она своимъ трудомъ можетъ облегчить мужу, для котораго должна жить, добычаніе средствъ къ содержанію семьи. Но и тогда ей ставилось условіемъ, чтобы она ничего не писала противъ брака, общества и своего положенія въ немъ, ибо „мужъ справедливо можетъ опасаться, чтобы свѣтъ не подумалъ, что его жена описываетъ въ романѣ свое несчастіе“.

Сторонники женщинъ впадали въ другую крайность. Высказывая удовольствіе тому, что сочиненіе герцогини Абрантесъ: „Собраніе назидательныхъ и полезныхъ для юношества повѣстей“ переведено женщиною, *Отечественныя Записки* въ этомъ видѣли „великое, блистательное преимущество нашего вѣка и неопровержимое свидѣтельство успѣховъ нашего воспитанія... Если науку — писалъ рецензентъ — полюбятъ женщины, то наука изъ школъ перейдетъ въ семейный кругъ, изъ книги въ жизнь“ ²⁾.

Но и *Отечественныя Записки* держались того мнѣнія, что едва ли женщины когда либо создадутъ что-нибудь геніальное, „ибо ихъ геніальность высказывается въ другомъ родѣ“. Имъ

¹⁾ См. *Романъ забытой романистки*. А. В. Старчевскаго. (Истор. Вѣстн. 1886 г., авг.).—*Осипъ Ивановичъ Сенковскій* (баронъ Брамбеусъ). Воспоминанія Е. П. Ахматовой. (Р. Стар. 1889 г., май и 1890 г., авг.).

²⁾ Отеч. Зап. 1839 г. Т. II.

можно, по мнѣнію журнала, предоставить брать сюжеты для своихъ произведеній „въ разумнымъ предѣлахъ сферы, для которой онѣ созданы“, т.-е. семейства и индивидуальной жизни. Въ этой сферѣ онѣ могутъ „заявить себя произведеніями, заслуживающими удивленіе и способными быть источникомъ самыхъ живыхъ наслажденій“. По поводу сочиненій графини Сарры Толстой *Отечественныя Записки* назвали автора геніальной женщиною, „но не потому, что она геніальный поэтъ, а потому, что это геніальная женщина, никогда не думавшая изъ магической сферы своей робкой и стыдливой женственности выходить на шумную арену похвалъ и поощреній, никогда не думавшая авторствовать, но для себя и своего домашняго круга изливавшая ароматическое благоуханіе своихъ думъ и сладостныхъ мечтаній“¹⁾. По мнѣнію журнала, истинно великая и геніальная женщина—это „по преимуществу религіозное существо, натура глубоко внутренняя. Ея не видать на аренѣ; она не записываетъ своего имени на скрижаляхъ исторіи; но она живетъ не даромъ... Созерцать ее равносильно животворному чуду духа“²⁾.

Такіе взгляды раздѣлялъ и *Современникъ*, писавшій въ 1842 году: „Теперь женщинѣ уже не отказываютъ въ правѣ развивать въ себѣ всѣ человѣческія способности, позволяютъ наравнѣ съ нами искать въ наукѣ способовъ къ самосовершенствованію и свободно употреблять слово на пользу или наслажденіе другимъ“. Удивляясь „дамскому таланту, который счастливымъ творчествомъ или изящнымъ словомъ очаровываетъ душу и слухъ“, *Современникъ* признавалъ заслуживающею глубокаго уваженія лишь такую писательницу, которая пишетъ для семейства и объясняетъ матерямъ тайны воспитанія³⁾.

Бѣлинскій смотрѣлъ на дѣло иначе; въ 1843 году онъ писалъ: „Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Лживый взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе (въ литературѣ)... Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгнетъ пошлыхъ намековъ и названія снѣгаго чулка, каковъ бы ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный... едва ли кто упуститъ случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностью женскаго ума, болѣе, будто бы, приноровленнаго для кухни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества“. Но хуже всего для женщины-писательницы, по мнѣнію Бѣлинскаго, то,

¹⁾ Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.—Сочиненія Сарры Толстой были изданы послѣ ея смерти и не предназначались для продажи.

²⁾ Отеч. Зап. 1840 г. Т. X.

³⁾ Современникъ. 1842 г. Т. 27.

что она „осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно — вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже дѣти, но которыя тѣмъ не менѣе считаются почтенными. Нельзя употребить бѣльшаго насилія надъ женщиною — восклицаетъ онъ — нельзя оказать ей бѣльшаго презрѣнія!“ — „А вотъ и смѣшное: — говоритъ Бѣлинскій — то же самое общество не читаетъ женщинъ, пишущихъ въ духѣ его же собственной морали и обходитъ ихъ самымъ прездирительнымъ невниманіемъ, потому что оно само не вѣритъ своей морали и смѣется надъ нею“.

Относя все это къ западной Европѣ, гдѣ литература есть „выраженіе мысли, служащей источникомъ жизни для общества въ каждую эпоху его историческаго развитія“, между тѣмъ какъ у насъ она служить лишь пріятнымъ и полезнымъ, невиннымъ и благороднымъ, препровожденіемъ времени и для писателя и для читателя, Бѣлинскій думаетъ, что у насъ женщина смѣло можетъ писать, ибо если она „не всегда можетъ надѣяться стать слишкомъ высоко, за то никогда не должна бояться затеряться въ заднихъ рядахъ писакъ“ такъ какъ всѣ русскія женщины-писательницы „всегда обладали извѣстною степенью образованности, знаніемъ хоть французскаго языка“; при этомъ — говоритъ Бѣлинскій — имъ „не мало служить и врожденный женской натурѣ тактъ приличія и здраваго смысла“ ¹⁾.

Предубѣжденіе противъ женщинъ-писательницъ высказывалось и въ пятидесятыхъ годахъ. Въ 1852 году „наблюдатель надъ литературою“ писалъ въ *Москвитянинъ*: „Я знаю, что у насъ есть дамы-писательницы съ большимъ дарованіемъ... но, право, мнѣ кажется, что это не ихъ дѣло. Женщина должна быть образована; чѣмъ болѣе она образована, тѣмъ лучше; она должна слѣдить за литературою и наукой, но не должна писать точно такъ же, какъ не должна поступать въ военную службу и ѣздить на мужскомъ сѣдлѣ. Образование свое женщина должна употреблять для своего семейства... а не для увеселенія публики“ ²⁾.

При такихъ взглядахъ на женщину-писательницу, положеніе ея въ обществѣ было вообще тяжелое, а въ провинціи, особенно въ тридцатыхъ годахъ, даже трагическое. Испытавшая его на себѣ, г-жа Ганъ (Зенеида Р—ва), часто изображала это положеніе въ своихъ повѣстяхъ. На такую женщину всѣ смотрѣли какъ на что-то ненормальное; ее представляли себѣ непременно ученою и

¹⁾ Сочиненія. Т. 7.

²⁾ *Москвитянинъ*. 1852. Т. 5.

педанткою; поэтому, или ожидали отъ нея чего то необыкновеннаго и зачастую разочаровывались, или ея сторонились, особенно женщины, боясь, какъ бы она не описала ихъ; за глаза же ее осуждали и надъ нею надсмѣхались.

Не только въ тридцатыхъ годахъ, но и долго потомъ, женщина, образованіе которой было хоть сколько-нибудь выше общаго женскаго уровня, должна была скрывать свои знанія, какъ бы скромны они ни были, чтобы не прослыть синимъ чулкомъ и не заслужить упрека въ „учености и романтичности“.

Положеніе такой женщины въ сороковыхъ годахъ очертилъ Тургеневъ въ повѣсти „Переписка“ (1855 г.). Н. Д. Хвощинская говоритъ, что въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ „объявиться писательницей было невозможно“. Въ Рязани, гдѣ она жила и начала писать, провинціальное общество находило, что она „слишкомъ умна“¹⁾.

Первые литературные опыты Кохановской, набрасываемые на рапортахъ своего отца (ротмистра и казначея), были встрѣчены, по ея словамъ, насмѣшками родныхъ²⁾.

Къ произведеніямъ женщинъ литература долго относилась такъ, какъ говоритъ Бѣлинскій; за весьма рѣдкими исключеніями ихъ серьезно не разбирали, по бѣльшей части автора хвалили за „женственность, тонкость женскихъ наблюденій, прозрачность фигуръ, писанныхъ женской кистью“... Будь даже бездарна иногда писательница — говорилъ *Современникъ* въ 1851 году — на нее смотрѣли какъ на диво, потому что считали всякій трудъ ея, внѣ сферы хозяйства, явленіемъ исключительнымъ, а самую писательницу интересною игрою природы³⁾.

Въ такомъ отношеніи литературы къ женскимъ произведеніямъ *Отечественныя Записки* винили отчасти самихъ женщинъ. „По самому положенію своему въ обществѣ, принужденная жить въ мірѣ любезностей, комплиментовъ и всякихъ преувеличеній, женщина — писалъ рецензентъ по поводу сочиненій Евгеніи Туръ — поневолѣ глядитъ на указаніе своихъ недостатковъ какъ на злонамѣренность или невѣжливость; съ другой стороны лица, обязанныя высказывать ей, по своему крайнему разумѣнію, правду, и одну правду, не всегда остаются вѣрными своей обязанности. Не въ мѣру рѣзкіе передъ своимъ братомъ-литераторомъ, наши,

¹⁾ Н. Д. Хвощинская-Заіончковская (В. Крестовскій псевдонимъ). *В. И. Семейскаго*. (Р. Мысль. 1890 г. Окт.).

²⁾ Н. С. Соханская (Кохановская). Р. Арх. 1885 г. № 4.

³⁾ *Современникъ*. 1851 г. Т. XXVII.

да и всѣ европейскіе критики, шатки и неоткровенны передъ женщиной-писательницею“¹⁾).

Но все-таки, начиная съ сороковыхъ годовъ, наши лучшіе журналы стали мало-по-малу относиться къ женщинамъ-авторамъ не какъ къ „дамамъ“, а какъ къ писателямъ вообще: хвалили, или порицали произведеніе, не справляясь съ поломъ автора.

Правдивое отношеніе критики къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ было очень полезно для ихъ авторовъ; но, съ другой стороны, оно обнаружило прискорбное для женщинъ явленіе—сильную ихъ отсталость и въ беллетристикѣ. Въ эпоху романтизма, когда содержаніе романа или повѣсти, за немногими исключеніями, исчерпывалось описаніемъ сочиненныхъ страстей, изображеніемъ героевъ и героинь съ возвышенными чувствами и мечтами, подвизавшимися исключительно на аренѣ „свѣта“ и „общества“, интересы котораго составляли все содержаніе ихъ жизни, женщины-писательницы, превосходя даже мужчинъ экзальтированнымъ взглядомъ на жизнь, съ успѣхомъ могли состязаться съ ними. Правда и тутъ, ни одна изъ писательницъ не пользовалась такою славою, какъ Марлинскій, нѣкоторыя изъ повѣстей котораго считала, по словамъ Бѣлинскаго, лучшими повѣстями на русскомъ языкѣ и самая даровитая, по его же признанію, на Руси женщина „не только чувствующая, но и мыслящая“, именемъ которой и произведеніями „русская литература по праву можетъ гордиться“²⁾—писательница Елена Ганъ (Зенеида Р—ва).

Это была дѣйствительно замѣчательная женщина. Она родилась въ 1815 году въ Екатеринославѣ, гдѣ едва выучившись грамотѣ, сама пополнила свое образованіе чтеніемъ серьезныхъ книгъ, сочиняла стихи и повѣсти. Выйдя 16-ти лѣтъ замужъ она продолжала свое образованіе несмотря на то, что вынуждена была вести кочевую жизнь постоянно слѣдуя въ походахъ за мужемъ; она изучила нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки (французскій она знала раньше) и прочла всѣхъ великихъ тогдашнихъ (20-хъ годовъ) поэтовъ. Въ то же время она въ совершенствѣ знала музыку и даже сочиняла. По словамъ знавшихъ ее, Елена Ганъ отличалась блестящимъ умомъ, была очень скромна, „таила отъ домашнихъ и въ обществѣ обширныя свои свѣдѣнія, прикрывая ихъ живымъ, легкимъ разговоромъ, который всегда блисталъ остроуміемъ и веселостью“³⁾. Она умерла въ 1842 году, 27-ми лѣтъ отъ роду.

¹⁾ Отеч. Зап. 1854 г. Т. XCIV.

²⁾ Сочиненія. Т. 7. Стр. 191.

³⁾ Отеч. Зап. 1842 г. Т. XXIII.

За годъ до ея смерти, Сенковскій писалъ въ *Утренней Звѣздѣ*: „Въ эту минуту (въ 1841 году) въ нашей изящной словесности два самые примѣчательные писателя, два лучшія пера, два удивительнѣйшіе и истинно мужественные таланта, первый поэтъ и первый прозаикъ—это двѣ молодыя женщины: графиня Ростопчина и Елена Ганъ“.

По поводу вышедшаго въ годъ смерти Елены Ганъ послѣдняго ея романа „*Теофанія Аббіаджіо*“, *Отечественныя Записки* отозвались о ней какъ объ одномъ „изъ примѣчательнѣйшихъ въ современной литературѣ талантъ“. Недостатки въ произведеніяхъ Е. Ганъ вознаграждаются, по мнѣнію рецензента, внутреннимъ содержаніемъ, „присутствіемъ живыхъ общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, челоѣка и женщины въ особенности, полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя“¹⁾.

Послѣ ея смерти, Елена Ганъ была признана первою русскою писательницею, среди которыхъ нѣтъ ни одной, по мнѣнію *Отечественныхъ Записокъ*, которая „достигла бы такой высоты творчества и идеи, и которая, въ то же время, до такой степени отразила бы въ своихъ сочиненіяхъ всѣ недостатки, свойственные русскимъ женщинамъ-писательницамъ“²⁾. Ей, какъ „такому высокому и яркому таланту“ была посвящена въ журналѣ обширная статья, написанная Бѣлинскимъ.

Разбирая произведенія Е. Ганъ, Бѣлинскій говоритъ, что послѣдняя ея повѣсть „*Теофанія Аббіаджіо*“ должна считаться „однимъ изъ перловъ русской литературы“, и сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ другихъ ея сочиненій, восклицаетъ: „такія строки могутъ вырваться только изъ-подъ пера писателей съ великою душою и великимъ талантомъ...“ Въ произведеніяхъ Е. Ганъ Бѣлинскій особенно цѣнилъ то, что они проникнуты „одной могучей мыслью, которая преслѣдовала ее всю жизнь и не давала ей покоя“. Въ то время, когда писала Ганъ, писателей, по его же выраженію, „возвысившихся до мысли“, было мало, а изъ писательницъ, къ этимъ немногимъ онъ причисляетъ только одну ее.

Воодушевлявшая и мучившая ее мысль, была—любовь, единственная сфера, дозволенная тогда женщинѣ, которая, въ сочиненіяхъ Ганъ, всецѣло отдаваясь чувству, никогда не могла найти въ немъ себѣ удовлетворенія; между тѣмъ всякіе другіе интересы въ жизни были для нея закрыты, по выраженію Бѣлинскаго „ко-

¹⁾ Отеч. Зап. 1842 г. Т. XX.

²⁾ Отеч. Зап. 1843 г. Т. XXX.

раномъ общественнаго мнѣнія“ и соотвѣтственнымъ этому корану, образованіемъ.

Высоко ставя Елену Ганъ въ ряду писателей вообще, и „неизмѣримо выше всѣхъ предшествовавшихъ ей писательницъ“, признавая въ ней замѣчательный „выходящій изъ ряда обыкновенныхъ дарованій“ талантъ, который, къ тому же, за ранней смертию писательницы, не успѣлъ достигнуть своего полного развитія, Бѣлинскій не преувеличиваетъ однако ея достоинствъ; онъ оспариваетъ высказанное *Библиотекою для чтенія* мнѣніе, будто талантъ нашей писательницы равенъ по оригинальности таланту Жоржъ-Зандъ и говоритъ, что такое сравненіе уже потому не вѣрно, что помимо таланта, и самое направленіе его у обѣихъ писательницъ, по необходимости, должно быть различно. „Такая поэзія, какъ поэзія Жоржъ-Зандъ—говоритъ Бѣлинскій—приготовлена огромнымъ общественнымъ развитіемъ, перешедшимъ черезъ многія измѣненія и процессы историческіе; наши же писатели, даже и повыше Зенеиды Р—вой, подобно эху повторяютъ въ своихъ твореніяхъ отблески и отзвуки чуждыхъ намъ цивилизацій и общественностей“ ¹⁾.

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ Зенеиды Р—вой Бѣлинскій считалъ отсутствіе и въ ея произведеніяхъ юмора и ироніи.

Кромѣ Зенеиды Р—вой, еще три писательницы до-гоголевскаго періода пользовались вниманіемъ критики; всѣ три были поэтессы: графиня Сарра Толстая, графиня Растопчина и г-жа Павлова. Въ то время еще не завершился въ литературѣ окончательный поворотъ отъ стиховъ къ прозѣ; не говоря о Пушкинѣ и только что начавшемъ печатать свои произведенія, Лермонтовѣ, вся читающая публика и вся литературная критика восхищались вышедшими въ 1836 году стихотвореніями Бенедиктова, которому наши поэтессы не уступали ни въ формѣ, ни въ содержаніи стиха.

Сарра Толстая умерла 18-ти лѣтъ отъ роду; она воспитывалась за границею и плохо знала русскій языкъ, а изъ русскихъ писателей ей былъ извѣстенъ только одинъ Жуковскій, который первый обратилъ вниманіе на талантливость ея стихотвореній, написанныхъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Кромѣ этихъ языковъ она знала еще греческій и латинскій, любила искусство и хорошо рисовала.

Когда, послѣ смерти Сарры Толстой, ея стихи, изданные ея отцомъ, появились въ плохомъ русскомъ переводѣ, то несмотря

¹⁾ Сочиненія. Т. 7.

на это и на то, что они не предназначались для продажи, литература съ восторгомъ привѣтствовала ихъ, находя, что „это не какія-нибудь плаксивыя изліянія дѣтской мечтательности и слабой, болѣзненной чувствительности, но дѣйствительныя, нормальныя стремленія богатой натуры проявить во внѣ сокровища своего духа“¹⁾. Бѣлинскій взглянулъ на нихъ какъ на „поэтическую біографію одной изъ самыхъ странныхъ, самыхъ оригинальныхъ, самыхъ поэтическихъ и по натурѣ, и по судьбѣ, и по таланту, и по духу, личностей“²⁾.

Графиня Растопчина начала писать стихи будучи еще совсѣмъ молодою дѣвушкой и ея стихи, ходившіе сначала въ рукописи, сразу привлекли вниманіе не только свѣтскихъ кружковъ, но и образованной молодежи³⁾. Въ 1835 году, когда графиня Растопчина была уже замужемъ, ея стихи появились въ печати; ихъ замѣтили Пушкинъ, Жуковскій и Лермонтовъ, который написалъ ей свое стихотвореніе:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены⁴⁾.

Журналы охотно печатали ея стихотворенія, въ которыхъ она преимущественно воспѣвала любовь, свѣтскія удовольствія, мечты; первыя ея стихотворенія, съ оттѣнкомъ грусти и разочарованія, навѣянными поэзіею Лермонтова, которому графиня Растопчина подражала, при музыкальности стиха, очаровывали и публику и образованныхъ людей. Позже, она писала повѣсти, въ которыхъ защищала свободу женщины любить, и протестовала противъ нравовъ большого свѣта; но такой протестъ, какъ и вся ея поэзія, были поверхностны, страдали „отсутствіемъ могучей мысли“, были „лишь отвлеченными понятіями, одѣтыми въ болѣе или менѣе богатый стихъ“⁵⁾.

Признавая въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной высокій талантъ и, мѣстами, истинную поэзію, проникнутую „душою и чувствомъ“, Бѣлинскій сожалѣлъ, что авторъ избралъ себѣ такую узкую и ничтожную сферу, какъ салонъ⁶⁾.

Образованіе, какое получила графиня Растопчина, можетъ

1) Отеч. Зап. 1839 г. Т. VI.

2) Сочиненія. Т. 7. Стр. 163.

3) Т. В. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Ч. 2-я.

4) Сочиненія Лермонтова. Изданіе Глазунова, подъ редакціею П. Ефремова. С.-Пет. 1882 г. Т. I. Стр. 203.

5) Бѣлинскій. Соч. Т. 7. Стр. 163.

6) Сочиненія. Т. 5. Стр. 348.

служить образчикомъ того, какое давалось, въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, дѣвушкамъ богатыхъ семей. У нея были учителя: закона Божьяго (сперва дьяконъ, а потомъ священникъ), русскаго языка, французскаго, нѣмецкаго, рисованія, музыки, танцевъ; исторіи, географіи, математикѣ ее не обучали послѣ того какъ отошла, находившаяся при ней короткое время, гувернанткой, бывшая смолянка, кончившая курсъ съ шифромъ. По словамъ брата графини Растопчиной, эта гувернантка была „дѣвица умная, добрая, благовоспитанная и дѣйствительно много знающая, отъ которой воспитанница ея позаимствовала много хорошаго“ ¹⁾).

Павлова была извѣстна какъ превосходная переводчица стихами съ разныхъ иностранныхъ языковъ (англійскаго, нѣмецкаго, французскаго) на русскій и обратно. Бѣлинскій находилъ ея переводы на русскій языкъ превосходными, но не одобрялъ выбора нѣкоторыхъ изъ переведенныхъ ею вещей, напримѣръ шотландскихъ и англійскихъ народныхъ балладъ. „Еслибы способность выбора соотвѣтствовала ея таланту — писалъ Бѣлинскій — г-жа Павлова, своими превосходными переводами, усвоила бы себѣ прочную славу не въ одной только русской литературѣ“ ²⁾).

Художественные переводы Павловой вышли въ Парижѣ, въ 1839 году, подъ заглавіемъ: *Les préludes* par m-me Caroline Pavlof née Jaenish; въ концѣ книги были помѣщены и оригинальные стихи автора; ея переводы русскихъ поэтовъ вышли на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ: *Nordlicht* и обратили на себя вниманіе Гёте ³⁾. Позже, уже въ 1848 году, Павлова написала повѣсть въ стихахъ и прозѣ подъ заглавіемъ „Двойная жизнь“.

По поводу этой повѣсти *Отечественныя Записки* указали, что имя Павловой первое у насъ имя такой женщины-писательницы, которая „съ талантами, дарованными природою, соединяетъ сознаніе литературной дѣятельности, приходящей отъ науки“. Всѣ прочія писательницы наши, прошедшія и настоящія, по мнѣнію журнала, „имѣя одно, лишены другого: есть талантъ, нѣтъ серьезнаго просвѣщенія... У Павловой — любовь къ мысли, сочувствіе къ наукѣ... Литература для нея не есть праздная потѣха, занятіе по модѣ. Она служитъ ей удовлетвореніемъ внутренней настоящей потребности, дѣломъ лучшихъ минутъ жизни“ ⁴⁾).

¹⁾ Къ біографіи графини Е. П. Растопчиной. Д. И. Сушкова. (Истор. В. 1881 г., іюнь).

²⁾ Сочиненія. Т. 7. Стр. 162.

³⁾ К. К. Павлова. (Р. Архивъ. 1894 г. Кн. 1).

⁴⁾ Отеч. Зап. 1848 г. Т. LVIII.

Павлова, живя въ Москвѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ была окружена ученостью въ домѣ отца своего, профессора физики и химіи въ медико-хирургической Академіи, Яниша. Она отличалась необыкновенною способностью къ языкамъ и очень рано начала заниматься словесностью разныхъ языковъ. Гумбольдтъ при своемъ проѣздѣ на Уралъ, проживъ нѣсколько дней въ Москвѣ, любилъ съ нею бесѣдовать. При отъѣздѣ Мицкевича изъ Москвы, Павлова прочла ему хвалебные стихи ¹⁾. Она, также какъ и графиня Растопчина, собирала въ своей гостиной извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Кромѣ поэтессы и Зенеиды Р--вой, Бѣлинскій, въ перечнѣ женщинъ-писательницъ до 1843 года, останавливается еще на г-жѣ Жуковой, въ повѣстяхъ которой находитъ блестящій талантъ, искусный, увлекательный, рассказъ, „полноту горячаго чувства истины въ изображеніи многихъ чертъ и оттѣнковъ женскихъ характеровъ, прекрасный слогъ“ ²⁾. Причисляя ея повѣсти къ замѣчательнымъ явленіямъ послѣдняго времени русской литературы и видя въ нихъ стремленіе автора, „вслѣдствіе духа времени искать сюжеты въ современной, дѣйствительной жизни, естественно изображать подробности быта и ежедневной жизни героевъ“, Бѣлинскій находилъ, что въ повѣстяхъ Жуковой эта жизнь изображается не такою, какова она есть, а такою, какою писательница желала бы ее видѣть. Къ недостаткамъ Жуковой онъ относитъ отсутствіе и у ней, какъ почти у всѣхъ женщинъ-писательницъ, юмора и ироніи ³⁾.

Но когда, къ половинѣ сороковыхъ годовъ, въ литературѣ ярко обозначилось новое, подготовлявшееся еще при Пушкинѣ, направленіе, когда критика стала предъявлять къ роману и повѣсти новыя требованія — самостоятельнаго, вѣрнаго изображенія обыкновенныхъ людей въ ихъ обыкновенной обстановкѣ, а не идеализированныхъ героевъ и героинь, когда, почти въ одно время съ „Мертвыми душами“ Гоголя (1846 г.), у насъ явились такія произведенія, какъ „Бѣдные люди“ Достоевскаго (1846 г.), „Кто виноватъ“ Герцена (1847 г.), „Деревня“ Григоровича (1847 г.), „Обыкновенная исторія“ Гончарова (1847 г.), „Записки охотника“ Тургенева (1847 г.), затронувшія совсѣмъ новыя стороны жизни, — тогда ярко обнаружилась отсталость женщинъ-писательницъ, которымъ, не говоря уже о степени таланта, было, въ

¹⁾ К. К. Павлова. (Р. Арх. 1894. Кн. 1.

²⁾ Сочиненія. Т. 4. Стр. 49.

³⁾ Сочиненія. Т. 7. Стр. 164.

силу условій ихъ жизни, недоступно и наблюденіе очень многихъ сторонъ русской дѣйствительности.

Нельзя сказать, чтобы онѣ не прислушивались къ голосу критики, во главѣ которой стоялъ Бѣлинскій; напротивъ, большинство тогдашнихъ писательницъ примкнуло къ новому направленію. По крайней мѣрѣ онѣ заявляли это въ прилагаемыхъ къ своимъ сочиненіямъ предисловіяхъ, поясняя, что берутъ содержаніе ихъ изъ дѣйствительной жизни. Но самый языкъ этихъ сочиненій, ихъ дидактическій характеръ, свидѣтельствовали о томъ, что авторы не отрѣшились отъ взглядовъ и пріемовъ старой школы.

По вычурности языка, по склонности къ моральнымъ сентенціямъ, среди писательницъ всегда выдѣлялись бывшія институтки. Въмѣсто того, чтобы сказать: „мнѣ было 9 лѣтъ“, одна изъ нихъ говоритъ: „грозный бухгалтеръ Кронидъ только 9 лѣтъ скинулъ тогда со счета ассигнованнаго мнѣ судьбою вѣка“¹⁾. Другая, въ предисловіи къ своему историческому роману „Проконій Ляпуновъ“ пишетъ, что безкорыстію Ляпунова нельзя довѣрять потому, что онъ былъ дурнымъ мужемъ и не всегда трезво велъ себя²⁾.

Этотъ романъ³⁾, бывшій продолженіемъ написаннаго Шишкиною въ 1835 году романа „Князь Скопинъ-Шуйскій, или Россія въ началѣ XVIII столѣтія“, появился десять лѣтъ спустя послѣ послѣдняго, но онъ остался, какъ замѣтилъ Бѣлинскій, вѣрнымъ 1835 году „такъ что—говоритъ онъ—не вѣришь 1845 году, выставленному на его заглавіи“. Въ предисловіи къ нему авторъ (Шишкина) говоритъ: „сама нерѣдко удивляюсь, какъ рѣшилась я писать историческіе романы... высокая цѣль оживотворяла меня. Я считала святымъ вдохновеніемъ, призваніемъ Божьимъ, желаніе пробудить въ благородныхъ сердцахъ любовь къ родному... Исторіи надо учиться. Она полезна, необходима... Но и пріятное развлеченіе часто необходимо для ума и сердца“.

Особенно отличалась несимпатичными сторонами тогдашнихъ женщинъ-писательницъ—дидактизмомъ, многовѣщательностью, выставленіемъ собственнаго „я“, пользовавшаяся въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ извѣстностью, писательница М. Корсини, также бывшая воспитанница института. Она писала очень

¹⁾ *Алабына*. Воспоминанія Институтки. С.-Пет. 1834 г. — 2-е изданіе вышло въ 1846 году.

²⁾ *Бѣлинскій*. Сочиненія. Т. 10.—Отеч. Зап. 1845 г. Т. XXXIX.

³⁾ Проконій Ляпуновъ или междуцарствіе въ Россіи, продолженіе князя Скопина-Шуйскаго. Соч. того же автора. С.-Пет. 1845. Четыре части.

много и въ разныхъ родахъ, а въ 1848 году предприняла одно общее сочиненіе подъ заглавіемъ „Очерки современной жизни“, которое окончилось только въ 1851 году и составило девять частей. Сюда входило и чтеніе для народа, и повѣсти для дѣтей, и рассказы, и комедіи. Объясняя, почему она выбрала одно, общее для всѣхъ своихъ сочиненій, заглавіе, Корсини говоритъ, что имѣеть въ виду „представить образъ современной общественной жизни людей разныхъ сословій, не стѣсняясь условіями состоянія, возраста и мѣстности“, прибавляя, что не намѣрена соиздать, не имѣеть притязаній на даръ творчества, а будетъ лишь списывать съ натуры то, что у ней находится передъ глазами ¹⁾).

Къ первой книжкѣ „Очерковъ“, вышедшей въ 1848 году, авторъ приложилъ литературную программу, которой, по его мнѣнію, долженъ держаться современный писатель. „Повѣствователь о жизни современной—говоритъ Корсини—становясь судьей и критикомъ своихъ собратій, долженъ имѣть въ виду *впечатлѣніе*, которое онъ на нихъ произведетъ и *послѣдствія* представляемыхъ картинъ. Наблюдательность такого человѣка должна сопровождаться доброжелательствомъ и любовью къ людямъ. Онъ долженъ доказать на дѣлѣ, что проникаетъ въ сокровенныя тайны ихъ ежедневной жизни, чувствованій, понятій и привычекъ не для того, чтобы осмѣять ихъ или опозорить, не указавъ никакого выхода изъ жалкаго ихъ положенія. Онъ выставляетъ заблужденія то въ смѣшныхъ и легкихъ, то въ сильныхъ и рѣзкихъ краскахъ для того, чтобы замѣнить ихъ отрадными вѣрованіями, чтобы указать нравственную опору шаткимъ понятіямъ и убѣжище въ душевной силѣ отъ преслѣдованій нужды и бѣдствій. Иначе—для чего же писать и терять драгоцѣнное время“?

Такіе приемы автора не могли встрѣтить сочувствія образованныхъ людей, и повѣсти Корсини, ходульные и пропитанныя моралью, не могли удовлетворять ихъ вкусу; но публика ихъ читала и „Очерки“ выдержали два изданія. „Явись повѣсти г-жи Корсини въ тридцатыхъ годахъ—писалъ рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ*—въ томъ видѣ какъ теперь, онѣ были бы приняты какъ весьма замѣчательныя произведенія и едва ли не были бы лучшими среди разныхъ повѣстей, украшавшихъ альманахи въ родѣ *Утренней Звѣзды* и страницы тогдашнихъ журналовъ“ ²⁾).

Современникъ отнесся не такъ снисходительно; онъ прямо

¹⁾ Очерки соврем. жизни. Томы V и VI.

²⁾ „Отеч. Зап.“ 1849. Т. LXII.

сказалъ, что въ повѣстяхъ Корсини нѣтъ наблюдательности, что изображаемыя ею лица приводятся въ движеніе какъ куклы съ ярлыками: скромный, честолюбивый и т. д., что они наполнены мыслями и сентенціями, взятыми изъ старыхъ учебниковъ и скучны ¹⁾).

Уже одно заглавіе рассказовъ Корсини для народнаго чтенія: *Гдѣ трудолюбіе, тамъ бѣдности нѣтъ; только лѣнь нищету на себя накликаетъ*, говоритъ о томъ, въ какомъ духѣ они написаны.

О выходѣ cadaго тома „Очерковъ“ Корсини объявляла особою афишею. Когда она объявила о своемъ намѣреніи написать книжку для народнаго чтенія, *Отечественныя Записки* отзывались, что „какая бы судьба ни постигла повѣсти, рассказы и комедіи г-жи Корсини, она будетъ извѣстна своими добрыми намѣреніями“ ²⁾).

Такое отношеніе литературы не поколебало самоувѣренія писательницы и въ слѣдующемъ, разосланномъ при афишахъ, объявленіи о выходѣ послѣдняго тома „Очерковъ“ съ повѣстью „Рыбакъ“, она говоритъ: „безпристрастная и благонамѣренная критика журналовъ и газетъ: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Москвитянина, Сына Отечества, Сѣверной Пчелы, Спб. Вѣдомостей и другихъ, утвердили меня въ намѣреніи посвятить себя отечественной литературѣ... Еслибы я участвовала въ какомъ-нибудь журналѣ или въ одной изъ газетъ, то имѣла бы тамъ и голосъ; но несмотря на желаніе мое войти въ общую дѣятельность нашихъ почтенныхъ литераторовъ, я остаюсь всегда отдѣльной личностью, съ самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ, неподчиняющимся на литературномъ поприщѣ постороннему вліянію... Я занимаюсь литературою не случайно, для препровожденія времени или въ надеждѣ на славу или выгоды; главное мое желаніе—польза и добро... Я иду прямо по пути, мной проложенному, иду одна съ своими твердыми убѣжденіями“.

А между тѣмъ Корсини, по словамъ хорошо знавшаго ее Плетнева, была женщина умная ³⁾).

Несмотря на то, что пріемы, къ какимъ она прибѣгала, были смѣшны и отдавали стариною, въ ея послѣднемъ сочиненіи сказанъ однако духъ времени: героиня повѣсти „Рыбакъ“ (1851 г.), знатная дама, одѣвалась просто, ходила пѣшкомъ „и даже въ

¹⁾ Соврем. 1850. Т. XXV.

²⁾ Отеч. Зап. 1851. Т. LXXV.

³⁾ Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. Письмо къ кн. Вяземскому 1859 г. Т. 3.

дурную погоду не просила мужа нанимать ей карету“; она трудилась, занимаясь съ ученицами и „не хотѣла тянуться за другими, во всемъ поступая по собственному убѣжденію“.

Въ 1846 году вышла въ Одессѣ маленькая книжка подъ заглавіемъ „Путевыя замѣтки“ автора, скрывшаго свое имя подъ буквами: Т. Ч.¹⁾ Но Бѣлинскій сразу отгадалъ, что авторъ—женщина. „Много сердечной теплоты—писалъ онъ—много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишкомъ по женски“, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта жизнь „никогда не набѣленная, не нарумяненная, не преувеличенная, не искаженная, увлекательный рассказъ, прекрасный языкъ“²⁾.

Изъ двухъ повѣстей, составлявшихъ содержаніе книжки, публикѣ, по словамъ Бѣлинскаго, менѣе понравилась вторая, подъ заглавіемъ *Гувернантка*; но *Современникъ* и другіе журналы отнесли съочувственно именно къ выбору авторомъ такого сюжета. „Дѣвица-гувернантка, та гувернантка—писалъ рецензентъ *Современника*—которую въ провинціи называютъ специфическимъ именемъ мамзели, въ отличіе отъ мадамы, или даже, подальше, въ глуши, мадемадамы... Это слово „гувернантка“ обозначаетъ участь жизни, насильно навязанную судьбою“... Гувернантка въ домѣ „не больше какъ учебная книга, грамматика или ариметика, одѣтая въ платье... Одни не хотятъ, другіе не умѣютъ ее читать; читаютъ только дѣти, и то поневолѣ“.

Прежде во многихъ романахъ выводились гувернантки, но онѣ всегда стояли на заднемъ планѣ, всѣ надѣлялись однѣми и тѣми же чертами, такъ какъ всѣ были поставлены въ одинаковыя условія жизни и въ одинаковое отношеніе къ обществу; „въ ея душевный міръ, въ подробности его, въ сердце и умъ, которыми отличается mademoiselle Marie отъ mademoiselle Annette, авторы не входили—говоритъ *Современникъ*—и г-жа Т. Ч. первая отнеслась къ гувернанткѣ съ симпатіей и заглянула въ ея душу³⁾“.

По поводу этого рассказа *Отечественныя Записки* остановились на участи гувернантки и учителя, на ихъ страдальческой жизни и, при этомъ, коснулись мимоходомъ воспитанія въ закрытомъ учебномъ заведеніи, нарисовавъ идеализированную картину такого воспитанія и участь молодой дѣвушки, которую „въ институтѣ окружали всѣмъ, чтобы развить въ ней истинно чело-вѣческія потребности, просвѣтитъ ея умъ, пробудить въ сердцѣ

¹⁾ Псевдонимъ писательницы Марченко.

²⁾ Соч. Т. II, стр. 425.

³⁾ Совр. 1847. Т. 4.

благородныя наклонности. Потомъ—говорить рецензентъ — бѣдныя дѣти со слезами оставляютъ благодѣтельный пріютъ и удаляются въ нѣдра семействъ, въ кругъ людей имъ чуждыхъ по мысли, по чувствамъ, по потребностямъ,—людей, которые принимаютъ ихъ подъ власть свою или какъ дѣтей, или какъ супругъ. И въ этомъ печальномъ кругу слабое созданіе, взлелѣанное въ нѣкоторой роскоши, привыкшее удовлетворять благороднѣйшія потребности, обязано было дѣйствовать—и не могло дѣйствовать: ихъ любили отцы и мужья, угождали имъ, исполняли ихъ прихоти, часто вовсе имъ не сочувствуя, покупали имъ книги, фортепіано, слушали музыку, должны были стѣсняться, уважать существо, превосходство котораго надъ собою не могли не чувствовать“¹⁾. Но участь этихъ молодыхъ дѣвушекъ рецензентъ находитъ завидною въ сравненіи съ тѣми „двигательницами возникавшей цивилизаціи“, которыя попадали въ чужой домъ въ качествѣ не женъ или дѣтей, а въ качествѣ гувернантки, жизнь и смерть которой Т. Ч. изобразила тепло и съ талантомъ.

Несмотря на симпатичный талантъ, и Т. Ч. не обошлась безъ предисловія. „Подобно всѣмъ вамъ—обращается она къ читателямъ—я путешествую; подобно всѣмъ вамъ встрѣчаю людей. Но порой въ этихъ лицахъ я доискиваюсь какого-то значенія, непонятаго вами или пропущеннаго безъ вниманія. Невольно останавливаюсь я и слѣжу за ними: то тутъ неуволимо мелькаетъ что-то благородное, то тамъ, сквозь копоть и накипь смѣшного, вспыхнетъ искра прекраснаго, и душа освѣщается явленіемъ нежданнаго, но желаннаго метеора. Но если мнѣ и не суждено видѣть подобные проблески, если все дурное, смѣшное, жалкое, должно мнѣ встрѣтиться на пути, то и въ этомъ много, много любопытнаго“²⁾.

Хорошею и заслуженною извѣстностью пользовались, начиная съ тридцатыхъ годовъ, двѣ дѣтскія писательницы: Зонтагъ и Ишимова. Обѣ писали повѣсти, рассказы изъ священной, всеобщей и русской исторіи; написанные яснымъ, легкимъ и простымъ языкомъ, эти рассказы расходились во множествѣ экземпляровъ и даже въ началѣ пятидесятихъ годовъ причислялись къ лучшимъ произведеніямъ дѣтской литературы.

Зонтагъ (сестра Авд. Петр. Елагиной) была почетнымъ членомъ Общества любителей россійской словесности; ея „Священная исторія для дѣтей“ выдержала, съ 1837 года по 1871-й, девять изданій.

¹⁾ Отеч. Зап. 1848 г. Т. LIII, Библ. хроника.

²⁾ Путевыя замѣтки. Т. Ч. Одесса. 1847.

„Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей“ Ишимовой, написанная въ 1837—1840 годахъ, была напечатана на счетъ Академіи наукъ; автору дана пожизненная пенсія въ 300 рублей ассигнаціями и, кромѣ того, присуждена Демидовская премія въ 2.500 рублей ассигнаціями же. Это сочиненіе въ шести частяхъ выдержало шесть изданій, изъ которыхъ послѣднее напечатано въ 1867 году и затѣмъ, въ сокращенномъ видѣ, издано еще четыре раза ¹⁾).

Лучшею характеристикой „Историческихъ разсказовъ“ Ишимовой, служитъ отзывъ о нихъ *Отечественныхъ Записокъ* въ 1841 году: „дайте ребенку прочесть такой разсказъ—пишетъ рецензентъ—и не говорите ему, что добро привлекательно, а зло отвратительно, онъ уже ощутитъ это и безъ вашихъ объясненій и этого ощущенія вы никакъ не внушите ему вашими мертвыми отвлеченными нравоученіями, хотя бы они были выражены и въ самыхъ трескучихъ, эффе́ктныхъ фразахъ. Съ этой стороны „Историческіе разсказы“ г-жи Ишимовой неоцѣненны“ ²⁾. Въ 1842 году Ишимова основала журналъ для дѣтей, *Звѣздочка*, просуществовавшій до 1864 года.

Это была замѣчательная женщина по энергіи, благодаря которой она, дочь бѣднаго чиновника, сама проложила себѣ дорогу въ жизни и, несмотря на самыя неблагопріятныя условія этой жизни, образовала себя чтеніемъ и изученіемъ иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ и англійскаго.

Когда отецъ ея былъ присужденъ къ ссылке въ Соловецкій монастырь, Ишимова, въ то время пятнадцатилѣтняя дѣвочка, подъ впечатлѣніемъ только что прочтенной повѣсти „Параша-сибирячка“, задумала послѣдовать примѣру послѣдней и пуститься одной, хотя бы и пѣшкомъ, изъ Кеми, гдѣ она тогда жила съ родителями, въ Петербургъ, чтобы лично подать государю прошеніе о помилованіи отца. Получивъ его разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ съ матерью, Ишимова исполнила свое намѣреніе и добилаcь смягченія участи отца ³⁾).

Къ числу поэтессъ конца сороковыхъ годовъ принадлежала Юлія Жадовская; вышедшее въ 1846 году собраніе ея стихотвореній было встрѣчено сочувствіемъ почти всѣхъ тогдашнихъ журналовъ. *Отечественныя Записки*, помимо таланта автора, признали ихъ достойными вниманія людей мыслящихъ еще и потому,

¹⁾ Послѣднее изданіе было въ 1879 году.

²⁾ Отеч. Зап. 1841. Т. XIV.

³⁾ П. В. Бычковъ. Русскія женщины-писательницы. V. А. I. Ишимова. (Др. и Нов. Россія. 1878 г. № 8).

что въ нихъ выражается „общій характеръ и общественное положеніе женщины“, такъ какъ темою всѣхъ стихотвореній Жадовской служить „внутренняя борьба женщины, которой душа развита природою и образованіемъ, со всѣмъ тѣмъ, что противо-дѣйствуетъ этому развитію и что не можетъ съ нимъ ужиться“. По мнѣнію рецензента, это „полная и краткая исторія женской души, исполненной стремленія къ нормальнымъ условіямъ жизни, но встрѣчающей на каждомъ шагу противорѣчія и преграды своему стремленію не въ однихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, но и въ собственныхъ недоразумѣніяхъ, колебаніяхъ и самообольщеніяхъ“ ¹⁾. Бѣлинскій, не отрицая въ стихотвореніяхъ Жадовской „чего-то въ родѣ поэтическаго таланта“, жалѣетъ, что источникъ ея вдохновенія „не жизнь, а мечта“; это онъ объясняетъ отношеніями автора, какъ женщины, къ обществу ²⁾. Но Добролюбовъ восхищался этими стихотвореніями, вышедшими въ 1858 году новымъ, болѣе полнымъ изданіемъ. Онъ причислилъ ихъ къ „лучшимъ явленіямъ нашей поэтической литературы послѣдняго времени“. Ему нравилась ихъ „задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія... уваженіе (автора) къ своимъ чувствамъ, безъ всякой претензіи на возведеніе ихъ въ идеаль вселенный“. Присущій стихотвореніямъ Жадовской характеръ грусти, Добролюбовъ считалъ происходящимъ „изъ источника болѣе глубокаго, нежели какія-нибудь мечтательныя или личныя раздраженія... Ея сердце — говоритъ онъ — ея умъ, дѣйствительно наполнены горькими думами, которыхъ не хочетъ или не умѣетъ раздѣлять современное общество. Ея стремленія, ея требованія, слишкомъ обширны и высоки, и не мудрено, что многіе бѣгутъ отъ поэтическаго призыва души, страдающей не только за себя, но и за другихъ“ ³⁾.

По мнѣнію Добролюбова, стихотворенія Жадовской могли быть оцѣнены и поняты лишь людьми, способными мыслить и переживать тѣ тонкія душевныя состоянія, какія переживалъ авторъ.

Жадовская писала и прозой; но ея повѣсти, также какъ и стихи, до 1857 года, когда вышелъ ея большой романъ „Въ сторонѣ отъ большого свѣта“, были мало извѣстны публикѣ, можетъ быть потому, что она ихъ печатала въ мало распространенныхъ изданіяхъ.

Жадовская получила хорошее образованіе подъ руководствомъ своей тѣтки, страстно любившей литературу и даже занимавшейся

¹⁾ Отеч. Зап. 1846 г. Т. XLVII.

²⁾ Соч. Т. II, стр. 46.

³⁾ Сочиненія Н. А. Добролюбова. Т. II. С.-Пет. 1862 г., стр. 193.

ею; потомъ она брала уроки у автора извѣстной хорошей грамматики, Перевлѣскаго, бывшаго впоследствии профессоромъ Александровскаго лицея ¹⁾ и довершила свое образованіе чтеніемъ философскихъ книгъ ²⁾.

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ начала писать извѣстная и, по замѣчанію А. Скабичевскаго, „единственная русская писательница, глубоко проникнутая славянофильскими тенденціями“ ³⁾, Н. С. Кохановская (псевдонимъ Соханской).

Уже въ первой ея повѣсти „Графиня Д**“ ⁴⁾ героиня отличается такою изумительною покорностью, что Дружининъ счелъ нужнымъ напомнить автору, что кромѣ женской покорности есть и женская гордость ⁵⁾. Славянофильскія тенденціи въ повѣстяхъ Кохановской стали ясно обнаруживаться съ конца пятидесятихъ годовъ и шли постоянно усиливаясь; но, благодаря крупному и сильному таланту, котораго нельзя было не признать въ ея сочиненіяхъ, она пользовалась извѣстностью не только въ славянофильскихъ кружкахъ, но и у представителей западной критики.

Возрѣнія Кохановской можно, до извѣстной степени, объяснить обстоятельствами ея жизни. Воспитанная матерью въ глубоко-религіозномъ духѣ, Кохановская въ дѣтствѣ не знала въ родительскомъ домѣ ни любви, ни ласки; всѣ заботы матери были обращены на сыновей, а съ дочерью она обращалась строго и воспитаніемъ ея пренебрегала. Десяти лѣтъ отъ роду, Кохановская была помѣщена въ харьковскій институтъ, откуда вышла въ 1840 году съ первымъ шифромъ. Въ институтѣ ей жилось тяжело ⁶⁾ и хотя, по ея словамъ, тамъ подѣ влияніемъ преподавателя русской словесности, у ней развилась любовь къ литературѣ ⁷⁾, но, принужденная, по окончаніи курса, жить въ деревенской глуши, и, вдобавокъ, подѣ гнетомъ тяжелыхъ семейныхъ условій, она не могла найти въ своемъ институтскомъ

¹⁾ И. Б. Быковъ. Р. женщины-писательницы. Ю. В. Жадовская. (Др. и Нов. Россія 1877 г. Т. III).

²⁾ Воспоминаніе объ Ю. В. Жадовской. И. П. Федоровой. (Истор. В. 1887 г. ноябрь).

³⁾ А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы, 1848—1892 гг. 2-е изд. С.-Пет. 1893 г.

⁴⁾ Отеч. Зап. 1848 г. Т. 61, декабрь.

⁵⁾ Сочиненія А. В. Дружинина. С.-Пет. 1865 г., Т. VII.

⁶⁾ См. гл. II, стр. 81.

⁷⁾ Письмо П. А. Плетнева къ кн. Вяземскому отъ 30 ноября 1861 г. (Соч. и переписка. Т. 3).

образованіи достаточно элементовъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія, а это отразилось на всемъ ея міросозерцаніи.

Ея воззрѣнія, доведенныя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ до крайнихъ предѣловъ, въ буквальномъ смыслѣ оправдываютъ сдѣланную Аполлономъ Григорьевымъ ея характеристику „страшно-талантливой“ писательницы ¹⁾. „Идеалы г-жи Кохановской—говоритъ одинъ изъ рецензентовъ ея сочиненій—не широки: это просто смиреніе, возведенное на степень дѣятельной силы, и прощеніе, какъ единственный путь къ примиренію жизненныхъ противорѣчій... воззрѣнія ея бѣдны и фальшивы... личные отношенія автора къ изображаемой имъ жизни, отношенія, которыя, къ сожалѣнію, почти вездѣ насильственно выходятъ на первомъ планѣ, крайне односторонни“ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, сила непосредственнаго таланта Кохановской, вѣрный инстинктъ, съ которымъ она „намѣтила — говоритъ тотъ же рецензентъ—тѣ сердечныя боли нашей общественной среды, которыя служатъ для человѣка безконечнымъ источникомъ мучительныхъ и совершенно бесплодныхъ тревогъ“, искупаютъ недостатки міросозерцанія автора и вызываютъ къ нему уваженіе. Почти всѣ повѣсти Кохановской могутъ быть прочтены даже теперь, благодаря удивительно искусному, образному разсказу и проникающему ихъ знанію и сочувствію народной жизни.

Самою громкою извѣстностью едва ли не изъ всѣхъ, писавшихъ у насъ женщинъ, пользовалась въ самомъ началѣ пятидесятихъ годовъ Евгенія Туръ (псевдонимъ графини Сальясъ де-Турнемиръ). Правда, она начала писать въ такое время, когда въ русской литературѣ царилъ застой, и критика, въ большинствѣ своихъ представителей, отбросивъ завѣты Бѣлинскаго, относилась къ литературнымъ произведеніямъ уже не съ той точки зрѣнія, какая установилась при немъ. Но и это не оправдываетъ того восторга, съ какимъ былъ встрѣченъ романъ „Племянница“, первая часть котораго появилась въ 1850 году, а весь романъ въ четырехъ частяхъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1851-мъ.

Отечественныя Записки признали его удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ романа. Въ немъ, по мнѣнію рецензента, заключена „серьезная мысль, нешуточное воззрѣніе на жизнь, опытъ, вдумчивость въ смыслъ ея разнообразныхъ явленій, характеровъ, положеній... отсутствіе безцвѣтности, безхарактерности содержанія... Не внѣшнія побужденія — говоритъ онъ — были

¹⁾ Сочиненія Ап. Григорьева. Т. I. С.-Пет. 1876 г.

²⁾ Современникъ, 1863 г. Т. XCVIII.

совѣтчиками автора; первый интересъ для него—въ отношеніи своихъ лицъ къ общечеловѣческому идеалу, въ ихъ судьбахъ какъ явленій нравственнаго міра. Туръ старается осмыслить каждое явленіе. Фояъ ея произведеній не мечтательный и не призрачный... въ ней извѣстная степень зрѣлости мысли, которая требуется отъ современнаго моралиста“. Въ заключеніе *Отечественныя Записки* признали романъ Евгеніи Туръ „однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ нашей литературѣ вообще, и въ отношеніи направленія, какое выбралъ авторъ“ ¹⁾, а его талантъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ литературѣ ²⁾.

Москвитянинъ назвалъ Евгенію Туръ „мыслящею и живочувствующею женскою натурою“, и прибавилъ: „лучшее качество этого таланта—способность мыслить и чувствовать по женски“ ³⁾.

Тургеневъ помѣстилъ въ *Современникъ* большую статью о „Племянницѣ“; но онъ отнесся къ роману строже и въ сущности низвелъ его съ той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ другими журналами. Признавая въ Евгеніи Туръ истинный талантъ, Тургеневъ причисляетъ его къ талантамъ субъективнымъ, болѣе или менѣе связаннымъ съ личностью писателя. Отсутствіе объективности въ талантѣ Туръ онъ объяснилъ тѣмъ, что она „женщина, русская женщина... а мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины—писалъ онъ—все это для насъ дорого, все это намъ близко... и это дорогое, это близкое, едва ли не въ первый разъ заговорило въ области искусства устами г-жи Туръ“ ⁴⁾.

Ставъ на такую точку зрѣнія, Тургеневъ цѣнитъ въ ея талантѣ „искренность, неподдѣльный жаръ чувства, какую-то стремительность убѣжденій и благородное мужество души“. Этими спеціально-женскими свойствами онъ извиняетъ и объясняетъ рѣшимость Туръ написать романъ въ четырехъ частяхъ.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ „Племянницы“, Тургеневъ открываетъ цѣлый рядъ недостатковъ: бѣдность или, лучше сказать, отсутствіе въ ней характеровъ, туманность описаній, къ которымъ авторъ прибѣгаетъ для разъясненія характеровъ своихъ героевъ, утомительныя длинноты, отзывающіяся риторикою, полу-восторженный, полу-поучительный тонъ по поводу всѣмъ извѣстныхъ истинъ, которыя она „какъ будто сама только что открыла“,

¹⁾ Отеч. Зап. 1852 г. Т. LXXXIX.

²⁾ Отеч. Зап. 1851 г. Т. LXXVII.

³⁾ Сочиненія Аполлона Григорьева. Т. I. С.-Пет. 1876.

⁴⁾ Современникъ 1852 г. № 1.—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Посмертное изданіе. С.-Пет. 1883 г. Т. I., стр. 358.

небрежный слогъ, болтливую, часто водянистую, рѣчь и общій всѣмъ тогдашнимъ писательницамъ недостатокъ—отсутствіе юмора и ироніи.

И по содержанію своихъ романовъ, за исключеніемъ первой повѣсти „Ошибка“, гдѣ личность героини надѣлена такими качествами, какими ранѣе авторы не надѣляли своихъ героинь, Евгенія Туръ принадлежала къ старой школѣ писателей; она описывала большой свѣтъ, свѣтское общество, откуда и брала, по преимуществу, своихъ героевъ и героинь. Ея міросозерцаніе, по словамъ критика *Москвитянина*, было не выше міросозерцанія графа Соллогуба, но у Туръ „большая претензія на серьезность“ ¹⁾.

Съ появленіемъ дальнѣйшихъ повѣстей Евгеніи Туръ, критика перестала восхищаться ими и въ 1854 году *Современникъ* уже находилъ, что у Туръ, какъ и у другихъ писательницъ, нѣтъ самостоятельности, что въ „Племянницѣ“ много повыдерганныхъ фразъ, нерусскихъ словъ, что проповѣдуя любовь къ простотѣ и ненависть къ экзальтаціи, она, какъ и другія, „чужда простоты и полна холодной, придуманной экзальтаціи“ ²⁾.

Евгенія Туръ, урожденная Сухово-Кобылина, получила въ домѣ своего отца хорошее образованіе; кромѣ иностранныхъ языковъ, которымъ ее обучала гувернантка, у ней были хорошіе учителя: русскую исторію преподавалъ ей профессоръ Морошкинъ, литературу—поэтъ и преподаватель въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ—Раичъ, физику—профессоръ Максимовичъ. Развитію ея таланта способствовала окружавшая ее съ дѣтства интеллигентная среда, такъ какъ въ домѣ ея отца собирались, въ тридцатыхъ годахъ, писатели и профессора московскаго университета ³⁾.

Почти въ одно время съ Евгеніею Туръ начала писать, извѣстная впослѣдствіи, подъ псевдонимомъ В. Крестовскаго, Н. Д. Хвоцинская. Въ первыхъ же ея произведеніяхъ критика признала образованный взглядъ на общество и людей, благородное направленіе мыслей и таланта, а въ числѣ недостатковъ указала на „идеальныя поползновенія и свѣтскія претензіи“ ⁴⁾.

Благородное направленіе, характеризующее всѣ произведенія

¹⁾ Москвитянинъ, 1853 г. Т. 2.

²⁾ Современникъ, 1854 г. Т. 43.

³⁾ Литературная дѣятельность графини Е. В. Сальясъ (Евгенія Туръ). Біографическій очеркъ Д. Языкова (Ист. В. 1892 г. май).

⁴⁾ Отеч. Зап. 1853 г. Т.Т. LXXXVIII и XCVIII—*Соврем.* 1854 г. Т. 31 и 1856 г. Т. 56.

Хвощинской, высказалось въ первыхъ же ея повѣстяхъ, между прочимъ и сочувствіемъ автора къ людямъ обиженнымъ, страдающимъ, забитымъ. Такая участь часто выпадала на долю женщинъ; ихъ преимущественно и выбирала Хвощинская героинями своихъ повѣстей, мастерски изображая жизнь такихъ женщинъ среди хорошо ей знакомыхъ провинціальныхъ нравовъ тогдашняго (30-хъ—50-хъ годовъ) общества. Но тепло и симпатично рисуя своихъ одинокихъ, заброшенныхъ героинь, она не задавалась вопросомъ о причинахъ ихъ печальнаго положенія и не искала для нихъ выхода изъ него.

Такой выходъ представлялся тогда, для всѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, одинъ—замужество или взаимная любовь. Но въ началѣ пятидесятихъ годовъ уже чувствовались, хотя слабо, вѣянія новыхъ требованій жизни, указывавшія и женщинамъ тотъ выходъ, который часто спасалъ мужчинъ отъ ихъ личныхъ несчастій, который, наполняя жизнь, даетъ содержаніе внутреннему міру человѣка, сообщаетъ ему силу въ перенесеніи личныхъ невзгодъ и нѣкоторую независимость отъ окружающихъ его внѣшнихъ условій, т.-е. трудъ, интересъ къ наукѣ, искусству, общественному дѣлу. Этому много способствуетъ образованіе.

Повидимому, Хвощинская это сознавала, но смутно и, какъ женщина своего времени, останавливалась на половинѣ пути. Въ первой ея повѣсти (*Анна Михайловна*), написанной въ 1850 году, героиня, по словамъ автора, много читала и, благодаря этому, была развитѣе окружавшаго ее общества. Позже, подъ вліяніемъ обнаружившагося во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ движенія идей, выдѣлявшіяся изъ общаго уровня своей среды героини повѣстей Хвощинской, читали „не только Жоржъ-Зандъ, но и Пельтана“, умѣли понять и передать дѣловой разговоръ, за что и подвергались насмѣшкамъ въ обществѣ и всякимъ непріятностямъ въ семьѣ. Но такое образованіе не спасало героинь, которыя, не почерпая въ немъ достаточно силъ, чтобы стать въ болѣе независимое положеніе отъ угнетавшей ихъ среды, уступали ей и погибали.

Хвощинская жила въ провинціи, въ средѣ, мало способствовавшей широкому умственному развитію; но она была умна, чутка и по развитію все-таки стояла выше всѣхъ своихъ предшественницъ въ литературѣ. Тѣмъ не менѣе, она не выдѣлялась изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, до шестидесятихъ годовъ, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ въ общемъ для всѣхъ женщинъ дѣлѣ.

Свою чуткость она обнаружила тѣмъ, что одна изъ первыхъ въ нашей литературѣ подмѣтила слабыя стороны новаго, появившагося въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, типа женщинъ съ претензіями на образованіе и развитіе. Тургеневъ первый изобразилъ такую женщину переходнаго времени въ лицѣ Заднѣпровской (*Два портрета*, 1853 г.), и, позднѣе, въ лицѣ Кукушиной; но онъ отнесся къ нимъ объективно. Хвощинская, можетъ быть не понявъ, что это явленія временныя, случайныя, стала изображать подобныхъ женщинъ сгущая краски, такъ, что можно было думать, будто въ этихъ каррикатурахъ на образованныхъ и развитыхъ женщинъ, съ ихъ смѣшными сторонами, ничего другого, кромѣ смѣшного и уродливаго, не было.

Имъ она противопоставляла деревенскихъ барышень съ „простымъ здравымъ смысломъ“, на сторонѣ которыхъ были всѣ ея симпатіи ¹⁾).

Своимъ образованіемъ (исключительно литературнымъ), Хвощинская обязана самой себѣ. Она сама выучилась иностраннымъ языкамъ (кромѣ французскаго, которому ее учила мать), въ томъ числѣ итальянскому, и ознакомилась съ литературою этихъ языковъ, а также русскою, путемъ чтенія всего, что ей попадалось подъ руку. Одно время она брала уроки и латинскаго языка у студента рязанской семинаріи, приготовлявшаго ее младшую сестру къ поступленію въ институтъ. Девятилѣтнею дѣвочкою она писала подъ диктовку отца дѣловыя бумаги и копировала для него планы. Начитавшись Вальтеръ-Скотта и французскихъ романовъ „только не Жоржъ-Занда и не Гюго, которые—разсказывала она—до насъ не достигали“ ²⁾), она, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, начала писать романы, тщательно скрывая это отъ всѣхъ.

Когда, въ 1847 году, были напечатаны въ *Литературной газетѣ* первыя ея стихотворенія и скрыть это отъ родителей было нельзя, то отецъ сочувственно отнесся къ литературнымъ занятіямъ дочери; но мать горько плакала и говорила: „дай Богъ, чтобы это у ней прошло!“

Провинціальное общество, въ нѣкоторой своей части, считало Хвощинскую помѣшанною за ея „литературныя наклонности, нерасположеніе къ выѣздамъ, внимательное отношеніе къ крестьянамъ, приходившимъ по дѣламъ къ отцу, и, наконецъ, нѣкото-

¹⁾ *Испытаніе* (1854 г.).—*Деревенская исторія* (1855 г.).

²⁾ *Н. Д. Хвощинская-Заіончковская* (В. Крестовскій псевдонимъ). В. И. Семева. (Р. Мысль, 1890 г., октябрь).

рые взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства, какъ, на примѣръ, несочувствіе крѣпостному праву“.

Основываясь на субъективности женскаго таланта, и рассматривая произведенія женщинъ не съ художественной или литературной точки зрѣнія, а исключительно съ цѣлью ознакомиться изъ этихъ произведеній съ стремленіями, идеалами, ходомъ ихъ развитія, отношеніемъ женщинъ къ собственному, близко ихъ затрогивавшему дѣлу, вообще съ міросозерцаніемъ авторовъ, можно придти къ заключенію, что за все время, отъ тридцатыхъ до половины пятидесятыхъ годовъ, женщины, сознавая тяжелыя условія своей жизни, не раздѣляли взгляда людей, видѣвшихъ въ поверхностности и недостаточности ихъ образованія одну изъ главныхъ причинъ ихъ положенія, или онѣ не рѣшались открыто примѣнуть къ такимъ людямъ. Какъ бы то ни было, но „голосъ русской женщины“, такъ радостно привѣтствованный Тургеневымъ при появленіи романа *Евгеніи Туръ*, не былъ слышенъ въ маленькомъ, но избранномъ, хорѣ голосовъ, требовавшемъ, столько же во имя самой женщины, сколько въ интересахъ общества и семьи, измѣненія и улучшенія женскаго образованія и воспитанія.

Въ этомъ можно, конечно, винить женщинъ; но трудно было и ожидать, чтобы въ дѣлѣ развитія русскаго общества онѣ стояли въ первыхъ его рядахъ, когда въ теченіе всего времени, вплоть до самой эпохи реформъ, женщины находились подъ давленіемъ тѣхъ же условій, которыя съ незапамятныхъ временъ ставили ихъ въ особый, замкнутый міръ. Туда и законы, и нравы, и общественное мнѣніе, и система образованія и воспитанія, не допускали ничего, способствующаго развитію мысли, ширинѣ взгляда, самостоятельности личности. Мимо нихъ прошло все философское, научное, и даже, казалось бы, долженствовавшее особенно интересоваться женщинами, педагогическое движеніе; однимъ словомъ все, что имѣло такое сильное вліяніе на развитіе лучшихъ представителей нашего общества въ сороковыхъ годахъ.

Въ окружавшей большинство женщинъ обстановкѣ не было ничего, что пробуждало бы въ нихъ умственные интересы. Мужчины почерпали любовь къ знанію въ общеніи съ просвѣщенными, русскими и западными, людьми, въ университетахъ, русскихъ и иностранныхъ; отсюда они выносили впечатлѣнія и знанія, которыми потомъ дѣлились въ товарищескихъ кружкахъ, гдѣ, разсуждая и споря, вырабатывали въ себѣ убѣжденія и взгляды, нерѣдко остававшіеся имъ на всю жизнь, и пріобрѣтали ту умственную зрѣлость, которая отвращала ихъ отъ пустыхъ занятій и мелочей свѣтской жизни.

Если немногія женщины, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, участвовали, или, лучше сказать, присутствовали при такихъ бесѣдахъ, и вообще вращались въ кружкахъ просвѣщенныхъ людей, то нравственное вліяніе этихъ бесѣдъ и людей не могло проникать все міросозерцаніе женщинъ, ибо онѣ не были подготовлены настолько, чтобы понимать и углубляться въ то, о чемъ кругомъ нихъ говорили. Полюбить же то знаніе, которое имъ давалось въ пансіонахъ и институтахъ, женщины не могли, а съ окончаніемъ курса въ 17 — 18 лѣтъ кончалось ихъ образованіе и начиналась дѣйствительная жизнь съ ея многочисленными ежедневными, крупными и мелкими, заботами, или съ ея гнетущей свѣтской пустотою. Тогда, за крайне рѣдкими исключеніями, у нихъ не находилось ни времени, ни желанія продолжать начатое образованіе, тѣмъ болѣе, что и приложить свои силы, свой трудъ, свои знанія, еслибы даже все это было въ наличности, женщинамъ было нѣкуда, ибо единственнымъ поприщемъ труда, открытымъ для женщинъ, оставалось и въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, профессія гувернантки или учительницы музыки.

Весь строй жизни, не позволявшій женщинамъ вообще, расширить кругъ своихъ наблюденій, оказывалъ, между прочими причинами, вліяніе и на женщинъ-писательницъ, среди которыхъ не нашлось настолько сильныхъ по развитію и по таланту, чтобы открыто выступить на защиту того, что онѣ должны были считать справедливымъ, и этимъ протестовать противъ господствовавшихъ въ обществѣ взглядовъ.

Все это объясняетъ почему накануне, можно сказать, дня, когда, въ ряду другихъ движеній, однимъ изъ первыхъ, охватило русское общество движеніе въ пользу измѣненія системы и улучшенія женскаго образованія и воспитанія, сами женщины не только не обнаруживали никакихъ къ этому стремленій, а даже оставались, повидимому, равнодушными къ такому движенію. Но застигнутыя врасплохъ, онѣ, однако, сразу примкнули къ нему и стали горячо высказываться за необходимость реформъ въ этомъ дѣлѣ; это показываетъ, что среди нихъ были элементы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не обнаруживавшіеся ранѣе наступленія болѣе благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ.

Что такіе элементы были, что начавшееся у насъ, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, движеніе идей, путемъ естественнаго ихъ развитія, привело къ сознанію необходимости измѣнить положеніе женщинъ въ обществѣ, улучшить ихъ образованіе и воспитаніе, что оно не заглохло и въ предшествовавшую крымской

войнѣ эпоху застоя, — на это указываютъ слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны основанной ею Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. „Полагаю, — сказала она Пирогову — что прибытіе сестеръ на театръ войны, — лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ, какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства“ ¹⁾).

¹⁾ *Н. С. Лѣсковъ*. Загробный свидѣтель за женщинъ. Наблюденія, опыты и замѣтки *Н. И. Пирогова*, изложенныя въ письмѣ къ баронессѣ *Э. О. Раденъ*. (Истор. В. 1886 г. ноябрь).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ОТЪ АВТОРА	I--II
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Поступленіе женскихъ учебныхъ заведеній подъ покровительство Императрицы Александры Ѳеодоровны. — Учрежденіе IV отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Вели- чества канцеляріи.—Завѣщаніе Императрицы Маріи.—Учрежденіе Маріинскаго знака отличія.—Измѣненіе порядка управленія жен- скими учебными заведеніями.—Увеличеніе числа ихъ.—Положеніе 1827 года.—Одесскій институтъ.—Пожертвованіе Курта. — Сирот- скіе институты. — Институты: кіевскій, тамбовскій, керченскій, астраханскій, владимірскій, казанскій, нижегородскій, саратов- скій.—Пожертвованія Брехова и Кушниковъ.—Женскія учебныя заведенія въ западномъ краѣ.—Генеральная Визитаторка высшихъ учебныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ.—Образцовыя пансіоны.— Институты: закавказскій, восточной Сибири, донской. — Первое женское учебное заведеніе въ Сибири. — Дѣвичьи училища: одес- ское, кіевское, оренбургское. — Тобольская школа. — Институты: могилевскій, орловскій. — Проектъ костромскаго „Романовскаго“ института. — Пожертвованіе ярославскаго дворянства. — Частныя преобразованія по отдѣльнымъ заведеніямъ.—Дома Трудолюбія.— Повышеніе должности начальницъ.—Комитетъ 1844 года.—Цѣль, поставленная государемъ женскому воспитанію.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Раздѣленіе заведеній на разряды.— Образцовыя кухни.—Введеніе гимнастики.—Учрежденіе главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. — Положеніе объ управ- леніи женскими учебными заведеніями.—Измѣненіе правилъ при- ема, публичныхъ испытаній и наградъ воспитанницамъ при вы- пускахъ. — Учрежденіе должности почетныхъ попечительницъ. — Общій уставъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Обозрѣніе учреждений съ 1828 по 1853 гг.— Число заведеній и учащихся. — Средства. — Пожертвованія. — Маріинскій институтъ	1—60

ГЛАВА ВТОРАЯ. Отношеніе Императрицы Александры Ѳеодо-
ровны къ воспитанницамъ. — Перемѣна сношеній ея съ институ-
тами.—Улучшеніе положенія должностныхъ лицъ женскаго пола.—

Прекращеніе переписки императрицы съ начальницами. — Донесенія начальницъ. — Собственноручныя резолюціи государя на докладахъ статсъ-секретарей. — Осмотры заведеній. — Отчеты Вонлярскаго, Лонгинова, Норова. — Предполагаемыя мѣры. — Образцовыя кухни. — Характеристика институтокъ. — Подчиненіе умственнаго воспитанія нравственному. — Мѣры поощренія и наказанія. — Власть начальницъ. — Столкновенія ихъ съ генераль-губернаторомъ и членами Совѣтовъ. — Мѣры главнаго Совѣта. — Инструкціи начальницамъ и класснымъ дамамъ. — Бытъ воспитанницъ. — Балы. — Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ. — Занятія хозяйствомъ. — Пища. — Повелѣніе государя относительно пищи воспитанницъ. — Измѣненіе распредѣленія дая въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. — Принцъ П. Г. Ольденбургскій

61—86

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Первыя мѣры Императрицы Александры Ѳеодоровны по учебной части женскихъ заведеній. — Сокращеніе курса. — Дарованіе правъ воспитанницамъ на полученіе званія домашней учительницы. — Положеніе 1834 года. — Учебный комитетъ при IV отдѣленіи. — Инспектора и учителя женскихъ заведеній. — Ешевскій, Шульгинъ, Бунге, Гоголь. — Отношеніе Гоголя къ своимъ занятіямъ въ патріотическомъ институтѣ. — Правила для испытанія учителей по министерству народнаго просвѣщенія. — Отступленія отъ нихъ для учителей вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. — Плата учителямъ. — Знанія воспитанницъ. — Отчеты Вонлярскаго и замѣчанія на нихъ императора Николая. — Сочиненія воспитанницъ. — Особенности учебнаго курса Маріинскаго института. — Записка князя В. Ѳ. Одоевскаго. — Власть начальницъ по учебной части институтовъ. — Свидѣтельства бывшихъ воспитанницъ о преподаваніи въ институтахъ. — Новые учебные планы. — Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ. — Учебныя руководства и пособія. — Спеціальныя классы при Александровскихъ училищахъ. — Преобразование курса сиротскихъ институтовъ. — Музыкальныя классы. — „Наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній“. — Примѣненіе къ нему программъ этихъ заведеній

87—146

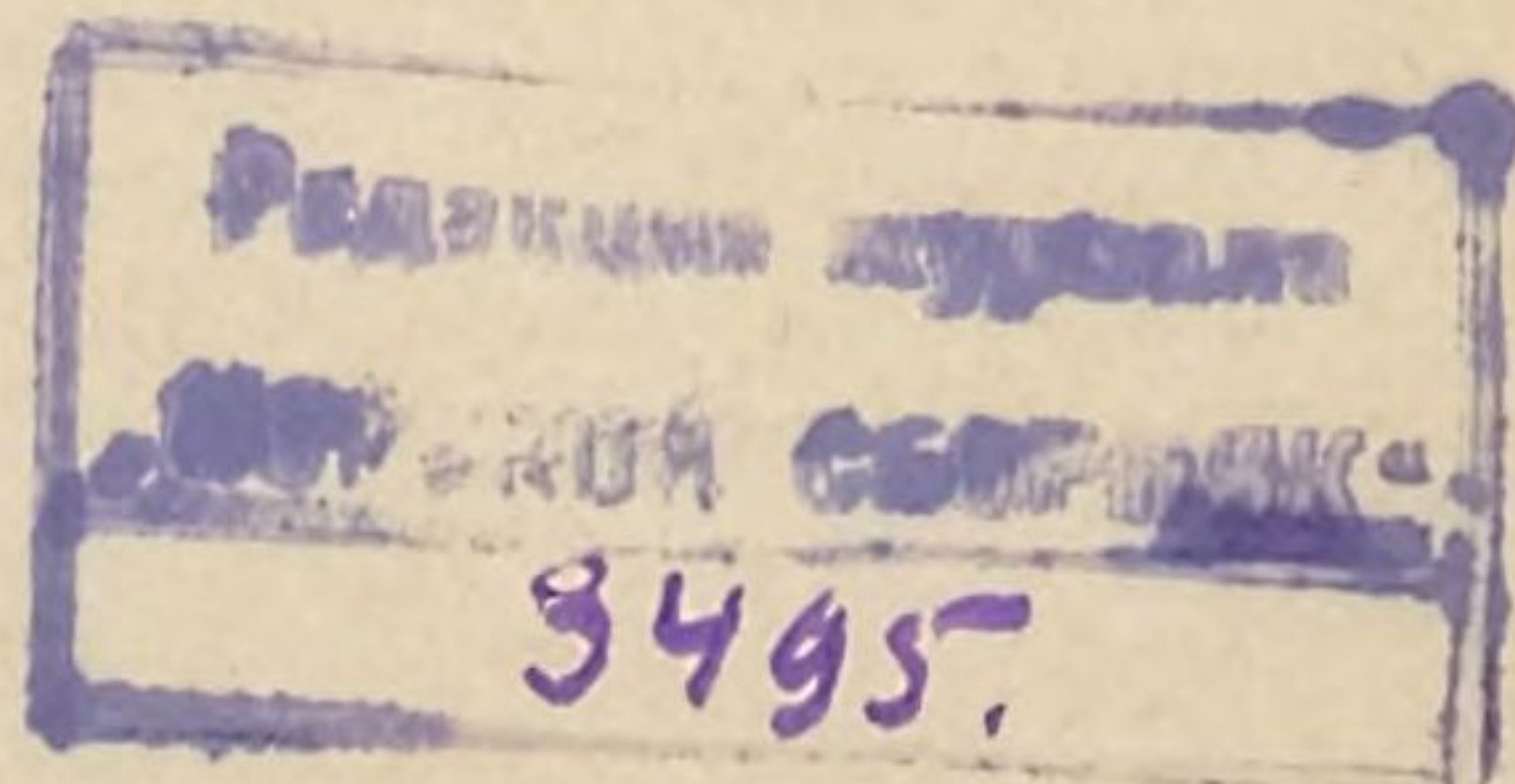
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Женскія духовныя училища. — Епархіальныя училища. — Училища для спеціальнаго образованія женщинъ. — Община сестеръ милосердія. — Дѣтскіе пріюты. — Кавказскія училища. — Училища при церкахъ иностранныхъ исповѣданій. — Архангельское женское училище. — Число учащихся женщинъ. — Проектъ высшаго женскаго училища для приходящихъ. — Начальное народное образованіе. — Женскія, отдѣльныя отъ приходскихъ, училища. — Плата въ женскихъ училищахъ. — Учащіяся въ городскихъ приходскихъ училищахъ дѣвочки. — Сельскія приходскія женскія училища. — Временное увеличеніе числа учащихся въ нихъ дѣвочекъ. — Московское Общество сельскихъ хозяевъ. — Женская крестьянская школа Стремоухова. — Проектъ непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, о женскихъ кре-

стьянскихъ школахъ.—Его книга: *о всенародномъ распространѣніи грамотности въ Россіи*. — Открытіе женскихъ крестьянскихъ школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, удѣльныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ частныхъ лицъ. — Письма и отзывы на брошюру Маслова.—Заботы объ эстетическомъ образованіи крестьянокъ.—Отношеніе къ проекту Маслова нашихъ журналовъ.—Число учащихся дѣвочекъ въ сельскихъ училищахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.—Приготовление наставницъ въ женскія крестьянскія школы.—Частныя школы грамотности.—Число учащихся въ женскихъ частныхъ пансіонахъ и школахъ. — Положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. — Рѣчь профессора Фишера по поводу Положенія о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницъ.—Число учительницъ, учителей и наставниковъ.—Частныя женскіе пансіоны.—Училище принцессы Терезіи Ольденбургской. — Частныя женскіе пансіоны въ западномъ краѣ. — Число женскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ 1834 году.—Число ихъ въ 1856 году.

147—216

ГЛАВА ПЯТАЯ. Отношеніе общества къ институтскому образованію. — Отношеніе къ нему самихъ институтокъ. — Отношеніе къ нему литературы.—Отношеніе общества къ женскому образованію вообще. — Отношеніе къ нему литературы. — Ея требованія относительно образованія женщинъ. — Особые курсы наукъ для женщинъ. — Движеніе идей въ пользу улучшенія женскаго образованія. — Отношеніе женщинъ къ вопросу. — Новые женскіе типы въ литературѣ. — Образование женщинъ въ различныхъ слояхъ общества въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Отношеніе писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Отношеніе литературы къ женщинамъ-писательницамъ. — Положеніе ихъ въ обществѣ. — Отношеніе литературы къ женскимъ литературнымъ произведеніямъ.—Женщины-писательницы до-гоголевскаго періода. — Измѣнившіяся въ концѣ 40-хъ годовъ требованія критики отъ литературныхъ произведеній. — Удовлетворяли ли имъ женщины-писательницы 40-хъ и начала 50-хъ годовъ? — Характеръ ихъ литературныхъ произведеній.—Отношеніе этихъ писательницъ къ вопросу о женскомъ образованіи.—Причины пассивнаго отношенія женщинъ къ нему.—Условія ихъ жизни въ половинѣ 50-хъ годовъ.—Ихъ роль въ движеніи на пользу женскаго образованія. — Слова великой княгини Елены Павловны при отправленіи на театръ крымской войны отряда сестеръ милосердія.

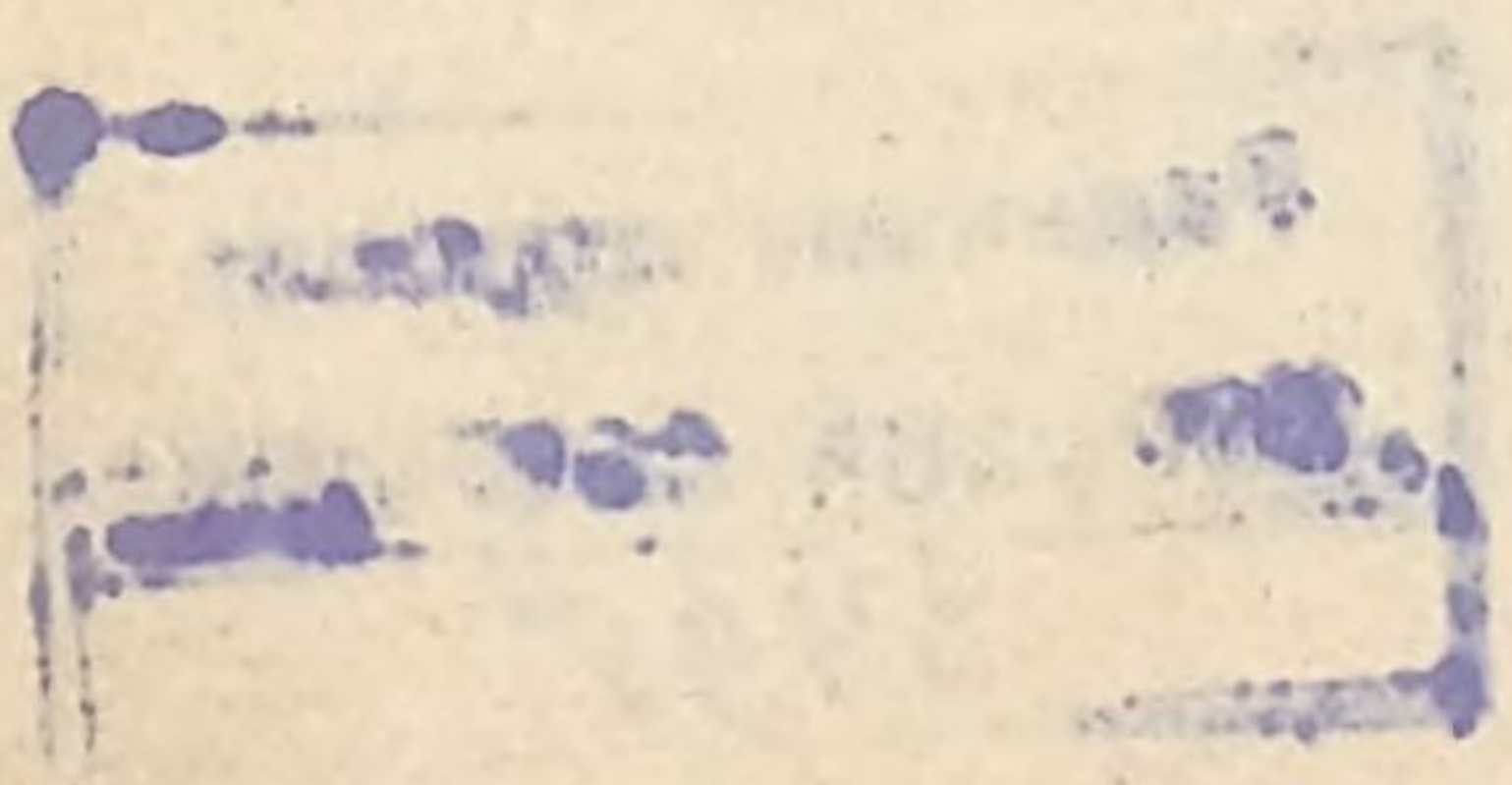
217—267

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through from the reverse side of the page.

Handwritten text, mostly illegible due to fading and bleed-through from the reverse side of the page.

Bayreuther
Städtisches
Museum

Lichaceva, Elena

Materialy dlja istorii ženskago obrazovanija v Rossii

Bd.: 3

s.-Peterburg 1895

4 H.g.hum. 45 o-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11487069-1